

ЕКАТЕРИНА
САПУНKOBA

НЕВЕСТА
БЕЗ МЕСТА

Annotation

И не думала, не гадала княженка Велья, младшая дочь князя Велеслава, что давно она просватана по неосторожности батюшкиной в дальние земли, в проклятый род. И придется ей уехать навстречу неведомой судьбе, через леса дремучие на чужбину, в город Карияр, чтобы стать там женой одного из четырех княжичей. И все они вроде хороши, а не лучше того незнакомца, кому уже отдала она свое сердце темной купальской ночью. И верно ли, что настоящая любовь сильнее любых невзгод?..

- [Наталья Сапункова](#)

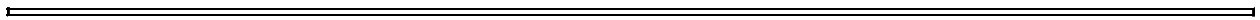
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)

- [ГЛАВА 26](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

Наталья Сапункова
НЕВЕСТА БЕЗ МЕСТА

ГЛАВА 1

Сваты из Карияра

Широкие ворота княжьего двора были по позднему времени затворены, так что Велька сразу свернула к неприметной задней калитке, которая всегда открывалась приветливо, без скрипа, и впускала, какой бы ни был час. Но только своих. Надо еще нажать неприметный рычажок, и запор поднимется, и можно войти.

Калитка открылась, и девушка скользнула внутрь. Откуда-то издалека доносились голоса, а тут — тихо, темно. Цепной пес-сторож коротко пролаял и умолк — узнал. Лошади у конюшни привязаны, вроде чужие. Ну, мало ли, приехал кто!

С некоторым раскаянием Велька вспомнила, что отец, князь Велеслав Судиярыч, весьма строго велел ей сидеть в Сини, на бабкином подворье, и все платье цветное у нее загодя нянька забрала. Да только когда Вельку такие мелочи смущали? Она же не Чаяна, которая, не раздевшись, и в окошко носа не покажет. Та-то настоящая княжна, а Велька вроде и нет, даром что тоже князя отцом зовет. Вот и теперь приехала в город с попутным обозом, да еще и одна — видано ли дело! Узнает батюшка — разгневается...

Сердит на нее батюшка-князь, наказал, отправил с глаз долой, а за что — и непонятно толком. Ему, значит, без дела гневаться, а ей в глуши скучать! Впрочем, она ведь не за весельем сюда вернулась, а по делу важному.

Из конюшни высунулся конюх, дядька Грын, поглядел туда-сюда, щурясь, заметил светлую Велькину фигуру:

— Кто тут? Эй!

— Да я, дядька, я...

— Княженка, что ли?! Да откуда ж ты взялась-то, в такой час? А лошадь куда дела?

В конце зимы сам князь подарил младшей дочери дивно красивую золотисто-гнедую кобылу Званку, как раз на пятинадцатилетие, Велька с тех пор только на ней и ездила. Чаяна получила такой подарок двумя годами раньше, только ее лошадка была серой в яблоках.

— В веси [\[1\]](#) осталась, — пояснила девушка. — Я ненадолго сюда, мне б только на ярмарке побывать.

— Пешком шла?! — поразился недогадливый конюх.

— Какой пешком, с обозом проходящим. А кто у нас тут? — она показала на чужих лошадей, имея в виду, понятно, их хозяев.

— Так сваты. За княжной, сестрицей твоей.

— Сестру сватают? — ахнула Велька. — И кто же?

Новость была, конечно, знатная. Только ведь, раз такое дело, тем более ей надо дома быть!

— Так из Лесного Края, — пояснил дядька Грын. — Ты бы, княженка, в палатах и поспрашивала, там лучше ответят. Только в заднюю дверь иди.

— Знаю, — буркнула Велька и направилась было к дому, но вдруг остановилась, ойкнув: путь ей преградила незнакомая, внушительных размеров лохматая псина, выступившая откуда-то из тени.

Ну и псина — чудовище! Луна светила ярко, позволила сполна разглядеть и испугаться.

— Это что еще?! — в сердцах воскликнула девушка, пятясь. — Чья такая?

— Так их... гостей, — конюх подошел, потрясая палкой. — Кобель этот, вишь, какой, и медведя небось завалит. Глазищами вон как сверкает. Разводят таких, вишь, в том Лесном Краю.

Никогда не виданный пес глухо зарычал, отчего Вельке стало не по себе. И впрямь, место темное, уединенное, такой зверь с ними двумя управится и не моргнет, чего его палкой дразнить? Злить только.

— Батюшке твоему, князю, уж как понравился зверюга, — сообщил Грын, — может, ему и подарят?

— Вот этого не хватало, — дернула плечом Велька, — страх какой. Обойти, что ли? По задам, за конюшнями.

И только она собралась исполнить задуманное, как пес, тихо рыкнув напоследок, развернулся и побежал прочь.

— Вот умница, — вздохнула девушка. — Хороший. Понял все, — и побежала к дому, избегая смотреть по сторонам.

Задняя дверь впустила ее, не скрипнув, дальше — ступени вниз и короткий коридор, и вот она, кухня. Тихо там было и пусто, как и ожидалось. Это если бы пировал князь-батюшка, гостей угощал, то в кухне и по сей час дым бы стоял коромыслом, да сегодня нельзя пиры на всю ночь закатывать. Купала^[2] завтра, большой праздник и бессонная ночь, сегодня людям выспаться надобно. И холопа^[3] последнего самый строгий хозяин в эту ночь работать не заставит, чтобы богов и чуров не гневить. Ну да пока еще час не самый поздний...

Велька только хотела взвару^[4] себе налить, а пироги свежие всегда найдутся — когда это у них в кухне пирогов не бывало? Конечно, можно подняться к себе в светелку, да первую же чернавку кликнуть, да сказать только — и всего принесут, но ведь и матушке-княгине тут же доложат, и батюшка-князь сразу прознает, что опять его ослушалась нравная младшая дочка. Может, он и так узнает, завтра, когда Велька с делами управится. Так-то ладно, пускай. Тогда можно.

Взвар сегодня варили ягодный, с толикой прошлогодних сушеных яблок, а пироги под льняной холстиной нашлись с мясом и тоже с ягодами. Девушка отхватила себе немалый кус того, что с мясом, — проголодалась за день. А что за ворчание в дверях?

Она обернулась — снова тот пес! Смотрит на нее, облизнулся даже. Ну, нахал!

Страшный с виду, так и что с того? Глаза вон умные какие...

— Пирога хочешь? — спросила Велька. — Вкусный! погоди, сейчас погляжу, может, и костей тебе найду.

И точно, в большом горшке в печи томилось мясо. Она без раздумий подцепила приличного размера кусок, скорее это было мясо с костью, чем кость с мясом. Примостила мясо на кусок пирога, кивнула псу:

— Пошли, лохматый, угощу на славу. А то еще увидят тебя тут, не обрадуются, вот помяни мое слово.

За такое самоуправство — мясо из горшка таскать — кухарка бы рассердилась, ну да ладно. Все же неплохо быть княжьей дочкой.

Пес, умница такой, послушно пошел следом за Велькой, а когда она присела на крылечко, лег в ногах. Пирог осторожно взял прямо из рук, а мясо она остереглась сразу давать, подождала, пока остынет, — нельзя ведь собакам горячее.

— Ну надо же, ты такой страх лохматый, а я тебя совсем не боюсь, — сообщила она псу, поглаживая его по загривку.

И правда не боялась, хоть руку в пасть засунуть — не укусит, видно же, что ученый, умный.

— Будем дружить? — забавляясь, спросила Велька, и пес в ответ тихо рыкнул, словно согласился.

— Вот и договорились! — обрадовалась она, потрепала зверя по лохматой шее. — А ты чей, интересно мне? Это не твой хозяин мою сестру Чаяну сватать приехал? А кто же он? Эх, жалко, песик, говорить не умеешь. Ладно уж, и без тебя узнаю. А батюшка-князь мне отчего-то не велел дома быть. Ну ладно, не велел, и не буду, схожу завтра с утра на ярмарку и уеду, что я тут не видала? Правда, Купала завтра, так что я бы и осталась, — она

грустно вздохнула. — Может, и позволят, как считаешь?

Пес опять заворчал, как показалось, недовольно. Но это было Велькиным чувствам созвучно, так что она опять принялась его гладить. Зверю ласка явно нравилась.

И верно ведь, Веля даже не поняла, в чем виновата, а ее, как есть, прогнали из Верилога под самый праздник. Просто батюшка был не в духе. Но чтобы меньшей княжны не было в купальском хороводе? Нельзя ведь так! И хоть в Сини-веси тоже будут и костры жечь, и хороводы водить, ведь это не сравнить с вериложским гуляньем! Или у княгини попросить заступы? Она может помочь. Хоть княгиня Вельке не мать, и вовсе ее, падчерицу, не любит и любить не станет, но она не злая и зря не обижает. Или все же поговорить с отцом?..

Пес тем временем как ни в чем не бывало положил голову Вельке на колени, та возражать не стала. Удивлялась только — надо же, не пес прямо, а телок ласковый.

— Смешной ты, — пропела она, теребя вислые песьи уши, — может, и мухи не обидишь? Нападет на нас тать, кто кого защищать станет, ты меня или я тебя?

Пес тут же поднял голову и недовольно рявкнул — совершенно точно обиделся.

— Ладно, ладно, прости! Умный ты, вижу, все понимаешь, — рассмеялась Веля, легонько оттолкнула от себя собаку и встала, отряхнув понева^[5] от приставших крошек. — Иди к хозяину. А мы — друзья, да? Договорились? Значит, еще свидимся.

А пес вдруг насторожился, повернув голову, словно прислушивался. И верно, с той стороны из-за угла вывернул рослый молодец, остановился, приглядываясь к ним, и воскликнул:

— Ах ты, тать лохматый, обыскался я тебя!

Пес в ответ заворчал тихонько, но как-то неласково. А пришедший парень рассмеялся и мирно предложил:

— Ладно тебе. Пойдем уже, а?

Тут он обратил наконец внимание и на девушку, подошел ближе, сразу позабыв про собаку, и разглядывал теперь только ее.

— Ишь какая! — хмыкнул он, протягивая руку, словно девушку не рассмотреть было, не потрогав. — Челядинка здешняя, да? Где же была, что я пока тебя не замечал?

Веля отступила на шаг, а на языке у нее уже завертелась колкость насчет того, сколько челядинок тут уже разглядел гость дорогой. Вдруг пес рявкнул так, что у нее невольно спина похолодела. Парень руку убрал и

улыбнулся.

— Да не огрызайся, Волкобой. Мы тебя обыскались, а ты тут за девками ухлестываешь — кто же знал?

Пес опять недовольно заворчал, похоже, к новой знакомице он относился благодушней, чем к парню. Пользуясь этим, Велька погладила зверя по голове, а сама пока рассматривала парня. Тот был симпатичный, даже, прямо скажем, красивый, с правильными чертами лица, рослый, широкоплечий. И одет богато — в шелковую рубаху, широкий пояс поверх с блестящими бляхами. И гривна поверх рубахи. Боярин? Кто-то из жениховой свиты? Вот еще не хватало...

Но кругом была душистая, теплая летняя ночь, и парень, кто бы он ни был, ближе не подойдет — пес не пустит, и вообще, они, должно быть, и вовсе больше не увидятся никогда. И она позволила себе небольшое баловство — поболтать. Рассмеялась, продолжая гладить пса, и поинтересовалась:

— Он, гляжу, девок любит, да?

— Как тут возразишь? — весело поддержал незнакомец. — Давно замечаю, что их он любит страсть как!

— И зовут его Волкобой? Много он волков побил?

— Да как сказать. Волки его, красотка, опасаются, близко не подходят. Так что он, может, и побил бы, да поди их еще поймай! Ты проводила бы нас, милая, до гостевого терема, видишь, не идет он что-то ко мне, не хочет. Уважь, помоги, а я князю тебя похвалю, хочешь?

— Не хочу! — Веля даже немного испугалась такого предложения. — Не говори вовсе про меня князю, очень прошу! Волкобой, вижу, не твой. А чей же?

— Да он больше боярина нашего, Миряты Веденича. А вообще, так и не скажешь чей. Поможешь?

— Помогу, — Веля хотела уже взяться за широкий кожаный ошейник, но внезапно передумала и лишь похлопала пса по лохматой спине, — пошли, хороший, видишь, ждут тебя. Пошли? — и пес, опять зачем-то ворча, двинулся чуть впереди нее, без понуканий зная, куда идти.

— Ой, какой он замечательный! — не удержалась, шепнула Велька спутнику.

Тот шел рядом, улыбался, не без удовольствия поглядывал на девушку.

— А ты ничего, — сказал он тихонько, почти шепотом, — княжна ваша, конечно, диво, да только она такая, чтодохнуть в ее сторону страшно. А ты, вон... теплая, красивая, как само солнышко. Видишь, и в потемках мимо не пройдешь! Может, с княжной твоей и тебя отпустят на

нашу сторону? Меня Ириной зовут, а тебя как?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — буркнула Велька. — Не сердись, боярин, не надо тебе со мной знакомиться, потому как вряд ли еще свидимся. Здравствовать тебе, вон уже гостевой терем, а мне дальше, — и она резво побежала вдоль стены, увернувшись от парня, который ринулся было ее задержать.

Да где ему! К тому же собака прямо под ногами оказалась, помешала.

— Ну гляди, белка прыткая, завтра на Купале попадешься мне! — крикнул он вслед.

А пес гавкнул, негромко, но внушительно и словно как-то одобрительно. И Вельке показалось, что это он с ней так попрощался.

Она заскочила в тесные задние сенцы, дверь прикрыла и еще засов задвинула. Ну, вот и хорошо. Завтра боярин Ириной про нее и не вспомнит. Как будто у него тут других дел нету. На Купале поймает — как же! Ловили уже всякие, да что-то никто пока не похвалялся, что поймал.

В сенцах на лежанке уже посапывали две девки-челядинки, одна пошевелилась, сонно взглянула на княжью дочку, пробормотала:

— Княженка, ты? Надобно чего?

— Тихо ты, спи себе, нет меня тут, — шикнула на нее Велька.

Она живо пробежала коридором, поднялась по лесенке наверх, в горницы. Толкнула сестрину дверь.

Княжна Чаяна сидела на лежанке в одной рубахе, задумчиво перебирала снятые янтарные бусы, глядя куда-то в темный угол. Веля на всякий случай тоже туда глянула — как есть пусто. Хотя свечи оплывшие так мигают, что и почудиться может всякое.

— Чаяна, сестричка, — тихонько окликнула она, неловко улыбнувшись, — что ты? Почему такая? Неужели жених нехорош?

— Ты? — Чаяна вздрогнула, подняла голову. — Ох, Велюшка, — она быстро встала, уронив бусы, шагнула к ней, порывисто обняла, всхлипнула, — хоть в омут мне, Велюшка милая. А деваться некуда.

— Да ты что? — ужаснулась Велька. — Какой омут, опомнись! Он, жених, урод хромой и старый, что ли? Или чем не люб? И отдают тебя? Не верится...

— Глупая ты, — Чаяна усмехнулась, — княжон отдают не за того, кто люб, а за кого надобно. Я готова была. Но не за проклятого же!

— Чего? — озадачилась Велька.

— Что, про проклятых князей не слышала? Из Карияра? — Чаяна отстранилась, ладонями вытерла слезы. — Да, тех самых. Вот туда меня и заберут. В проклятый род, Веля. Им никто невест не дает, вот добыли меня,

силой да обманом. Отец отказать не может!

Веля затрясла головой, не в силах сразу в такое вникнуть.

— Так не старый и не урод, значит? Ой, а нянька говорила, что проклятые князья из Карияра с рогами все! — Она в сердцах стукнула себя по губам. — Да это вранье, поди!

— Вранье, — Чаяна не удержалась, улыбнулась, — тут четверо княжичей, и все без рогов. Они без шапок ходят, так что это видно. И не уроды вовсе.

— Четверо? А жених-то как тебе?

— Да не знаю я, в том-то и дело! Кто-то из четверых, который старший у них! Говорят, это я потом узнаю, в Карияре уже. У них-де обычай такой! Каково?! — Чаяна подняла упавшие бусы, неловко дернула, и вся нить янтарным градом осыпалась на пол.

Сестра ахнула, всплеснула руками, кинулась было подбирать, но вместо этого, упав на колени перед лежанкой, разразилась горькими рыданиями.

— Чаянка, ну ты чего? — кинулась к ней Велька, крепко обняла, стала гладить вздрагивающие плечи. — Раз не видно проклятье, может, оно и пустяковое какое? Или вовсе его не хочешь — не заметишь? Может, оно в том, что жених твой чихает на вечерней заре, как кузнец Ненеля, после того как его ягушка зачаровала? А? А ты убиваешься. Сама же говоришь, что все парни красивые, вот и ладно, чего лучше!

Не то чтобы она так думала. Для нее самой смотреть на четверых женихов и не знать, за кого из них придется замуж идти, причем подневольно, — да ну к кикиморам такую неизвестность!

Чаяна задышала спокойнее, вытерла зареванное лицо рукавом рубахи.

— Ох, дуреха ты, Велька, — сказала она, — им же в наказание проклятье досталось, и говорят, что оно страшное, а ты — чихать на заре! Нашла с чем сравнить. Оно от старшего к старшему передается, и три раза по семь поколений его нести будут. И мой первенец, значит, тоже. Злое проклятье, это точно известно! А какое, они скрывают, никто не знает, кроме самых близких. И невесты их не знают ничего, пока женами не станут!

— Злое, да неизвестно какое. Вот и нечего зазря тужить, еще и заране! — проворчала Велька, принявшись собирать в ладонь янтарные бусины. — Небось княгини у них, у кариярских князей, живут не тужат! — продолжала она горячо и уверенно. — Это если бы было такое проклятье, чтоб у их князя каждая жена первыми родами помирала, тогда да, есть о чем поплакать! И невест им не давать само собой! А так — чего? Пусть они

там, князья карьерские, со своим проклятьем сами справляются! Жениться им это проклятье, видно, не мешает!

Следовало ведь сестру утешить, хоть перво-наперво. А там и видно будет. Конечно, не с каждым проклятым хорошо ужиться можно, бабка вот, волхва Аленья, такое рассказывала, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Да хотя бы про одного витязя княжеского рода, который от двенадцати лет каждую ночь в чудовище жуткое превращался, а как оженили его, все жену молодую покусать норовил. Днем-то ходил молодцем, а чуть солнце закатится, и превращался в чудовище, на большой замок железный его только запирают. А все потому, что его матушка-княгиня волхву одну могучую сильно разозлила.

Уж как-то так устроено в мире, что больше всего зла волшебного князьям достается, простым людям куда как реже. И бабка говорила, что это правильно. Кому много дано, с того много и спрашивается. И княжеские дочери, даром что в шелках-аксамитах ходят, а понадобится князю откупиться от зла какого для государства или мир скрепить — на это дочери и есть. У княжны не спрашивают, кто ей мил, идет за кого надобно, а если отмерит ей счастья Матушка Макошь, так то ее особая милость. И жертва богам если нужна, то и на это княжеская дочка сгодится лучше прочих, потому как цена ей дороже, чем любой другой девке. Велька, правда, что-то не припоминала, чтобы княжон на самом деле богам жертвовали, так, всерьез, не по-праздничному, а чтобы жизни лишить — видно, то совсем уж в стародавние времена случалось. Но бабка любила внуку поугарать, про всякие страсти рассказывала частенько, когда долгими вечерами у огня поговорить садились. Однако отдала же она дочку свою Заринью, Велину матушку, князю в меньшицы, и вено^[6] взяла, все чин-чином. А жить зато на княжий двор не пустила, и батюшка Велеслав Судиярыч с тем согласился...

Чаяна сестру слушала, задумчиво мотая на палец кончик косы.

— Ты так считаешь? — обронила она со вздохом. — Может, и впрямь. А не пойдешь ли на мое место? Все приданое отдала бы, все что захочешь.

— Разве меня звали? — со смешком уточнила Веля. — Сама знаешь, нас рядом поставь да вели выбирать — мне и твое приданое не поможет!

— Дуреха ты, — так же задумчиво покачала головой Чаяна, и улыбка на ее губах мелькнула горькая, — кто из нас станет выбирать, тому не я и не ты, а приданое мое и надобно! Ну и звание княжеское, а ты чем не княжна?

— Крови высокой, что ты от матушки получила, мне не перельешь вместе с твоим приданым, — заметила Веля. — А она женихам твоим тоже

очень желательна. И меня здесь княжной не зовут, тебя только.

— Брось, — махнула рукой Чаяна, — не зовут, скажешь! Вот уеду я — поглядишь, единственной останешься, батюшка и женихов перебирать начнет, и будешь ты для всех желанней некуда. Это мне такая доля горемычная выпала, что родиться не успела, а уже в невесты к проклятым попала. Да-да, — закивала она, потому что Веля собралась уже удивиться и возразить, — тогда это и случилось. Не говорили нам, потому что батюшка все откупиться хотел от кариярцев, да те ни в какую. А вот ты, сестричка, на себя погляди-ка! — вдруг встrepенулась она, — что на тебе за отrepье? Хуже чернавки оделась, как будто тебе не во что! Хорошо, матушка с батюшкой не видят!

— Вот и ладно, — рассмеялась Веля, поднимаясь с колен и высыпая из ладони на сестрино одеяло янтарные бусины, — раз ты мой наряд заметила и ругаешься, значит, полегчало тебе, больше не грустишь, сестрица милая!

И тут как раз дверь тихонько открылась, и матушка-княгиня Дарица Стояновна шагнула в горенку. Она слышала часть разговора и не могла не признать, что падчерица говорила правильные вещи.

Княгиня поглядела на встrepенувшихся девушек, усмехнулась чему-то своему, вслух сказала другое:

— Хороши же вы обе. Одна в слезах и соплях, другая и впрямь чернавка чернавкой. Ладно-ладно, Велья, знаю, что тебе так и велено. А тебе, Чаяна, плакать полагается, с девичьей жизнью прощаться. Все, получается, правильно, все так и надо, дочери князя вериложского! — и даже не понять было, сердится ли княгиня-матушка.

Она пришла сюда посидеть со своей дочкой, приголубить, сказать, чтобы не тужила зря да спать ложилась. А уж она, мать, постарается, очень постарается, распутает эту кудель, насколько можно ее распутать.

Ох, не многое теперь могла княгиня, вот как не могла вовсе отказать нежеланным сватам. Если бы при ней все решалось, тогда все иначе было бы. Над дочками материнская власть всегда впереди отцовской, и всякий, кто богов чтит, не перечил бы. Но что муж сладил, ей уже не разлаживать. Теперь кариярцам отказать нельзя, но и соглашаться ведь не на все можно!

Падчерицу княгиня не ожидала увидеть в дочкиной светелке и не обрадовалась ей. Просто потому, что та была сейчас как никогда чужой, посторонней их беде. Дочь другой жены, которую не увезут за темные леса, тут она останется отцу на радость, в то время как ее Чаяну, любимую и чаянную, умницу и красавицу, увезут. Беспокоило княгиню неизвестное проклятье. И избежать беды один способ есть, спасибо волхве, надоумила...

Княгиня села на лежанку, небрежно подвинув рукой в сторону кучку драгоценного янтаря, Чаяна тут же пристроилась у ее ног на низкой скамеечке, спросила, норовя заглянуть в глаза:

— Матушка! А когда ехать, решено уже?

— Как только, так и сразу, — уронила княгиня, ласково погладив дочь по гладким, как шелк, волосам, и посмотрела на падчерицу, — сядь, Велья, не стой. Раз уж ты тут... что поделаешь. Слово отцовское тебе не указ, значит, а жаль. Он о тебе печется, оттого и услал из города. А ты думала отчего?

Лицо Вельки, которая тут же пристроилась на кошке рядом с сестрой, осветилось любопытством, а вот раскаяния там была разве только малая толика.

Попалась княгине? Это ничего. Гневаться, сапогами топать, как отец, матушка не станет. С ней, при нужде, и договориться можно.

— Думала, да не придумала ничего, матушка, а что батюшка заботится, так знаю, конечно, — она опустила глаза, — мне только утром на ярмарке побывать, матушка. Привезти мне кое-что должен один купец, он тут уже, в городе, я узнала. Средство редкое, он бабке Аленье еще возил, надежный человек. Заберу, и с обозом обратно, вечером на месте буду.

— Куда — обратно? В Синь свою? В такую даль? А не успеешь добраться, будешь Купалу справлять незнамо где и с кем? Хорошо это разве? — княгиня со вздохом пригладила и растрепанные пряди падчерицы. — Ты княжеская дочь! Горе мое горькое. Как отпустили-то тебя, сбежала?

— Меня не стерегут, матушка. Так и при бабке было.

В порядке на Аленьиной болотной усадьбе княгиня и раньше не мешалась, и нынче вроде ни к чему.

— Даже не думай обратно ехать, — строго сказала она. — Здесь пойдешь на гулянье, как полагается. А пока приоденься, но сиди у себя, во двор и носа не высывай. Отцу твоему... потом скажем.

Да, лучше потом. Этим вечером князюшка не в духе был. Допоздна сидел с приехавшими боярами, медом хмельным их поил да о чем-то переговаривал, а о чем — кто ж знает...

— Матушка, мне на ярмарку надо, говорю же, — упрямо тряхнула головой Веля, — не выкуплю товар, больше у меня заказа не возьмут. Издалека ведь везли.

— Тебе бы о другом беспокоиться. Приданое себе шить. Может, и за тобой уже сваты едут, — скорее для порядка сказала княгиня, нахмутив свои красивые, ровными дугами черные брови. — А за товаром сходи, что

ж. Я велю, тебя проводят. Что за диво заказала?

Внучке старой Аленьи в том, что касалось ведовских дел, обычно не перечили. Да и зачем? Сильная волхва была бабка, и почитали ее крепко. И что внучку кое-чему научила — хорошо, умеющая лечить и заговаривать повсюду дорожке всякого золота ценится.

— Кору дерева одного, матушка, — с готовностью ответила Велька. — Далеко растет, за морем. И масло из него же.

— А для чего это надобно?

— Ничего лучше жар из ран не вытягивает. По бабкиному рецепту зелье варить буду. Пока сваты едут, глядишь, успею... — добавила, не удержалась, стрельнув лукавым взглядом.

— Доброе зелье, значит, — кивнула княгиня, улыбнувшись шутке, — зови купца сюда, здесь с ним и говори, казначей расплатится, может, и еще чего прикупит. Вот как Чаяна делает. И купцу честь, и тебе ни к чему самой по торговым рядам бродить. Лекарские умения — это хорошо.

— Да, матушка, — наклонила голову Веля, — я поняла.

И тут же подумала, что сестрица Чаяна и сама иной раз не прочь пройтись по веселой ярмарке, по рядам, с подружками-боярышнями, с мамками, с девками, с отцовскими кметями^[7] для охраны — как же иначе из ворот выпустить эту лебедь белую? Шум, гам, кто бежит поглазеть, кто прочь сломя голову. Лучше уж она сама, потихоньку.

Княгиня видела упрямо сжатые губы падчерицы и даже не усомнилась — по-своему девчонка сделает. Ну, боги с ней. Лишь бы без шума. И сразу, как кончится праздник, пусть отправляется на свои болота, от греха, пока сваты с Чаянкой не уедут. Нет, поменять их местами, как вот дочка в шутку предлагала, это счастье было бы, и никакого приданого не жаль. Только ведь невозможно это, не выйдет ничего! А еще и Вельку за так потерять нельзя, ею можно будет с толком распорядиться. Княжеская дочь, хоть и от меньшицы безродной. Дарица ведь не только матерью была, но и вериложской княгиней.

— Матушка, ты говоришь, отец меня бережет. А от чего? — спросила Велька.

Княгиня помедлила, обдумывая осторожный ответ. Сказала:

— Оттого бережет, что он когда-то кириярцам всех своих дочек пообещал. Сгоряча. Не хотел он, оговорился ненароком, да слово не воробей! Тогда ведь и Чаяна еще не родилась, хотя был знак, что дочку ждем. А о других дочках и не помышляли. Кариярцы, похоже, о тебе до сих пор не знают, вот пусть и дальше так будет. Зачем вам двоим в один род уходить? Не маленькие, понимать должны.

Девушки переглянулись. Для них как раз это было бы неплохо, если на чужбину, так вместе. Простых девок так и отдают, княжон — нет. Конечно, понимают они, не маленькие.

— Спать ложитесь, — княгиня тяжело поднялась, — утро вечера мудренее.

Она устала не меньше прочих за долгий и хлопотный день. Уже в дверях услышала, как Велька предложила Чаяне:

— С тобой остаться? А то еще снова плакать начнешь.

— Оставайся, — сразу согласилась та.

Вот и хорошо, вот и ладно. Хорошая девчонка родилась у князя от меньшицы с болота, разумная. Ее бы не страшно было отправлять за сорок лесов и за девять гор, и к тамошним волхвам огневым и ветряным, и к колдунам берендеевым с оборотневыми ведьмами вместе! Что с ней там сделается, с огневой волхвы внучкой! С тех пор как бабка ее пришла да поселилась в Сини на болотах, окрестные леса ни разу не горели, и земля под ними тоже, а земля там горячая как нигде. И руду болотную бабка поднимала. Со всей Сини ей подношения несли. Некоторые, говорили, на подходе к усадьбе кланяться начинали, как будто это богово капище. Захоти эта волхва для дочери высокой доли — неизвестно, хозяйничала бы еще княгиня Дарица Стояновна в своих вериложских княжеских хоромах. Так нет же, ничего такого старуха не захотела. Поклон ей за это.

Муж, князь Велеслав, ее, Дарицы, стена каменная, от всех невзгод! В нынешней беде он один и виноват. На большом пиру в честь победы над Степью, напившись медов, и мудрый человек способен глупостей натворить, а был ли таким уж мудрым князюшка в молодые свои годы, когда старшие сыновья пешком под стол ходили, а дочку Чаянку ожидали со дня на день? Сказаны были слова, и все их слышали! Что же теперь...

А сколько слез пролила Дарица, когда девочка эта, Велья, родилась. И еще раньше, как положил князь Велеслав глаз на красавицу с болота. Была Дарица княгиней, любимой и единственной, троих детей родила, а тут — другая! Кому не будет больно, обидно? Толку-то. Муж в своем праве. Можно быть разумной, высокомерной, холодной, бесстрастной — на людях, а от своей подушки как боль скрыть? Время прошло, притерпелась. И не привез князь в Верилог свою меньшицу и ее дочь, вот и хорошо. Глаза не видят, и на душе легче. А потом, когда умерли и меньшица, и ее мать-волхва, и Велья появилась в хоромах, княгиня Дарица приняла ее как дочь, своим платком ей плечи укрыла, материнские обязанности на ней теперь.

Велья... Имя-то какое, словно птичье. Чужое. По своему роду назвала волхва внучку, и отец-князь согласился. Мать, говорят, была красавицей.

Княгиня ее так и не увидела ни разу, хоть и любопытно было. Сдержалась. Побольше высокомерия, стужи в глазах — что ей неведомая девка с болота, с собой равнять? Будто мало их, что князю всегда улыбнуться готовы. Таких пусть хоть десятков, все равно княгиня — она одна.

Какая бы красавица ни была Аленьина дочь, Велье, видно, материной красы неопишущей не отсыпалось. Эта больше в отца пошла лицом, нянька старая твердит, что на бабушку свою, Велеславову матушку, сильно похожа. Что ж, личико милое, пожалуй, но и только. Волосы вот материны вроде бы, с рыжиной, не Чаянии янтарный шелк, а жестче и кольцами завиваются, распустит косу — как водопад буйный по спине, когда вода на камнях да порогах играет. Неплоха девка, если одеть как следует, тогда кому хочешь показать не стыдно.

Неплоха, да. Но с Чаяной ее не равнять. Дочка всем пошла в княгинину родню: ростом высокая, в талии тонкая, в бедрах пышная, лицом белая, брови тонкие, ровные, соболиной черноты, от длинных ресниц на щеках тень лежит, глаза цветом как грозовая туча, а лицо, должно быть, как у самой Лели Прекрасной^[8] — краше и представить-то трудно. Может, Леля и краше, да кто ее видал? Ходит княжна, как лебедушка плывет, а коса-то — загляденье, почти до колен, и цветом, как янтарь, в котором солнышко играет, или как первый летний мед, в такой косе что хрусталь, что жемчуг богатством не кажутся, и без них не хуже.

Слишком она хороша для карьерцев, те, наверное, в своих лесах такой красы до сих пор и не видали. А придется отдавать, ничего не поделаешь.

Перед смертью старая Аленья князя к себе позвала и просила непременно внушку замуж выдать, как только в пору войдет, причем в дальние земли не везти. Почему беспокоилась, спрашивается?

Князь, конечно, обещал. Тоже, стало быть, пора...

ГЛАВА 2

Волки

Утром Велька проснулась раньше Чаяны, но вовсе не рано. Не как дома, в Сини, где все вставали на рассвете. В отцовских хоромах были иные порядки, и Велька поначалу маялась, не зная, куда себя деть в самые первые часы, когда поднималась только челядь, когда на кухне начинали греметь посудой, топили печи, заводили хлеб и ставили в угольный жар утреннюю кашу, доили коров на скотном дворе. Тенью скользила по клетям, отдавая скупые распоряжения, княгинина ключница...

Это все дела не господские, господам вставать — только мешать. Приходилось браться за прялку, такая работа всегда выручала.

Чаяна спала, чему-то улыбалась. Перед сном они болтали, о своем, о девичьем, отвлеклись от тревог, и спалось обоим сладко, снов дурных про страшных проклятых женихов не снилось. И это правильно, ведь завтра Купала, такой день, когда о чем другом и думать не хочется, только о купальских кострах, о том, как покатится с косогора в реку огненное колесо, как они, девки, разбегутся по лесу в белых русальих рубахах — догони-ка! У Чаяны это последняя ее девичья Купала, последняя русалья рубаха...

Велька выскользнула из-под легкого одеяла, сладко потянулась, принялась переплетать косу. Горничные сюда уже спозаранку наведались, разложили наряды, отдельно для нее, отдельно для старшей княжны. Обоим — тонкие, беленые нижние сорочки, расшитые обережными узорами, целиком шелковые верхицы цвета жирных сливок с широким, шелковым с золотым шитьем по подолу, одинаковые поневы из желто-коричневого шелка с девичьей каймой, ярко-красные шелковые пояски. Богатые наряды, княжеские, для Чаяны чуть богаче. И шкатулку ей принесли, вот стоит, на столе у изголовья, с драгоценными украшениями. Не с теми, что она всегда носит, что-то особенное, должно быть. И это правильно, она же невеста, ей с гостями за столом сидеть, а Вельку позовут ли за столы вообще — пока непонятно. Нет, в другое время и она бы там сидела, с сестрой и боярынями, слева от княгини Дарицы, но сегодня ей вроде велено носа из горниц не высовывать. И отец пока не знает, что она тут. И лучше бы вовсе не узнал. Ну да ладно, там видно будет.

Между тем медлить не следовало. С утра пораньше проще ускользнуть

со двора и вернуться проще, нежели когда все окончательно пробудятся. А купец, конечно, ждет ее уже. День сегодня особый, ярмарка лишь до полудня. Купала — праздник ночной, но обряды его начинаются после полудня, когда покатится вниз батюшка-солнышко.

Из сестриной горницы Велька ушла, одетая по-вчерашнему, в простую одежду. Перебежала нелюдный пока двор — никто даже вслед не посмотрел. Выскользнула в ту же калитку за конюшнями и дальше пошла чинно, не спеша. До торга идти было недолго.

Вокруг палатки ливского купца пахло пряно и остро. Покупатели тут не толпились. Не понимал здешний народ прелести иноземных пахучих травок, да еще и за серебро-золото, когда свои растут в изобилии, рви не хочу. Но, само собой, не в убыток себе купчина ездил в такую даль, раскупали его товар, не спеша, малой меркой, да за немалые денежки. А был еще у него такой товар, что не всякому и предлагался.

Вельке ливец улыбнулся приветливо, закивал, махнул рукой — подожди, дескать. Он обхаживал других покупателей, показывал им что-то, уложенное в простенький деревянный ларчик, причем лица у покупателей были заинтересованные, мало не сказать — восторженные. Разглядев лучше те лица, Велька живо выпрыгнула из палатки, потому что узнала боярина, виденного как-то у отца. Боярин в Верилоге бывал наездами, но Вельку тоже видал и мог бы узнать и очень удивиться!

Ничего, она подождет. Велька вытерла об рубаху вспотевшие ладони и замерла, вдруг столкнувшись с дерзким, настойчивым взглядом одного из странно одетых мужчин, стоявших неподалеку. Тот толкнул локтем соседа, сосед — другого, и теперь уже трое они, переглядываясь, рассматривали Вельку. И это было нехорошо, тревожно, в груди у девушки шевельнулся холодный комочек. Да, нехорошо...

Между тем как до сих пор все у Вельки было хорошо и ладно. Да и теперь чего бояться? Ярмарка, людное место. Не такое еще людное, как будет вскоре, но и пустынным его уже не назовешь. Стража вон там, близко, крикнуть — услышат. Да только чего кричать, ее никто не трогает, смотрят только. Интересно, что за люди? Почему сердечко затрепетало?..

Один медленно двинулся к ней, остальные, чуть помедлив, следом, и вот они уже стояли, окружив Вельку со всех сторон. Но вход в палатку близко, и спрятаться там она по-прежнему может. Только чего прятаться?..

Этот, первый, глаз не сводил с Вельки. С берегов на ее груди. Половина берегов — бабкины, от нее остались, Велька и носит...

Первый сказал что-то на непонятном языке, обращаясь явно к ней. Велька покачала головой.

— Не понимаю, добрый человек.

— Кто твой хозяин, девушка? — повторил он на понятном, здешнем языке. — С кем потолковать о тебе?

Говорил он свободно, но не очень чисто, немного по-чуждому слова выговаривал. Оно и видно, что из дальних земель человек.

— Нет у меня хозяев, с чего ты взял? — ответила Велька, подавив невольную дрожь в коленках. — Разве только родной батюшка, да о чем тебе с ним говорить?

— Ты права, говорить не о чем, — согласился тот, улыбаясь, — поедем так с нами. Подарок тебе купим, наряд новый цветной — хочешь? Лент шелковых — хочешь? Ожерелье из сердолика, самое лучшее — хочешь?

— Не хочу! — Велька вздернула подбородок и попятилась. — И слушать такие речи не хочу тоже, прости, добрый человек...

Шум поднимать на рынке Вельке ох как не хотелось. Прятаться в шатре, пока не ушел боярин, — тоже.

Этот по возрасту вроде был из троих старший и одет богаче. Хотя все они казались людьми небедными, в цветных рубахах, малость непривычно скроенных и расшитых непонятными Вельке узорами, в широких, увешанных бляхами поясах, в шерстяных плащах, буро-красных, все — при мечях, и обручья с цветными камнями у каждого. Волосы у всех были черные с рыжиной, а глаза — как орех лесной. Конечно, они родичи, может, братья родные...

— Скажи свое имя, девушка, — велел он.

Не попросил, а именно велел. Да что же они привязались, в самом деле?

— Ни к чему вам мое имя знать, — сказала она с досадой, — идите себе по своим делам, люди добрые, а то ведь закричу, стражу позову. Будете отцу моему за обиду платить. У нас такое не спускают...

— Нет, погоди, — мягко перебил ее чужак, — не кричи. Мы же не тати какие. Мы торговые люди, все делаем честно. Отведи нас к твоему отцу, мы будем с ним говорить и хорошо платить ему за тебя. Ты мне понравилась, хочу взять тебя в жены и дать хороший закуп... вено, да, так у вас говорят? Я заплачу вено серебром, твой отец будет доволен. Мы не тати, мы честные люди.

Ох ты ж! Один взгляд бросил — и понравилась, да так, что прямо в жены! Хоть плачь, хоть смейся. Да и верить ли?..

— Отец меня уже сговорил, — соврала Велька, — и девок у нас тут что берез в роще, и все лучше меня, ты оглянись только! А меня оставь, не про тебя я!

— Твой отец, похоже, человек бедный, — не отставал несносный чужеземец. — Я ему хорошо заплачу, и он станет богаче.

Как ветер быстрый мимо веет, так твои глаза мимо глядят, Как солнце красное мимо светит, так глаза твои мимо глядят, Как птица мимо летит, так глаза твои все мимо меня видят...

Припомнила Велька простенький заговор. Бабка Аленья учила и таким заговорам, да только трудно отвести глаза троим сразу, это опытной ведьме по силам. Если бы, как только этих троих увидела, сразу сообразила глаза им отводить, тогда, может, и удалось бы.

Все же Велька сосредоточилась и протвердила про себя заветные слова. И, удивительное дело, взгляд «жениха» скользнул в сторону. Но один из его родичей шагнул к ней и схватил за руку, больно сжал:

— Ты... идешь с нами. Зовут как?

— Нет! — Велька дернулась, стараясь вырваться, быстро оглянулась — стражи было что-то не видно.

И тут... Черный лохматый зверь вынесся из-за палатки и, замерев лишь на мгновение, прыгнул, сбив с ног чужака, который Велькину руку уже отпустил и отшатнулся, чуть раньше завидев неожиданного защитника. Волкобой, пес вчерашний, и откуда только взялся...

Остальные чужаки разом выхватили мечи. Собака, даже такая, против клинков что делает?!

Разом обо всем позабыв, Велька бросилась на пса, обхватив его за шею:

— Это мой, не троньте! И подите прочь, я крик подниму на всю ярмарку! Вы тати и есть, а не добрые люди!

А из-за палатки как раз выскочил боярин Иринея, и с ним еще трое, по виду кмети. Они оружны не были, по крайней мере, без мечей, но при виде их чужаки тоже мечи опустили. Их старший первый подошел и поклонился Иринею, и заговорил вполне учтивым голосом, на своем, непонятном языке, Иринея ему на том же языке ответил. Выражение лиц других двух вряд ли можно было назвать радостным, но, видно, Иринея они знали и предпочитали с ним не ссориться. Было понятно, что сначала чужак и Иринея обменялись приветствиями, а потом заговорили про Вельку, чужак то и дело оглядывался и на нее показывал. И Велька потихоньку отодвинулась за палатку. Пес — следом...

Тут как раз боярин со своим спутником из палатки ливца вышли и прошествовали мимо, ни на кого и не взглянув. Велька тихонько и быстро

пробралась в палатку, пользуясь тем, что Ириной и чужаки оживленно заспорили и в ее сторону смотреть перестали. Пес — следом за ней, как пришитый, но в палатке он остановился сразу у входа и улегся, всем своим видом показывая, что с места не сдвинется. Ливец недовольно сдвинул брови, потому что собак он не жаловал.

— Это мой пес, Мураныч, — Велька умоляюще сложила руки на груди. — Он меня охраняет, вот от лиходеев каких-то только что спас. Пусть подождет меня, не сердчай!

Купца звали Альян тур Муран, что означало Альян сын Мурана, или, по-здешнему, Альян Мураныч. Бабка и звала его Мураныч, и Велька то же переняла, он не возражал. И собак он не то чтобы не любил, но не в обычаях его народа было пускать этих животных в дом или, пусть так, в палатку. Но долгие путешествия по чужим землям приучают к терпимости. И он кивнул Вельке, разгладив лицо.

— Ничего страшного, Велья-ола. Все ли в твоей семье здоровы? — и подал шелковый мешочек с ее заказом.

Мешок — шелковый! В похожем сестра Чаяна хранила украшения из того своего набора, что из белого серебра с морским жемчугом. То есть сначала в мешочек их клала, а потом уже в ларчик, чтобы жемчуг не истерся, блеск не потерял. А тут купец в шелк кору древесную сложил и масло в пузырьке — не иначе, подчеркнуть их редкость и стоимость. Велька, как и бабка когда-то, без стеснения тесемки развязала и товар внимательно рассмотрела, понюхала и в пальцах помяла. Так оно и положено, кто же золото за kota в мешке платит, купец сам ее на смех поднимет за такое дело. А монетки, что Велька принесла сюда в кошельке, подвешенном под поневой на поясок, как раз золото и было, самое настоящее.

Купец так же внимательно осмотрел монеты — как положено, высыпал их в шкатулку и благодушно заметил:

— На моей родине этот товар, дорогая Велья-ола, сильно вырос в цене. Но из уважения к драгоценной Аленьке-кер, и к тебе, Велья-ола, я пока не стану увеличивать цену для тебя.

— Спасибо, Мураныч...

— Тебе нужно быть осторожнее, Велья-ола, — добавил ливец, качая головой. — Не нужно ссориться с теми людьми, с которыми ты только что говорила. Лучше постарайся совсем больше не показываться им на глаза. Скажись больной, чтобы не выходить из дома.

Видел он все, значит, из палатки выглядывал...

— А кто это, Мураныч? — встрепенулась Велька. — Что за люди,

почему мне их бояться? И что им от меня надо, я их знать не знаю!

— Насколько я мог заметить, это оборотни, из рода Сараватов, их еще называют Красные волки. Их земли за Трехречьем, на севере Лесовани.

— Оборотни? Волки? — Велька тихонько ахнула. — Никогда не видала оборотней. А так поглядеть, люди как люди. Но почему же они меня так заприметили? Как бы понять?

— Я не знаю, дорогая моя Велья-ола. Скажу только, что уважаемая мной Аленья-кер раньше принадлежала к народу, что жил там же. И еще скажу, что волки весьма чтят огненную богиню Кару. Драгоценная Аленья-кер в юности служила этой богине, если я ничего не путаю. Ты что-нибудь знаешь о служении Каре, дорогая Велья-ола?

— Ничего, — пожалала плечами Велька, — совсем ничего. Меня такому не учили. Нет у нас Кары, мы Сварожича почитаем.

Ливец понимающе закивал, пояснил:

— Оборотни считают, что эта богиня — родная сестра вашего огненного бога, имя которого вам тоже заповедано произносить. Настоящее имя Кары совсем иное, а это — для людей, его можно произносить, не осквернив настоящее. Настоящее имя Кары знают великие огненные волхвы, Матери Огня. Собственно, вот и все, что мне известно, дорогая Велья-ола. Что касается этих волков, они торговые люди, поэтому скоро уедут из Верилога. Просто подожди. А если тебе понадобится еще что-нибудь, любая редкость — пошли мне восточку, ты знаешь как.

— Да, Мураныч. Спасибо тебе большое, — она поклонилась купцу, тот тоже поклонился, но слегка, не низко. — И за совет спасибо, буду осторожна.

— Пусть солнце светит тебе долго, Велья-ола...

Бабка когда-то давно объясняла, что «ола», приставленное сзади к имени, всего лишь значит «девушка из достойной семьи», а «кер» — уважаемая пожилая женщина. Если бы ливец обращался к Вельке, как к княжеской дочери, он должен был бы называть ее Велья-бона, и еще ему нельзя было бы на нее смотреть и нельзя подниматься с колен. Странные все же обычаи есть в дальних землях. Хоть бабка твердила еще, что все обычаи, принятые у разных народов, мудры, что мудрого в том, чтобы купцу не смотреть на того, с кем говорит, и ползать по палатке на коленях? Нет, она лучше будет Вельей-олой, так даже красивей.

Ириней с кметями ждал у палатки, и другие княжики тоже подошли — вот не сиделось им во дворе. Велька вышла, держась за ошейник Волкобоя. Когда Ириней протянул к ней руку, пес грозно рывкнул, и парень поспешно руку отдернул, ткнул кулаком Волкобоя в бок, усмехнулся:

— Ох и глупая зверюга! Прыгает под мечи, а мы его шкуру мохнатую обороняем. И чем ты, красавица, его так покорила? Приворожила, может?

Волкобой сдержанно рыкнул, на морде его было красноречиво написано: и что с дурака взять? Велька прыснула, но тут же посерьезнела, вздохнула, поклонилась княжичам.

— А где... они, позволь спросить?

— Ушли. Я сказал, что ты челядинка на княжьем дворе, не надо тебя трогать, сердить князя Велеслава, — ответил Ириней. — Касмет обещал, что придет к князю откупить тебя. Но я считаю, что он передумает. Ему не нужны лишние трудности.

— Ох, да что же им в голову взбрело? — горестно вздохнула Велька.

— Твои амулеты, — он показал взглядом на подвески на Велькиной груди, — как я понял, они что-то означают. То, что делает тебя особенной. Ты якобы собственность семьи Касмета... или я чего-то не понял. Но какие-то права на тебя он за собой знает. А ты — знаешь?..

— Нет! — Велька мотнула головой. — Не может такого быть, вот и все!

— Значит, он ошибся, бывает, — Ириней улыбнулся. — Надеюсь, тебе нечего бояться. Князь ведь тебя не отдаст? А захочет отдать — я перекуплю. Обещаю. Золотом за тебя заплачу, хочешь? Со мной в Карияр поедешь. Ты ведь меня меньше боишься, чем Сараватов?

— Сейчас забоюсь, — буркнула Велька, берясь за ошейник Волкобоя.

Тот не возражал. А парень криво усмехнулся, предложил:

— Хочешь, орехов жареных тебе куплю?

— Спасибо тебе, боярин, за помощь, за защиту. Не надо орехов. Пора мне, пойду...

— Э, нет. Я не боярин, я княжич, это первое. И не пойдешь ты одна, мы до ворот доведем — это второе. А то случится что с тобой, князь Велеслав разгневается, а нам его гневить никак нельзя, он и так нам не больно рад! Как зовут-то тебя, скажешь хоть?

Не боярин, значит, а княжич. Жених Чаяны. Один из четырех. И он не прочь перекупить ее, челядинку княжью, у оборотней и увести в Карияр вместе в Чаяной...

Вот радость-то.

Как бы сбежать? Уж до отцовского двора она доберется, а там спрячется и точно гостям дорогим больше не покажется...

Оказалось, сбежать — никак. Отпустить ее наотрез отказались, и княжич Ириней, и Волкобой тоже — вцепился зубами в край поневы и повел, и деваться было некуда. Ириней, пока шли, пытался байками

развлекать, да все обещал изловить ее сегодня ночью во время русальего гона, и ничего он, дескать, не боится, и терять ему-де нечего, и он уже столько русалок словил, что и со счета сбился.

Болтун он редкий, хоть и княжич! Русалку поймать, поцеловать — к удаче, а вот русальим чарам поддаться — это, говорят, беда большая, это весь год маяться, томиться, до следующей Купалы можно и не дожить.

Поймать... поддаться... а велика ли разница? Легко ли понять, кто тут кого поймал? Поэтому русалок ловить можно, а вот изловить — не надо! Все об этом знают. Русалку нелегко поймать, почти невозможно, хоть парни и стараются, изо всех сил стараются, напрочь забыв, что — не надо...

— А обручье-то у тебя серебряное, — вдруг заметил княжич, — ишь ты, у челядинки — серебряное! Кто же одарил тебя, милая?

— Родной батюшка! — не без яда бросила Велька. — Это мое девичье, а ты что, княжич, подумал?

— Девичье? Это хорошо! — Ириной заулыбался. — Я ведь не знаю, какие рисунки бывают на ваших браслетах. Это у тебя, чтобы жениху дарить, правильно? И никому ты еще не обещалась? Я ведь не хочу увозить тебя в Карияр от жениха, сама понимаешь. Хоть ты и не желаешь мне говорить, как тебя зовут!

Два года как с первой своей русальей рубахой получила Велька и обручье серебряное, тонкий ободок, покрытый узором из дивных листьев. Отец наказал беречь, не терять, без его веленья никому не дарить. Она пообещала. Обручье Велька не снимала, просто подтягивала повыше, чтобы под рукавом рубахи спрятать, так вот же, не углядела — упал на запястье серебряный ободок, а княжич такой глазастый оказался.

— Видать, не беден твой батюшка? Иначе откуда он взял для тебя такое обручье? Может, на дороге нашел? Не сердись, милая, но погляди вокруг, сегодня праздник и все уже нарядные, а ты одета так, словно и не праздник. Значит, твой отец не может одеть тебя красиво? Зато я первым делом куплю тебе все, что захочешь, и ожерелье обязательно, из сердоликовых бусин! У тебя есть бусины из сердолика? А из хрусталя?

Велька не выдержала, рассмеялась.

— То-то мне волки то же самое обещали. И бусы сердоликовые, куда без них!

Князь не растерялся.

— Это потому, милая, что сердолик тебе дивно пойдет! Вот увидишь, ты от этих бус глаз отвести не захочешь, а я — от тебя! Хотя от тебя и без бус глаз не отведешь!

Ну, княжич. Всем вроде хорош, и ее вот выручил, а пустобрех редкий.

И жених, опять же! Что за жених, если за невестой приехал, а вокруг другой вьется?

А может, на Чаяне вовсе не он женится? Их же четверо.

Да без разницы. Не нужен он Вельке, и ей в Карияр с ним не ехать! Она сказала:

— Ответь, княжич, а не ты ли нашей княжны жених?

Глаза Ириней хитро заблестели.

— А это, милая, тебе пока нельзя знать! Да и зачем? Или иначе со мной не поедешь? Или тебя твой добрый батюшка только в старшие жены мне отдаст?

Парни заухмылялись, словно шутку веселую услышали.

— Кто знает! — усмехнулась девушка. — Пока ведь не стал ты князем? Так, может, и не отдаст!

Кмети скалились веселее, да и сам Ириней откровенно забавлялся разговором. Ну и ладно, отчего не позабавиться, дорога недлинная — почти пришли уже.

Они, и верно, уже были у ворот, и Велька успела подумать, что, пожалуй, без труда за спинами кметей прошмыгнет через двор до хором, и все, только ее и видели. Уже приготовилась благодарить да прощаться и Волкобая напоследок погладила. Ну, с ним-то еще увидятся, она постарается!

И прямо перед ними открылись ворота. И всадники выехали, числом больше десятка, а впереди — князь-батюшка.

Велька замерла. Вот ведь не повезло!

Князь Велеслав коня придержал, посмотрел, словно глазам не веря, на меньшую дочь рядом со страшным псом в окружении парней.

Все учтиво князю поклонились, и Велька тоже. Князь-батюшка лицом потемнел, глазами сверкнул, дочку поманил, она подошла. Нагнувшись с седла, Велеслав Судиярыч основательно взялся за толстую дочкину косу, на грудь перекинутую, стиснул в кулаке так, что костяшки побелели. Не дернул, нет. Но Велька малость струхнула.

— Я тебе чего велел? — выдохнул князь.

— Прости, батюшка...

Пес зарычал, князь посмотрел удивленно и косу отпустил, бросил:

— Ступай в горницы.

Велька побежала во двор, пес за ней следом, а княжич с кметями своими остался говорить с князем. Обогнув столовую избу, она взбежала на гульбище, и пес — следом...

— Стой, Волкобой, — Велька поймала его за ошейник, — тебе со мной

нельзя. Спасибо тебе, родной мой, — она крепко обняла собаку, — ничего, батюшка долго не сердится. Главное, ты меня от оборотней оборонил. Ох, боюсь я оборотней. Бабка столько меня в детстве оборотнями пугала! Боюсь. Хоть бы больше их не встретить никогда! Ну, ладно, ступай! — а сама все гладила, теребила мохнатую собачью шерсть, не отпускала. — Потом повидаемся, опять утащу тебе мяса с кухни! Не откажешься?

Судя по выражению на песьей морде, тот был на все согласен.

Скрипнула ближняя дверь, из-за нее выглянула Малка, Велькина сенная девка, всплеснула руками:

— Княженка! Ой, и псина эта! Не трогай, страсть какая! А ну как порвет тебя? Отойди, отойди!

— Не глупи, Малка, — отмахнулась Велька, — погляди, не рвет же? Зачем ему это? Сама отойди, если боишься.

Девка опасливо отодвинулась, зачастила:

— А мы тебя, княженка, обыскались. Княгиня велела в баню тебя сводить, да по-быстрому, все уж готово. А какую она тебе верхицу прислала, из зеленого шелку — глаз не оторвать! Говорит, тебе зеленый шелк всего лучше. К таким-то волосам. Только подол девки подошьют, как надобно. Да косу с перебором тебе заплести велено, и с жемчугом, и с лентами. Пойдем, княженка!

— Поняла я, Малка, не тараторь, — вздохнула она, — поесть сначала дай, хоть молока. Все, ступай, хороший мой! — махнула она Волкобою.

Тот послушно отошел. Вот же умный пес. Подарили бы Вельке такого, в придачу к ее Званке!

Не подарят. Такого пса да девке во владение — где видано?..

ГЛАВА 3

Четверо из ларца

Велька, по-праздничному причесанная и наряженная, так и просидела в своей горнице, с девками-челядинками — княгиня велела им ее не оставлять. Отец не звал, чтобы отругать, видно, занят был. Да Велька его и не боялась. Покричать князь мог, когда она своевольничала, но чтобы с настоящей злостью — никогда. Князь-батюшка вообще был человек незлой и отходчивый. А чтобы, к примеру, хворостиной — так Вельку только бабка учила уму-разуму, и то давным-давно, да и, прямо скажем, всякий раз за дело. Княгиня и подавно не сердилась, осмотрела падчерицу, нарядную, непослушные прядки на ее голове убрала под венчик, улыбнувшись. Сказала:

— Вот и хорошо. Тебя одеть, и такая девка получается, просто глаз не отвести. Где княжича кариярского встретила, почему вместе пришли?

— На ярмарке и встретила, — Велька потупилась, — он думает, что я челядинка здешняя...

— Вот как? — княгиня рассмеялась. — Челядинка! Ох, Велья! Ладно, челядинка, а что ему надо было от тебя?

— Ничего. Просто... веселый он.

— Просто веселый! Скажешь тоже. Ни дать ни взять дитяtko малое, и понятия не имеешь, с чего бы это парням с девками веселиться и байки им сказывать. Понравилась ты ему?

— Нет...

— Нет? — теперь княгиня хмурилась. — Оно и понятно, что нет! Точно дитя! Не понимаешь, что если такой молодец заскучает да сенную девку с собой на лежанку уложит, то за это спрос невелик? Не тот, что за княжескую дочь?

Да какой там вообще спрос, с гостя-княжича да за сенную девку...

Велька только кивнула, голову опустила:

— Понимаю, матушка.

Ее-то силой на лежанку не уложишь, и княгиня об том знает. Бабка давно заклятью простенькому научила, еще когда и для поневы время не пришло.^[9] Непросто силой взять внучку старой Аленьи. У княжича, к примеру, не выйдет. А у тех, оборотней? Какая-то пугающая мощь, власть непонятная чудилась Вельке в их взглядах, в самом их странном, чужом

облике. Сможет ли она им противиться, чужакам этим, которые чего-то от нее хотят? Она им нужна. А зачем?

— Жди, — сказала княгиня, — как понадобится, за тобой придут. Готова будь, и вниз из горниц ни ногой, поняла?

Зря Велька прождала, за ней не пришли. Без нее отец с близкими и гостями отполудничал в трапезной избе, народу нынче там собралось столько, что столы, один за другим поставленные, продолжались и за широкими дверями трапезной, чуть не до конюшен. Помимо бояр, воевод с женами, ближней дружины и гостей княжьих, купеческие старшины еще пришли, и купцы именитые самые, и мастеровые старшины с женами, а кто и с сынами и дочками. Как всегда в такие дни, народу набрался полон двор. Княжна Чаяна, конечно, пошла за те столы, с матерью и боярынями, чары с медом подавать будет самым почетным гостям. Может, женихов своих хоть рассмотрит толком, наконец.

В другой раз вовсе была бы не прочь и Велька там посидеть, да карьерскому княжичу теперь на глаза попадаться не хотелось. Не увидит он ее — и не поймет, кто такая. Вот то бы и хорошо.

Жалко, бабки Алены нет больше. Она бы все толково объяснила, и про карьерцев, и про тех оборотней с ярмарки. Недоговорила бабка чего-то в свое время, скрыла важное. Как Велька ни силилась думать, вспоминать, мелькало что-то в памяти, как отдельные огоньки, но ясным не становилось. Ведь ее ни много ни мало за робу приняли, за холопку! Из-за бабкиных оберегов? А если эти трое сунутся к князю права свои неведомые предъявлять? Конечно, отец ее не отдаст и не продаст, но что не обрадуется он — точно.

Но что же не так с бабкиными оберегами? Ведь невольничий знак мудрая волхва, всю жизнь прожившая на чужой стороне, носить бы не стала. Да и не бывают волхвы невольницами, не бывают, это всякий, кто хочешь, подтвердит! Значит, врут оборотни?

А что она им так вдруг в жены понадобилась — этому Велька и на капельку не поверила. Не глупая же она, в самом деле...

Кончилось застолье, вернулась Чаяна. Веселая. Порывисто обняла Вельку, шепнула:

— Видела княжичей? Тебе который показался?

Велька только головой покачала, хмыкнула. Так ей и позволили хоть глазком взглянуть...

— А тебе уже какой-то и показался?

— Да все неплохи. Но я, кажется, знаю, кто старший. Догадалась. Княжич Ириной. И еще там один, Велемил — может, он? Велемил — он

вечно насупленный какой-то, что ли? Может, глупый малость? Ириней бы лучше, — глаза у княжны-сестрицы блестели этак загадочно, и в голосе что-то появилось, томное, зовущее.

Ириней, значит. И вокруг Вельки кружит, и сестре успел понравиться. Только по-разному он на них смотрит...

— Апроклятье? — напонила Велька. — Ничего странного не разглядела? Может, метка какая — нет? Родинка большая, к примеру...

— Нет, — тут же скисла Чаяна, — не видно ничего ни на ком.

Велька только рукой махнула:

— Вот что, сестрица, нынче ночь особая, проклятье себя проявить может, метки невидные видными делать... ненадолго, но заметить успею. Могу попытаться. А не боишься? Может, лучше и не знать?

— Нет уж, лучше знать! — упрямо тряхнула головой Чаяна. — Если сумеешь, Велюшка, век перед тобой в долгу буду!

— Не нужна ты мне в должниках ни на век, ни на день! — буркнула Велька. — Я и так... не сомневайся.

Легко сказать. Слово-то она знала, но и только. А знание, бывает, уменья не заменяет. Но попытаться ей и самой хотелось.

А время подходило. Опустели улицы Верилога, горожане собирались на высоком берегу реки Верилы, там вокруг берез девки уже завели хороводы, пели, славили Ярилу с Лелей — близилась великая ночь божьей свадьбы. Сегодня вечно юная Леля-красавица, богиня-дева, уйдет к супругу Яриле в дальние чертоги, а власть над миром получит Лада, всему земному мать и хозяйка. Кончилось время девичьего цветения и веселья, наступает пора растить и собирать плоды.

Один хоровод распадался, и девушки разбредались по ближнему лесу, набрать трав и цветов, которые вплетут в венки из березовых и дубовых веточек, но тут же рядом начинались другой хоровод и другая песня.

Купальские костры только готовили, их зажгут с закатом, сам князь с волхвом вместе огонь выбьют. И расстелют тут скатерти повсюду, выставят припасы: пирогов и блинов будет без счета, сыра и сметаны, и медов хмельных самых разных. Минувший год удался урожайным, сытым, и люди истово надеялись, что и нынешний случится не хуже, а для этого праздновать следует широко и щедро, чтобы боги остались довольны.

А Леля вернется будущей весной. И далеко не все девицы из нынешних хороводов встретят ее, некоторые уже назавтра спрячут волосы под женский повои, уйдут молодыми женами в мужний род. А кто-то отдаст свои девичьи обручья и станет поджидать сватов. А кто-то, может, в свою семью принесет дитя, зачатое дивьей купальской ночью — семья не

попрекнет. Дети купальской ночи — дети самого Ярилы, его божье благословение, им радоваться положено.

Только все по доброму согласию должно быть, иначе Леля осерчает и накажет. А оскорбленная богиня-краса, богиня-весна злее и мстительнее самой Мары — Марены, хозяйки смерти и зимы. Никто не рискнет обижать Лелю, в такой-то день, а рискнет — пусть не жалуется.

За Чаяной прислали от княгини, и она ушла. А Велька сбросила нарядную одежду, сняла серьги-гроздьи и венчик с подвесками, нырнула в простую рубаху, огляделась в поисках прочего, чтобы понеказистее, да попадалось на глаза только нарядное и ее русалья рубаха, уже разложенная на сундуке.

— Дай свою поневу, быстро, скоро верну, — велела она какой-то из горничных девок, та подчинилась без возражений.

Велька небрежно затянула поневу поверх рубахи. Ей бы только спуститься да по двору пройти, не привлекая внимания. Огляделась, поманила Малку:

— Пойдем, княжичей кариярских мне покажешь, всех четверых.

Та за голову схватилась:

— Ой, княженка, да как же... Да где же? Не в гостевых же палатах? Да они, поди, и ушли со двора!

— Вот и пойдем, поглядим, ушли ли...

Обещание, данное сестре, бессмысленно, если не знать в лицо всех княжичей. Ей ведь надо на них проклятую метку поискать, да еще во время праздника. То, что они у отца важные гости, упрощало дело: по ходу праздника отец непременно посадит их рядом с собой, чтобы лично угостить чаркой меда и пирогом. Но не их ведь одних, и вместе ли, и когда именно — кто знает, да ночь еще, праздник, толпа народу кругом мельтешить будет.

— Княженка, княженка! — вбежала еще горничная, всплеснула руками. — Не готова? Скорее раздевайся... одевайся! Уж ждут...

— Подождут! — отрезала Велька. — А вы тут готовьте все! — И, схватив за руку Малку, выскочила поскорее из горницы и почти что сбежала с лестницы вниз. Малка только охала, стараясь поспевать за неугомонной княженкой и при этом устоять на ногах.

По пути Велька и повод придумала прийти в гостевой терем. Ради этого забежала в кухню, кинулась к старшей стряпухе:

— Веруня, ладушка моя, не откажи, дай того меда, что ты с одолень-травкой варила? Налей в ковш, угостить кое-кого ну просто очень надо!

Та тоже переполошилась:

— Ох, княженка, что задумала? А княгиня что скажет? Натворишь ведь дел, наведешь беду...

— Ничего не наведу, все хорошо будет, Матушка Макошь послухом! Помоги, Веруня! А я зато... — привстав на цыпочки, Велька прошептала кое-что стряпухе на ухо.

Старшая стряпуха неплохо смыслила в травах и лекарственных снадобьях, хоть и не могла волхвовать, потому Вельку, тоже в этом деле знающую, уважала и отказала бы вряд ли. Она и не отказала, тем более что и обещание получила взамен заманчивое: секретами бабкиных травок Велька мало с кем делилась, но самими травками — почему же нет.

— Налить-то налью, — согласилась Веруня, — хоть самый большой ковш, да хоть два! Только кого же ты в такой-то день одолень-травой поить собралась? Она же силу только назавтра придаст, а сегодня мало что с ног не свалит!

— Главное, что не свалит, — буркнула Велька. — Все потом объясню, а сейчас налей!

— Ну, ладно! — качая головой, стряпуха ушла, но долго не возилась, скоро вынесла Вельке большой резной ковш-утицу с крышкой, доверху полный душистого хмельного меда. — Ну, гляди, княженка...

Мед с одолень-травой стряпуха готовила каждый год, отбивая ягодами характерный, узнаваемый вкус этой дорогой и редкой чудо-травки, что и впрямь дивно прибавляла силы — на следующий день. А сегодня княжичи бегать за девками не захотят, а может, и подремать прилягут где-нибудь в кустах, тогда рассмотреть их вообще труда не составит. А завтра, если и догадаются, что к чему, то ничего. Волков бояться — в лес не ходить.

Поблагодарив, Велька подхватила ковш, махнула Малке — идем, дескать, показывай. Сойдя с крыльца, чуть не споткнулась об Волкобая. Он вольготно растянулся на травке и, казалось, дремал, но при виде Вельки встrepенулcя, вскочил на лапы. Ждал?

— А ты не поможешь ли, друг любезный? — коротко рассмеялась девушка. — Покажи мне твоих княжичей, отведи к ним. Угостить их хочу, поблагодарить.

Пес недовольно рявкнул.

— Ай, княженка! — опять заволновалась горничная. — Что ты задумала? С псом страшным разговоры говорить! А это не оборотень, случаем? Ох, страсти!

Теперь пес рыкнул, явно адресуя это Малке.

— Да какой оборотень! — рассердилась Велька. — Вот же дура, молчи лучше! Не слушай ее, Волкобой! И гляди, если меня не отведишь к твоим

княжичам, сама пойду их искать и найду! Нужны они мне, понимаешь?

Пес повернулся и потрусил по двору, только не к гостевой палате, а в другую сторону.

Пришли к конюшне. И впрямь там были Ириной и еще парни, около коня привязанного стояли что-то обсуждали. Увидев подошедшую компанию — двух девок и Волкобая, все разом умолкли и удивленно уставились.

Велька низко поклонилась, протянула ковш.

— Здоровы будьте и простите дерзкую. Вы меня спасли сегодня, так вот я благодарить пришла. Этот мед, он особый, такого где попало не найдете — голову проясняет, силу придает...

Пес тем временем не торопясь подошел к одному, дернул за полу, потом к другому и тоже дернул, потом еще к одному, что стоял чуть подале прочих...

Кариярцы переглядывались, а Велька, конечно, примечала указанных. Это княжичи, выходит? Пес тем временем вернулся к Ириной и задрал ногу над его сапогом...

Нет, до конфуза не дошло — Волкобоюшка, видать, шутить изволил. Но Ириной отскочил, возмущенно крикнул и даже ногой топнул. Остальные парни не то что засмеялись — заржали конями.

— Ну и дела, — хмыкнул Ириной, когда смех утих, — наш блохастый, красавица, как видно, нас тебе представить желает. Ну, гляди: меня ты знаешь, вот это братья мои Велемил и Горибор, а вон то — Яробран, — каждого из парней он хлопал при этом по плечу. — Все мы братья, но кому-то княгиня не родная матушка, а кому-то князь наш Вереней Горятых — не отец, а добрый дядюшка...

— Спасибо за честь! — Велька опять низко поклонилась, и Малка за ее спиной, которая тряслась как осинов лист и то и дело в сторону теремов поглядывала, тоже.

Конечно, княжичи им, простым девкам, по именам назвались. Еще бы не честь.

А все лицами вроде немного схожи и статью: все высокие, крепкие, широкоплечие — ну на подбор просто. И разницы в годах между ними большой нет, даже непонятно, кто самый молодой, вот разве Яробран? А раз они не одних отца и матери сыновья, то старшим княжичем может быть вовсе не старший по возрасту...

— Тебе-то княгиня точно родная матушка, да? — не удержалась Велька, чтобы не попробовать одним махом определить среди княжичей первого наследника кариярского князя.

Жен у князя может и несколько быть, но княгиня одна, она обычно и мать наследника. Княгинин сын, скорее всего, и есть наследник, потому как ясно, что князю он тоже сын. Если, конечно, князь этот в свое время не женился на вдове с ребенком, что Вельке было неизвестно. Или у князя с княгиней не один сын. Нет, одним вопросом тут не обойдешься...

А Ириной рассмеялся.

— Ишь любопытная! Тебя не княгиня ли прислала расспрашивать, а лиса рыжая? Ей-то точно очень интересно, кто из нас старший княжич!

Велька только отрицательно замотала головой. Ишь ты, уже лиса! В прошлый раз не белка ли была?

— А от тебя-то нам почему чести нет? — настаивал княжич. — Скажи и свое имя, уважь!

Он приблизился, взял из ее рук утицу, передал Велемилу, склонился — Велька отпрянула. А он просто поймал в руку ее косу, за спину отброшенную, и разглядывал, точно диковину.

— Ну, надо же! Как князь вериложский своих сенных девок наряжает...

Велька даже застонала сквозь зубы. Ох и растяпа же она! Все украшения до последнего сняла, а забыла, что в косе у нее ленты шелковые изумрудной зелени, поверх которых нить жемчужная пущена, длинная. Богатое украшение. Долго княгинина горничная с их косами возилась, с ее и с Чаяниной, а вышло — доука одна.

Прошлой весной богатые эти жемчуга отцу купцы иноземные преподнесли, а он тут же дочерей и одарил, для добавочка каждой в шкатулку.

— Это... княжна баловалась, а я забыла совсем, — нашлась Велька, — не привыкла я к такому. Пусти, княжич, недосуг мне, дел много, — и посмотрела умоляюще, — и княжне не говори! — зачем-то добавила, разом смутившись, покраснев и искренне пожелав сквозь землю провалиться прямо сейчас, на этом самом месте, только бы исчезнуть отсюда скорее.

Как будто и не княжья дочка. Недаром княгиня Дарица то и дело ей выговаривает да советы дает, как говорить, да как что делать, чтобы честь отцовскую не ронять. Чаяна бы небось не смущалась и глаз не опустила! А она, Велька, еще и волхва огненная, силу имеет, пусть и невеликую, но все же...

— Пущу, пущу, не бойся! Ох, хороша ты, лиса! — он косу выпустил, нагнулся и быстро поцеловал ее в щеку, под громкий смех остальных и лай Волкобая.

Это он зря...

На какой-то миг окончательно потеряв самообладание, девушка дернулась, пальцы сами сложились, а уж как слова нужные в голове мелькнули — и не заметила, а целый сноп искр вспыхнул и пронесся между ней и Иринею. Тот отскочил, вытаращив глаза, чуть не упал, а Велька, пользуясь случаем, как коза, прыгнула в сторону и, схватив за руку Малку, помчалась к хоромам.

— Ну, лиса! — крикнул вслед Иринею, — поймаю тебя на шапку, вот увидишь! Как тебя все же звать-то?!

Остальные поддержали его смехом, но не так охотно, как недавно.

ГЛАВА 4

Купала

Время поджимало.

Старая нянька, завидев княженку с Малкой, только руками всплеснула:

— Где же вы? Скорей уж...

— Да-да... — закивала Велька, резво взбегая по лестнице в горницы, — мы скоро, скоро...

Она уже успокоилась. И чего всполошилась, спрашивается? Подумаешь, парень в щеку поцеловал. Грозит поймать на шапку — видали таких! По всему выходило, что теряться, волноваться вообще было не надо. Ну, запомняла про ленты с жемчугом, нехорошо, так следовало ловчее врать, а не теряться. А она до того забылась, что волшеббу огненную показала чужакам, будто и впрямь была нужда! Хоть и мелкую волшеббу, простенькое заклятье, бабка такое истинным пустяком считала, но люди непривычные пугаются, еще как. Когда, давно уже, Велька впервые показала Чайне эти искорки, а еще как она лучину без огнива зажигать может, просто пальцами — так княгиня Дарица в ужасе была, чуть ли не под замок посадить Вельку хотела! Обошлось, князь-батюшка уладил, княгиня смирилась. Велела, правда, девкам ведра с водой держать возле Велькиной горницы, первое время так и делали, пока княгиня не успокоилась, не поняла, что никакого пожара падчерица не устроит...

А тут и не заметила, как искры бросила. Не то беда, что сестрины женихи видели, а то, что она забылась, волю потеряла! Бабка все твердила, что хуже нет, как волхве волю потерять!

Пусть бы уехали они быстрее, кариярцы эти.

Чаяна вон уже млеет от Ириня! И хорошо, и славно...

— Ох, прости, княженка! — Малка, расплетя Велькину косу и отложив в сторону ленты с жемчугом, теперь торопливо расчесывала ей волосы березовым гребнем.

Русалки кос не носят...

— Как он на тебя смотрел, княженка. Княжич этот, кариярский.

— Забавлялся, что ему, — уронила Велька равнодушно, — а если повезет, мы найдем среди них старшего нынче ночью.

— Ох, княженка! Старший — он же проклятый!

— Вот и узнаем, который проклятый. А точно ли один проклятый, не

все? — усомнилась она вслух, пока горничная раздирала гребнем ее буйные кудри, — да осторожнее ты...

— Прости, княженка! А проклятый точно один. Нянька вчера сказывала у печки. Проклятье на самом князе и на наследнике. А что за проклятье, никто того не знает.

— Слушай, ну странно это, — Велька задумчиво потерла нос, — все знают про проклятье, но не знают, в чем оно! Все его боятся, говорят, что злое, родниться с кариярцами не хотят. Так?

— Так, княженка. Только роднятся с ними все равно. Кариярское княжество богатое, говорят, большое...

Те четверо красивых и веселых парней не казались ни несчастными, ни хоть как-то удрученными судьбой.

— Может, болезнь какая? Смерть ранняя? Так князь их человек немолодой, верно. А что тогда? Какой-нибудь запрет? Что еще нянька говорила, а, Малушка?

— Еще говорила... А вот: на войну и даже в полюдьё их князь сам не ходит! И наследник его тоже. Как надо вести войско, так воеводой кто-то из княжьих братьев идет или из бояр. Это только странно, а остальное по-обычному. Так нянька сказывала, княженка.

— Гм... — вздохнула Велька, — и сидит, выходит, князь в Карияре безвылазно? Но так не бывает, какой же он тогда князь. Может, просто сам князь хворый, а наследник... ведь неизвестно, кто он. Откуда известно, что наследник с войском не ходит?

— Так свои-то не могут не знать, княженка, — понизила голос девка и, нагнувшись к уху Вельки, вовсе зашептала: — Князь наш, батюшка твой, вечер^[10] бояр собирал ближних, да не в палате, а в своей горнице. И будто бы боярину Буйко Мареничу поручил к себе в гости зазвать того боярина кариярского, что с княжичами приехал, подпоить его да вызнать про проклятье.

— И что?..

— Да ничего, княженка, больше не знаю! И про это... так, шепоток слышала, уж ты меня не выдай!

— Ясно, что не выдам. Ты вот что, Малушка, когда мне нянька чашку с отваром подаст, отвлеки ее. Мне отвара нынче не надобно. Сделаешь? — Велька сняла шнурок с оберегами, положила в шкатулку.

Не положено русалке людских оберегов.

И рубаха ее чистая, без вышивки, белая как морозный снег, потому что на том снегу и белили полотно для нее в прошлую, на редкость злую, зиму.

— Как же можно, княженка?! — вскинулась девка.

— А так, — отрезала Велька, — если я под русальим дурманом буду, как смогу волхвовать? Да не бойся. Думаешь, поймают меня? Ни за что не дамся. Давай, садись, я тебе волосы расчешу, быстрее будет, — она вскочила, усадила горничную на свой табурет и принялась расплетать той косу...

Все уже ушли со двора, остались только девушки в русальих рубахах, несколько старух и совсем дряхлый дед, которому ходить было невмочь. И так в любом дворе, весь город, почитай, собрался на высоком речном берегу. На Купалу добрые люди дома не сидят.

Чаяна молча стояла у гульбища, дожидалась, когда волхва из Ладиного капища с помощью старух закончит готовить отвар. Как все, босая и в белой русальей рубахе, с гладко расчесанными волосами, в которых — ни нитки, не то что ленты, и переплетенными длинные пряди быть не должны. Кругом нее толпились девки, не только с княжьего двора, а со всей улицы и переулочков, не в каждом же дворе русалий отвар варить. У всех белые рубахи, гладко стекающие на спину волосы. Шума-гама не было, но многие переговаривались, пересмеивались, хоть и тихонько — праздник же, да какой! Грустить вроде причины нет. На княжну поглядывали. Княжна и боярышни мало отличались нынче от собственных сенных девок, разве что руками маленькими и слишком белыми. Русалкам это безразлично. Главное — ни оберега, ни даже малой бусины и ни одной цветной нитки! А то не вселится в девку русалий дух, другие русалки заметят чужую, защекотать могут, разума лишить, а то и побить. Старухи так говорят...

Русалок в реках и озерах видимо-невидимо, а воплощаться не каждая из них способна. Потому и приходят девушки-невесты к речке, ничем не защищенные, чтобы на короткое время дать русалкам тела, принять в себя русалий дух, надеть подаренный людьми венок и побегать по зеленой траве, подышать пряным воздухом купальской ночи, полностью отдаться нечеловеческому, исступленному неистовству — потому что в последний раз в этом году дано Дажьбоговым дочкам погулять на земле. Так всегда было, так предками заповедано. Погуляют и спокойно уйдут, а вернутся с Лелей будущей весной.

Говорят, если какая-то девка не выйдет к реке, не захочет отдать себя русалке, то и какая-то из русалок не сможет или не захочет покинуть человеческий мир, останется больше срока, а с ней и другие. Или, того хуже, все захотят вернуться, а им оставаться нельзя, их время прошло.

Говорят еще, что однажды, когда мор страшный пришел из низовий Верилы и прокатился много выше Верилога, не отпраздновали Купалу как должно. Хоть волхвы из капища и старались, огни жгли и жертвы

принесли, а не ушли русалки. Тем летом на каждом поле находили потоптанное жито, и урожай собрали совсем маленький. Русалки это не со зла, не могут они иначе, живут они так, по-своему, не по-человечьи. А отчего да почему? Этого Велька не знала, да и мало кто взялся бы объяснять. От бабки Аленьи ничего добиться не удалось, только что в том краю, где она родилась, русалых игрищ на Купалу не было. Стало быть, иной какой-то ряд был в тех местах у людей с водяными и лесными девками.

Еще говорят, что на Купалу нельзя русалок разглядывать, а пересчитывать подавно, потому что их непременно окажется больше, чем человеческих девушек, спустившихся к реке. И венков плетут и вешают на прибрежные кусты больше. Потому что некоторые из них, русалок, могут принять собственное воплощение и чужое им не нужно, в своем и выйдут гулять на бережок и бегать по траве. И вообще, не стоит, говорят, приглядываться к тем, кто пляшет у купальных костров, помимо русалок, и леший может из леса выйти на огонек, и болотник с болотницей, и водяной из омута выползти, да и мало ли кто еще! Кикиморы вон страсть как любят среди людей на праздниках поплясать да блинков-пирожков отведать, а у редкой из них хватит силы пригожей девкой или бабой обернуться. Не нужно их, соседей, узнавать-признавать, а тем паче пугаться, не нравится им это...

Поспел наконец отвар, мутный, зеленовато-бурый, с резким, немного медовым запахом. Волхва махнула рукавом, и девушки всполошились, обступили няньку с волхвой, возившихся возле котла. Хотя и были все равны между собой этой ночью и друг от дружки не отличались, а первый ковшик отвара полагался Чаяне, княжеской дочке, она же поведет всю толпу «русалок» к реке. Следующий нянька зачерпнула для Вельки. И тут Малка вскрикнула и повалилась на землю, ее подхватили, стали поднимать, переполошились, и волхва подошла ближе, посмотреть, что случилось. Быстро сложив пальцы в отводящий глаза знак, Велька выплеснула отвар обратно в котел.

Молодец, Малка, надо будет потом чем-нибудь ее одарить. А русалок княженка не боялась. Она — да не убежит? Быть не может.

Через заднюю калитку Чаяна вышла со двора, Велька за ней, и Другие девушки, выпившие отвар, потянулись следом. Не по главной улице ходят русалки к реке, а вот так, задами, среди кустов, а случайный прохожий, если угораздит его некстати подглядеть, отвернется, а то и ничком свалится, глаза и уши закрыв, или поторопится унести ноги. Не следует видеть русалок, пробирающихся к реке. Ворота были чуть приоткрыты,

только чтобы одной девке выскользнуть. Стража, однако, на заборолё^[11] над воротами стояла, куда же без стражи — праздник праздником, а головы не теряй. Но и стражники тоже старательно делали вид, что совсем ничего не видят.

Чаяна держалась спокойно, ровно, глядела перед собой, будто ни до чего ей не было дела. Только уже внизу, у самой воды, оглянувшись, нашла Велькину руку, сжала:

— Сестричка, ты все помнишь?

— Не бойся, не забыла, — отозвалась Велька, — а ты поиграй с русалками и за меня тоже.

— Что? — Чаяна удивленно обернулась. — Что ты говоришь?

В глазах у княжны появился блеск — может, оттого, что начинало действовать русальё снадобье.

— Тебе ведь Ириней по нраву? — Велька приблизилась к сестре вплотную. — Он?

— Он! — Чаяна тряхнула волосами. — Вот и хочу знать, он ли жених.

— А если нет? Все равно ведь покориться придется, пойдешь за кого укажут.

— Может, и придется, — Чаяна тихонько засмеялась, посмотрела загадочно, — а только, знаешь, еще материнское право есть. Отец отцом, а распоряжаться нами, дочками, только матушка вольна. Неужто не слыхала?

— Чтобы против батюшки, который слово дал?.. — удивилась Велька. — Сама-то веришь?..

— Ты, что ли, не поняла? — хмыкнула княжна. — Эх, сестричка, и чему тебя учили в твоей Сини болотной? Отдадут-то меня отдадут, батюшкино слово не воробей. Только матушка такие условия назначить может, что все по-своему повернет.

— Отправит их всех четверых незнамо куда незнамо за чем? — шутливо предположила Велька.

Кто же не знает эту кощуну,^[12] в которой отважный добрый молодец действительно отправлялся в мир незнакомый, то есть в навин, на изнанку, и самым чудесным образом добывал то, что следовало. Правда, ему в этом деле кто только ни помогал, но это ладно...

— Скажешь тоже! — хихикнула Чаяна. — Они незнамо куда уйдут, а мне тут дожидаться, пока не иссохну? Нет, такой глупости матушка не назначит, — она почему-то рассмеялась и отошла, затерялась среди девушек.

Вот как, значит. Княгиня что-то придумала и дочку обнадежила, и

плакать той расхотелось, а еще и княжич понравился...

Теперь почти все «русалки» собрались на берегу, хотя некоторые, запоздавшие, еще спускались, прячась за кустами, густо покрывавшими склон. Кто-то запел песню, ее подхватили, а несколько девушек затеяли игру в догонялки. Особо разгуляться тут было негде, с одной стороны — склон, с другой — река, а между ними узкая полоса травы и камней, а у воды — гладкий твердый песок, по которому только и можно побегать. Слева к самому песку подступал высокий рогоз, справа все ивняком поросло. Как раз такое место, чтобы и русалки раньше времени на людей не глядели, и люди на них. Люди, конечно, и не глядят в сторону речки, знают ведь, что нельзя. А русалкам кто запретит? И побегать, попеть, посмеяться — кто? И бегали, и пели, и смеялись, и «ручеек» затеяли — не скучать же русалкам. Наверху, над обрывом, у людей, уже пели, гусли звенели, и кудес^[13] где-то вдали зарокотал — там было весело, но и тут, у воды, нескучно.

На месте уже никто не стоял — русалий отвар разгорячил кровь, хотелось танцевать, смеяться. Велька отлично помнила, как это — себя не теряешь, нет, просто весело. А потом, когда выбегаешь к кострам, торопясь ухватить с расстеленных на траве скатертей угощение и прорваться через цепь парней к лесу, когда ловить тебя начинают, когда уворачиваешься, отмахиваешься от цепких рук пучком гибких прутьев, а лучше — крапивы, и вертишься, дразнишь так и этак, — ох, что начинается. Как они защекотали в прошлый раз одного не слишком прыткого паренька, у того даже смеяться мочи не стало, без чувств лежал. Велька после встречала его в городе — ничего, жив-здоров остался. А не надо выходить русалок гонять, если слабенький! И таких Велька встречала после праздника в городе, у кого руки исхлестаны и на щеках крапивные ожоги — понятно отчего. И Велька отлично помнила в лицо тех, кому именно досталось от нее крапивным веником. Но обиженных не было. Дело такое, обычай, над этими «ранами» посмеивались, ими даже гордились. Это в кустах отсидеться — мало чести.

А румяное солнце тем временем совсем спустилось, разведя в обе стфоны свои огненные облака-покрывала, вот-вот коснется земли нижним краем.

Вот и коснулось...

«Русалки» поуспокоились, сбились потеснее, их разом вдруг стало словно меньше. По сторонам каждая старалась не глядеть — а ну как мелькнет рядом лицо нездешнее, вовсе не знакомое? Смотрели вверх, на обрыв, где разожгут купальские костры. Но сначала колесо огненное

спустят с горы в реку. Там стало тихо, петь, шуметь перестали. Скоро уже, вот-вот...

Наверное, князь-батюшка вдвоем с волхвом уже взялись выбивать огонь особым кресалом, что в капище хранится и достается только по большим случаям.

А солнышко уходило, пряталось за земную твердь, и река вдали пылала рыжим, и облака над ней, до самого восхода, тоже пылали. Ох, красота какая!

Вот и нет солнышка, ушло, пропало, только облака пламенеющие сгрудились над его подземными хорами. До настоящей темноты еще осталось время, но уже мало его совсем...

И тут же на горе над рекой вспыхнуло огромное огненное колесо, запылало ярко, одобрительные, радостные крики донеслись сверху. Хорошо, когда колесо загорается так ярко и сразу. Вот в него просунули длинную оглоблю, чтобы катить вниз. Кто же покатит? Отец с кем-то из гостей-княжичей? Что будущему зятю дадут один конец оглобли, испытать его силу и удачу — это без сомнения, за второй полагается взяться князю или его сыну. Велька видела, как отец скатывал колесо вдвоем со старшим братом, и оба брата сами — чтобы удачу княжичей испытать, и все всегда ладно выходило.

Вот покатилося колесо, видны были лишь человеческие фигуры, бегущие рядом и держащие оглоблю за концы. А все, и «русалки» тоже, дыхание затаили — неужто оступится кто из них? Это серьезно. Если гость, то ему могут и не дать нынче невесту. Если свой князь — плохой год ждет Верилог, одна надежда, что волхвы разберутся вовремя, как дело поправить и вернуть божью милость.

Ровно, как по ниточке, рассыпая искры, докатилось огненное колесо до самого края утеса, что нависло над рекой, над бездонным, говорят, омутом, и рухнуло в воду. Под радостные крики — добрая примета! И Верилогу можно ждать хорошего, и княжне, отдаваемой на чужбину. А ведь шептались уже по городу, что в проклятый, дескать, род отдавать, как так, не потерял ли разум батюшка-князь? А оказывается, что, может, оно и нестрашно...

Велька услышала, как радостно засмеялась за ее плечом Чаяна и подхватили остальные девушки. А тем временем предстоял еще один обряд, куда как важный.

Застучал, запел кудес, и девы-русалки примолкли. По жребию выбирали волхвы ту, что медленно шла сейчас к берегу, где только что рухнуло в реку огненное колесо. Каждая понимала, что это и ее судьбой

могло стать. Девушка медленно шла в окружении волхвов, ступала плавно, как во сне, прижимая к себе расписной ковш с хмельным медом. Одета она была не по-русальи, в богато расшитую рубаху, красную клетчатую поневу с девичьей каймой по низу. Лицо ее скрывал тончайший белый плат невесты, опущенный ниже плеч, поверх него — шитый бисером девичий венчик. Невеста, да, но ее жених не ходит по земле, не станет гонять русалок, не поцелует ее горячо. Хотя, что доподлинно известно про этого ее жениха? Ничего. Может, и другой парень, ею любимый, стоит сейчас в толпе парней, не ведая, кто идет под платом, и не замирает у него сердце, узнает он обо всем после...

Ну да, может, и обойдется. Чаше всего и обходится, вернется потом потихоньку купальская невеста к людям, не всякий раз водяной хозяин девку себе забирает. О третьем годе вот забрал, и еще раньше тоже было, а чаще — нет...

Тут заранее не догадаешься. Как бы хорошо ни плавала девка в речке в обычные дни, из этого омуты выплывет ли — не от нее зависит. Выплывет — хорошо, родня тихо порадует и не упомянет никогда, что была дочка купальской невестой. Нет — по ней плакать, голосить не станут, и на краду^[14] положить будет нечего.

Старший волхв легонько подтолкнул невесту, она шагнула и тихо, без крика упала в реку, плеснула вода, и круги пошли. И все. Люди отпрянули от края, поспешно разошлись. Дальше — дело не людское...

Девушки-русалки переговаривались, пересмеивались, кое-кто начал уже карабкаться вверх по склону. А там, наверху, один за другим стали по берегу вспыхивать купальские костры, зажженные от того самого священного огня, частица которого утонула в Верице.

Чаяна, уже в венке из цветов и трав, побежала по склону вверх, Велька за ней, тоже не забыв прихватить с ближнего куста веночек попышнее. Но нехстати подол рубахи зацепился за куст и угрожающе затрещал. Пришлось остановиться и отцеплять, не хватало еще рубаху изорвать в самом начале! В прежние разы, кстати, не было с ней такого, взлетала по склону ног не чуя, и никакие кусты мешать не пытались. А нынче она не русалка...

Велька оказалась наверху в числе последних. Уже стемнело, и купальский костер, казалось, горел так ярко, как никогда не горит огонь в иное время. Вокруг костра крутился русалий хоровод, быстро, очень быстро, девушки не пели, только смеялись, кричали что-то. Ничего, придет время и для песен.

Разорвав чьи-то сцепленные руки, Велька вошла в хоровод и побежала вокруг костра. Пламя бушевало, искры летели в черное небо, русалки веселились, но близко к костру не приближались — боятся они, русалки, большого огня. А Велька, вырвавшись из крепких чужих рук, вбежала внутрь круга и оказалась там, где жарко, очень жарко. И весело было, так весело! Хоть не пила она отвар, но общие кураж и веселье, чары купальской ночи разожгли кровь, ей хотелось визжать, прыгать, смеяться. Рядом зарокотал кудес, и Велька закружилась в быстром, неистовом танце, кружилась, кружилась, приближаясь к костру ближе, ближе...

Смолк кудес, и она опомнилась, отступила.

А в костре... Там, в самой глубине огня, метались огненные птицы, и звали ее неслышно, и девки огненные, крошечные, с ладошку, кружились, смеялись и руки протягивали, звали, так звали! Как русалки, только огненные, им тоже было весело, и никто-то, кроме Вельки, не видел их...

Да ведь и она не видела! Морок это, просто морок огненный! Она ведь среди русалок, и без оберегов, без защиты, которую отвар заговоренный дает, вот и морочит ее, что только дотянется. Ничего. Ее никаким морокам так просто не взять!

Велька сделала отвращающий знак пальцами и побежала за девушками, разомкнувшими хоровод, прочь от костра, туда, где путь к лесу преграждали выстроившиеся длинной цепью парни. Теперь, после пляски у костра, ей хотелось бегать по лесу, хотелось не отставать от других русалок, хотелось веселиться, а кровь в жилах словно пенилась и играла, как молодой мед. Она почти позабыла, что ей убежать как раз не надо, ей надо спрятаться где-нибудь в потемках да тенью невидимой пробраться туда, где сидит батюшка с близними гостями, чтобы подсмотреть кое-что, ей интересное...

Ничего, успеется, все успеется! Ночь ведь купальская долгая-долгая... хоть и самая короткая она за лето, а все успеется!

Оттуда, где стояли парни, уже доносился смех, возгласы, звуки возни, возмущенные крики, а подале — чей-то пронзительный визг и треск кустов. Живая цепь, преграждающая путь, уже разбилась, и Велька вбежала под деревья, не встретив преграды, и тут же пришлось с визгом уворачиваться от чьих-то ловких рук. А с другой стороны тоже выскочили темные фигуры, и она чуть не попала, но другие «русалки», вооруженные крапивными вениками, пришли на помощь, и она благополучно сбежала. Чтобы оказаться прямо посреди крапивных зарослей, сразу ощутив под ногами жгучий ковер, и это здорово! Велька тут же нарвала себе веник, завернув стебли в большой лист, и помчалась

туда, где слышала визг — какую-то «русалку» догоняли сразу трое парней...

Зря, что ли, руки обожгла, ломая крапиву?

Не догнали их, конечно. Но одному из преследователей, самому настырному, от обеих досталось жгучего угощения. Велька ее, эту другую девку, которой помогла, не узнала, да и не старалась узнать! В конце концов они трое, «русалки» и парень, разбежались в разные стороны, и... Велька вдруг оказалась одна.

Совсем одна.

Тихо стало, шум остался где-то далеко. Хорошо, что все же остался, а то и растеряться можно, куда ни глянь — лес глухой, ночной. И звуки леса исконные стали слышны: скрип дерева, крик какой-то птицы в кустах и уханье совы неподалеку. И жутко стало, подумалось, что вот сейчас покажется кто-то из кустов... леший?

Ничего, сейчас она просто постоит, отдохнет немного, осмотрится и поймет, куда забралась...

Велька тяжело дышала, чувствуя, как навалилась усталость, даже шевельнуться не хотелось.

Слишком ранняя усталость! Выпей она русальего отвара — еще носилась бы по лесу.

Ничего, просто отдохнуть всего-то и нужно. Оглядываясь, она стала узнавать место, старые березы, а если еще немного влево пройти, будет кривая береза с большим дуплом. Значит, чтобы к Русальему озеру выйти, надо взять правее. Все они, «русалки», в конце концов выйдут в этому озеру, чтобы искупаться в его холодной черной воде и отпустить русалок восвояси, потому что в этом озере и скрыт проход в их навий мир.

Ей, Вельке, можно и не купаться нынче, она ведь отвар не пила, она не русалка. Но — кто знает? Вон как по лесу ей славно бегалось! Может, взяла ее русалка и без отвара? Значит, надо идти. Вот немного еще постоять, прислонившись к березе, совсем немного...

Луна выглянула полностью, стало светлее, зато тени меж деревьями легли чернее, гуще.

И вдруг — Велька даже вскрикнуть не успела — кто-то большой возник, выдвинулся из-за ее спины, неслышно, как тень, и крепко ее обнял, стиснул так, что и не пошевелиться. Она только вздохнула судорожно, дернулась, да куда там! И травы из ее венка, смятые его рукой, запахи необычайно пряно и резко.

Леший?

Нет. Человек.

Кричать — какой смысл? Да и крикнуть она бы не смогла, только замычать, потому что одной ладонью он крепко прижал ее лицом к своей груди, а держал, значит, всего лишь одной рукой — да точно ли у него их всего две, почему будто связанная крепко?

— Тихо, лиска, тихо, — шепотом попросил он, склоняясь к самому ее уху. — Поймал я тебя все-таки. Обещай не шуметь — отпущу.

Лиска?! Ириной звал ее лисой и обещал поймать на шапку. А еще раньше назвал белкой.

Но это был не Ириной, точно не Ириной, и голос не его, и вообще...

Не он.

— Не станешь кричать?

Как будто это было важно — не кричать в лесу в купальскую ночь!

Велька отрицательно мотнула головой, и крепкие объятия тут же ослабли, парень отодвинулся, дал на себя взглянуть, благо луна светила не скупясь.

Незнакомый.

— Не бойся меня, — добавил, — не обижу. И другим не позволю.

Ох ты ж...

— А если я тебя обижу? — лукаво предположила Велька. — Ты, что ли, русалок не боишься?

Она с интересом поглядывала на парня. Высокий, здоровый, широкоплечий, таких в кмети берут, да не куда-нибудь, а в ближнюю дружину. А рубаха холщовая, и не поймешь в потемках, какого цвета, но — крашенная. Вышивка по вороту и рукавам широкой каймой, света маловато, чтобы ее разглядеть. Но вроде не по-здешнему шито. Волосы не темные и не совсем светлые.

Лицо... Хорошее лицо. Вроде не такой красавец, как, к примеру, каряжский княжич Ириной, но хотелось глядеть и глядеть...

Парень только улыбался.

— Поймал я тебя, русалка. Теперь не отпущу.

Нагнулся и быстро поцеловал в щеку, потом в другую, губы его были сухие и горячие. Велька только вздохнула глубоко, не отстраняясь, удивившись попутно — ну надо же, а хорошо как! Приятно...

А сова продолжала ухать, теперь еще ближе.

Морок, что ли, продолжается? Или другой вот-вот затянет, морочней прежнего? А что, нынче ночью все возможно.

— Ты не такая, как они, — сказал парень, показав кивком куда-то далеко. — Я имею в виду, не такая, как все девки в этом лесу.

— На кикимору похожа? — уточнила Велька, наморщив нос. — Или

на болотницу?

Парень засмеялся весело, глаза блеснули.

— На русалку! Но не она. Говорю же — не такая.

Вообще-то, он был прав. Отвар не пила — не такая. Но как догадался? Не спросишь — не узнаешь.

Она и спросила, лукаво взглянув исподлобья:

— А как ты догадался?

— Чую. Сейчас не могу точнее сказать, а потом как-нибудь расскажу, — он легонько, почти не коснувшись, погладил ее по щеке. — Будет еще время, лиска.

Ишь ты! Время у него будет! В этом Велька очень сильно сомневалась.

— Человек ли ты? — спросила она требовательно, потихоньку сложив пальцы левой руки в знак, открывающий суть. — И имя свое назови!

Если он из навий, надо сбегать, пока не поздно.

Парень рассмеялся, ответил быстро, не запинаясь:

— Человек я, человек, кто ж еще. Меня Венко зовут. Мы... люди торговые, товары возим. Меха, булат... да чего только не возим. Мы удачливые, серебро в кошеле есть всегда, и невест выбираем, каких захотим. Но я свою вот только нашел, а как зовут ее — не знаю. Имя-то свое назови мне, а, лиска?

Да, он, и верно, человек. У Вельки отлегло от сердца.

— Зовут меня Велей, — не стала она отпираться, — только вряд ли я тебе невестой стану, купец, хоть всем ты хорош. Я тебе не подхожу.

— Подходишь-подходишь... — он придвинулся ближе, — даже не сомневайся. Веля, значит... мне нравится, как тебя зовут.

— Ну, как Светлые Боги рассудят, — вздохнула она, — а только пусти меня сейчас.

— Я русалку поймал и без поцелуя ее никуда не пущу, — он снова улыбался, глядя ей в глаза. — А потом и до рассвета не пущу. И пусть Светлые Боги судят!

Ну да, раз уж поймал...

Можно и не только целоваться. А на беду или на счастье, тут не угадаешь.

А ей от его взгляда хорошо было, тепло и радостно. Целовать ее сейчас его полное право. А вот что касается «до рассвета» — ой, вряд ли!

Но об этом она больше говорить не станет, пусть думает, что хочет.

— Так целуй, что же ты медлишь, — разрешила она.

Он другого приглашения ждать не стал, придвинулся, крепко обнял и нагнулся к ней, чуть приподнимая...

Губы его были такие же горячие, а поцелуй вышел долгий. Сладкий. Даже дышать стало невмочь, и то ли плакать захотелось, то ли смеяться, а по телу словно волны катались жаркие! И как чужое оно стало, тело, и легкое прямо до невозможности...

А парень, прервав поцелуй, стиснул ее так, что и дышать стало почти нельзя. И возражать не хотелось, убежать, прятаться — не хотелось...

Венко...

Имя у него такое, так и катается по языку, так и звенит. Венко, Венко...

Так и звала бы его, кричала бы: Венко!

А у нее дела, между прочим, обещание, сестре данное и не выполненное.

И вообще, княженка она! Княжеская дочь! Можно разве ей с купцом ночью по лесу гулять, даже если это не просто ночь, а Купала! Не обрадуется батюшка-князь такому зятю, это и без ворожбы ясно.

В голове прояснилось, вот и мысли разумные приходиться стали. И до Русальего озера еще добраться надо.

— Пусти меня, Венко! — попросила она, стараясь заглянуть ему в глаза. — Очень прошу. Не надо больше ничего, Венко, — ах, как приятно было по имени его звать, — Венко, я ведь захочу — уйду. Хочешь убедиться? Лучше так пусти, — и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку.

Ой, зря! Он опять к себе крепко прижал.

— Хочу, хочу посмотреть, как уйдешь! Только не уйдешь ведь!

Велька только хмыкнула. Видали мы таких, уверенных.

Дождавшись, когда он хватку ослабит, она тут же сложила пальцы одной руки в отводящий глаза знак, а на другую, мысленно проговорив нужные слова, тумана намотала, как пышную кудель, и бросила растерявшемуся парню в лицо, а сама проворно скрылась в густой тени меж березами. И бросилась бежать, продолжая твердить отводящее глаза заклинание, — если он и услышит ее шаги и треск веток, ни за что не поймет, откуда звуки доносятся.

Вот и славно.

Велька отдышалась, огляделась, довольно улыбнулась. Словно большой беды миновала!

Так и есть. Никак нельзя было допустить того, что между ними затевалось...

На озере почти все «русалки» уже собрались, кто в хороводе кружил вокруг старой березы, кто просто у воды сидел. Все так же шумно было, хоть то, первое, оживление прошло, девушки успели устать, и теперь мало

кого из них тянуло бегать в салочки по берегу. Чаяна, поджав ноги, устроилась на большой коряге, наклонившейся над озером, словно мостки. Ее длинные волосы свисали почти до воды — ни дать ни взять настоящая Водяная Хозяйка, приглядывающая за тем, как резвятся на бережку ее подданные. Кто бы увидел — разум бы потерял...

Никто не увидит. Никто посторонний сюда не приходит и в обычный день, не то что на Купалу, когда ворота в Навий мир распахнуты. Место запретное для всех, кроме девок-русалок...

Княженку ждали, замахали руками, Чаяна сразу слезла с коряги, подбежала, обняла:

— Ну? Что долго, сестренка? Как, видела что?

— погоди, не сразу, дай срок, все будет, — отмахнулась Велька.

А от озерной воды таким холодом несло, прямо убежать захотелось да в шубу завернуться!

— Ладно, — кивнула Чаяна и, замахав руками, повернулась к озеру, — пора, сестрицы, Водяной Хозяин ждет! Встречай в гости, Водяной Хозяин, отворяй, пусти нас в свои сени, свое забирай, а наше обратно отдай! Тебе на радость, нам на здоровье! Тебе на утеху, а нам на достаток! — прокричала она положенные слова и, сняв венок, швырнула его в гладкую черную воду.

Рубаха ее, сброшенная в следующий миг, повисла на той же коряге, а сама княжна, подняв целую кучу брызг, вбежала в озеро и бросилась в воду, поплыла, и тут же ее примеру последовали остальные девушки, и озеро забурлило, вспенилось брызгами, закипело от белых девичьих тел.

А холодно все же как...

Раньше было иначе. Хотя вряд ли нынче озеро стало холоднее, чем бывало всегда в это время года.

Велька, уже без венка и рубашки, стояла у самой воды и не решалась шагнуть, хотя понимала, что нельзя медлить. Окунуться и выскочить, и хватит, а стоять и колебаться, привлекать удивленные взгляды — нельзя.

— Что ты? Не стой! — какая-то девушка, не узнавшая ее и принявшая за совсем молоденькую, впервые пришедшую к озеру, решила помочь и сильно толкнула сзади, и Велька полетела в воду.

Холодно!!!

Она попыталась плыть и даже нырнула, но все равно поскорее выбралась на берег, выжала волосы и натянула рубаху на мокрое тело. Полотенце бы!

Никогда, наверное, такого не было, чтобы русалки являлись на озеро с полотенцами! Ну так она и не русалка, теперь уж вовсе никаких в этом

сомнений после озера-то. И согреться надо, пробежаться, что ли! И Велька, прикинув, в какой стороне речка и люди, бросилась бежать, петляя между деревьями. Подумаешь, пробежаться малость! И когда острая боль пронзила лодыжку, первым ее чувством было удивление: да что же это такое!

Ясное дело что! Ногу повредила. Русалки почему-то ноги не ранят, хоть носятся по лесу, себя не помня, а обычные, человеческие девки — запросто, особенно если в потемках.

Велька села, ощупывая ногу. Потом попробовала встать, держась за березу, подпрыгнула на одной ноге, попробовала осторожно идти.

Больно! Как же теперь до речки, до купальского костра добраться? А придется как-то! Скоро девушки пойдут здесь, можно будет позвать...

— Ну вот, лиска, снова и попалась.

Оглянулась она и чуть не упала, неловко опершись о больную ногу, — Венко стоял буквально в паре шагов.

— Откуда ты взялся?!

А он смеялся:

— Иди сюда. И не убегай больше, не убежишь! Да, и вот что: захочешь прогнать, я сам уйду. Только не торопись, это успеется.

Он шагнул к ней, и — Велька даже моргнула от удивления — накрыл ей плечи шерстяным плащом, и прижал к себе, согревая.

— А плащ где добыл, когда успел?! — продолжала она удивляться, поскольку ей казалось, что с момента их расставания прошло совсем немного времени.

— Рано тебе еще, лиска, мои секреты знать, — он нагнулся и легонько поцеловал ее в нос. — Ты грейся, а то не лиска, а лягушка холодная. От того холода лучше живым теплом отогреваться, сама ведь знаешь, а, волхвовка?

— Знаю, — шепнула она, — спасибо тебе.

Знать-то она знала, что это за холод, но на своей шкуре ощутила в первый раз, и могла ли подумать, что станет отогреваться после навьей студеной воды в объятиях иноземного купца. И стояла бы так, в его плаще, и прижимаясь к его груди, долго-долго, так хорошо стало, тепло.

— Ты вот что, — сказал он, — не ворожи больше. И не убегай, не бойся меня. Обещаю, что против твоей воли ничего не сделаю. Только что сама захочешь.

— Хорошо, — она кивнула.

Предложение ей нравилось, с какой стороны ни погляди: и не убегать, и ничего против ее воли не будет.

— Могу помочь, если хочешь. Тебе ведь надо помочь?

— С чего ты взял?

— Ты же не просто так нынче не такая, как все. Какой и тебе полагалось бы быть. Потому что волхвовать тебе сегодня хотелось. Да?

— Да, — не стала отпираться Велька. — Догадливый ты, Венко!

— А то. Ну, говори, чем помочь? Если поцелуев не пожалеешь. Уж не взыщи, без платы я не согласен.

— Договорились, — сразу согласилась Велька, такую плату ему она и сама бы охотно платила не считая, до утренней зари, по крайней мере.

— Я ногу подвернула, идти не могу. Может, сумеешь вправить?

— Сядь, — он тут же усадил ее на поваленное дерево, — эта нога?

Распухшую Велькину лодыжку он ощупал не спеша, со знанием дела, потом коротко дернул, она вскрикнула и тут же почувствовала, что нога в порядке и почти не болит.

— погоди, боль уйму, — он держал ее ступню, покачивая, мягко поглаживал, и Велька с удивлением почувствовала, что боль уходит, исчезает вовсе.

— Ты как знахарка! — она улыбнулась. — Спасибо, Венко!

— Почему знахарка? Знахарь! Меня знахарь один и учил. В дороге да на войне такая наука всем нужна, — он помог ей подняться, — ну, ничего? Не болит?

Вместо ответа она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы и тут же спросила:

— Венко, ты в Карияре бывал?

— Я много где бывал, и там тоже.

— Видал кариярских княжичей?

— Ну, видал.

— Старшего среди них указать можешь?

Парень отрицательно мотнул головой.

— А про проклятье их слышал? — не отставала Велька.

Тот лишь пожал плечами.

— Да не особо.

— Ладно, — Велька вздохнула, — мне их сейчас всех четверых отыскать надо на луговине, где гулянье, и взглянуть, но так, чтобы они не заметили. С этим мне можешь помочь?

Венко помедлил, колеблясь, словно раздумывал, надо ли мешаться в такое дело. Но согласился:

— Отыщем-то легко. А что искать-то станешь, метку от проклятья, что ли? — догадался.

— Ну да, — не стала отпираться княженка, — любопытная я вишь какая. Хочу знать, на ком проклятье.

— А я жадный! — он усмехнулся. — Плату буду с тебя без счета брать!

— Возьмешь свою плату, помоги сначала!

— Ну, пошли, — он крепко взял ее за руку. — Да гляди, ступай легче, ногу береги...

Велька, хоть уже не мерзла, так и продолжала кутаться в его плащ. Прошли немного, потом он поднял ее на руки и понес, хоть она и пыталась протестовать, и ему, казалось, вовсе не было тяжело. А ей чем дальше, тем все невозможней было и думать о том, чтобы расстаться с ним на рассвете.

Наконец пришли, стали слышны звуки праздника, и купальский костер, не такой уж высокий, как поначалу, завиднелся меж деревьями. Венко поставил ее на землю.

— Жди меня тут, я быстро. Осмотрюсь, княжичей твоих найду.

Он вернулся скоро, поманил ее за собой:

— Пошли, лиска. Повезло, все четверо вместе сидят.

Они и сидели вместе, четверо кариярских княжичей, возле крошечного костерка, и мерцающий огонь хорошо освещал их, не обманешься. Все четверо были в похожих рубахах из красного шелка, золотом расшитых. А рядом, пятым, расположился молодой боярин Даробож, всегда добродушный и разговорчивый, лишь случится ему хлебнуть хмельного. Видно, и теперь он уже угостился как следует и увлеченно что-то рассказывал, а княжичи, тоже с чашами в руках, придвинулись к нему близко и слушали.

Велька видела их хорошо, а вот они их с Венко так просто не заметили бы, скрытых кустарником и еще темнотой, которая, отодвинувшись от костерка, еще больше сгустилась там, куда не попадал свет. Дополнительно глаза отводить и нужды не было.

Купец стал позади, обнимая Вельку за плечи, каждым движением заявляя свои права на пойманную «русалку».

И впрямь его руки казались горячими, очень горячими даже через толстый плащ, это мешало, не давало вспомнить, что ей, собственно, делать следует. Не просто суть парней этих надо увидеть, адпетки колдовские, скрытые, а это непросто! Не каждый смог бы. Бабка Аленья могла. А у Вельки от бабкиных умений — лишь малая толика.

И Венко этот! Принялся еще шею ей целовать, волосы руками перебирая. Приятно, да, но как тут волхвовать?

Она мотнула головой:

— Погоди. Мешаешь.

Он со вздохом убрал руки, отодвинулся.

— Извини. Я подожду.

Эх, сбежать от него надо! А ведь не хочется. И пробовала ведь уже один раз...

Велька все же сосредоточилась, и слова заветные сказались, как надо. Она вгляделась, в каждого поочередно.

Ириней. Взырошенный, растрепанный, веселый — что естественно, в такой-то праздник. На его рубахе по подолу — золотые птицы. Щека вроде поцарапана, видно, что не сидел степенно у скатерти, пока шло русалье веселье. А меток никаких на нем не видно.

Рядом с Иринеем тот, который Горибор. Он ростом чуток пониже и костью шире. Сидит задумчивый, чашу в руке покачивает, вроде боярина слушает. И на нем меток не видно.

Велемил. Заспорил о чем-то с боярином, потом из чаши отпил, засмеялся. Метка... есть какая-то. Но не такая! Эта осталась, потому что он лечился волшбой не так давно. Значит, опять не то.

Яробран. О, так он дремлет, оказывается, голову на руку уронив. Может, оттого, что медку того живительного хлебнул, тогда как остальные воздержались? А меток на нем тоже нет. Ни на ком, получается, нет? Как же так?

Венко опять придвинулся, склонился к ее уху:

— Ну что, разглядела, что хотела?

Велька досадливо мотнула головой.

— А нечего разглядывать! Венко! Но ведь неправда это. Как они скрыли? Кто-то помогает им, значит, колдун умелый какой-то.

Венко лишь плечами пожал.

— А может, тебе и не стоит лишнего о них знать, раз они того не хотят?

— Да любопытная я, говорю же!

— Что с ними не так, с княжичами?

— Хочу знать, который проклятый, — призналась Велька. Парень опять пожал плечами.

— И впрямь любопытная. А у кого длинный нос, тому его когда-нибудь дверью прищемят, так у нас говорят. Или на торгу оторвут, — он легонько щелкнул ее по носу, — а носик у тебя загляденье, жалко его будет.

— Да погоди ты, — отмахнулась Велька, напоследок еще вглядевшись.

Все уже. Совсем ничего было не видать, кроме самих парней, мирно сидящих у костра.

— Пойдем-ка, — Венко, приобняв, отвел ее в сторону, — ты поглядела, выполнил я твою просьбу?

— Не совсем, — усмехнулась она, понимая, чего он потребует теперь, — сначала ответь на вопрос, ладно? Ты ведь в Карияре бывал, кое-что слышал? Вы, купцы, много всего знаете, что вас вроде и не касается? Скажешь, нет?

— Скажу, что да, — улыбнулся Венко, — на том стоим. Иногда лишнее знание и жизнь, и мощну бережет, дело наше такое, торговое. Это у князя советников много, а у купца только своя голова.

— Скажи, княжичей кариярских всего четверо? Или больше?

— Всего четверо, — не помедлил он с ответом, — не больше и не меньше.

— А старший среди них который — знаешь?

— Лет больше всего Велемилу. Другое не скажу. Пойди сама да и спроси у них, тебе ведь не впервой, я видел.

— Видел, это где же? — вскинулась Велька.

— Да сегодня утром, на торгу. Я и другое видел, что похуже будет! — Он крепко стиснул ее плечи. — Я про купцов лесованских, поняла, про кого?

— Лесованских, говоришь. А раньше мне сказали, что оборотни это.

— Ну да. Лесованью землю их зовут, а живут там как раз оборотни: рыси, волки, еще кое-кто. Арьи еще... остались. А те твои знакомцы... они волки. Старшего Касметом зовут, он волчью суть имеет, и он колдун. Тебе бы лучше его поостеречься. Не понимаешь почему? — он запрокинул ее голову, заглянул в глаза, как ни мало это было возможно в потемках. — Ты ведь арья на какую-то часть?

— Кто я? — удивилась Велька. — Я о таком народе не знаю.

— А знаки их на шее носишь, около сердца, где самому дорогому место. Что, совсем ничего про арьев не знаешь? А по облику твоему я бы еще сказал, что и рысья кровь в тебе есть, а может, лисья, но только чуть. Но я не слишком в этом разбираюсь.

— И арья какая-то я, и еще лиса или рысь! — Велька расхохоталась, от удивления, быть может. — Не страшно тебе меня в жены звать?

— А чего страшного? Какая ты есть, такая мне и полюбилась. Моя, не отдам никому, — он широко улыбнулся, так, что блеснули его глаза и белые зубы.

— И у меня не спросишь, пойду ли?

— Так тут твой ответ, на ладони, вижу я его. А у батюшки твоего спросим, как же без этого.

— Ах ты! — Велька хотела было рассердиться, но вместо этого опять рассмеялась. — Расскажи мне еще про арьев, что это за народ?

Бабка Аленья была пришлая, чужая, и никогда о прошлом своем не говорила. Значит, она арьей была и пришла из земли, называемой Лесованью, где жила поблизости от оборотней. И ее обереги ясно об этом говорят тому, кто знает...

— Арьи пришли в Лесовань позже оборотней, — заговорил он негромко, с расстановкой, иногда задумываясь, как бы получше сказать, — точнее, оборотни говорят, что жили там всегда. Арьи пришли и заняли землю, которая пустовала, местные боги и духи их приняли, дав им право на землю. Так говорят, я сам в таких вещах смыслю мало. Но народы, бывает, множатся, и им становится мало земли. Арьи не разрослись, остались слабым племенем. Их главная сила в огневой волшбе, хотя и немногие из них ею владеют. Но самые сильные Огневые Хозяйки были арьями. Их вроде осталось совсем мало, даже не Хозяек, а просто огневых волхвовок, даже слабеньких, которые лишь немного сильнее тебя. Все оборотни почитают Кару, огневую богиню, все в Лесном Краю ее почитают, и в Карияре, кстати, тоже. Потому что лес боится огня, ты же понимаешь. У оборотней редко рождаются свои Огневые Хозяйки, чаще их огневые волхвы — из арьев.

— Все равно не очень понятно, — вздохнула Велька. — Почему он, тот купец, вздумал предъявлять права на меня? С какой стати?

— Да-да, — Венко опять крепко ее обнял, — я хотел тебе сказать об этом, но позже. Тебе надо снять те знаки и никогда не надевать их. И не ходить больше на торг, неважно, одной или с кем-то. Хорошо бы Касмет просто забыл о тебе, мало ли арьев-полукровок можно где-нибудь встретить. А насчет его прав, знай, что некоторые роды арьев находятся под полной властью оборотней. Они проиграли войну. Они практически принадлежат оборотням, как рабы, ничего не могут решать за себя. Оборотень может взять любую женщину у арьев, если пожелает. И только благодаря огневым волхвовкам с арьями еще как-то считаются, их у них по-прежнему больше, чем где-то еще. А служат эти волхвовки оборотням-лесованам.

— Вот как, — Велька кусала губы, осмысливая услышанное.

Получается, бабка Аленья и ушла из родного племени, чтобы не быть холопкой у оборотней-волков! Она не рассказывала о своем народе, как будто и думать о нем забыла, отдала дочь в жены вериложскому князю, которому поручила и судьбу внучки, и умерла, ни о чем не беспокоясь. И вот ее прошлое настигло Вельку, потому что та стала носить ее обереги.

— Здесь не Лесовань эта! — Велька вскинула голову. — Здесь у него права нет меня тронуть, кем бы ни была для него моя бабка, мало ли! Он, лесован, не в жены ведь меня взять задумал, как считаешь?

— Не знаю. Мне ты вот сразу полюбилась, может, и ему тоже? — он погладил ее волосы, пропуская между пальцев пряди. — Но не ходи больше на торг, ни за каким делом, обещаешь мне? Обещай, а не то...

— А не то что?

— Я подумаю, стоит ли мне некоторые свои обещания помнить! Тогда уже моя будешь, а не ему по глупости достанешься!

— А ты, купец, подумал, что сказал?! — тут уж Велька изо всех сил постаралась рассердиться.

Хотела, но не получалось.

— Обещаю я, обещаю, — сказала она уверенно, — ты меня напугал, вряд ли кто сумел бы лучше! Ни шагу на порог, пока они в городе, волки эти.

Так-то в самые ближайшие дни Велька надеялась уехать домой, в Синь. Но теперь, одной, пускаться в такой путь что-то расхотелось. И ладно, побудет она в Верилоге, сестру проводит. Отец не откажет.

И чего ей бояться, в самом-то деле, в отцовских хоромы за высоким забором?

— Вот и хорошо, — он привлек ее к себе и осторожно поцеловал в губы. И вдруг спросил: — А скажи-ка мне, лиска моя, сколько княжон в Верилоге вашем славном?

Велька моргнула от удивления, так не ждала подобного вопроса. Но с собой справилась, улыбнулась:

— Как сколько княжон? Одна-единственная, Чаяна Велеславна. Это все знают.

— Понятно, — кивнул Венко, — княгиня только одна бывает, и дочери ее княжнами зовутся. Но, помимо княгини, у князя ведь и меньшицы могут быть? А меньшицыных дочек как у вас зовут? Княженками? — и голос его так звучал, словно Венко улыбался хитро.

Вот так вопрос! Велькино сердечко тревожно застучало. Почему он об этом спросил, о чем догадался?

— Должно быть, так, — согласилась она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — А в других местах иначе?

— По-всякому, — Венко огляделся, снял с нее плащ и бросил под куст, — мы еще через костер не прыгали, а ведь надо? Не удержу тебя, тогда и говори, что не гоюсь в мужья!

— А моя нога?

— Говорю же, удержу!

— Тогда подожди, только веночек сплету.

Тот русалий веночек остался то ли у озера, то ли в нем, а выходить к костру следовало в новом. Ну да на веночек много времени не требовалось, Велька его в два счета скрутила из гибких березовых веточек, добавив к ним тех трав, что нашлись под ногами. Чтобы веточки березовые сломать, повинилась перед березой, разрешения попросила, как положено. Та пошелестела ветвями, позволяя. К костру княженка шла в обнимку с Венко, и было легко и весело. Хотелось с ним прыгнуть, хотелось, чтобы удержал, чтобы сумели они не разжать рук над священным пламенем. Как будто ей и правда за Венко замуж идти!

Не идти, конечно. Только в кощунах случается, чтобы купец княжескую дочь в жены взял, да и там купец ради такого должен большой подвиг совершить, Жар-птицу поймать или молодильные яблоки украсть, при этом железные башмаки стоптать, и еще чего только он не должен! Но хоть помечтать — можно? До рассвета, не дольше?

Через костер они прыгнули ловко, перенеслись так, будто были одним целым. А Вельке показалось, что ее заслуги в том было мало, это Венко прыгал, крепко держа ее, а она просто позволила перенести себя через огонь. И тут же они отошли прочь, от шума, от гвалта и радостных криков, не только затем, чтобы дать место следующей паре, а просто чтобы уйти вместе, в этой праздничной суматохе им было больше нечего делать.

— Что, пора нам папоротников цвет поискать? — предложил Венко, снова мягко сжав ее в объятиях. — А ну как найдем, и клад нам откроется ценою в весь Верилонг? Ты не бойся, милая, я обещания не забыл. А ты, кстати, поцелуй мне без счета обещала — не забыла?

— Сначала — папоротников цвет! Это ты хорошо придумал! — смеялась Велька.

А до рассвета все еще долго было, так долго, что, кажется, и не будет его в этой жизни, рассвета...

Рассвет, конечно, наступил, но жизнь словно и впрямь стала уже другая, следующая. Или, может, просто во сне Велька гуляла с парнем по ночному лесу, забыв про какие-то там цветки папоротника, которые мало кто из живых когда-нибудь видал. А потом они вышли к речному берегу, поодаль от праздничного гулянья, и устроились за ивняком, на поваленном дереве, которое оказалось на диво удобным, не хуже лавки в горнице — если при этом прижиматься плечом к широкой, теплой груди Венко. Они говорили о чем-то, уже и забылось о чем! И целовались, а потом опять

говорили, и опять целовались. А потом она задремала, а когда открыла глаза — уже был рассвет. А Венко рядом не было.

Они не попрощались. И ни о чем не условились. Вот был Венко — и пропал, нет его!

— Ах, княженка! — над Велькой заботливо склонилась челядинка с княжьго двора. — Княгинюшка уж беспокоится, всех погнала тебя искать! Леший не заморочил ли? Всю ночь где-то пропадала!

— Все хорошо... Ветелка, — не сразу вспомнила Велька имя женщины. — А леший... Может, леший то и был.

— Ох, Матушка Макошь! — Ветелка, не теряя времени, споро опоясала княженку поневой, остро стрельнув глазами по подолу ее рубахи — леший-то леший, а мало ли что, туго затянула гашник, а на плечи ей набросила большой платок. — Все ли ладно, княженка? — она пытливо заглядывала Вельке в глаза.

— Да все хорошо, Ветелка, не было лешего, — улыбнулась Велька, — пошутила я. Это я заплутала что-то, а потом сама не знаю, как заснула. Все хорошо.

— Заплутала? Значит, все же леший! — всплеснула руками женщина. — Не подходил, не показывался? А может?.. Ох, княженка!

— Да нет же, нет! — Велька засмеялась и поняла, что вот теперь проснулась окончательно.

А что случилось этой ночью, того больше нет. А есть рассвет. И все то, что всегда было и, надо полагать, будет еще долго. Значит, теперь первое дело — это косу заплести...

ГЛАВА 5

Сговор

Мало кто из добрых людей не приляжет поспать после купальской ночи. Когда Велька домой пришла, в их с Чаяной тереме тишина стояла, уставшие девки спали, кто в сенях, кто где. А Чаяна сидела у Вельки в горнице, ждала. Увидела — вскочила, подбежала, заглянула в глаза:

— Ну что? Видела?

Велька головой покачала.

— Не видела. Среди тех четверых ни на ком проклятья не видно.

Сестрица вздохнула.

— Матушка то же говорит. Что проклятого нет! Получается, и жениха моего среди них нет?

Выходит, и правда подрядила кого-то княгиня княжичей смотреть, и кого-то знающего, не то что княженка, волхвовка-недоучка. Может, и не стоило Вельке за это дело браться, пила бы русалий отвар и была бы как все.

Тогда бы она Венко не встретила. Не обнимал бы он ее всю заветную ночь, не целовал бы, не шептал бы ласковые слова...

— Ладно, сестренка, — потупившись, махнула рукой Чаяна. — Будь что будет. А ты где была-то, что тебя и не видали почти? — она придвинулась, заглянула в глаза. — А через костер с кем прыгала? Кто таков?

— Видела, значит? Купец один, — не стала Велька скрывать. — Сплоховала я, он меня изловил еще до озера. Так и ходил за мной всю ночь.

— Да ты что? — изумилась и развеселилась сестра. — Купец? И ты всю ночь с ним хороводилась? И через костер прыгнула! А ну как вообразит он себе лишнее да явится свататься? Что батюшка скажет?

Вот об таком Велька как-то не подумала. А ведь вполне возможно. Просить руку княжеской дочки Венко вряд ли решился бы, но ведь он ее челядинкой считает, она на ярмарке так называлась!

Вот тут все и откроется. Повеселятся люди. А отец осерчает, это и к ведунье не ходи.

— Что? — Чаяна не сводила с нее глаз. — Ничего ему не наобещала? А задаточка не дала, случаем, раз он — еще до озера?..

— Нет! — отрезала Велька. — А ты, сестрица, не скучала? Небось все

четверо женихов проходу не давали?

— Да меня столько нянек пасли, как с озера вернулись, что куда там женихам! — хихикнула Чаяна. — Будто сама не знаешь, как бывает. Через костер прыгнула, правда. С каждым.

— И что?

— А ничего! — отчего-то княжна вдруг разозлилась. — Прыгнула, и все! Знаешь, я так спать хочу, что себя не помню. Давай-ка, что ли, отдохнем малость?..

Ушла она. Велька вытянулась на лежанке, подбив поудобнее подушки.

Завидует, что ли, сестрица? Ее сторожили. Кто бы ей наговорил сладких слов о любви, от которых у нее, у Вельки, до сих пор голова кружится? Княжичи, конечно, могли бы. А лучше, если тот, старший-проклятый, кому ее сватают. Да хоть бы и все сразу! Никто бы не сказал, что это неправильно...

Вспомнилось ей, как Венко-купец спросил, сколько княжон в Верилоге, и помянул, кто есть княженка. А ну как не просто так говорил? Знал ли он, что она и есть княженка?

Да нет, откуда?!

Он сказал, что на ярмарке ее видел. А про княженку ему кто угодно мог рассказать. Никакая не тайна, что у князя есть меньшая дочь, которая живет не в отцовском доме, а в дальней веси и которая княгине Дарице падчерица. Потому и не стоит спрашивать, сколько в Верилоге княжон, если хочешь узнать, сколько дочерей у вериложского князя.

А спрашивать, сколько княжичей в Карияре, — это можно?..

Так и заснула Велька, ни до чего путного не додумавшись. И сон ей снился чудной, птицы золотые, и много-много было их, целая стая, и будто рвались они ввысь, рвались, кричали, крыльями били, а улететь не могли. И жалко было Вельке этих птиц, так жалко, что словами и не расскажешь! Она даже заплакала от жалости к диковинным птицам, которым ни за что на волю не улететь. А когда проснулась, и наяву глаза были мокрые.

Ну что это за сон такой, к чему?..

Не торопясь, пробуждался княжий двор после Купалы. Столы пировальные стали накрывать, когда полдень уже миновал и красно солнышко покатилося вниз. Все столы — во дворе, и княжеский тоже, чтобы князя с княгиней всем издалека видно было. Которые столы для князя и самых почетных его гостей, те скатертями застелили праздничными, браными, ^[15] дальние не застилали вовсе — ну, это как водится, где же столько скатертей напасти и как их отмывать потом, после пира, это одной ключнице княгининой ведомо. На княжеском месте на

скамью ковер постелили с дивными птицами. Сперва пироги всякие поставили, да пиво и меды в корчагах, да душистый взвар, чтобы всякий пришедший сразу мог отведать, чего душа запросит.

Девичий терем,^[16] само собой, позади всех стоял, так что главного крыльца и площади перед стольной палатой из его окошек не увидеть. Потому Велька, наскоро умывшись и приодевшись, пробралась в сени возле кухни, отодвинула заслонку на окошке, выглянула — вот отсюда видно было все.

Народ на дворе уже собирался, бояре с женами, и нарочитые горожане,^[17] и старосты всех концов городских. А за воротами вовсе толпа стояла, из купцов, мастеровых, люда проезжего. Купцам, недавно прибывшим, перед завтрашним торгом положено было князю поклониться подарками, а иным и дело какое разобрать, и о нужде своей попросить. А после и про то, что дочь отдает в Карияр, князь сударю-Верилогу, городу своему стольному, и объявит. Вон сколько дел, только и названия, что пир. А Вельки там, сказано уже, опять не будет. Но теперь это ее, скорее, радовало. И купцов-оборотней она боялась, могут ведь явиться с подарками, увидят — и куда глаза девать? И что Венко рассказал про оборотней и про арьев, ей совсем не нравилось. Лучше уж больше ни с какими оборотнями не встречаться, недаром и бабка Аленья их не жаловала. Другая тревога — Венко. А ну как все же он сюда заглянет нынче?

Сон не сон, леший не леший, кто бы ни был он, а только не сомневалась княженка Велья, что не будет в ближние дни у нее дум желанней, чем об этом молодом купце. И в то же время она не сомневалась, что видеться им больше не нужно. Чаяна верно тогда говорила: дочери у князя рождаются не для своего счастья, а для долга. Замуж им выходить за кого отец велит, а уж чтобы за купца — никогда. Так пусть лучше и не узнает парень, что за русалку поймал он на нынешнюю Купалу. А потом, со временем, все и забудется.

— Княженка, — окликнули ее негромко.

Велька отпрянула от окошка, обернулась. На нее смотрела высокая худощавая старуха в темном платке, опершаяся на длинный, выше ее роста, резной посох, — Даруна, старшая волхва из Ладиного святилища. Видно, только что вышла из кухни.

— Матушка Даруна, — Велька поклонилась.

Волхва протянула сухую, как ветка, руку, погладила Вельку по плечу. Глаза ее, несмотря на старость, смотрели, как всегда, светло и ясно, и — горестно, и впервые Велька поежилась под этим взглядом.

Волхва качала головой.

— Смотрела, девонька, я на воду для сестрицы твоей, и для тебя тоже. Непростая у тебя дорога. Ты поосторожничай, милая.

У Вельки холодок пробежал по коже.

— Мне в дорогу отправиться предстоит, матушка? А куда же?

Тонкие губы старухи дрогнули в еле заметной улыбке.

— Может, и предстоит. Я не про то. Я про судьбу твою говорю. И год, и два назад не видела я злого, а теперь вижу. Может, время пришло, вот и открылось. Ты в возраст вошла. Судьба ведь, она как река, редко сворачивает с того, что положено.

— И что же будет? — осторожно спросила Велька, не очень рассчитывая услышать определенный ответ.

Так и вышло.

— Может, помогут тебе, — вздохнула волхва, — так ты не отказывайся. А не то к нам приходи, в святилище, проживешь до будущей весны, а там, глядишь, что-то и изменится. У нас безопасно, никакая злая судьба не достанет, — она посмотрела пристально, повторила: — Никакая не достанет. Подумай.

Жить год с Даруной и другими волхвами, их там три сейчас, в избушке при капище, за высоким тыном, она самой молодой была бы. Как птичкой в клетке, взаперти. Будто не жизнь жить, а быть около жизни. Ничего не случится, ни плохого, ни хорошего. Да и то, кто знает?..

Не хотелось такого Вельке.

— Спасибо, матушка Даруна, — сказала она, — да только ведь от судьбы и на коне не ускачешь.

— Это верно, — закивала волхва, — тебе ведь может и по силам все оказаться. Если помогут, — опять добавила она, глядя на Вельку со значением. — Так ты всякую помощь принимай, не отказывайся.

— Хорошо, матушка, — пообещала Велька.

Да уж, небось не станет она отказываться от помощи-то.

— Ты жар-птиц бойся, — добавила волхва тихо, — чтобы не разорвали и не заклевали. Они такие, девонька. Ненасытные бывают, злые.

Велька так и застыла.

Живо вспомнились золотые птицы из сна и как их жаль было. А они ее — разорвут?..

— Ну, гляди, — Даруна кивнула, — надумаешь, так приходи, не прогоним, — и повернулась, пошла к выходу.

— Матушка, — не удержалась Велька, — а эти птицы, я где их встречу? Неужто тут, наяву? Они — что?

— Не знаю, милая, — волхва обернулась, качнула головой.

И ушла.

А Вельке безумно захотелось к себе в горницу, забиться там в самый темный угол и сидеть долго. Да за что же ей это? И любимого изволь забыть, и оборотни что-то от нее хотят, и судьба впереди злая, и птицы прожорливые...

Любимого — забыть? Вот так, само сказалось, само назвалось. Венко, значит, ее любимый. Хотя это еще посмотреть, если забудется через пару дней, как морок дурной, так оно и ладно. А прятаться в горнице она не станет, не дело это. Тут, за окошком, столько всего интересного случиться может, нельзя ведь пропустить.

А волхва Даруна чего приходила-то? Конечно, удивительного в этом нет, и почет Даруне полагается всегда и всюду в Верилоге, и лучшее место, само собой, — с княгининой стороны, поперед боярынь. Только нечасто приходила она раньше за княжеский стол, если только по обряду не полагалось, а нынче пришла. Значит, княгиня звала? Или сама Даруна захотела — поговорить, упредить?

А во дворе тем временем зашумели, загомонили. Отец, князь, с высокого крыльца спустился, у стола встал со своей стороны, княгиню поджидая. И та уже шла, боярынями окруженная, от другого крыльца, и Чаяна с ними. Встали князь и княгиня рядом, народу поклонились, и все, кто во дворе собрались, поклонились тоже, куда как ниже.

Ворота на княжий двор, и так незапертые, распахнули теперь настезь: дескать, всякому тут сегодня рады. Однако кмети из стражной дружины у ворот выстроились — рады-то всем, но за порядком смотреть надо.

Толпой зашли купцы. Взгляд Вельки заметался по множеству незнакомых лиц, отыскивая среди них одно, то, что и хотела увидеть, и боялась того до дрожи. Но нет, не было Венко. Зато...

Других она сразу разглядела, тех, кого и боялась видеть, и не хотела. Обратней. Они пришли, трое. Впереди стоял старший, он держал в руках блюдо, накрытое полотном. Касмет. Так вроде Венко его называл?..

Все купцы подарки принесли, у всех что-то да было в руках: блюда накрытые, мешки, ларчики. Может, и оборотни просто князю поклониться пришли и не помнят уже про встреченную на торгу девуку? Мало ли их, девок.

Вот первый купец подошел, поклонился, связку мехов из мешка достал. Отец благосклонно кивнул. Словами перемолвились: да откуда едете, и все ли ладно, и да будет добрый торг вам и хорошая дорога. Все как обычно. Слышно было Вельке не так чтобы хорошо, однако разобрать

можно. Вот Чаяна поднялась, подала купцу рог резной с медом, и князь тоже свой рог приподнял, выпили. Велька давно знала, что у отца в роге не мед, а взвар густой налит из сухих прошлогодних яблок. Это понятно, если отец с каждым купцом хмельной мед распивать станет, то ясную голову долго не сохранит, а она ему нынче до самого заката надобна.

Вот другие купцы подошли, с резным ларчиком, и за ними следующие, и всем Чаяна рог хмельной подавала. К вечеру сестрица и ног чують не будет, и лица различать перестанет, а улыбаться будет гостям все так же ласково, каждому, будто ему одному рада — не подведет многолетняя выучка.

Вот и оборотни к князю приблизились. Слова говорят обычные, как все...

Касмет полотно с блюда снял, князю с поклоном протянул то, что простая тонкая ткань больше не скрывала. Что-то длинное, обернутое в красное.

Отец даже привстал, принимая в руки редкий дар: драгоценный клинок, замотанный в красный шелк. Меч.

Вот он отвернул ткань, но совсем не убрал, продолжая держать через нее, всмотрелся, и лицо его осветилось восторгом. Вокруг переглядывались, локтями друг дружку толкали. Давненько князю ни с того ни с сего таких вещиц не дарили! Не простой дар, за такое наверняка что-то попросят.

Вельке и самой взглянуть захотелось. Самые лучшие, дорогие досские клинки лишний раз стараются в руки не брать, чтобы не портить, а берут через ткань, особенно у купцов в лавках это принято. Только шелк для этого дела, конечно, баловство. Старый дядька Хорт, оружейный княжеский, считает, что чистая льняная тканьина самое то будет. А шелк... Может, и правда меч совершенно особый, а может, пыль в глаза...

Только девку-холопку во много раз дешевле купить можно.

Вот отец сказал:

— Хотел бы и я вас подарком порадовать, гости дорогие. Может, подскажите каким?

Тут Велька вся превратилась в слух. И недаром.

— По душе мне одна твоя девка-челядинка, княже. Если подаришь, о другом и мечтать не стану.

Не ожидали за столами такого, загомонили, многие засмеялись — а что, дело молодое, дескать! И батюшка-князь улыбался, и княгиня, и боярыни переглядывались.

— Я-то не против, — сказал князь, — только не вся моя челядь

холопы. А вольную как же я тебе отдам? Это тебе полюбовно с ее родителями решить надо. Я в этом деле неволить не могу. Что за девка-то, как зовут?

— Имени я не знаю, — сказал Касмет. — Не позовешь ли сюда всех?

Переглянувшись с княгиней Дарицей, князь кивнул, подозвал отрока, приказал. Хоть и было это происшествие ненужной задержкой, но, похоже, многим стало любопытно, кого желает иноземец получить так задорого. Да и Купала только прошла, подогрев кровь даже седым отцам, что уж говорить про молодежь. Пригожий и богатый купец ищет полубившуюся девку и за ценой не стоит — будет про что вечерами байки сказывать.

Приказ исполнили быстро, все девки со двора выстроились перед купцами. Оборотень только мазнул по ним взглядом и отвернулся:

— Нужной мне здесь нет, княже.

— Так и у меня других нет, — развел руками князь и махнул, отпуская девок, — не обессудь, гость дорогой, найди в городе свою любушку, а там и решим.

И Чаяна по знаку княгини взяла рог с медом, шагнула к купцам, чтобы подать. По-всему, теперь следовало бы оборотню мед выпить и в сторонку отойти, другим не мешать. Но Касмет на княжну-красавицу и не взглянул.

— Девка эта моя, светлый князь! — заявил он, повысив голос. — У меня на нее права, кровью скрепленные. Ее род принадлежит моему роду!

Все умолкли, тишина повисла, смеяться, зубоскалить никому не захотелось.

— Ты говоришь, что я прячу у себя твою холопку? Или как?.. — удивился князь Велеслав.

— Нет, княже, — не опустил глаз оборотень, — ты можешь того и не знать. Она, полагаю, дочь или внучка той, что принадлежала мне... то есть нам, и право это, повторю, кровно закреплено.

— Услышал я тебя, гость дорогой, — медленно, мягко сказал князь. — Только ведь, знаешь ли, мы тут по своим законам живем, не по вашим. Ты о договоре каком-то говоришь, когда целый род в холопах у твоего рода? Не в ходу у нас такое. У нас, если холопка от вольного родила, то дитя ее вольным считается и роду отца принадлежит. И спустя семь лет прав на холопку ту предъявлять нельзя. Но полюбовно можно выкуп и спросить, и получить, хоть и больше лет прошло, чтобы обиды не было, — желаешь? Опять же, сначала девку найти надо.

Упрямый купец отступать не стал.

— Прости, княже, — сказал он резко, — вот эти гости твои, знатные кариярские мужи, могут подтвердить, что вчера утром девка с торга сюда

пришла, мой человек видел, — и он показал на карьерцев, что сидели рядом с князем, Велька ясно видела Иринея и пожилого бородатого боярина с ним рядом.

Иринея глядел хмуро и даже не шевельнулся, чтобы подтвердить или опровергнуть услышанное. Да и князь уже легко мог бы заподозрить, о какой девке-челядинке речь, стоило бы ему лишь вспомнить, кого на его глазах привели карьерцы с торгового вчерашним утром. Во всяком случае, улыбаться князь перестал.

— Что ж, — сказал он громко, опершись ладонями о стол, — раз отдариться не могу, то и подарка вашего, не обессудьте, принимать не стану. Пусть боги найдут того, кто меча такого достоин, а у меня и так в оружейной не пусто. Мир вам, добрые люди, — и Касмету подали его меч.

Вернули подарок. Оборотень меч взял, резко поклонился князю, повернулся и ушел прочь, спутники едва за ним поспевали. Велька взглядом его проводила до самых ворот.

Да, ушел. И откуда напасть такая, Матушка Макошь?

Подарок у купца князь не принял, значит, и торговать ему в Верилоге разрешения нет. Если Касмет того еще не понял, завтра на торгу ему мытник^[18] объяснит. Да только оборотень этот тертым калачом кажется, наверняка знает все. Теперь уедет он из Верилога немедленно, делать ему тут нечего больше.

Что-то коснулось ее ноги, Велька обернулась, радостно всхлипнула: Волкобой! Пробрался в сени и теперь терся о ее ногу — хотел, чтобы погладила, должно быть.

— Ох, Волкобоюшка, — Велька бросилась, обхватила собаку обеими руками, обняла. — Хороший мой. Они ведь ушли, оборотни, совсем ушли, да? Больше не вернутся?

Пес лизнул ее в щеку, потом в нос, языком горячим, шершавым.

— Ладно, Волкобоюшка, — всхлипнула Велька в последний раз. — Помоги нам Светлые Боги, чтобы не вернулись они больше никогда. Давай дальше посмотрим. Вдруг Венко придет? Ох, Волкобоюшка, вот бы еще разок его увидеть, самый последний. А он чтобы не видел меня! Как считаешь, он придет?

Надежда на это оставалась, многие купцы еще за воротами стояли. Венко мог бы сопровождать кого-то из своих. И Вельке вдруг неистово захотелось еще разок на него взглянуть, только чтобы он не вздумал никаких челядинок искать и тем паче свататься!

А Волкобой на этот счет, похоже, мнения не имел. Только лизнул Вельку разок в ладонь.

Долго еще шли купцы, а Венко и не было. Вот и последний торговый гость вручил свой дар князю и Верилогу и выпил свой мед. Настало время к другим делам переходить.

Князь встал, руку поднял — стало тихо. Кашлянул князь в кулак и заговорил:

— Сами видите, люди вериложские, что Светлые Боги на нас вроде не гnevаются. И закрома не пустые у нас, и торговля добрая, и ловы^[19] не напрасные, и детишек здоровых да крепких рождается много! Мы за это Богов наших и чуров-заступников благодарим и благодарить не устанем! Так ведь?

Одобрительный гул волной пробежал по толпе и быстро стих. Все правильно князь сказал, только ведь это, как говорится, только присказка.

— И вот думаю я, люди вериложские, как бы не разгневать мне их, Богов наших и чуров, тем, что голубку, в моих палатах выросшую, все взаперти держу! А ей давно уж пора лететь отсюда, свое гнездо вить! И внуками порадовать меня, и чуров моих, и весь Верилог. И дружба наша чтобы с добрыми людьми, у которых она гнездо совет, крепкой была, всем на счастье и на достаток. Вот такая весть у меня для вас!

Народ во дворе зашумел радостно. И то сказать, весть была вполне ожидаемой, мало какую «голубку» в Верилоге до семнадцати лет «взаперти держали». Княжна, конечно, не то что другие девки, но и у нее ведь сроки есть, с которыми ничего не поделать.

— Княжна ваша, Чаяна Велеславна, в Лесной Край поедет, в Карияр, по давнему уговору с князем тамошним, чтобы когда-нибудь княгиней кариярской стать. И чуры это благословили, и жертвы, что мы принесли, приняты были хорошо!

Добавление про чуров и жертвы казалось кстати. Хотя многим было без разницы, кому отдавать княжну, князю-то виднее, немало нашлось и таких, кто вспомнил про проклятье на Карияре и не порадовался грядущему родству. Да-да, князя роднятся — это и земли их роднятся, и удача, милость Богов Светлых! Не шутки это! А у кариярцев проклятье...

Все равно, люди шумели, переглядывались. На Чаяну глядели, нарядную, сверкающую, как на птицу из сварожьего сада,^[20] та стояла, побледнев и потупившись. Вот сейчас все слова будут сказаны, и обратно не повернешь.

Встал боярин, что сидел рядом с Иринеем, старший над кариярским посольством, поклонился князю с княгиней и хотел было уже заговорить, чтобы довершить дело, как вдруг княгиня Дарица тоже поднялась со своего

места. И даже князь Велеслав поглядел на нее удивленно — не ожидал.

— Все так, люди вериложские! — заговорила княгиня негромко, но голос ее в тишине слышен был далеко. — Но ответь сначала, боярин Мирята Веденич, здесь ли тот, за кого сватают мою дочь? Приехал ли с тобой старший сын твоего князя?

Боярин перед ответом малость помедлил. Сказал вкрадчиво:

— Да, княгиня, приехал он. Дело молодое, не захотел парень ожиданием маяться. И так затянули со свадьбой, верно, княгинюшка? Отпустил его наш князь, хоть и, видят боги, забот у него дома хватает.

Княгиня кивнула, но, видя ее недоверчивый взгляд, боярин продолжал:

— Да только не укажу я его тебе. Так у нас полагается. Мы ведь тоже хоть чужие законы уважаем, но живем-то по своим, и к ним уважения хотим.

Сдержанный ропот пронесся по двору, как волна, и снова стало тихо. Возразить боярину было нечего, все, им сказанное, казалось хоть и не совсем обычным, но простым и правильным. И то, что среди приехавших княжичей, молодцов хоть куда, один был женихом княжны, пожелавшим сократить ожидание, тоже было понятно. Дело-то молодое! А если законы в Карияре малость не те, что тут, и жениху до возвращения домой даже назваться невесте нельзя, то вроде ничего страшного в этом и нет. Так или иначе, приехали бы послы да увезли княжну, и она бы увиделась с женихом уже в Карияре — невелика разница.

А боярин добавил:

— Сединой своей клянусь, и еще поклянусь, чем хочешь, не о чем тебе беспокоиться, княгиня. Живем мы богато. Какие сыновья рождаются у наших князей, ты сама видишь, — он показал на четырех парней, — а что до проклятья одной сумасшедшей волхвы, то мы не лыком шиты и с ним живем не тужим, не больно оно и мешает. Но не обессудь, всю правду про то проклятье невесты княжеские узнают, когда женами становятся. И то, бывает, долго не догадываются, — боярин лукаво усмехнулся, — не бойся, княгиня, не будет от этого никакого убытку твоей дочери!

— Что ж, верю тебе, боярин! — кивнула Дарица. — Только скажу еще кое-что важное! Ведь знаешь ты, что муж мой дочь вам пообещал, когда она родилась только-только. И меня не спросил. А судьбу дочерей не след без матери решать, был у наших чуров такой обычай, и у ваших, наверное, тоже был! Так, Мирята Веденич?

— Так, — не стал спорить боярин, напротив, он доброжелательно улыбался. — Да только уже решенного этим не отменить. То ваши с князем дела, княгиня!

— А я и не хочу отменить! — быстро сказала княгиня Дарица, коснувшись руки князя и этим как бы умоляя его не вмешиваться и дать ей договорить. — Муж надо мной закон, и если он слово дал, я спорить не буду! Поедет моя дочь в Карияр, и быть ей там женой вашего княжича. Об этом договор ведь был? Но я своей материнской властью условие поставлю. Княжичей у вас, гляжу я, достаток, жениха назвать не хотите, как пусть моя дочь из них сама себе суженого и выберет. Из своих рук я в руки богов судьбу дочки своей отдаю, пусть они ее решают, пусть Лада Светлая за ее выбором присмотрит. Это моя воля, боярин, иначе благословения моего не будет!

Никто, как видно, такого не ждал. Тихо стало во дворе, так тихо, что, казалось, каждую муху услышать бы можно, если пролетит. Князь, тот только крикнул и усы ладонью погладил. Если ему и не понравилось что-то, то при народе своевольную жену не увещевают, да и как тут возражать, если судьбу дочки не абы кому, а самой Ладе, светлой и животворящей богине любви и доли женской, поручили. И верно, получается, что хоть обещание будет выполнено, но за проклятого княжича Чаяна может и не выйти.

Как боги решат, а им наперекор все равно не пойдешь.

Княгиня добавила:

— Я, люди, с волхвами Лады Пресветлой и Макоши, Матери нашей, советовалась, они перед ликами их^[21] резы^[22] бросали и на воду смотрели! В моих словах воля богинь наших!

Люди кивали, переговаривались, и, кажется, большинство из собравшихся такой расклад одобряли. И в самом деле, Лада уж присмотрит! А то ну их, проклятых этих, пусть даже если их проклятье здоровью и не вредит.

Велька и дышала через раз, боясь пропустить хоть слово. Она тоже была рада. Значит, такой совет дала Даруна княгине? А боярин Мирята вроде как должен быть недоволен, должен возразить, княгиню уговаривать начать, ведь ему-то не должно быть все равно!

Однако боярин огорченным не казался и возражать-уговаривать не стал.

— Добро, княгиня! — тут же сказал он, широко улыбаясь. — Мудро ты решила, свет Дарица Стояновна! Раз уж сама Матушка Макошь и Лада Пресветлая нас в Карияр сопровождать будут и в пути беречь, то это куда как хорошо! Пусть с их помощью Чаяна Велеславна суженого себе по сердцу выбирает, а выбирать, видишь, есть из кого! — он широким жестом указал на притихших княжичей.

Княгиня опять кивнула, и довольная и малость сбита с толку, потому что не рассчитывала на столь легкую победу. А боярин добавил:

— Мы рады будем, княгинюшка, дочкам твоим. В довольстве станут жить, и уважение им от нас будет всяческое.

— Что ты сказал, боярин? — встrepенулась Дарица, а князь лицом потемнел.

И Велька застыла у своего окошка. Потому что боярин вдруг заговорил не о дочке, а о дочках! Неужто лишь оговорился?

— Позволь, князь Велеслав, напомнить уговор твой с нашим князем, — боярин слегка поклонился в сторону Велеслава. — Свидетелей ведь ему было немало, и каких! Князя за столом сидели! И я там был. Ты обещал, княже, хоть всех своих дочек в Карияр отдать, если твой поединщик против нашего не устоит. А если ты слово нарушишь, то пусть Моровая Девка на твоей земле хоть зимует. А боги нашему поединщику победу отдали, помнишь, княже? Так ответь же нам теперь, почему твоя меньшая дочь от нас будто прячется и за стол ни разу не вышла? Или она кривая, что ли, у тебя, и потому ты людям ее не показываешь?

Велька так и застыла, прижавшись к бревенчатой стене сеней, и холодно ей стало, словно зимним сквозняком потянуло. Ох, что наделал родимый батюшка! Да кто же не знает, что такие слова да зазря говорить — это лучше без языка родиться! А раз кариярский боярин за столом, при всем честном народе об этом сказал, то он твердо уверен, что увезет ее, Вельку, в Карияр. Как же теперь не увезти! Князь и слова против не скажет, даже больше того, ему бы ее самому вслед кариярцам отправить да умолять, чтобы не отказывались. Ведь если, Боги сохрани, на самом деле придет злой мор в Верилог, хоть и через десять лет, людей или скотину косить начнет, виноватым станет князь Велеслав, не простит его народ. Своя дружина, свои ближние люди и то отвернутся. Нет, не жить больше Вельке в Верилоге!

Отдышалась она, выглянула опять в окошко. Тут как раз заговорил князь:

— Зачем тебе, боярин, моя вторая дочь? Она первой не ровня, и молода совсем. И родни знатной у нее со стороны матери нет. И приданое за ней даю не то, что князя порадует. И красотой она против старшей, что воробышек против лебедя. Мало ли, сколько у меня дочек? Может, я всех и не знаю? — он усмехнулся, снова усы погладил. — Мы о первой рядились, а насчет других — так, к слову пришлось. За столом на пиру чего не скажешь! Так зачем? Ты же за старшей моей сюда ехал или я чего не понял?

Велька видела ясно, что отец досаду едва сдерживает.

Ириней дергал боярина за рукав и тоже, видно, был озадачен изменениями в их планах.

— Отдавай и вторую дочь, княже, — твердо сказал боярин, — обещал, так отдавай. Без нее не уедем. Или ты слово держать не хочешь? Так боги... они же все видят, княже! О чем нам спорить! И в самой поре твоя княженка. Позови ее, княже Велеслав. Мы со всей честью просим ее в жены... — тут боярин Мирята несколько запнулся, — сыну князя нашего.

— Так которую тебе позвать-то? — Велеслав усмехнулся, желая подловить боярина на том, что тот не знает толком, чего хочет.

Но боярин как раз все знал.

— А Велью Велеславу, княже, кого же еще. Княженку твою.

А карьерские княжичи все еще недоуменно переглядывались, усмехались. И отец сдался, махнул рукой, тихонько что-то приказал. Волкобой опять ей руку лизнул горячим шершавым языком и исчез, она и не заметила как.

Вельку нашли быстро, словно вся дворня точно знала, у какого окошка она стоит. И переодевать ее наверх не потащили, так, в чем была, вывели во двор, к столам. Впрочем, она нынче оделась пристойно, но не для выхода, не в нарядное, и стояла теперь против Чаяны и впрямь как воробышек против лебедя.

Боярин Мирята с интересом ее разглядывал, явно видя впервые. Отец губы сжал в скорбной гримасе, как будто, дай ему волю, он метлами прогнал бы со двора всех сватов. Княгиня руки к груди прижала. Княжичи... вот кто был удивлен. Ириней даже привстал, а Яробран как рот раскрыл, так закрыть и забыл. Еще бы! Узнали ее в первый же миг. Как они вчера гоготали, вышучивали ее, дескать, в меньшицы к Иринее не хочет девка, только в старшие жены, вот же нахалка! А теперь так и вышло, чтобы идти ей в старшие жены одному из них, княжной быть в Карияре. Одной из княжон, точнее. Просить ее в меньшицы теперь никому и в голову не придет, потому что княжеская дочь. И нужна она им, спрашивается? Что-то на лицах у этих четверых хоть какой-никакой радости не видать. Зачем настаивал боярин?

Боярин, однако ж, приветливо улыбнулся.

— Ох, радость-то какая! И думать не смел, что такую красу увижу! Ну, Чаяна Велеславна и Велья Велеславна! Слушайте, что скажу, голубки: есть у нас для вас ясные соколы! Прилетели за вами издалека, и нелегко был путь, но он того стоил. И если все решено между нами, то благословите, князь и княгиня, дочек!

Кажется, все и было решено. Принесли две ковриги хлеба, чаши с молоком и с медом, тоже по две. Князь каждую ковригу разрезал на две части, половины ковриг вручили невестам, другие половины — боярину, тот передал женихам. Из чаш с молоком и медом тоже пришлось отпить по глотку. И князь, а потом и княгиня по очереди произнесли чурами еще затвержденные слова благословения — на долгую жизнь, на счастье, и детей чтобы много...

Велька стояла как во сне, верила и не верила. Казалось, того, что происходит, просто быть не может. Ее замуж отдают в Карияр? Это же Чаяну должны были! Та заранее знала, ждала, смирилась, и княжич Ириней ей уже понравился. А ей, Вельке, как теперь быть?!

Впрочем, известно как: послушно делать, что скажут. Ехать в Карияр, чтобы стать женой одному из княжичей. Вот они, до сих пор смотрят, как по головам ударенные. На нее смотрят, не на Чаяну! Это понятно, Чаяна достанется старшему, а один из остальных получит ее. Как оспаривать-то станут, не в кости же разыграют? Оставят это на суд кариярского князя? Или и впрямь выбрать позволят?

Княгиня ведь право выбирать Чаяне вытребовала, не Вельке.

Отец обнял их по очереди, молча, поцеловал каждую в лоб. Княгиня подошла, тоже сначала обняла, а потом сняла с их голов девичьи венцы — все, они просватаны, они невесты. Теперь в Карияре под повоем^[23] волосы спрячут, уже навсегда.

Боярин Мирята, удовлетворенно потирая руки, из ларчика достал два больших платка тяжелого узорчатого шелка и набросил на плечи девушкам — платки свекрови, кариярской княгини, отданные ею, чтобы покрыть плечи будущих невесток в знак того, что принимает она их в дочери, и еще ее благословение и защита в долгой дороге, когда девушки, увезенные из родного дома, останутся без покровительства родных чуров. А чуры нового, кариярского дома их пока не знают и беречь не станут. Одно слово, невестки они пока ничьи, невесть кто. Непростое для девушек время, опасное. Оттого перед отъездом обряды волхвы станут творить чуть не целый День, заговоры петь, заклиная для них легкую дорогу. И лица им закроют, потому что для тех, кто смотрит на этот мир из мира другого, нет их больше в отцовском доме. Но сначала с чурами они попрощаются, с огнем в родном очаге. И песни тоскливые тут станут петь с утра до вечера, такие песни, что только завывать и хочется! Не любила Велька этих провожальных песен, что на краду с такими кладут, что замуж отдают, различий и нет почти. Большой пир-проводы устроит отец, быков самых тучных заколют в святилище — жертва ради легкой для них, невест,

дороги. Что ж, волхвам не впервой, они это дело знают.

А у нее-то родной очаг — не тут, а в Сини-веси. Значит, и попрощаться не придется.

Велька провела ладонью по краю свекровиноного платка и заметила, что край был обрезан и не подрублен и даже не обтрепан ничуть. И сам платок на ее плечах не сложен был вдвое, то есть полотнище не четырехугольным было, а о трех углах. Все понятно, недавно разрезали его, от угла до угла, из одного сделав два. Один свой платок вручила сватам княгиня-свекровь, за одной невестой сваты ехали, о второй и не помышляли. Если бы помышляли, дала бы им княгиня хоть два платка, хоть три, не пожалела бы, вряд ли у нее платков недостает!

Не ждут, значит, Вельку в Карияре. Удивятся, наверное.

Так зачем?..

ГЛАВА 6

Сборы в дорогу

Отъезд назначили через седмицу. Кариярцы, дай им волю, уехали бы скорее и налегке, но тут опять княгиня воспротивилась.

— Как княжеские дочери одни поедут, что за позорище будет, боярин? — заявила она. — Подумают люди — холопок везешь! Нет уж, давай делать как следует. И приданое, и подарки возьмете, и боярынь надежных я отряжу, дочек провожать. Наших сыновей нет нынче в Верилоге, кому-то из них бы сестер поручить. Ну да мы найдем подходящего человека.

Боярин Мирята такому раскладу что-то не радовался.

— Все так, княгинюшка, все так, — терпеливо твердил он, — однако же, ей-ей, лучше будет, если ты меня послушаешь. Налегке быстрее доедем, проще. Неведомую тропу я знаю, которой только оборотни ходят, они умеют долгую дорогу короткой делать. Так и пройдем, быстро и гладко. Ден в десять управимся. Со мной два десятка людей всего, княгиня, так нам больше и не надо! А если ты пошлешь и кметей, и боярынь, и кибитки, и возы с приданым — это только кружной дорогой ехать. Хоть мы с Лесованью замирились, а шалят ихние люди, заходят. Да и наши разбойничают, бывает. Князь наш каждый год дружину по лесам отправляет лихих людишек гонять. А они — что грибы...

— Это какой-такой тропой ты идти хочешь, боярин? — всполошилась княгиня. — Не надо мне ворожбы, тем паче нелюдской! Боярин, не обессудь, я дочек-невест таким путем не отпущу, хоть что делай, хоть как говори! Торной^[24] дорогой поедете, а если людей мало, то хоть сотню кметей тебе дадим!

Боярин Мирята только вздыхал, бубнил:

— И невест наших к чему томить долгой дорогой, княгинюшка? Ждут ведь их, мои князь с княгиней, ждут не дождутся! А кружным путем приданое бы и отправить, и всех боярынь твоих в повозках. Княжны, я слышал, обе верхом ездят ловко, так девку с ними в услужение взять бы, и довольно. Уж как мы берегли бы их, княгинюшка!

— Да ты в своем ли уме, боярин? — сердилась Дарица Стояновна. — Отпустить трех девок, двух княжон да служку, с твоими княжичами и кметями по лесам шататься? Как будто увозом^[25] их взять хотите! Да не

соглашусь я на такое, пока жива. И народ не поймет!

Пришлось кариярцам уступить. И то правда, ведь княжьих дочек из отцовского дома забирают, все должно быть по чину, и прибыть они должны достойно, со свитой, с приданым, с подарками. Дружину в сто кметей отец дал. А главным поставил боярина строгого Ждана Горыныча, второго воеводу своего, ему поручил дочерей и обоз в Карияр доставить.

В хоромах только и было разговоров, что об отъезде. А уж беготни, суеты! Впору мышам позавидовать, они в подполе спрятались, и как нету их.

И Велька пряталась, правда, не в подполе, а в своей горнице. Подолгу сидела у приоткрытого окошка и смотрела, виден был заросший травой угол двора, кусты крыжовника, качели. К делам душа не лежала, ни собираться, ни хотя бы шитье или прялку в руки взять. Ни ее дел, ни вещей в этом доме не было. Нет, имелась, конечно, у нее тут своя горница, укладки^[26] по углам, полные доверху, одежек ворох, с украшениями шкатулочка. Да только с этим и нянька с горничными разберутся, есть кому присмотреть. Домой, в Синь-весь бы съездить, ненадолго, попрощаться со всем, печи своей поклониться, в которой столько лет огонь разжигала, чурам, что дом старый берегли-заботились. Хотя не кровная им Велька внучка, там из родных ей только мать и бабка, а остальные родные чуры по материнскому роду где-то далече жили и умерли.

Просилась в Синь на денек, отец не пустил. Послал людей туда за Велькиной лошастью, за вещами, что она перечислила. Нехотя перечисляла, и представить было трудно, как чужие руки начнут шарить по бабкиной укладке, по полкам, перебирать то, на что прежде чужим и глядеть не дозволялось: бабкины резы в кожаном мешочке, липовые дощечки, резами исчерканные, платок материн из тяжелого чермного^[27] шелка, по краю золотой нитью шитый, ее крытая черным шелком соболья шуба — нравилась она очень Вельке, ларчик со снадобьями, настойки в бутылках и горшочках — большую часть их она тут оставит, Веруне, та довольна будет.

Отец ее раз к себе позвал, да не куда-нибудь, а вниз, в оружейную. Это, значит, чтобы точно с глазу на глаз поговорить.

Он, отец, невеселый был, уставший. Смотрел на нее исподлобья. Похлопал рукой по лавке:

— Присядь-ка, дочка. Поговорим. Вишь, как оно вышло.

Велька присела. Неловко улыбнулась:

— Ничего, батюшка. Что надо, то пусть и будет.

— Ишь ты, «что надо», — передразнил князь, усмехаясь, и погладил ее

по голове, на которой больше не было ни повязки, ни ленты. — Хотел я с тобой обождать еще хоть малость. Про Чаяну с самого начала знал, что решено все, а с тобой надеялся иначе повернуть. Да и бабка твоя запретила тебя далеко увозить. Жениха присмотрел, всем хорош, и ты ему очень уж хороша. Ему такая и нужна, с волхвовской кровью, и сама чтобы в этом понимала. В Елань поехала бы?

Велька кивнула, хотя и не помнила толком еланского князя. А в Елань или не в Елань, какая теперь-то разница?

— Что ж, я о карьерских князьях тоже плохого не знаю, дочка. Кроме их проклятья. Ну и да, вынудили они нас родниться. Не по доброй воле да размышлению, а потому, что язык я вовремя не удержал. От этого, конечно, у меня любви к ним не добавилось. Но что сделано, то сделано. Одно не пойму, откуда они о тебе узнали? Я ведь перед приездом сватов этих к Чародею ездил, чтобы он всему Верилогу насчет тебя уста запер. Он меня уверил, что получилось, никто не проговорится.

Велька только головой покачала, подивилась: сам Чародей помочь согласился! Тот старик, бывший волхв, что ушел от людей и жил в землянке в лесу. Хотя бывают разве волхвы бывшими? Говорят, он все может, но помощи у него лишний раз не допросишься. И что же, не вышло? Согласился помочь и не смог?..

— И еще вот что, дочка. Бабка Аленья ведь все просила замужество твое не откладывать. Дескать, как только поневу наденешь, так чтобы и отдать тебя, иначе плохо будет. Нельзя ждать, чтобы в тебе сила проснулась... ну, какая-то, тебе виднее, я в этих ваших делах не смыслю. Только беспокоилась она сильно, — отец смотрел внимательно, точно объяснений ждал.

— Непонятно что-то, батюшка, — нахмурилась Велька, головой качнула, — не знаю я...

И впрямь, совсем было непонятно. Бабка ее учила всему, что по ее небольшим силенкам. Сетовала, что мало внука может, объясняла, как малую силу ловчее прикладывать, потому что и малой можно большие дела делать. А пробуждения какой-то большой силы в Вельке она, выходит, боялась?

И чтобы опасная сила эта не проснулась, надо замуж?

— Ну, ладно, — отец рукой махнул, — просто знай, помни. Осторожна будь, оно и обойдется. Я и у Чародея спрашивал, знает ли он, в чем тут дело и чего тебе бояться.

— И что он? — вскинулась Велька.

— Да толком ничего. Спросил про тебя кое-что. Посоветовал, чтобы

ты с огнем была осторожнее, печку сама не топила.

— С огнем осторожнее? — Велька рассмеялась. — Эх, мне бы самой его повидать. Может, мне бы он больше сказал!

С огнем осторожничать — ей! Смешно. Она никогда не боялась огня, а без осторожности с огнем как можно? Только если совсем человек глупый.

— Еще говорил, что дорога дальняя опасна может быть, но тут от тебя зависит. Будто ты что-то найдешь, а что-то потеряешь. Да разве этих колдунов поймешь, нет чтобы им прямо сказать, а они все крутят! — с досадой махнул рукой князь. — Говорил, что на дороге с силой совладать труднее тому, кто не умеет! Ты умеешь?

Велька на это только плечами пожала. Кое-что — умеет. Не все, конечно. Но такого, чтобы ей чем-то мешала собственная сила, она не помнила.

— Оставить бы тебя до будущего года хотя бы, что ли! Так ведь не могу не отпустить, видишь, как они повернули! И еще он с бабкой твоей согласился, что тебе скорее замуж надо, — добавил князь. — Ну а раз это дело решенное, то и порадуемся. Карияр — тоже земля ветлянская. Ветляне они, как и мы, хоть и живут далече. И язык, почитай, наш, и обычаи сходные. Может, все к лучшему и будет, дай-то Боги Светлые, — заключил он и переменял тему: — А тут еще приходили купцы, лесованские. Знаешь ведь, о чем говорю, подглядывала?

— Подглядывала, — не стала отнекиваться Велька. — Испугалась я, батюшка. Он, главный их, меня своей почти что холопкой называет. Как же так?

— Слышала ведь, что я ответил? Не по нашим законам все то. А вообще, я знал, что Аленья с дочкой сбежала из Лесовани, а мужа ее убили. Это еще до войны со Степью было. Оборотни тогда на одной стороне с нами воевали, а потом, на победном пиру, семнадцать лет назад, мы все спорную чашу распили, прощая друг другу все долги и недоразумения. Так положено, ведь во время войны всякое бывает. Так что еще и поэтому не может у него быть прав на Аленью, если когда и были какие. Да и, понимаешь ты, в моем городе мою дочь своей холопкой называть — это если только жизнь совсем наскучила, — отец усмехнулся.

Велька тоже улыбнулась.

— Тут уж ты, дочь, виновата, — князь посуровел лицом, — тебе бы или держаться сообразно положению, чтобы не всякий и глаза поднять смел, или сидеть тихо, как мышь в норе, если я велел. Вот как Чаянка. Бери пример с сестры. Она-то истинная княжеская дочь, ни с кем не спутаешь. Гляди на нее, как в Карияр поедешь, учись.

— Да, батюшка, — вздохнула Велька, — знаю, что виновата. Прости.

— То-то, — сказал отец мягче, — я ведь сразу за теми купцами людей послал, чтобы взяли их, — доверительно добавил он, понизив голос, — да не успели. Они, оборотни, той же ночью и уехали. А я уж решил, посидит в порубе^[28] у меня этот прыткий купец, разберусь, кто таков и что за мысли дурные у него в голове засели. А он, вишь, и впрямь прыткий! Воевода обещал всю дорогу тебя беречь, глаз не спускать. Ты ему не мешай, а то знаю тебя!

— Хорошо, батюшка, — не стала спорить Велька.

Да и чем тут возразишь? Уж мешать она не станет, конечно!

— А знаешь, дочка, чего еще я не пойму? — он задумчиво покачал головой. — С условием, что матушка с волхвой придумала, кариярский боярин сразу согласился и бровью не повел. Почему? Не должно ведь князю Веренею быть безразлично, за кого из сыновей вас брать. Ну да я с ним поговорю еще, мутить не позволю...

Велька на это лишь плечами пожала. Заинтересовалась зато:

— Батюшка, а где Лесовань? Далеко от Карияра?

— Сейчас покажу, если хочешь знать, — отец встал, достал из сундука карту на коже, свернутую в трубку и продетую в серебряное кольцо.

Дорогая вещь, по краям золоченая. И рисованная цветными красками — разглядывать одно удовольствие. Развернутая, заняла весь стол.

— Вот, смотри, — палец князя скользнул по рисункам, остановился посреди большого буро-зеленого пятна, — вот Лесовань. Тут несколько княжеств, люди-рыси в них живут, медведи-берендеи, люди-волки, люди-лисы, люди-кабаны еще вроде... вот тех, говорят, мало осталось. Сами-то они свои земли Лесованью не зовут, это у нас так издавна повелось. Да и не в обиде никто. Трехречье вот, это тоже Лесной Край. А вот, ниже — Карияр. Богатая земля, — отец одобрительно кивнул, — железо у них свое, серебро, самоцветы добывают, вот здесь, в горах. Раньше они с оборотнями знай воевали, последнее время вроде замирились.

— А что за проклятье на кариярском князе, батюшка? Не от оборотней, случайно? — не удержалась Велька.

— Так от них, — кивнул князь. — Тетка лисьего князя была сильной колдуньей. Кариярцы тогда волчье княжество захватили, потом лисье. У лисьего князя вся семья погибла, вот колдунья и отомстила. Только вот что, дочка, я с Веренеем, нынешним кариярским князем, во время степной войны много знал, а проклятья никакого не видел. Ты тоже боишься проклятья, которого никому не видно?

— Не знаю, — вздохнув, честно ответила Велька. — Если есть, да не

видно, значит, прячут хорошо. Но я его не сильно боюсь, батюшка. Живут же они с ним, с проклятьем.

— И хорошо, умница моя, — отец снова ласково погладил ее по волосам, к груди ее голову прижал. — Хочешь еще карту рассмотреть? Ну, смотри...

Он ушел, а Велька еще долго сидела в оружейной, разглядывая рисунки на карте и разбирая надписи, мелкими резами начертанные. Какой же маленькой казалась эта нарисованная земля, на столе уместилась, и как она велика на самом деле! Вот, от Верилога до Каменца, города, что отец старшему брату в управление отдал, пути седмица. Значит, если прикинуть по этой карте, сколько им добираться до Карияра, то седмиц семь получается. Ох и долго!

Хотя это как посмотреть. И дальше города есть.

Негромкое рычание оказалось таким неожиданным, что Велька вздрогнула. В дверях стоял Волкобой. И откуда взялся? А лучше спросить — где был, если Велька его с самого сговора не видала? Всех карьерцев встречала, потому что за стол теперь приходилось выходить хотя бы раз в день, а Волкобой пропал куда-то.

Про все забыв, она вскочила со скамьи, бросилась, обняла пса, прижалась лицом к его мохнатой шее, а он тут же лизнул ее в щеку.

— Волкобоюшка, дорогой, где же ты был?

Пес, конечно, не ответил, только заворчал тихонько.

— Тебе бы еще говорить научиться, — вздохнула Велька.

— Зачем ему? С ним и так милуются, обнимают, как любимого брата!

Велька, растерянная, вскочила: в нескольких шагах позади пса стоял Ириней.

— Здорова ли ты, княженка Велья Велеславна? — на его губах дрожала улыбка, чуть насмешливая.

— Спасибо, княжич, — склонила голову Велька, — а у тебя все ли поздорову?

— Еще бы. Ну, княженка, я вам мешать не стану, вижу, что лишний, — он повернулся, чтобы уходить.

— Постой, княжич! — воскликнула Велька. — Ты не отца ли моего искал?

— Нет. Я за ним пришел, — Ириней кивком указал на Волкобоя, — а он, наверное, тебя учуял, вот и забрел, куда гостям не полагается. Давай уведу? А то еще заметят его тут, нехорошо.

— Уведи, — вздохнула Велька, — иди, Волкобоюшка. Еще увидимся, я тебе косточку припасу, — а сама все продолжала гладить пса по холке.

— Эко ты от него оторваться не можешь, — усмехнулся княжич, — а был бы я твой жених, меня бы так встречала и провожала?

— Что ты, княжич, как можно, прилюдно-то? Да и шерсти у тебя маловато, — Велька нарочито-безмятежно улыбнулась, запустив пальцы в густой собачий мех, — а ты у сестры моей про то уже спросил?

— Что ты, княженка, как можно, — передразнил Ириней, — у меня язык не повернется, — сверкнув на Вельку глазами, он крепко взял пса за ошейник и повел через сени во двор.

Велька смотрела им вслед, кусая губы. На Чаяну Ириней вроде и не глядел, зато та глаз с него почти не сводила, все пытаясь поймать его взгляд. Княгиня право выбора ей дала, так, похоже, сестра и выбрала уже. А вот Ириней...

Ириней и на Вельку перестал глядеть, с тех пор как узнал, что она княженка. Вообще пересел за дальний конец стола, к своим кметям. Только теперь вот заговорил, да с намеками. Кстати сказать, остальные трое княжичей на Вельку тоже не особо внимания обращали, хотя поглядывали, но этак осторожно, искоса, и вроде с сомнением. Никому из них она не нравилась, похоже. Только Иринею, да и то он ее в меньшицы хотел, а теперь будто растерялся. Выходит, в своем тереме ему нужна другая хозяйка-княжна? Может, и присмотрел уже?

А другие двое, Велемил с Яробраном, наоборот, глаза скоро проглядят, княжной-красавицей любуясь. Яробран, тот, кажется, и есть при этом забывает. Но их сестра словно не видит. Третий, Горибор, от еды не отвлекается, уминает за обе щеки и все больше боярынями с боярышнями любит.

Как непросто это. Их две невесты на четырех женихов, и в любом случае придется выбирать — и им, и парням. Как же все решится и разделится? Поговорить бы с ними, княжичами этими, и хоть немного понять, что на душе у них, чего хотят?..

В тот же день, незадолго до общего вечернего застолья, Чаяна пришла к Вельке в горницу. Нарядилась ярко, она теперь каждый день словно хотела превзойти себя вчерашнюю. Без повязки на голове, поскольку сговоренная невеста, в новой, лазоревого цвета шелковой верхице, с тремя рядами ожерелий, в которых крупный жемчуг нанизали то вперемежку с хрусталем, то с лалами,^[29] кроваво горевшими на ярком шелке. И коса ее звенела хрустальными бусинами, щеки горели румянцем, а глаза блестели. Влетела в горницу, как северный ветер, посмотрела на Вельку, что сидела, почти готовая, перед раскрытой шкатулкой, скривила губы.

— То не заставить было тебя одеться достойно, а теперь, гляди, и не

узнать! — выхватив у Малки из рук Велькино ожерелье из сердолика и янтаря, княжна в сердцах швырнула его на пол.

Малка так и застыла на месте, удивленная донельзя. Велька тоже не сразу нашлась, что сказать. Махнула рукой горничной — иди, дескать. Спросила:

— Ты что это, сестрица, не с той ноги нынче встала?

— В тебе и правда девку с болота больше не узнать. А была чернавка чернавкой.

— Что ж. Я ведь не девка с болота. Я княженка, ты помнишь, — Велька старалась говорить спокойно.

И впрямь одеваться она теперь стала по-другому, так ведь следила за этим нянька, сама выбирала в сундуках, что княженке надеть. А самой Вельке было все равно, в чем день-деньской в горнице просиживать да в трапезной иногда показаться.

— Не надевай и это, — Чаяна и другое ожерелье смахнула со стола, хрустальное.

— Что, нехорошо оно мне? — Велька приподняла бровь. — Ну, выбери сама, а я надену.

— Вот это! — княжна потянула из шкатулки нить стеклянных бусин с потемневшими серебряными подвесками. — Это возьми.

Эти бусины не блестели, а все, что не блестело, Чаяне не нравилось.

— Давай, — Велька взяла ожерелье, хотела надеть, но Чаяна, словно спохватившись, и его выхватила у нее из рук и бросила в шкатулку.

— Нет, оно нехорошо, сама другое возьми!

— Возьму. Ты злиться перестань, — Велька взяла сестру за руку. — Не нужен мне твой Ириней, разве не видишь? И я ему. И никому я там не нужна. И мне — никто.

— Глупая ты просто! — Чаяна села на лавку, закрыла лицо руками. — Не понимаешь ничего. И что же, тебе совсем никто из них не люб?

— Моего любого там нет, — вдруг неожиданно для себя сказала Велька чистую правду.

Потому что и себе она признаваться не хотела, что просыпается под утро, как наяву чувствуя руки Венко на своих плечах, а губы его — на своих губах. Потому что Купала уже прошла, и ничего от нее не осталось, разве что туман над водой.

— Любого твоего? — встрепелась сестра. — Ты что же, все про купчишку того думаешь? Совсем разум растеряла? Ты не должна, слышишь?..

— Кому какое дело до моих дум? — пожала плечами Велька. — Кому

они вредят?

Теперь на ее сердце только и бывало тепло, когда она просыпалась с мыслями о Венко. Не хотелось его забывать, хоть и надо было.

Она сама выбрала ожерелье, хрустальное с сердоликом, всего одно, и серьги вдела в уши маленькие. Улыбнулась Чаяне:

— Ты, сестрица, и так красивей, во что тебя ни наряди. А Ириней как-то сказал, что на тебя глядеть больно, так ты хороша. Может, пошутил. Что, пойдём? — она потянула Чаяну к выходу.

— Погоди, — княжна что-то медлила. — Так не нужен тебе Ириней, говоришь? Послушай, сестричка, а ты приворотные заклятья знаешь?

— Нет, — сразу и твердо сказала Велька. — Такого не знаю. Знаю только, что зло это большое, и никогда счастья не бывает от приворота.

— Так уж и не бывает! — недоверчиво пробормотала Чаяна, однако не стала настаивать.

И правильно. Это любая знающая волхва скажет: не бывает от заклятого приворота ничего хорошего...

ГЛАВА 7

Белица и Огнява

День за днем пролетели шесть, и настал назначенный. Накануне с самого утра Ладины волхвы творили обряды по отпущению девушек из рода, прощания с чурами и родным огнем, потом родители их последний раз благословили. Велька, по обычаю низко кланяясь, слов отцовских и княгининых почти не слышала, сердце отчего-то стучало испуганной пташкой. Да и, чего там, не по разу все слова уже были сказаны. Отец смотрел нарочито строго, у княгини глаза были красными от слез, но теперь, на людях, она держала себя в руках и даже улыбалась уголками губ. А после благословения отец вдруг взял из чьих-то рук шкатулку маленькую, открыл, показал — она была полна скатных^[30] жемчужин.

— Это той из вас, от которой первой весть про внучонка будет. Глядите, весной ждать начнем. А может, и не дождавшись, обоз с товаром снарядим в Карияр, поглядим, так ли хороши там меха и самоцветы!

Все заулыбались, запереглядывались, загомонили. Ясное дело, что хоть одна дочка да принесет ребятенка еще до летнего тепла, помогай Макошь им в этом деле обеим, да будет ли это мальчик? Чаяна — дочь Дарицы, у которой первыми родились два сына. А вот Велья одна была у матери, девка без единого брата. Так что еще и поэтому в глазах земляков более ценной невестой была княжна. А княженка, конечно, хороша, хаять не за что, но уж если выбирать...

А жемчуг — пустяки. У невест и без него шкатулки полнехоньки, князь не скупился для дочек. Но дар такой, конечно, любой сестре получить будет лестно.

Волхва Даруна подошла, протянула руку:

— Княжна и ты, княженка, снимите-ка мне по перстеньку с руки. Те дайте, которые больше по сердцу, которые носили чаще.

Чаяна быстро сняла перстень, красивый, с маленьким ярким лалом, положила волхве на ладонь. А Велька помедлила. Любимое колечко у нее тоже было, с капелькой небесно-голубой бирюзы, материно еще, и носила его княженка больше на груди, с оберегами, только недавно на руку передела. И отдать? Есть на пальцах и другие кольца, да Велька любой из них снимет и забудет назавтра, что есть они, что нет.

Со вздохом Велька колечко с бирюзой с пальца сдернула и Даруне

отдала.

— Не жалею, милая, — волхва понимающе улыбнулась, — это ведь не просто так, это я в чашу с водой положу твой перстенок и все важное про тебя узнаю. Здорова ли, не нужно ли помочь. И про внучонка князь от меня услышит раньше, чем от ваших вестников. Верь мне, княженка.

— Верю, матушка Даруна, — Велька улыбнулась, и сразу колечка стало не жаль.

Останется он здесь, у волхвы, как будто частичкой самой Вельки.

— И ты, может, весточку пришлешь, — добавила Даруна, глядя на Вельку строго, но по-доброму.

— Я умею разве?

— Если сумеешь. Ну, доброго пути вам, дорога пусть ляжет глаже скатерти. Мы будем за вас Богов Светлых просить.

Она взяла с серебряного блюда большую кипенно-белую пелену, узорчатыми прошивами прошитую, и набросила на склоненную голову Чаяны, потом то же самое проделала с Велькой. Ох и хорошее же оказалось полотно, тонкое и плотное, вроде и не померк под ним белый свет, но закрылся, все как есть пропало. И они для всего здешнего пропали тоже. Положено так, что же поделаешь.

Под вечер бычков закололи в святилище, красивых, круторогих, и жертву боги приняли хорошо. Будет теперь на тыне вокруг святилища на две бычьих головы больше. Шумный пир не утихал на княжьем дворе всю ночь, и песни, те самые, Велькой не любимые.

На эту ночь невест спать положили не в их горницах, а вместе, в сенях между девичьим и княгининым теремами, где раньше челядинки спали. Подальше от печи, от чуров, с которыми встречаться уже не следует.

Лишь в закрытых, с заволоченными окнами сенях девушки покровы сняли. Нянька с волхвой молока принесли им горячего, с медом. Часто кивая, нянька приговаривала:

— Испейте, горлинки мои, и спите сладко-сладко, будьте румяными, красивыми, чтобы глаз от вас не отвести... — и еще шептала наговоры какие-то на будущее счастье да на многих детей, и все с Чаяны глаз не сводила, обнять ее, наверное, хотела, приголубить.

Нянька ее, Чаяну, вырастила, семнадцать лет заботилась, и теперь расстаться не хотела.

Добрая, она и о Вельке от души заботилась, да ее не растила, потому и не печалилась так. Все одно, нельзя больше прощаться-обниматься, время для этого вышло, с покрытыми невестами и слов лишних стараются не говорить. Так что волхва торопила, чуть не за руку увела старую.

И все же нянька украдкой сунула что-то своей княжне под брошенный на лавку покров, Велька заметила. Маленький кожаный мешочек вроде как. Оберег какой-то особый ей раздобыла, не иначе. Волхва вот не увидела ничего, она больше на Вельку смотрела. Но молчала, хотя та все ждала, не скажет ли Даруна что-нибудь.

Самое время было выспаться перед дорогой, да когда это невесты спали последнюю ночь в родном доме! И Чаяне с Велькой не спалось. А постелили им богато, перин несколько, одеяла беличьи — и зачем они летом? Сверчок где-то в углу трещал, свеча мигала, шум, крики, песни со двора доносились — в сенях стены не толстые. Собаки лаяли...

Чаяна подошла, села рядом с Велькой на постель. В руке у нее был тот мешочек, нянькин.

— Оберег? — спросила Велька.

— Оберег, — согласилась Чаяна.

На мешочке петля была, княжна свой шелковый шнурок с оберегами сняла и повесила на него и мешочек, продев в петлю. Потом обняла Вельку.

— Сестренка, хорошо ведь, что вместе едем? И мужья наши братьями будут, жить станем друг от дружки неподалеку. Я тебя обижать не дам. И жених тебя выберет лучший... после моего Иринея. Я с ним поговорю.

— Ну, спасибо! Ты в нем уже не сомневаешься, что ли? — Велька хмыкнула тихонько, уткнувшись сестре в плечо.

— А чего сомневаться? Знаю, что моим станет! Вот опомнится немного, присмотрится, в дороге мы близко будем. Как такое возможно, чтобы он меня не полюбил, вот скажи? — глаза сестры в свечном полумраке блестели таинственно, и была она просто чудо как хороша.

— И точно, — не стала Велька спорить, улыбнулась, — не может такого быть, если он не без глаз.

Значит, сестра успокоилась и про ревность глупую забыла, это куда как хорошо!

— А тебе, Велюшка, точно Иринея не люб? Не лукавишь со мной? — Чаяна заглянула Вельке в глаза и тревожно, и вместе с тем просительно.

Значит, еще не забыла она про ревность. Но хочет забыть.

— Точно, сестрица, — сказала Велька, — он хороший, но мне не люб. Правда это, Матушка Макошь мне послухом.

Чаяна успокоенно улыбнулась, задумчиво накрутила на палец кончик косы.

— Я верю тебе, верю. Значит, будет мой. Но вот проклятья его все равно боюсь, хоть и утешаю себя тем, что и не видно, и неопасно. Есть же оно, и со зла наложено!

— Почему ты уверена, что у Ириней то проклятье?

— А у кого? Я же вижу, что он и есть старший княжич. Чувствую!

— А я вот не чувствую ничего такого.

— Ну, Велюшка. Ты уж мне поверь. Я тоже старшая. И ты бы понимала, что к чему, если бы не в глуши своей росла. Он старший, и все тут!

— Ладно, — пожала плечами Велька, — пусть так. Слышала я, что старший у них по возрасту Велемил. Так и сказано было, что по возрасту. Может быть, по положению кто-то другой старший.

— А кто тебе говорил? — встрепелась княжна. — Почему молчала?

— Говорил... не помню уже.

Венко говорил. Как вчера это было. Закрыла бы глаза сейчас — и увидела бы.

— Нет, — упрямо покачала головой Чаяна. — По повадкам, по всему Ириней старший.

Велька опять лишь пожала плечами. Внешне Ириней и впрямь годами казался не моложе Велемила, да только, на внешность глядя, и обмануться можно.

Она ненадолго задумалась, потом сказала:

— Батюшка упоминал, что он, когда война была со Степью, с кариярским князем близко знался. А еще говорили, ты помнишь, что князь тот даже в полюдьё сам не ездит. А война ведь была в стороне от кариярских земель. Как же это понимать?

Чаяна только глаза широко раскрыла, но промолчала.

— А сын его, наследник кариярский? Проклятье сам князь несет и его первенец-наследник. А наследник тут, и старший их в этом поклясться готов был, помнишь? Значит, проклятье никак не связано с тем, что князь в полюдьё не ездит.

— Да что за ерунду ты говоришь, — в досаде воскликнула Чаяна, — ездит в полюдьё, не ездит. Проклятье тут при чем?

— Мы не знаем, что при чем, нам бы догадаться, — вздохнула Велька, — знали бы тогда, чего бояться. Ты, сестрица, мне расскажешь хоть? Когда за княжича старшего замуж выйдешь. Хоть на ушко, а?

— Погляжу, надо ли рассказывать, — буркнула Чаяна.

Ее настроение, похоже, опять изменилось от почти радостного до горестного, и она смотрела на младшую сестру так, словно именно та была в чем-то виновата.

— Поглядишь, ладно. Я ведь не настаиваю, — покладисто согласилась Велька.

Спорить и ссориться хотелось меньше всего. Посидеть в тишине, поразмышлять — это хорошо бы. Впрочем, она почти седмицу так провела, а толку чуть. Может, надо было больше на людях быть, говорить, спрашивать. С теми же княжичами словами перекинуться, с их боярами, с кметями. Пусть с нее после сговора глаз не спускали, так ведь и не запирали же в горнице, она затворничала по своей доброй воле. Зря время упустила. А теперь...

Теперь у них впереди дорога длинная, и говорить будет можно. Хотя так ли ей это нужно, говорить, расспрашивать, что там за проклятье да как карьерские князья жизнь свою ладят? Деваться-то им, невестам, кроме Карьера теперь все равно некуда.

Тревожно было на душе. Хотелось понять что-то. Так хотелось, будто ничего важнее этого на свете не было. Разгадать, распутать эту путаницу, что карьерцы зачем-то напутали. Хотя они-то знают зачем. Им это важно. Доверия они просят...

Велька встала, прошла по горнице. Объяснила, если Чайне непонятно:

— Сначала мне подумалось, что, может, проклятье мешает по разным местам ездить, оттого и сидит он в Карьере своем. А получается, не мешает. И со степняками князь воевал, и наследник его сюда приехал. Значит, в другое дело. Может, пока доберемся, и догадаемся?

Постояв у заволоченного окошка, Велька решила и совсем немного отодвинула заслонку, обернулась к сестре:

— Я немножко! Только чуть погляжу!

Отодвинула еще малость, встала на цыпочки, выглянула. Кусок двора стал виден, кметь с обнаженным мечом, кто — в потемках не понять. Это он княжон охраняет, и от нечисти, и от всего, что подвернется. Немного подале еще один. Вот к ближнему охраннику парень подошел, в светлой рубахе, как будто что-то спросил, повернулся, посмотрел в сторону Вельки, прямо на приоткрытое окошко. Да так и остался стоять, замер, и Велька замерла тоже.

Луна за облаком пряталась, лиц ни за что не разобрать, очертания только. Кто угодно мог там быть, кого поставили. Может, и сами женихи решили дозор нести, кто их знает, захотят — так могут. Но этот, в светлой рубахе...

Как будто знакомый или кажется?

Очень, очень знакомый. А у них в сенях свеча горит, значит, свет виден, и понятно, что окошко отвлочено.

Неужели? Да не может быть! Велька и как дышать забыла, стояла, и

смотрела, и поверить боялась. А тут и луна показалась. И она перестала сомневаться.

Он это, Венко. Пришел сюда, на княжий двор, к невестиным окошкам. И как осмелился? И что же, он знает, выходит? С ней попрощаться пришел?

— Что там? — недовольно воскликнула Чаяна. — Говорили же, что нельзя! — подошла и сама одним движением задвинула заслонку. — Что за лицо у тебя, как из Нави кого увидала!

— Да никого, — Велька очнулась, — кмети просто. Хотелось разглядеть, может, знакомый кто.

Велька села на лавку, стараясь не показать смутения.

Это она видела Венко. Он ее не видел, она же в щелку смотрела. Может, он просто на пир пришел, мало ли. Нынче тут кто только не пирует, и зайти всякий может, не прогонят. Может, случайно в этот угол забрел, а его и развернули, дескать, иди гуляй в другую сторону, добрый человек. Он, правда, не поспешил уходить...

Вот и хорошо. Значит, еще раз свиделись, напоследок.

Велька забралась на постель, легла, к стенке отвернулась. Чаяна еще пыталась ее тормошить, но в конце концов отступилась.

— Спать так спать, — она задула свечу.

А Велька лежала и думала — ушел он или стоит там? Должен бы сразу уйти, конечно, на что ему там глядеть? Но Вельке отчего-то казалось, что он все там стоит...

Уезжали рано. Из терема княжеских дочерей вывели покрытых, а на плечах у обеих были платки из Карияра. Доска под Велькиной ногой скрипнула, та же, что и всегда скрипела. В последний раз. Попрощалась.

Князь с княгиней шли следом, за ними — ближние отцовские бояре и их боярыни, а потом все прочие, толпа собралась немалая. И за воротами тоже толпа, словно весь Верилон собрался.

Поклонился боярин Мирята:

— Спасибо за честь, хозяева, и за товар дорогой, что вы нам доверили. Доставим без убытка.

— Ты уж постарайся, боярин, Боги Светлые в помощь, — откликнулся князь сурово. — И ты, Горыныч, тоже не подкачай, спрошу за все, не обессудь.

Поклонился и воевода Ждан Горыныч, погладил сизый ус:

— Не беспокойся, княже. У меня не забалуешь, — и гордо по сторонам поглядел.

Воевода слыл человеком строгим и правильным, к раздумьям и сомнениям не склонным и голоса без нужды не повышал, все и так

трепетали. Да еще и сотня кметей под его началом, кому же баловаться захочется. Князь знал, кого назначить туда, где никакого беспорядка допустить не хотел.

Вот все и сказано, а зря время тянуть — дело пустое.

Обеих девушек посадили в крытую повозку, туда же сели ближние боярыни: грузная Милава Воевна, одна из доверенных у княгини, и совсем молодая, бездетная пока Любица, муж которой, красивый молодой боярин Городей, ехал помощником Горыныча. Другие боярыни и челядинки тоже расселись по повозкам. И под шум и крики горожан, под пожелания всего, что только можно пожелать невестам, двинулись — до ворот, за ворота и дальше, дальше, полями, потом через лес.

Велька маялась от невозможности скинуть покров, оглядеться, посмотреть последний раз на отцовский город, на места пусть и не совсем родные, но все равно свои. И дышать хотелось полной грудью, а через покров не дышалось легко. Но нельзя пока его снимать! Не положено. Если жених живет недалеко, ему невесту так покрытую и везут всю дорогу, ну а им просто нужно отъехать подальше от Верилога, а там, в лесу где-нибудь, можно пелены скинуть и на белый свет смотреть. Или верхом ехать, недаром же их лошади тоже тут. И все равно, от того чувства, что увезли из отцовского двора с закрытым лицом, как на краду...

Именно что как на краду. Потому что навсегда. Сколько таких невест уехали в чужие края и как сгинули, потому что никто их не видал больше? Шутка ли, такая даль. Хорошо, если вести иногда приходили, что де жива да сколько детишек. А про них с Чаяной волхва Даруна в чаше волхвовской что-то увидит.

Велька не сразу и заметила, что плачет, сами собой слезы побежали. Вытерла их ладонями.

— Ох, девоньки мои, — негромко сказала старшая боярыня, — ничего, ничего. Это всегда так. Невестины слезы — на будущее счастье. Потом над ними смеяться станете, радоваться. А захоти вас батюшка с матушкой навеки дома оставить, вот беда была бы, верно? На то и девки, чтобы замуж идти! Вот весной снарядит батюшка ваш обоз с товаром, купцы многие поехать захотят, и кто-то из братьев ваших непременно приедет, а на родины, может, и княгинюшка соберется. Повидаетесь!

Ну да, так и есть, и сестра шмыгала носом.

— И женихи у вас до чего хороши, аж сердце замирает! — весело поддержала старшую боярыню Любица. — Можно хоть с закрытыми глазами выбирать. Ох, и этот страхолюд тут!

— Так это боярина Миряты пес! — вспомнила Воевна. — Ох! — и

повозка чуть качнулась, это Волкобой запрыгнул в нее и улегся рядом, прижавшись к Велькиным ногам. Та сразу вцепилась пальцами в его шерсть, давая понять, что не отпустит.

— Княженка, княженка! Да что за лихо? Что за зверь нахальный такой? Не укусит? — волновалась боярыня.

— Что, тот пес тут? — возмутилась Чаяна, которая из-за покрыва сама Волкобоя не видела. — Гони его, еще не хватало, псиной все тут пропахнем!

— Не пропахнем. Не волнуйся, сестрица, он хороший, — кротко отвечала Велька, не собираясь отпустить от себя пса, — совсем немного с нами проедет, он устал, — она приподняла покрыв, так, что они вдвоем с Волкобоем оказались накрыты крошечным белым шатром, привычно погладила лохматый мех, — хороший мой...

— Устал он, — негромко хихикнула Любича, — да его хоть в соху запрягай!

Больше боярыни ничего не сказали, видимо, не сочтя слишком непотребным, что княженка забавляется с собакой. А Велька радовалась. Вдвоем под белой пеленой было куда приятнее, чем в одиночестве.

Первую остановку сделали после полудня, на обширной поляне посреди леса. Волкобой до того, казалось, дремал, прикорнув в ногах у Вельки, и о нем почти забыли, но лишь обоз встал, как пес встрепенулся, спрыгнул с повозки на землю и исчез в ближних кустах.

— Наконец-то, — вздохнула Чаяна, — хоть малость ноги разомнем. Скоро уже, а, Воевна?

— Да прямо сейчас и можно, — решила боярыня, оглядевшись.

Она кликнула челядинок и вдвоем с Любичей повела княжон в лес, сама придерживала за руку Чаяну, молодая боярыня вела Вельку, позади них девки тащили короб с одеждой. На местинке в несколько шагов, со всех сторон заросшей кустами, Воевна сделала знак остановиться и сама сняла покрыв сначала с княжны, потом с княженки, быстро сказала:

— Матушка Макошь светлая, спрячь и сохрани, лики скрой, в пути сбереги, до дома доведи!

Это она попросила богиню-мать, всему существу хозяйку, спрятать и сберечь девушек-невест, которые поедут теперь до своего нового дома с открытыми лицами, чтобы все беды-напасти их хоть и видели, но не узнавали. Потом Велька с Чаяной сняли драгоценные наряды невест — верхицы из красного шелка, затканые золотом поневы, обручья и ожерелья, заменили все это вещами простыми, чтобы не на челядинок, конечно, походить, но сравняться по виду с одетыми по-будничному

боярынями.

— Белица! — с улыбкой посмотрев на Чаяну, нарекла ее боярыня временным прозвищем, — а ты Огнява, — она скользнула взглядом по золотящейся на солнце косе Вельки.

Теперь на весь долгий путь они как будто и не они, а другие девушки, откуда-то взявшиеся из леса. А незадолго до Карияра они опять вот так же одежду переменят и станут собой прежними.

Когда шли обратно на поляну, боярыня Любица взяла Вельку-Огняву за локоть, будто помогая, и, незаметно оттеснив от остальных, сказала:

— Пес этот твой... то есть боярина Миряты... умен на диво, не находишь?

— А что такого? Мало ли умных псов? — удивилась княженка.

Она сама к разумности Волкобоя уже привыкла.

— Таких-то мало.

— Счета он не знает, резы не читает, а то бы и я удивилась, — возразила Велька весело, — а что послушный и понятливый, так это и правильно, хорошо его учили. И кому нужна глупая собака?

Она готова была защищать Волкобоя от любых придирок. Ишь, нашли, на что пенять — умный больно!

— Резы, может, и не читает, — не отступала Любица, — а словно каждое слово понимает. И мой боярин тоже заметил. Не оборотень ли? Знаешь, у отца моего служили оборотни. Хорошие были люди. Семья целая жила у нас в веси. И от них я знаю, что прятаться от людей под звериным ликом у оборотней бесчестным считается. То есть если пришел к людям в дом без камня за пазухой, должен в человеческом лице быть или хоть показаться, поздороваться и у хозяина разрешения спросить, можно ли ходить зверем. Понимаешь?

— Понимаю, — досадливо вздохнула Велька, — и что же мне, спросить у него, не оборотень ли? Или у самого боярина спросить? Думаешь, к нам кариярцы с камнем за пазухой приехали? Тогда спрашивать смысла нет...

— А мы не будем спрашивать, — заверила Любица. — Я слова особые знаю, которые оборотня раскрыть помогают. Харута научила меня... это бабка была в семье у оборотней. Она братьев моих нянчила. Отец доверял им очень, вот... Попробуем? Нет так нет, зато лишнего думаться не будет. А, Огнявушка, милая?

— Ну, давай, — сдалась Велька... то бишь Огнява... привыкнуть бы теперь!

Надо же, придумала имечко боярыня, ничего другого не нашлось.

Конечно, Велька — огненная волхвовка, Аленьина внучка, и многие на княжьем дворе это знают, если не все. Но эту частичку ее сути напоказ выставлять до сих пор не полагалось. Что ж, боярыня не со зла, просто красивое имя ей назначила, какое в голову пришло, не отказываться же было! Огнява так Огнява.

— Там ведь не только слова? — уточнила она у Любицы. — А еще что? Если бы слов особых хватало, ты бы у меня могла и не спрашивать, верно?

— Верно. Хоть один волос с него добудь, а лучше несколько, для верности. Ты его часто гладишь, тебе нетрудно.

Велька недоверчиво покачала головой:

— А это без обмана? Может, подшутила над тобой твоя оборотница, и слова те ничего не стоят? Или ты проверяла?

— Проверяла, еще бы! — улыбнулась Любица. — Я же росла с оборотнями рядом, как было не проверить! У меня есть волоски со шкуры оборотня, я покажу тебе... И когда оборотни в человеческом облике, волосы их все равно таким способом распознать можно.

На том и порешили, да и на поляну, к лагерю, как раз вышли. Теперь, без покрова, можно было оглядеться.

Посреди поляны темнело несколько кострищ, это значит, постоянно останавливались тут обозы. Но вериложцы костры не зажгли, незачем — только отъехали, снеди с собой и так хватало, чтобы перекусить. Челядинки уже расстелили скатерти прямо на земле, разложили пироги разные, жаркое, воды принесли — конечно, был тут неподалеку ручей или колодец. Кмети княжеские с прочими не мешались, расположились отдельно и дозорных выставили, хоть и ехали пока по своей, мирной земле, где никто на княжеский свадебный обоз и поглядеть без почтения не посмел бы. Но Горыныч в таких делах никому спуску не давал, то ли еще будет, когда чужие земли начнутся!

Кариярские кмети тоже расположились отдельно, но знатные кариярцы сели за общий «стол», и княжичи, и боярин Мирята, и другие бояре-кариярцы. Княжнам и ближним боярыням места оставили самые почетные, кариярцы напротив сидели и воевода.

— Это наши Белица и Огнява, — объявила Милава Воевна, усаживаясь.

И незачем ей было уточнять, которая кто.

Велемил лишь мельком глянул на Вельку и заулыбался Чаяне. А та метнула взглядом по сидящим, ища кого-то... Иринея, конечно. Тут Велька и заметила, что его нет. И Горибора нет, лишь двое княжичей за скатертью

сидели.

— Хороши имена, каждой к лицу. Глядишь, пока доедем, больше настоящих понравятся, — пошутил боярин Мирята, — а двое Веренеичей моих поохотиться поехали, вперед нас, догоним. То ли звериный след какой увидели...

И Чаяна поникла головой, равнодушная к тому, что Велемил так и ласкал ее взглядом. Волкобоя тоже не было видно. Наверное, он и нашел тот след, по которому ускакали двое княжичей.

Велька встала.

— Пойду посмотрю мою Званку. Дальше верхом поеду.

— Да-да, — поднялась и Чаяна, — я тоже хочу верхом.

Перечить им, отговаривать никто и не подумал, обе князьи дочери в седлах ездили ловко, а их кобыл уже только ленивый не разглядел и не восхитился. Обе рослые, с высокими холками, поджарые, тонконогие, с длинными роскошными гривами — вот забота для конюха! — они бежали так, что вот промчатся и вдалеке уже, а пыль на дороге только начинает клубиться. Молодую холопку по пять гривен серебром торгуют, красавицу можно за семь, а за каждую из этих лошадок князь-батюшка почти по полсотни отсыпал.

Князь Велеслав посадил Вельку в седло сам, не в три, правда, года, как сыновей положено сажать, а лет в шесть, и кметя из старших определил ей в учителя, так что скоро она, не желая замечать недовольного бабкиного взгляда, носилась верхом по полям и луговинам наравне с мальчишками. А когда князь гостил в Сини-веси, то нередко устраивал большой лов и брал с собой дочку, поначалу отрокам ее поручал, потом это и не требовалось. Бабке, что ворчала, он только раз сказал, что-де дочь князя вериложского должна в таких делах понимать, и если он решил ее чему-то учить, то возражений слышать не желает. Как не станет возражать, чтобы Аленья тоже ее учила, чему считает нужным: ворожбе своей и травкам. Отчего же, дело полезное. А если почтенной волхве не все нравится, так ведь князь может дочку в Верилог забрать, в свои хоромы, где ей и место.

— Тебе кровь горячить лишний раз не надобно, — только и объяснила как-то раз бабка Вельке, — а лошади горячат, как и всякая удадь, всякое веселье. Ну да ладно, пострелка, ты у меня поневу первый раз затянуть не успеешь, как замуж отдам, тому, кто первым придет, пусть хоть леший будет! Что мне князь, старухе, сделает, чтобы его бояться?

Велька слушала это, дивилась, не верила и улыбалась про себя. Такое только шуткой и могло быть. Она давно знала, что замуж выдавать ее будет батюшка-князь, а у бабки такой власти нет. И что замуж придется идти за

кого укажут, она тоже знала. Кому многое дано, с тех и спрос.

А что лошади кровь горячат — да неужто?..

Зато когда она Званку получила да впервые промчалась на ней вдоль речки, а отроки отцовские все как один позади остались — вот тогда и понятно стало, о чем бабка говорила! Она, Велька, смеялась от счастья, а кровь ее и впрямь казалась горячая-горячая, как кипятки, и вся Велькина суть кипела от этого жара, готовая расплескать его вокруг себя. Но нет, не расплескала бы, справляться с таким она давным-давно научилась, не пропала зря непростая бабкина наука.

Велька угостила лошадь ломтем хлеба и долго гладила, почесывала точеную голову, потом принялась заплетать гриву в косицы, чтобы не путалась. И задумалась — а ну как и не пустые эти домыслы про Волкобая? И он действительно оборотень?

Разумный он, это верно. Все понимает. Звери, которые настоящие, конечно, тоже понимают, но они вроде как дети малые. А оборотни мыслят, как люди... да они и есть люди. Или наполовину люди?..

Дома, в Сини, про оборотней и не поминал никто, и не жили они поблизости, и в голову Вельке не могло прийти, что оборотни могут тут, среди обычных людей жить, а не где-то в дальних землях. Тогда, на торгу, Велька в первый раз оборотней увидала и не поняла этого, не знала ведь, как их распознать. Княжичи вот живо все поняли, и купец понял, а она только глазами хлопала. А с Волкобоем, бывает, говоришь, будто с человеком, только он не отвечает. Вон попросила тогда, перед Купалой, ей княжичей показать, так дважды повторять не пришлось, сразу отвел к княжичам.

Волкобой — оборотень? А она-то с ним обращалась, как с тварью бессловесной. Говорила обо всем, что в голову приходило. И назвалась ему, почитай, сразу. Отец ведь упоминал, что волхв-отшельник по прозвищу Чародей заговор сделал на то, чтобы про нее, княженку, никто и словечка не обронил, так хотел он ее от карьерцев скрыть. Наверное, никто и не обронил ни словечка, виноватых искать нечего, Велька сама Волкобою все выболтала сразу, в первую же ночь, как познакомились. Чаяну сестрой своей называла, это без сомнения, а может, и еще что сказала. Ах да, и Малка ее на другой день при Волкобое княженкой звала, а рядом не было никого.

Стало быть, оборотень, и карьерцы это знают? Ясно, знают, раз он рассказал им про Вельку, а рассказать он мог, только обратившись в человека. Тайком обратившись, и хозяевам не показавшись, что, как Любига говорит, для оборотня бесчестно. Бегал, значит, по двору в песьме

обличье, а отец его расхваливал, даже сторговать хотел у боярина Миряты для себя. И как боярин отговорился, кто его знает, потому что в его положении отказывать князю в такой просьбе сложно. Однако отговорился же, и отец вроде отказ принял с пониманием. Эх, узнать бы, что там было сказано?

В то же время Велька помнила лица княжичей на сговоре, когда они ее увидели и узнали, что она княжья дочь. Да с их лиц изумление было в пору скребком соскребать! Боярин Мирята только о ней знал, княжичи — нет. Может, для них Волкобой тоже просто пес, и лишь старший их правду знает?

Хотя какую там правду! Они же еще не выяснили ничего, а она уже басни чудные складывает! Мало ли откуда боярин Мирята о ней узнать мог. Может, все же сторонний кто ему сказал! А о том, что княженки в такой день может в городе не быть, он даже не подумал, потому и был так уверен, когда просил ее звать.

К Чаяне, что тоже у лошади своей стояла, подошел княжич Велемил, заговорил, сестра стала отвечать, головой закачала, а княжич как будто уговаривал, поводья из ее рук взял. Он, этот Велемил, тоже был хорош, хотя, конечно, правильно Любица сказала — все они хороши, и не глядя можно выбирать. Это внешне если, а так-то, внутренней сутью, все они разные. Вот Ириней всегда быстрый в движениях, разговорчивый, веселый, а Велемил нетороплив, внимателен и молчит больше, Велька и голоса-то его припомнить не могла. Всегда ей на пути Ириней попадался, шутил, насмешничал, и Велемил только смеялся над тем, что Ириней говорил. А лицами они схожи, понятно, что братья. У обоих на щеках ямочки, брови черные, глаза серо-голубые, ресницы длинные, что камыш вокруг озера в такой день, который только что ясный был, но вот солнышко облаками затянуло. Ириней как будто смуглее, и волосы у него потемнее, и ростом ниже самую малость, а Велемил волосами светлее и лицом блее, и при том веснушки по щекам рассыпаны, но они ничуть не портят его.

Оба хороши, да. Если для Вельки, так хоть и в самом деле с завязанными глазами выбирай. Хоть ей покуда от Иринея и больше внимания перепало, но душу оно мало тронуло, так что для нее оба равны. А Чаяне не все равно, ей Ириней надобен. А тот от нее что-то отворачивается, и уже это дивно. Как может не нравиться Чаяна?..

А какого же цвета у Венко глаза? Где было разглядеть ночью! А хотелось бы, и не только глаза, а всего его разглядеть получше. Волосы у него какие? Вроде кудрявые немного, а про цвет только и можно сказать, что не черный. И про веснушки его она не знает, есть или нет. Голос она

помнит, вкус поцелуев его помнит, пальцы его на своем лице помнит. Но мало ей этого, так мало!

ГЛАВА 8

Своя кровь

Ночевать первую ночь предстояло удобно, не в чистом поле и не в веси какой-нибудь дальней, а в княжьем селе Дубаве, где у вериложских князей издавна гостевые хоромы стояли. Дотемна туда и надо было добраться.

— Так не забудь, Огнявушка, о чем уговорились, — шепнула Вельке, усаживаясь в повозку, боярыня Любица, — как нагоним твоего дружка, добудь с него волосков! А ночью все и выясним. В Дубаве в клетки какой-нибудь место укромное сыщем, нам много не надо.

Велька была согласна. Теперь чем скорей, тем лучше, чтобы наверняка знать, надо ли тревожиться. Шутка ли, оборотень рядом! Человек в песьей шкуре...

Впрочем, Волкобой ее от других оборотней там, на торгу, спасал.

— А меня заговору научишь? — спросила она тихонько у Любицы.

— А как же, Огнявушка, — махнула та рукой, — мне разве жалко чего для тебя?

Резво ехали, потому что дорога покуда была хороша, и повозки тоже шли быстро, не задерживали. А если бы и впрямь без повозок, верхом только, как кариярцам хотелось, как бы славно они могли помчаться!

Велемил, видно, огорченный холодностью Чаяны, покуда отстал, а та поравнялась с Велькой, поехала рядом. Недолго помолчав, сказала:

— Ты ведь, сестричка, тоже жениха выбрать должна. Не выбрала покуда?

— Со вчера всего ничего времени прошло, — усмехнулась Велька, — нет, не выбрала. Успею, наверное!

— Ты не глядишь ни на кого. Может, они все и думают, что тебе не по нраву, а, Огнявушка?

— Мне, Белица, все по нраву, — ответила Велька, забавляясь, — можешь первая выбрать, а мне — кто останется.

— Ну ты словно глупая! — рассердилась Чаяна. — А Ириной потому меня сторонится, что не хочет другим мешать, недостойно это! Если бы Велемил на тебя тоже внимание обращал, иначе было бы совсем. Да только ты так себя держишь, что им на тебя и глянуть неохота!

Велька посмотрела на сестру и ничего не ответила. По правде говоря, она плохо понимала, что творится в головах у четырех парней, которым

надо поделить между собой двух невест. Но... она бы решила, пожалуй, что когда дело касается девиц, то парни друг другу мешать не стесняются, соперничают, стараются девушкам понравиться. А если они так не делают, то или девушка не любя, или другая какая причина есть. Или все не так?..

— Помнишь мое обручье с зеленцами,^[31] что ты себе хотела? — заговорила Чаяна уже не сердито, а тихо и мягко, и улыбнулась. — Если понравишься Велемилу, отдам. Мне оно и не нужно совсем. Что скажешь?

А Велька настолько такого не ожидала, что молчала, не в силах сразу ответить. Постараться привлечь княжича Велемилу — за обручье, пусть и с красивыми камушками? Глупость какая. Давать понять парню, что выделяет его из остальных, в то время как она на самом деле никого не выделяет — вот это, пожалуй, и есть недостойно. И притом Велька вовсе не считала, что она, стоит лишь постараться, сумеет понравиться тому, кто до сих пор был к ней равнодушен. Для этого нужно хотя бы быть такой красивой, как Чаяна.

Стук лошадиных копыт позади изменился: кто-то их догонял. Велька быстро оглянулась и хихикнула:

— А за Яробрана мне какое обручье отдашь?

— При чем тут он? — искренне удивилась сестра.

А княжич Яробран был при том, что как раз он поравнялся с ними и поехал со стороны княжны, и уже широко улыбался, готовясь заговорить. Велька ударом коленей послала кобылу вперед, оставляя сестру и княжича одних. Убежала. Может, Чаяне это не понравится, но и ей, Вельке, не нравилось быть при них третьей.

Всякий, кто имел глаза, наверное, решил бы: Велемилу и Яробрану очень по душе княжна, Горибор к ним обоим безразличен, а Ириной сердит, и как будто на Вельку, а может, еще на кого.

Но ведь Велька не виновата, что оказалась княженкой! И не обещала она ничего княжичу Ириной, наоборот, все сбегать поскорее старалась. А что не нравится она никому... ну, может, Ириной самую малость... это и лучше. Можно пока спокойно ехать и не ломать себе голову, кого из них ей хочется в мужья.

Да никого больно-то не хочется.

Ириной с Горибором выехали к ним из леса, когда солнце уже наполовину вниз скатилось — далеко отъезжали, видно. С ними были полдесятка кметей-кариярцев и Волкобой, а перед седлом у Горибора лежала убитая косуля. Обоз встал, боярин Мирята подъехал к блудным княжичам первый, принялся что-то выговаривать, Ириной смеялся, отвечая. А Волкобой подбежал к Вельке, прыгнул, Званка заржала и шарахнулась в

сторону, испугав соседнюю лошадь, кметь, что на ней ехал, ругнулся и плетью хлестнул пса...

Нет, не хлестнул, промахнулся, кончик плети прочертил по пыльной дороге. Не досталось Волкобою, повезло.

Боярин Мирята был близко и видел, подъехал насупленный.

— Ты бы велел взять пса на ремень, боярин, — кметь говорил виновато, знал ведь, что к собаке этой у кариярцев отношение особое, — лошади молодые есть, понесут еще. А ну как э... боярышня Огнява покалечилась бы?

Волкобой стоял в стороне и виновато помахивал хвостом.

— Надо будет — и велю, — сердито на него глянув, пообещал боярин и поскакал в начало обоза.

Немного позже Вельку, которая снова ехала рядом с Чаяной, догнал Ириней.

— Огнява, значит, — он коротко мазнул по ней взглядом, — а тебе подходит, хоть не такая ты и рыжая! — и тоже уехал вперед.

Чаяне он ничего не сказал и даже не взглянул на нее никак. Велька искося, с некоторым чувством вины — кто знает, за что! — посмотрела на сестру, та сидела в седле прямо и с величавым спокойствием, как истинная княжна.

А Волкобой — тот подевался куда-то до самой Дубавы-веси.

До сумерек они успели. Ждали их в Дубаве, все уж готово было, и на столы собрали богато, весь двор ими перегородили, и банька горячая стояла. За столом ничего нового: Ириней сел подальше, с кметями, смеялся там, спорил громко, далеко было слышно. Велемил с Яробраном в очередь развлекали Чаяну беседой о всякой всячине и быстро ей надоели, она еле скрывала досаду. К счастью, долго засиживаться боярыня Милава Воевна не дала, увела подопечных наверх, в горницу, приговаривая, что спать-отдыхать пора, утром вставать рано.

Дубавские хоромы были много меньше, чем в Верилоге. Княжны и ближние боярыни разместились в одной горнице на лавках, девкам-челядинкам тут же на полу тюфяки положили. И уже спать бы, да уговор с Любицей остался неисполненным. А волосками со шкуры Волкобая разжиться так и не удалось.

Любица руками развела, шепнула, что ничего, успеется. Но Вельке не терпелось. Сон сморил женщин на удивление быстро, наверное, последняя перед отъездом ночь у всех выдалась беспокойной. Когда старшая боярыня задремала, княженка тихонько встала, набросила верхицу. Любица тоже не спала, приподнялась на локте, Велька ей рукой показала — жди, дескать, я

скоро. Вышла тихо, дверь не скрипнула.

Мужчины все разместились внизу, кто на лавках, кто на полу, многие кмети на дворе легли кто где, а некоторые еще сидели за столами. Стемнело уже, половину столов убрали, на те, что остались, ключница распорядилась лампы масляные поставить, и еще костер во дворе зажгли. Вокруг лампад мошкara так и вилась, да кому это мешало медами угощаться? Вилась мошкara, мотыльки ночные, некоторые рядом валялись, на столе, опаленные, мертвые. Велька поежилась. Пламя и ее тоже манило, ласкало словно, когда осторожно касаешься, а удержишь руку у пламени — обжигало больно. Как же иначе. Суть пламени в этом. Зазеваешься — и волхвовку огневую съест, как простую девку, как любого человека. Велька умела пальцами без огнива пламя зажечь, и все равно его опасалась.

Боярин Мирята у края стола сидел, пустую чашу в пальцах перекачивал, задумался о чем-то. На княженку глянул, вздрогнул:

— Чего тут бродишь, душа-боярышня? Случилось чего?

— Все хорошо, ничего не случилось, — поспешно заверила Велька.

А пса нигде не было.

— Я Волкобоя ищу, не видал ли ты его, Мирята Ведении?

— А небось дрыхнет уже где-нибудь, неслух! — махнул рукой боярин, усмехнулся по-доброму. — Спать иди, боярышня. Нечего тебе одной в потемках по двору ходить. Заплутаешь еще.

Велька могла бы ему сказать, что это терема ее отца и она тут не впервой, уж как-нибудь не заплутает, хоть и в потемках. И впрямь, она уже сюда приезжала с князем и жила дней по несколько. Места тут хорошие, рыбные ловли рядом дивные просто, да и кабанов в лесу, наверное, немало гуляет — прошедшая зима не студеная выдалась, и желудей было много.

— А пойду я провожу боярышню, Веденич, — откуда-то из темени выступил Ириней, — до самой светелки доведу, поберегу, а то, и верно, не заблудилась бы.

— А, ну да. От таких обережников красных девиц только и беречь, — хмыкнул боярин и отвернулся.

Больше прекословить не стал. Зачем? Все одно она невеста, ему или братьям, вот пусть парни между собой и рядятся. Кто не оплошает, тот и молодец, в самом-то деле. А Ириней не дитя малое, понимает что к чему. Старшего своего они уважают и дорогу ему преступать не станут. К тому же он, боярин, при мамках да служанках княжнам точно не нянька.

Ириней пошел следом за Велькой, близко пошел, но ее не касаясь. Через клеть, где со всех сторон уже раздавался богатырский храп, до лестницы, и по ступенькам скрипучим наверх. И не замечалось вроде

раньше, что ступеньки так скрипят! Над ними, высоко — окно, свет из него льется лунный, то есть такой, с каким мудрено что-то разглядеть.

На середине лестницы Велька внезапно остановилась, извернулась ловко, чтобы с княжичем не столкнуться. Повернулась к нему. Тот замер, удивленный, но тут же улыбнулся, бровь приподнял:

— Что такое, Огнявушка? Никак поцеловать меня решила, чтобы спалось слаще? — пошутил.

— А поговорить — можно? — сказала она тихонько, так, чтобы ни сверху, из горницы, не слышали, ни снизу.

— Лучше бы поцеловать, — он с усмешкой опустил взгляд и тоже голос понизил: — Но давай поговорим, отчего же нельзя.

— Э... вот что, княжич, мне интересно, — неловко все же было княженке такие разговоры разговаривать, — ты меня в меньшицы звал. Зачем-то. Звал?

— Звал, — не стал отрицать княжич, — и знаю зачем. Ты тоже небось знаешь, зачем девок в жены берут.

— В меньшицы, — уточнила Велька, — в старшие жены я тебе не нужна, да? Не слишком нравлюсь? Или просто у тебя нареченная есть... ну... то есть обещался уже кому? Я хочу сказать — есть у тебя уже княжна?

Прямо спросить, почему он на них с сестрой смотреть не желает, она, понятно, не осмелилась. Получается, то же самое и спросила, только исподволь. А почему вообще заговорила — так жаль было случай упускать. Лучше уж понимать, что происходит. А то Чаяна ей обручья драгоценные сулит за одну только надежду Иринею понравиться.

Иринею не сразу ответил. Велька к темноте попривыкла и видела, что глаза его блестели и что он улыбался.

— Глупенькая ты, — сказал Иринею, и только.

— Когда-нибудь поумнею, — ответила она, чувствуя, как щеки от досады жаром налились... а может, и еще отчего-то, — еще постарею и зубы порастеряю, — и хотела уже убежать, но он поймал за руку, задержал.

— Погоди, лиса моя распрекрасная, — сказал он, — расспрашиваешь вот, а скажи, ты сама-то хочешь моей княжной быть? Мне женой? Моих детей матерью — хочешь?

— Какая разница, что я хочу! — воскликнула Велька, позабыв на миг, что тихо надобно разговаривать. — Меня родители вам отдали, я еду, чтобы замуж выходить. Ты про себя ответь!

— Ответить, есть ли у меня нареченная? Отвечаю: нет. Никому не обещался. Впрочем, это отцу забота, с кем решит родниться, оттуда и сосватает. Из Верилога вот он очень уж невестку хотел, а получит аж двух.

Тебе-то самой из нас кто больше по нраву?

— Не знаю я, — Велька отвернулась.

— Ну, а коли не знаешь, то и разговора нет. Я себе могу холопку купить, полонянку, да хоть не одну, серебра у меня хватит. Ей тоже разницы не будет, под чье одеяло ложиться, сделает, как велят. Поняла, о чем я?

Велька молчала, и княжич, снова взяв ее за руку, сказал мягче:

— Ты не торопись. Никто ведь не понукает, не принуждает быстрее решать. Дорога у нас впереди долгая, знай думай да присматривайся. А если в Карияре захочешь мне обручье отдать, я возьму. Раньше не надо. Поняла, лиска? Дома, в Карияре.

Она кивнула — поняла.

— Пришлась ты мне по душе, лиска. Но у тебя нынче в сердечке другой, не я. Или ошибаюсь?

Велька только головой покачала, растерянная, сбита с толку:

— Прости, княжич. Доброй ночи тебе, — и побежала наверх.

Около плотно притворенной двери в горницу остановилась, оглянулась: Ириной спускался, уже внизу был. Он оглядываться не стал.

Поговорили. Лучше бы ей не затевать таких разговоров! И что же, надо было сказать, что, дескать, сестре-княжне ты, княжич, очень уж по нраву, и не приглядеться ли тебе к Чаюне? Глупо было бы. Ведь он только что сказал, что обручье у нее в Карияре возьмет, если она захочет отдать. То есть он сначала подождет, не уговорит ли ее еще кто отдать обручье, а если не случится этого, сам попросит? В последнюю очередь? Обещался он ей, получается, вот так странно?

И как же это понимать?

А рука у княжича Ирины сильная, жесткая, мозолистая, как у всякого воина. И опять Венко вспомнился, у него руки такие же были. Это понятно, купец — он на всех дудках игрец, сам товар свой скупает, сам возит и торгует, и защищает его тоже сам от всех лихих, кто захочет позариться. Редко какой купец меч не носит или по молодости не носил, когда еще недоставало мощны^[32] хорошую дружину охранную нанять.

Какое-то время Велька постояла у двери, успокаиваясь. Мысли прояснились. Что ж, как вышло, так вышло, утро вечера мудренее. Только у них ведь с боярыней Любицей дело есть, на вечер нынешний как раз, а не на утро.

Огляделась она, раздумывая, где Волкобоя поискать. И тут ворчание услышала, тихое совсем, встrepенулась — здесь, рядом, да вот же...

Чуть в стороне от двери на соломе лежал пес и смотрел на нее — зеленоватый блеск глаз она сразу увидела, потом уже темные очертания его

тела. Подошла, присела рядом, погладила.

— Волкобоюшка! Ты тут, надо же. А я ведь тебя искать пошла. Доброй ночи хотела пожелать. Не обидели тебя сегодня, а? Ты умный пес, осторожный, я знаю, а вон как вышло...

Лукавила, лукавила княженка. Не затем ведь искала, чтобы доброй ночи желать...

Волкобой в ответ ее в ладонь лизнул, как нередко, а понял ли? Точнее, все ли понял? Если оборотень — все, и еще мог подслушать, о чем она с Иринею секретничала. Если обычный пес... да что она, княженка, знает об обычных псах? Чего они понимают, а чего не понимают? Не знает она этого. Собаки — твари бессловесные, это одно известно, а точно ли они мыслят хуже людей? Вон сколько басен сложено про то, как звери умнее иных людей бывают...

Теребя шерсть на загривке у Волкобоя, Велька дернула посильнее, еще раз — и готово, остались шерстинки между пальцами. Должно хватить.

Она вернулась в горницу, тихонько прошла между спящих к своему месту, стряхнула собачью шерсть в платочек, завернула. Любица лежала одетая и волосы, уже было заплетенные на ночь, опять повоем закрыла — приготовилась сразу выйти. Вельку услышала, тут же села на постели.

— Огнявушка, получилось? Пойдем?

— Пойдем...

Но сначала Велька взглянула на сестру — Чаяна сладко спала.

Боярыня Любица прежде в Дубаве не бывала, так что Вельке сподручней было сообразить, где в такой час местечко подходящее, укромное, найти. Здесь же, сбоку от горниц, чуланчик был маленький, туда и отправились. Когда выходили, Волкобой встрепенулся, Велька ему пальцем погрозила — не ходи за нами! Послушался пес, лег обратно.

В чулане тесно было, пыльно, корзины стояли у стены пустые, и светец с кучей лучины под ним, и скамья с прялкой — не иначе, провинившихся девок здесь запирали, да не просто так, а с работой. Но княженке с боярыней не с лучиной же возиться!

Любица огарок припасенный на скамью поставила, Велька зажгла, пальцами щелкнув, руку рядом подержала — пламя поднялось высокое, ровное, яркое.

— Смотри, Огнявушка, — у Любицы тоже был платочек, в нем прядки волос.

Она взяла черную, блестящую прядь.

— Это мне Тамир подарил, он... старший брат был в семье оборотней, его волосы. А это Яруны, его сестры, — Любица показала прядь светлее.

На прощание на всякий случай дали. И мою взяли. Когда замуж меня увозили, — Любица улыбнулась чему-то.

— А на всякий случай — это на какой? — не удержалась Велька.

— На всякий. Оборотня по волосам не только опознать можно. Можно и позвать.

— Понятно...

И подумалось отчего-то Вельке, что Тамир этот, может быть, молодой и красивый парень, которому вовсе не хотелось отпускать на сторону, куда-то там замуж, свою боярышню. Но делать было нечего, родители решили, не отдавать же им было дочку за оборотня из своих служилых, если можно за знатного боярина отдать..

Подумалось, но вслух не сказалось. Если правда, говорить о таком нечего, а если неправда — и подавно не надо.

Она спросила:

— А эти оборотни ваши, они были кто? В смысле — какие звери?

— Волки, — ответила боярыня спокойно, как о чем-то совсем обыденном, — отец у них огромный такой был волк, сильный, на спине своей меня катал, маленькую еще. Я не боялась. И кому попало такое не показывали, люд у нас все же к оборотням непривычный. Тамир с Яруной никогда при мне не оборачивались, но они тоже умеют, я знаю. А бабка их не умела. Ну да ладно. Смотри, Огнявушка, ты же хотела. Это мои волосы, нынче с гребешка сняла, — боярыня вынула комочек волос, четко сказала несколько слов и поднесла волосы к пламени свечи.

Они быстро и ярко вспыхнули и сгорели, обычно сгорели.

— А волосы Тамира... вот... — она отделила немного от прядки, повторила заговор, и...

Эти волосы тоже вспыхнули быстро и ярко, но пламя по краям было зеленым.

— Видела разницу?

Велька кивнула. Да, зелень в пламени была заметной, не обманешься.

Она достала шерсть Волкобоя, бережно сложила все волоски, отдала Любице. Та опять произнесла заговор, сунула шерсть в огонь...

И ничего. Быстро вспыхнули волоски и сгорели, и никакой зелени.

— Ну вот, понятно все. На нет и суда нет, — бодро сказала Любица, но выглядела она при этом разочарованной.

Волкобой не оборотень, значит. Просто пес.

Скрипнула дверь.

— Это что же вы тут затеваете, мои голубушки? — боярыня Милава Воевна сонно протирала глаза, но уже была рассержена.

— Да мы... я сейчас... мы проверить хотели, сейчас объясню, — Любица быстро сложила и сунула за пояс свой платок и подбежала к старшей, тихо с ней заговорила, выводя из чулана.

Велька осталась. Не сумели они по-тихому дело сделать, вот ведь! Но и страшного ничего не случилось, разве что Любице придется объясняться с Воевной. Объяснит, ничего...

Велька повторила про себя слова заговора, потом еще раз. Вроде запомнила, нет ошибки, а память у княженки всегда была хороша, бабка Аленья куда большие словесные вязи запоминать заставляла, даже произносить иные следовало не просто, а по-особому. А тут совсем простой заговор, язык только чужой. Записать бы. И попробовать. Жаль, что волос оборотня Любица не оставила, без них как проверишь, как получилось, удался ли обряд?

Не успев подумать, Велька перекинула на грудь собственную косу, слова те сказала и поднесла к пламени кончик косы, он ярко вспыхнул.

Конечно, это забава опасная — свои волосы жечь, и любая девка больше всего стережется попасть косой в огонь, волос ведь лишиться — хуже быть не может. Да и горят волосы быстро, а ну как не погасишь! Но Велька, волхва огневая, такого не опасалась, она любое небольшое пламя погасить могла, когда нужно и в мгновение ока.

Она и погасила. Только вот успела заметить, что огонек на ее волосах, сначала обыкновенный, вдруг полыхнул зеленым.

Волосы оборотня были в ее, княженки вериложской, собственной косе.

Так и стояла Велька какое-то время, не в силах поверить — да было ли это? Не приснилось? Они ведь пришли сюда про Волкобая выяснять, оборотень он или нет. А вышло, что она сама — оборотень?!

Еще повторить, что ли?

Велька не стала. Видела она, точно видела, не обманулась. Не сумасшедшая она, и глаза пока не подводили.

Видела.

А ведь с нее бы случилось и при Любице это проделать, вот бы та удивилась. Недаром бабка учила, что любые обряды абы как, случайно нельзя творить, правильно учила. Но это дела не меняет. Хоть не видел никто — хорошо.

Велька в горницу не пошла, спустилась вниз, в клеть, оттуда переходом прошла в кухню. Там еще возилисьстряпухи, тесто месили на завтрашние пироги, крупу мыли на утреннюю кашу: столько людей вовремя накормить — это немалая работа. Княженку не узнали, и она тоже никого.

— Хочешь чего, боярышня? — окликнула ее одна из стряпух.

— Нож дайте, — попросила Велька, удивленная стряпуха протянула ей нож, предварительно вытерев его ветошкой.

— Спасибо, — Велька отсекла ножом опаленный кончик косы, нож вернула, а волосы бросила в печку, на горящие угли, они тут же сгорели. Обычным пламенем сгорели, конечно, потому что без заговора.

А как же. Разве можно волосы где попало ронять. Это и сглаз легко заполучить, и порчу, и еще много чего. Только сжечь или в воду бросить. Бабка Аленья считала, что сжечь надежнее, ну да она во всем огню больше доверяла.

Удивленным женщинам Велька пояснила:

— Случайно опалила.

— Как можно, девка, косу не беречь — без жениха остаться, — попеняла та, что нож давала, уже сомневаясь, точно ли это к ним пришла боярышня. — Как там княжна с княженкой? Правда, что ли, им женихов на выбор дали? Да еще красавцы какие, всем бы такое счастье!

— Правда, — признала Велька, — они и выбирают, ночей не спят, чем им еще заняться-то?

— И то верно, — некоторые засмеялись, а княженка поторопилась уйти.

Во дворе уже мало кто остался, все спали кто где.

— Огнявушка! — окликнули Вельку с крыльца. — Да иди уже спать, чего бродить-то ночью духом неприкаянным! — это была Воевна в наброшенном на голову платке и без обычного ее самоцветного очелья, так что сразу в потемках и не признаешь.

Боярыня уже не сердилась, напротив, была весела, хоть продолжала притворно хмуриться.

— Ну вы и учудили, распрекрасные мои, — качала она головой, — это же надо, и чего было еще дома волхве не довериться? Мимо Даруны нашей ни один оборотень не проскочит. Да батюшке вашему надо было о страхах своих порассказать, он бы вам любого оборотня из шкуры вытряхнул. А вы сами ворожить! Нет, я не против, конечно, что вы у меня девы такие умелые, но в дальней дороге, без пригляда, — можно разве? А тебе и вовсе беречься велено!

Велька только глаза опустила. Верно, предупреждал батюшка, да не привыкла она в таких делах разрешения спрашивать, особенно у боярынь! Все, что по силам было, ей позволялось.

— А батюшка ваш все уже и сам проверил, — понизила голос боярыня, — давно о том же подумал. Раз позволил псу этому с нами быть,

значит, можно.

— Что он проверил, что узнал?

— Меня там не было! — развела руками Воевна. — Но за Даруной он посылал, знаю. Беспокоился, что псина страшная его меньшей дочке проходу не дает.

Велька не сдержалась, засмеялась.

— Какая псина страшная? Да он-то чисто телок ласковый!

— Это с тобой, — заметила боярыня и продолжала: — А к Чародею в лес князь сам ездил, вот пару дней как! Вернулся довольный. И у меня от сердца отлегло. Если на хорошую долюшку, так хоть год вас везти согласна, куда скажут! А вы не бойтесь, вас так берегут — и волоса не уроните!

Велька прикинула, сколько потеряла в длине нынче ее коса, и опять улыбнулась невесело. А Даруна, стало быть, оборотничью суть видеть умеет. Что же тогда она про нее, княженку, думает? Или ей просто в голову не приходило в княженке оборотня искать? А уж бабка и подавно должна была знать, и как могла в таком случае не сказать ей, Вельке? Полагала, что никогда у нее не будет случая это прознать?

Одни вопросы, а ответов не найти.

— Спать, спать пойдем, — боярыня обняла княженку, подтолкнула к дверям, — ох, забота моя! Правильно, тревогу надобно развеять, но не тайком же, не в темном чулане! Мне надо было сказать! Я как-никак за вас отвечаю перед князем и княгиней!

В горнице свеча горела, девки перешептывались, подталкивая друг дружку локтями, Любица сидела на своей постели и поглядывала на Вельку виновато, Чаяна только сладко спала. Велька тоже легла, Любица между делом подошла, будто подушку поправить, шепнула:

— Я ей немного сказала. Ничего.

Значит, повинилась только в том, что они в Волкобое оборотня заподозрили. Секретов не рассказывала, про заговор и про друзей своих оборотней. И правильно, потому что Вельке отчего-то показалось, что про их с Любицей искания ночные все наутро знать будут. Не в том дело, что Воевна любит поговорить, а в том, что она явно случившееся важным не посчитала, скорее забавным, и даже немного одобряет!

Что же, все, что про Волкобая, на самом деле и неважно, и забавно/Об этом и забыть можно. А вот про нее, про княженку Велью Велеславну...

Она ведь, между прочим, со своей кровью и своей сутью уже шестнадцатый год живет, и ничего, довольна вроде! Шерсть нигде не растет, волосы в косе от самых обычных не отличишь, клыков не видать, когтей тоже вроде не замечал никто. Может, и дальше хорошо будет?

С этой мыслью Велька и заснула, и спала крепко, без снов, но проснулась рано, только рассвело за окном. Сразу все вспомнила. Утро, значит, настало, то, которое мудренее. И спать больше неохота. Она оделась, косу переплела и тихо, стараясь не разбудить никого, вышла из терема и села на крыльце, на нижнюю ступеньку.

Утро начиналось славное, небо голубое было, чистое, и дышалось так легко. Хорошо! Крыльцо у терема высокое было да широкое, над ним тесовая крыша, ее столбы толстые, резные держат, на столбах тех птицы дивные вырезаны. Дубовые доски ступенек прохладные после ночи и от росы влажные чуть. А по углам, на стенах прямо и по наличникам плотники зверей резных пустили, и каждый зверь на других не похож. Не первый раз Велька на них глядела, а видела — в первый.

Как, интересно, в Карияре дома строят? Будет ли ее новый терем так же красив, как на отцовском дворе в Верилоге?

— Ну, ты и впрямь не лиска, а дух неприкаянный, — Ириной откуда-то взялся, стоит, усмехается, — бродишь тут, когда девкам положено самый сладкий сон видеть.

— Не привыкла я долго спать.

— Я тоже. Сесть рядом позволишь?

— Сядь, — пожала плечами княженка. — А ты прямо вездесущий, княжич, все знаешь, все слышишь, хоть не видно тебя.

Ириной сел, не то чтобы совсем рядом, на коне между ними проехать можно было бы. Ответил:

— Чтобы вас с боярыней вчера слышать, не духом надо быть, а вон там под крыльцом сидеть, как я сидел.

— Все услышал?

— Да немало. Не спалось мне, уж прости.

Помолчав немного, Велька сказала:

— Спросить можно? Так, чтобы ты не говорил об этом никому.

— Не скажу. Поклясться могу, хочешь?

— Не надо клясться, обещанья мне хватит. Скажи, княжич, почему ты меня звал то белкой, то лисой? Похожа, что ли?

Венко, кстати вспомнить, ее в лесу тоже лиской звал, верно ведь? И еще он сказал, что она арья, народ такой в Лесовани живет, и что он, Венко, вроде в ней рысью кровь разглядел, но мог и обмануться.

— Сам не знаю, — Ириной улыбнулся. — Не похожа, нет, а звать тебя так хочется. Теплая ты, светлая, золотая, маленькая, так бы под рубаху и спрятал. Не сердишься за такие слова?

— Нет...

Вовсе не такой уж маленькой уродилась Велька, хотя, верно, Чаяны пониже на полголовы, и больше не вырастет. Она уже взрослая.

Она удивленно поглядывала на Иринея и больше говорить не решалась. То, что он сказал, было вовсе не ответом на ее раздумья, а чем-то совсем другим, и к этому другому ей не хотелось лишний раз приближаться, трогать. Не готова она пока, нельзя.

Иринея подождал и заговорил сам:

— Ты о чем-то спросить хотела? Что тебя тревожит? Я клянусь, чтоб мне головы не сносить, никому ничего не скажу. И под крыльцом никто не валяется, я уже проверил.

— Ты понял, о чем я с боярыней говорила?

— Как не понять. Да и парни уже мои пересмеиваются, какая-то из ваших девок одному из них на ушко шепнула. Ты с боярыней своей Волкобоя нашего испытывала, не оборотень ли. Успокоилась? Не оборотень?

— Не оборотень, — согласилась Велька.

— Зря волновалась. Не стали бы мы тайком к вам оборотня везти, разве у вас волхвов знающих нет? Да отец твой нас бы прогнал, дай ему только повод, обижен ведь он, что против своей воли вас отдает. И невольно не могли, сами бы быстрее вас поняли, что к чему. Мы оборотней лучше знаем. Не бойся, не будет вам ни опасности, ни обиды.

— Я поняла уже, — кивнула Велька, — тут в другом дело. Боюсь говорить... да ладно. Молчать тоже не хочу. Мы поняли, что он не оборотень, да только я... я случайно разговор к себе применила. Я сама... наверное, был оборотень среди моих чуров, кто именно — не ведаю...

Иринея молча смотрел на нее и улыбался.

— Если мне нельзя... хочу сказать, что если не нужна такая невестка вашему отцу, то ты скажи, я не поеду. Верните меня обратно. Я и сама уехать могу, тут недалеко еще.

Иринея прервал ее, все так же улыбаясь.

— Ну да, и впрямь. И тати у вас по лесам не бродят вовсе никогда, и никто даже не взглянет в сторону отважной такой богатырши на кобыле за много-много гривен. Тебя разве только в рогожу^[33] одеть да клюку дать... и то не дойдешь.

— Я дойду, я волхва, умею злое обходить, — заверила его Велька с улыбкой.

От его шуток ей стало легче на душе.

— Узнала, что оборотничья кровь в тебе, и испугалась. Это все, лиска?

— Все. Мало?

— Это даже не мало, а вовсе ничего. Ты одна это узнала, больше никто?

— Никто.

— Вот и хорошо. И не пугай своих наседок, они к такому не привычны. А вот я... мы, точнее, наоборот, привычные. Говоришь, сама умеешь распознавать. Тебе что для этого надо?

— Волосы.

— Ага, понял, — он быстро выдернул из-за пояса нож, сгреб в ладонь свои волосы и отхватил прядку, протянул Вельке, — на. Проверь, я тоже посмотрю.

Велька взяла прядь, опасливо оглянулась на дверь в терем, нет ли кого, мысленно и почти уже привычно проговорила заговор и подожгла волосы. Они вспыхнули сначала обычно, а в самом конце полыхнули зеленым.

Она изумленно подняла взгляд на Иринея. Тот глядел весело.

— Вот видишь. У меня самого есть чуры-оборотни. Да не кто-нибудь, а князь рысий, рыси его до сих пор почитают. Деда моего, в смысле. Оборачиваться не могу, кровь сильно разбавлена. Да у деда и другие внуки, что в Лесовани живут, не все оборачиваются. В весях у оборотней разве только каждый пятый звериную личину имеет. Тебя ведь тоже никогда не тянуло... ну, перекинуться. Ты не оборотень, а так, восьмушка от него, или не знаю — четвертушка?

— Тянуло ли меня? Да я не представляю, как это бывает.

— Вот видишь. Княгиня кариярская, моя матушка, с рысиной кровью, так что отец и против невестки ничего иметь не будет, уж поверь.

— Э... понятно. Спасибо, что объяснил. — Велька потерла лоб ладонью.

Она такого не ожидала, конечно. Волкобой оказался ничуть не оборотнем, а вот кариярские княжики, как и она сама, — оборотни, хоть и малость.

Она спросила осторожно:

— А все вы такие? Я хочу сказать — все четверо? Все княжики?

— Нет, лиска, говорил я тебе, — теперь уж Иринея откровенно смеялся. — Моя матушка не всех нас рожала. И она, хоть княгиня, а не первая у отца, первая княгиня умерла. Не все мы рысьего князя внуки. Видишь, я тебе свои секреты тоже рассказывать начал. Сохранишь?

— Да, — кивнула Велька, — только в чем же твой секрет? Ничего интересного ты мне не сказал.

— Да в том хотя бы, что я у отца своего не старший. Не наследник. Не выдавай меня. Я тоже обещал, да проговорился.

— Не скажу никому, — пообещала Велька. — Пойду я. Спасибо тебе, княжич.

— И тебе того же, Огнявушка.

Она на него больше не смотрела, хотя точно знала, что он улыбается. И ей было легко, спокойно, оттого, что все оказалось именно так, как оказалось, что она открылась Иринею и он объяснил. А то, что ее так напугало, для карьерцев «не мало, а вовсе ничего».

В горнице уже проснулись. Воевна была готова, Чаяна сидела еще в нижней рубахе, ей как раз плели косу, а Любица, тоже непричесанная и без повоя, перебирала что-то в своем коробе.

— Утра всем доброго! — весело сказала Велька.

— Доброго, Огнявушка, — ласково отозвалась Воевна, и Любица ей поддакнула, и остальные нестройным хором отозвались.

Чаяна только не ответила. Велька пригляделась: сестра сидела с мокрыми от слез глазами.

— Сестрица, что такое? — удивилась княженка и, чего там, испугалась.

Только что она радовалась, все хорошо стало, а теперь как же?

— Ничего не случилось, — ответила Воевна бодро, — а девичьи слезы что роса. К будущему счастью, — и рукой украдкой махнула, дескать, молчи, не говори ничего.

Чаяна и вовсе отвернулась от Вельки. Ладно, там видно будет, случилось что или просто так сестрице взгрустнулось. Такая уж Чаяна, из-за пустяков огорчается, хоть и старшая.

Велька подошла к окошку, заглянула, стараясь разглядеть что-то за мутными пластинами слюды. Увидела крыльцо, на нем Ириней стоял и с боярином Мирятой разговаривал.

ГЛАВА 9

Правда, кривда и дар речной девы

Вот и Дубава позади остается. Больше не ночевать им так, удобно и ладно, в своем, считай, доме. Теперь ночлеги будут по незнакомым городкам да по весям, если не в поле у дороги.

Велька с Чаяной выехали из ворот рядом. Дворовая челядь вся высыпала обоз проводить, а подале, за воротами, чуть не все весчане собрались. Когда еще людям поглядеть придется на княжеский свадебный обоз и угоститься пирогами, что ключница уже велела выставлять на столы для всех, кто пожелает, чтобы хорошая дорога была у княжьих дочек и богатая жизнь. Бочонок пива строгая ключница тоже велела выкатить ради такого дела, но один, самый маленький — сенокос в разгаре, после Купалы-то, людям еще работать нужно...

А дорога, она дорога и есть, хорошая, накатанная, то лесом, то полем, то снова лесом и лесом. Пока хороша дорога, и ехать можно быстро, а вот как дальше пойдет? Ну да ездят же купцы через весь, почитай, мир людской, из любого конца да в любой конец. Хотя что купцы? Купец — нитка шелковая, в любое игольное ушко проскользнет ради того, чтобы торговать и мощну набить. Да мало кто по-настоящему богатеет из торговых гостей, потому что жизнь трудная, вся из долгих дорог, и опасностей много. Подумалось Вельке про купцов, и сразу Венко, конечно, вспомнился. И он, должно быть, тут ехал, и не раз, и на тот же лес смотрел по сторонам и вон тот пенё-великан видел...

Да что ты будешь делать! Все Венко да Венко, не идет из головы, и вспоминать не надо — сам вспоминается. Хорошо так от этих воспоминаний, светло. И чувство вины царапает: нельзя ведь, чужой он, для нее никем и останется. И если его то и дело так настойчиво вспоминать, он тоже маяться станет, тревожиться, о ней думать, а им жить надо теперь порознь и долю свою, какую ни на есть, порознь искать...

Так бабка Аленья говорила когда-то. Как будто знала, что эта самая напасть с внучкой и случится — чтобы влюбиться ненароком в кого не надобно.

Говорят, в Вериложье не такие леса, как в Лесовани да в Карияре, там иные сосны, якобы и втроем не обнимешь, и растут они под самое небо. Может быть. Скоро уже придется им самим убедиться. Но и тут леса

обширные, глухие, и кажется, что конца им нет. У Званки ход ровный всегда, не тряский, и седло княжий шорник в Верилоге, хороший мастер, нарочно для Вельки строил, так что ехать можно и ехать, не уставая. Вот только сестрица после Дубавы так и слова не сказала, все поглядывала иногда в сторону Вельки и молчала. Наконец не выдержала:

— Ты говорила нынче с княжичем Иринеем.

— Говорила, — согласилась княженка, — а что?

— О чем же вы говорили?

— Да глупости все. Он насмехаться стал, что мы Волкобая на оборотня испытывали. Подслушал вчера, как Воевна о том говорила, ну и... Ему бы только посмеяться.

— Еще бы не посмеяться! — дернула плечом Чаяна. — Учудили вы так учудили. Думаете, что батюшка все не проверил? У него посильнее вас с Любицей умельцы есть!

— Есть так есть, — мирно согласилась Велька, — захотелось нам, и пусть.

— Насмешили весь свет.

— Ничего. Жалко, что ли?

— Ты же не скоморох, а дочь княжеская. Не твое дело людей веселить! Вот батюшка узнал бы!

Не о том сестра говорила, не это ее волновало. А говорить с ней про Иринея Велька не хотела, чтобы не проболтаться ненароком. Хотя сказать, что Иринею не старший княжич, и она это наверняка знает, — что такого? Велька искренне не понимала, зачем это скрывать, да и зачем вообще что-то скрывать? Почему сразу не объяснить им про женихов, кто есть кто?

А Чаяна раздраженно морщила лоб, как будто раздумывала, что еще сказать.

— Уж такая я, — вздохнула Велька, и насмешки в ее голосе была самая капелька. — Батюшка велел с тебя пример брать. Может, совет какой дашь хороший? Научишь? Что теперь делать надлежит дочери князя Велеслава?

Сестра глянула искоса и промолчала.

— Не волновалась бы ты, сестрица, — со вздохом попросила Велька, — правду говорю, что никто из них пока не люб мне и даже не мил. Выбирай первая, кого хочешь. А я с тобой соперничать не стану, незачем мне.

И впрямь незачем. Венко ведь не было среди них. А кабы был?..

— Как же мне выбирать, если я не всем мила? — губы княжны сложились в горькую улыбку, и ответить на это было нечего.

Может, и не глядел бы княжич Ириной мимо Чаяны, если бы ему каким-то дивным образом не понравилась Велька. Правда что дивным, куда неказистую княженку против княжны-красавицы ставить? Она ведь и считала всегда про себя, что неказистая, такая, каких множество. Не всем ведь красавицами писаными быть. И бабка так говорила, что не в матушку девка уродилась, ох не в матушку! Зато добавляла: «Зато сильна не в матушку, горюшко мое!»

Велька понимала это так, что у ее матушки силы волхвовской не было вовсе, и это бабку не огорчало, а скорее радовало. А внешне матушка ей помнилась смутно, но красавицей та была, это без сомнения. И на отцовском дворе в Верилоге про это приходилось слышать, как, дескать, хороша была Зарина, княжья меньшица, которая почему-то в мужниных хоромах так и не появилась ни разу. Но бывало, что меньшиц отдельно селили, не отец с матерью это придумали. Может, и была причина.

А причина скорее — гордость бабкина. Уж этого-то хватало у старой Аленьи. То, что дочь взял в жены князь, ей нравилось, пожалуй, а вот с тем, что не главной хозяйкой та станет в его доме, а лишь второй, а точнее, вообще не хозяйкой, она не могла согласиться.

Княжич Ириной... Может, лицом он не лучше братьев и самым могучим не кажется. Он всех веселей, живее, в его глазах столько ласкового тепла, и еще грусти, когда глядит он на Вельку. А ведь Вельку Ириной увидел уже после Чаяны, сначала Чаяну, а потом, да в потемках, — Вельку. Еще говорил, что на Чаяну глядеть больно — значит, не понравилась?..

Это странно и, в общем, плохо. Соперничать с сестрой Вельке не хотелось. К чему им пустые раздоры?

— А ты не торопись, — улыбнулась она Чаяне. — Не сегодня ведь тебе суженого выбирать. Через день-другой все по-другому покажется.

— Я же не слепая, — дернула плечом сестра. — Когда он рядом, то все на тебя смотрит.

— Надоест ему скоро. Я-то ведь на него не смотрю, — сказала Велька, сама себе не очень веря.

— Ой ли? — не поверила и Чаяна.

— Может, мне снова невестинной пеленой покрыться? — бросила Велька в сердцах. — Так ведь с ума сойду в повозке трястись под этой завеской, уж прости, сестрица. Сама под покров не хочешь?

— Я разве о том? — пробормотала Чаяна, отворачиваясь.

Не верилось Вельке, что на самом деле она когда-нибудь отдаст Иринию обручье, в Карияре или еще где. Хотя некое теплое чувство поселилось у нее в душе именно к Иринию, и даже легкое раскаяние

ощущалось, что нечем ему ответить. Но ведь действительно нечем. Был бы он братом — так хорошо было бы.

А Венко?..

Да где он сейчас, тот Венко!

А на самом деле где? В Верилоге еще? И все же что он делал на княжьем дворе в ту, последнюю, ночь? Просто попить зашел или другая причина была?

Если по уму, не могло быть другой причины, но сердечком Велька чувствовала что-то иное.

Она осторожно взглянула на сестру. А ведь княжна теперь оделась простенько, не ярче Вельки. Ожерелье на ней одно и не сверкает, и рубаха простая, из тонкого беленого холста, расшитая, как положено, и серьги просты. Теперь не скажешь, что на нее больно глядеть. Может, конечно, это Воевна позаботилась, чтобы невесты в пути среди других не выделялись, сама Велька вот тоже надела что подали, не разбирая. Но раньше Чаяну во что попало было не нарядить.

— Я Иринея полюбила, понимаешь? — быстро заговорила Чаяна. — Других словно и не вижу совсем, только его. То меня Лада одарила! Как он неподалеку, так его лишь и вижу, и слышу. А он при этом с тебя глаз не сводит.

Велька только голову опустила, ответить было нечего. Любовь к тому, кому ты сама не мила, — это не дар Ладин, а наказание. Или испытание, как хочешь думай.

— Отец говорил когда-то, что бабка твоя ему резы рассыпала, и все потом сбылось, — вспомнила Чаяна, — а ты так умеешь?

Ответить бы, что нет...

Сказала правду:

— Своих рез у меня нет, на бабкиных могу. Но я в этом не искусница, сразу говорю. Не ей чета.

— Правда, сделаешь? — обрадовалась сестра, глаза ее сразу заблестели. — А что же раньше-то молчала?

— У меня и рез тогда не было, — пояснила Велька, — их из Сини привезли уже перед отъездом. Да и, говорю же, не искусница я в них. Что ж ты Даруну не попросила?

— Просила ее матушка, да без толку что-то. Ладно. А когда?

— Да вот хоть сразу, как остановимся. Уйдем ото всех и погадаем, — пообещала Велька, а сама озадачилась: если Даруна уже рассыпала резы на их замужество, то как же это могло быть без толку?

Только если сильный кто-то своей ворожбой прикрыл пряжу их жизни

там, где она переплетется с нитями судьбы карьерских княжичей, и ничего резы сказать не смогут, запутают только. А может, напротив, ничего не прикрито, и пророчество Даруны княгиню Дарицу успокоило, и она отпустила дочь с легким сердцем, только ей ничего не сказала, мало ли почему. Даруна ей запретила, может.

Но ей, Вельке, старшая волхва резы рассыпать не запрещала, хоть не могла не понимать, что она может. Нельзя — так сказала бы. Ей, княженке, сказала бы, а не княгине.

Чаяна оживилась, повеселела, как будто ей радость какую обещали. Огляделась, воскликнула:

— А где же, сестричка, твой чудила лохматый? Никак на тебя осерчал, обиделся?

Велька тоже поглядела по сторонам, стараясь высмотреть Волкобоя. Слышала ведь недавно его лай где-то впереди, среди кметей...

Она ответила беспечно:

— Ничего, мы помиримся. Найду, прощенья попрошу, — пошутила.

А Чаяна расхохоталась:

— Ну ты, сестричка, чудишь так чудишь! Батюшка, говоришь, велел тебе меня слушаться? Так говорю, забудь про эту псину страшную! Пусть с ним кмети водятся и сам боярин Мирята, их это дело, не твое!

Рассказать бы Чаяне, как «псина страшная» от оборотней ее защищала, так нет же, лучше не надо. Чаяне такое знать — еще и не те речи говорить станет, уже про Вельку да про то, что невместно делать княжьей дочке...

Когда сестрица старшая от любви напрасной мается, то хоть младшую не поучает, что невместно, а что вместно. Но все равно жалко ее, конечно. Любовь без ответа да ревность злая так сердце рвут, говорят, что врагу не пожелаешь.

— Знаешь, о чем думаю? — сказала она Чаяне. — Ты, сестрица, с Велемилом говоришь часто. Он ведь то и дело с тобой заговаривает, ему это в радость, да ты не слишком приветлива.

— С чего это я не приветлива? — подняла бровь сестра. — Я знаю, как говорить надо, никто не скажет, что я вежеству не обучена.

— Да неужто не понимаешь? Ему не вежества твоего нужно, а улыбки ласковой, глядишь, он и расскажет, о чем попросишь! Так ты спроси, когда нынешний князь, отец их, на престол сел, сколько лет тому назад?

— И зачем нам эта великая тайна? — рассмеялась Чаяна, действительно не понимая.

Пришлось объяснять:

— Батюшка говорил, что он с князем знался семнадцать лет тому как,

и было это далеко от Карияра. И мы слышали о том, что князь свой стольный город не покидает... нельзя ему? Иначе почему он в полюдьевоевод посылает? Не в том ли проклятье? Но ведь водил он войско семнадцать лет назад. Но если семнадцать лет назад другой князем был, тогда все сходится. Поняла?

Чаяна смотрела недоуменно. Похоже, не поняла. Но ответила:

— Вот рассыплешь мне резы, да они хорошее скажут — проси, сестричка милая, чего хочешь, хоть Велемила расспрошу, хоть кого. Хоть самого боярина Миряту.

— С боярином и не заговаривай! Боярин от твоей улыбки не растает, точно говорю!

— Ладно, ладно! — рассмеялась Чаяна.

А ведь до этого за все утро ни разу не улыбнулась.

Воевода остановил обоз на просторной поляне над речкой. И опять костры раскладывать не стали, припасов из Дубавы хватало. Опять расстелили скатерти, и челядинки принялись собирать драпезу. Недолго поколебавшись, сестры решили и ближних боярынь в свой гадательный замысел посвятить, чтобы не думать, как от них сбежать, а то еще начнут искать, переполох устроят. Почему-то Велька не сомневалась, что и Воевне, и Любице тоже станет любопытно. А руны рассыпать — не такое уж большое волхвование...

Так и вышло. Старшая боярыня сначала руками всплеснула, потом подумала, головой покачала:

— И чего вам, прекрасные мои, спокойно не едетя? Чего судьбу пытаться да торопить, в свой черед все и узнаете!

— Так раз нам загадки загадывают, отгадать хочется, — невинно улыбнулась Велька. — И когда знаешь, чего ждать, подготовиться можно.

— А и то верно! — согласилась Воевна. — Ты резы свои рассыпай, а я тем временем заговор охранный прочту, ему меня еще мать учила. Хоть я и не волхва, а не помешает!

Охранный заговор — чего же лучше.

Они вчетвером спустились с высокого берега вниз, к реке, Велька с Любицей поддерживали грузную Воевну. Уже внизу их нагнал Волкобой, широкими прыжками меряя крутой склон, и оказался впереди, прямо перед княжной. Чаяна взвизгнула и спряталась за Вельку, та рассмеялась:

— Что, не пускаешь одних? Беспокоишься?

— У, леший лохматый, боярышень мне пугаешь! — притворно рассердилась старшая боярыня.

— Может, его Мирята Ведении послал, нас охранять, — весело предположила Любица.

Они отправились за заросли ивняка, чтобы скрыться от глаз тех, кто остался наверху, пес решительно последовал за ними. Подходящее место нашли быстро: твердый, песчаный кусок речного берега, с трех сторон закрытый.

— Здесь, — Велька отвязала от пояса кожаный мешочек с драгоценными резами, Волкобой кинулся и со знающим видом их обнюхал. Велька с улыбкой потрепала его по голове:

— Ты, Волкобоюшка, отойди пока, не мешай.

Тот попятился послушно, но самую малость.

— Про твоего жениха спросим, да? — уточнила Велька у сестры. — На имя?

Чаяна молча кивнула. А Волкобой теперь отошел подальше и улегся на песок. И, между прочим, глаз с Вельки по-прежнему не сводил.

Велька отобрала четыре резы, каждая из которых начинала имена княжичей, и одну лишнюю, и бережно собрала их в ладони. Потрясла их и пересыпала, лаская пальцами отполированные до шелкового блеска деревянные плашечки. Они из ясеня были сделаны, когда-то медово-светлые, давно уже потемнели и стали цвета темного отвара дубовой коры. Сами резы не могут сказать ни правды, ни лжи, это ими говорят совсем другие силы, те, которые заправляют миром под небесами. Небесные пряжи спряли уже судьбу Чаяны, дочери Велеслава и Дарицы, и пряжа та намотана на веретено ее жизни.

«Откройте мне, небесные пряжи, ласковая Доля, мудрая Недоля, за кем быть сестре моей Чаяне, один раз спрошу, один ответ прошу, на добро, на вашу милость!»

— Закрой глаза и не открывай, — велела она сестре, — иначе испортишь все, а второго раза не будет, — и высыпала перед ней резы на мокрый песок, — а теперь одну возьми не глядя.

Чаяна, старательно зажмурившись, провела ладонью по песку, нащупывая деревяшки, быстро нашла одну и зажала в кулаке. А Велька, быстро оглядев те, что остались, поняла, какая выбрана. Она этого, по правде говоря, не ожидала.

Ириней. Чаяна выбрала резу, обозначающую его имя.

Вот и княжна уже разжала кулак, и лицо ее осветилось радостью.

— Ириней!

— Тихо, моя боярышня-свет! — строго сказала Воевна. — Узнала, и хорошо, кто же о таком кричит! Осторожно, милая, счастье свое побереги.

И Чайна закивала, закрыв себе рот ладонью.

Она была довольна. Счастлива. Вельке бы теперь опять напомнить — что-де она не искусница гадать, и резы не ее, а бабкины...

Неожиданно, да. Иринея, как такое может быть? Велька согласилась на гаданье, надеясь, что резы покажут для сестры что-то иное, чтобы осторожно посоветовать забыть Иринея, не открывая то, что обещала хранить в тайне. Ведь она не обещала ему не гадать для Чайны!

Вышло то, что вышло, но Велька не могла в это поверить.

Она собрала резы, тщательно вытерла платком каждую и высыпала обратно в мешочек, а потом распустила шнурок на своих коротких, расшитых красной нитью сапожках, сбросила их и пошла по песку босиком. У самой воды присела на торчащую из песка корягу, опустила в воду босые ноги.

Жарко.

Ладони княженки были горячи, а в затылке налилась знакомая тяжесть: волхвовская сила, до которой она собиралась лишь дотронуться, рассыпая резы, выплеснулась, как из опрокинутой корчаги, которую намеревались лишь наклонить, да по неосторожности толкнули сильно. И никогда раньше это не было так легко, будто ненароком. Может, резы бабкины виной, это к ее силе Велька прикоснулась? А может, место такое...

Река блестела под солнцем. И Велька вдруг вздрогнула от неожиданности: из воды на нее смотрело девичье лицо, красивое.

Велька нагнулась, потянулась, всматриваясь. Вот всю водяную девушку стало видно, она смотрела весело, улыбалась, руки протягивала. И Велька протянула ей руку, коснулась прохладных пальцев — пальцы эти были как водяные струи, девушка засмеялась — как вода зажурчала.

— Ты ли тут, хозяйка речная? — крикнула Велька.

И тут же услышала ответ.

— Я, я. Моя это река! Я здесь хозяйка! — и опять этот журчащий смех.

— Как зовут тебя?

— Быстрица я. Вода ко мне пришла из реки Тулянки да реки Зулы, но там другие хозяйки, сестры мои. А Зула вытекает из реки Венеды, на которой город Карияр стоит, слышала о таком? Передавай привет моей сестре Венедэ! — холодные пальцы-струи мягко обхватили руку Вельки.

— Ты вода, всюду течешь, все знаешь! — сообразила Велька. — И про Карияр знаешь!

— Да, всюду вода течет, все знает, — ответила Быстрица, пересыпая слова смехом-журчанием, — а ручьев в меня влилось без счета, они тоже знают! Ты дева огневая и глядишь не туда, а больше всего тебя уши твои

обманывают!

— Что? — Велька вскочила с коряги, подобрав рубахи, выше колена вбежала в воду. — Что ты сказала, Быстрица? Сестра любезная, объясни!

Остановилась, потому что дно под ногами резко пошло вниз. Должно быть, еще немного, и не идти, а плыть придется.

Волкобой залаял и в несколько прыжков примчался в Вельке, ухватил ее зубами за подол и потянул из реки.

— Да уйди, пес глупый, не мешай! — рассердилась та, отмахиваясь и отступая, Волкобой все не пускал. — Быстрица, сестра моя, объясни же!

Речная хозяйка теперь отплыла подальше и все так же смеялась, горсть воды бросила в Волкобоя, окатив заодно и Вельку. Впрочем, пес и без речной девы поднял довольно брызг, так что княженка уже была мокрой насквозь.

— Нравится тебе моя вода, огневая сестрица?

— Да, да, очень нравится! Быстрица, сестрица моя, расскажи, что я не так вижу, что не так слышу!

— Не могу рассказать! Вода обещала молчать, огонь обещал, ветер обещал! Вода и ветер тебе не скажут, а огонь, может, и скажет, ты для него своя! А я и так тебе много сказала, сестрица огневая!

— Спасибо тебе, Быстрица! — Велька сдернула с шеи ожерелье из хрусталя с сердоликами и с размаху бросила его в воду, и снова раздался тот журчащий серебряный смех.

— И тебе спасибо! Свидимся еще, свидимся!

Как-то разом обессилив, Велька схватила Волкобоя за ошейник и дала вывести себя из реки.

Боярыни и княжна все это недолгое время стояли на берегу столбами и не могли понять, что происходит, теперь они опомнились и закричали что-то разом, затеребили Вельку.

— Что? Это такое было? — тревожно заглядывала ей в лицо старшая боярыня.

— Да ничего, — вздохнула Велька, — я с речной хозяйкой поговорила.

— Ох, девонька моя! — всплеснула руками боярыня. — Да как же? Ты меня на краду поперед сроку уложишь! А ну как приглянулась бы ты ей, к себе бы унесла? Может, жертвами ей, реке этой, на праздник не угодили?

— Тихо, Воевна, а то рассердишь ее! — улыбнулась Велька, и боярыня испуганно зажала рукой рот. — Все хорошо, не бойся, мы добром с ней поговорили. Точно говорю, не бойся. И не нарочно я, само вышло.

— Тоже удумала, в одиночку у реки волхвовать, — не унималась боярыня, но уже бурчала чуть слышно, — и дом далеко, и река не наша, мы

ей не кланялись, жертвы не приносили! Ты ее, что ли, сестрой звала?

— Ну да.

— А она?

— И она меня.

— Ну, тогда ладно, — успокоилась немного боярыня, — пойдемте уже, и так подзадержались. И на тебе, Огнявушка, нитки сухой нет!

— Скажем, что я в речку упала, — махнула рукой Велька, — Воевна, а верно ли, что Карияр-город стоит на реке Венедэ, и еще там реки Зула и Тулянка есть неподалеку?

— Мне-то, милая, откуда знать? У боярина кариярского поспрашивай, у княжичей.

Они вышли из зарослей на открытое место, Велька снова взялась за ошейник Волкобоя, так и шла босиком, крепко держась, а Любица позади несла ее сапожки. До тропы наверх следовало миновать узкое место, где до воды было несколько шагов. И вдруг высокая волна появилась откуда ни возьмись посреди речной глади, плеснула прямо под ноги идущих впереди княженке и псу, задев и остальных — Воевна заохала, Любица и Чаяна разом вскрикнули и отскочили в сторону.

Под ногами Вельки лежала странная вещь — два серебряных по виду узорчатых флакона, маленьких, с палец, плотно закрытых, их горлышки соединяла цепь толщиной со шнурок и в локоть длиной.

Хозяйка реки отдалась.

— Спасибо, Быстрица! — крикнула Велька, помахав рукой волне, и в последний раз услышала серебристый смех и голос:

— Доброй дороги тебе! И помни, ушам не верь! Услышишь! Догадаешься!

И как же это она услышит, если ушам верить не станет? О чем догадается?..

Велька положила подарок на ладонь, все ее окружили, рассматривая.

— Ох, красота какая, заморская работа никак, — вздохнула Воевна, — ну, ответный подарок это хорошо, Огнявушка, не серчает на нас река. И ты ее задобрила, умница, хоть нам по ней и не плыть, а кто знает? Там брод еще впереди.

— А что она тогда сказала-то тебе? — поинтересовалась Любица. — Мы ведь не слышали ее, тебя только.

— Чтобы я ушам своим не верила и глядела, куда надо, — сказала Велька нехотя, — как это понять, не знаю. А лучше объяснить она не может, вода тайну хранить обещала кому-то.

Все переглянулись и, похоже, тоже ничего не поняли.

А даренные флаконы Велька подвесила к поясу, они там оказались к месту.

Наверху их дожидались. Пока Велька с помощью Любицы и Малки переделась в сухое и пришла к скатерти, Чаяна уже сидела с Воевной на своем обычном месте, возле нее — Велемил, а на коленях у нее лежала свернутая из свежей бересты чашка со спелой земляникой. Велька едва присела, как и на ее коленях оказалась такая же чашка, полная ягод, а от кого угощение — она и увидеть не успела, только рука мелькнула. Вроде знакомая рука... широкое серебряное обручье знакомое. А у сестры, сидящей напротив, светлые и ласковые только что глаза вдруг потемнели.

Велька быстро обернулась, увидела лишь спину в льняной рубахе, голос слышала веселый, громкий...

Он не присел рядом, не заговорил и не оглянулся ни разу. Но это был Ириней.

ГЛАВА 10

Вопросы и ответы

Примелькалась Вельке дорога. Лес кругом целый день. А конца дороги, если уж не лукавить, она не ждала и приближать не хотела. Там — свекор со свекровью, люди чужие, пир свадебный, и жизнь совсем другая пойдет и непривычная, и один из четырех княжичей ей мужем станет. И от этого никуда не деться. Страшно?..

Страшно ли, нет, а неудобно как-то. И хорошо, что путь долгий, можно ехать и знать, что не скоро еще и Карияр, и все то, чего не миновать.

А не думать об этом, конечно, нельзя.

Она и думала — иногда. К княжичам присматривалась — кто из них?..

Точно не Ириней, раз тому суждено Чаяну в жены взять. Держался Ириней все так же поодаль, заговаривать больше не пытался. Видно, догадался наконец, как это на княжну действует. И вообще, непонятно, с чего он к Чаяне переменится, что случиться-то должно? Любопытно даже. Но как о суженом, Велька о нем думать не могла. Хотела его в братья — вот братом и будет.

Велемил? Да он, похоже, кроме Чаяны и не видел никого. Вельке даже жаль его было, тоже ведь не позавидуешь, он Чаяну любит, а та — его брата. И брат ей сужден, а вовсе не он, не Велемил! И все равно ей, княженке, он не жених. Если только не принудят обоих...

Яробран? Тот соперничать пытается с Велемилом за Чаяну, но не так настойчив. На Вельку тоже поглядывать стал, разговаривать. Велька мимоходом что спрашивала — отвечал обстоятельно. А как-то земляники принес из леса им обеим, последней, душистой, сладкой — и где только взял? Они с боярынями и девками не раз пробовали искать неподалеку от полуденной стоянки и ничего не находили.

Горибор? Этот на сестрицу-княжну внимания как будто совсем не обращал. Держался рядом с Иринеем, но от Вельки не отворачивался. Иногда ей казалось, что разглядывает он ее внимательно, с любопытством даже.

Так что же, Горибор или Яробран? Ох, странно-то как. Смешно и представить. Лучше пусть дольше, как можно дольше тянется путь их до Карияра! Спасибо княгине-матушке, что не позволила короткой дорогой ехать.

Велька мыслями такими ни с кем не делилась, так что боярыня Любица даже выговаривать принялась. Отвела в сторонку, на пенек усадила и строго начала:

— Что ты, милая моя, все в землю глядишь? Тебе суженого выбирать, обручье отдавать. Сама подумай, не каждой такое выпадет, чтобы выбирать, а ты теряешься! Глупая прямо, всему учить надо! Погляди ласково да улыбнись, и любому понравись! Тебе-то кто больше мил? — понизила голос боярыня, огляделась.

— Все равно мне, — призналась Велька, — пусть сестра вон выбирает. Любица даже руками всплеснула.

— Ну говорю же, глупая! Судьба ее решается, а она на сестру кивает. В таком деле каждому свое, милая моя! Да, тать лохматый? Вот скажи ей, малахольной, хоть ты.

Велька огляделась, хотя и так было ясно, к кому последние слова относились: Волкобой, оказывается, пошел за ними и улегся позади. И отмалчиваться он не стал, внушительно тявкнул. Правда, пойми попробуй, что сказать хотел?

Велька с Любицей разом рассмеялись. Велька соскользнула с пня к Волкобою, обняла его, сказала, смешливо поглядывая на Любицу:

— Подскажешь, может, друг сердечный, кто мой суженый? Горибор или Яробран? Кто из них? — и посмотрела на пса, ожидая, не станет ли он на самом деле советовать.

А ну как и впрямь отведет ее к кому-то из княжичей? Он это умеет.

Пес с советами не торопился, смотрел серьезно и как будто с упреком, дескать, что ты от меня хочешь-то, княженка Велья, зачем дразнишь?

— А, значит, Горибор или Яробран? Они нравятся? — обрадовалась боярыня. — И что же, оба одинаково? Так не бывает. Кто больше?

— Еще не знаю. Подумать надо, — усмехнулась Велька. — Ты бы не торопила меня, вот пойму, тогда скажу.

— Яробран, — сама решила Любица. — А что, он хорош! А Горибор словно не о том все думает. Словно жениться ему и не надо. Или он оттого тебе по нраву, что себе на уме и на вас, невест, мало смотрит?

— Не знаю, — засмеялась Велька, — не оттого, нет.

— Ну гляди, — сдалась боярыня, — время есть покуда. Но не зевай, Огнявушка, и своего не отдавай! От судьбы, конечно, и на коне не ускачешь, знаем, слышали. Но еще говорят, что счастье свое проспять можно.

Велька спорить не стала, с чем тут спорить? Все правильно. Только как выбрать из четырех княжичей... ладно, пусть из двух, если другой из

головы все нейдет? А про Венко ей вслух и сказать нельзя, вот разве Волкобою только.

Она и сказала, не сдержалась:

— Эх, собачка моя милая, вот бы здесь Венко появился, а? И чтобы он, как в кощуне...^[34] змея огненного победил, что ли? Ай нет, не надо змея, что это я, глупая, такое желаю, нам только змея тут не хватало! Ну а что же еще должно случиться, чтобы мне можно было за него выйти?

И поскольку пес опять с ответами не торопился, напротив, терпеливо слушал, она сама и ответила:

— А ничего случиться не может. Сбежать вот если... ой, да что это я? Не сбегу, нет. Выйду замуж... да вот за Яробрана и выйду. А, нет, Волкобоюшка, вряд ли за Яробрана. Знаешь почему? А ему моя сестра любя, я вижу, хоть он брату вроде и уступает, Велемилу. А я, значит, не любя, так зачем он мне тогда? Значит, Горибор. А что, мне он нравится даже, точно, Волкобоюшка, нравится. Не так, как Венко, поменьше пока, но если я его узнаю, может, он и сильнее понравится, а? Может, мне поговорить с ним?

Волкобой глядел с сомнением. И кто знает, что у него было на уме?

— Поговорю, — решила Велька, — а верить ему можно ли? Волкобоюшка, может, знаешь? Почему Быстрица мне сказала, чтобы я ушам своим не верила? Это ведь значит, что я неправду какую-то все время слышу. Обманывает меня кто-то, да, Волкобоюшка? А кто?

Пес опять только смотрел задумчиво.

— А ты небось знаешь, в чем дело? О чем Быстрица говорила — знаешь, да?..

Много размышляла она о словах речной девы, но яснее они оттого не стали. Чему-то не надо верить, где-то рядом ложь — это ясно, но как понять, где ложь та? Потому что ничему не верить, конечно, нельзя, как же жить-быть, если совсем ничему не верить?

— Горибора поспрашиваю, — решила Велька, — а пока пошли, Волкобоюшка, косточку тебе поищу помяснее. С тобой говорить, хороший мой, одна радость, слушаешь, советы добрые даешь. Отцу моему боярин тебя не подарил, а мне подарит, как считаешь? Если я очень попрошу? Мне на свадьбу — подарит? Ну как невесте княжича он отказывать станет, сам подумай, — говорила, посмеиваясь, пса по шее лохматой теребила, а тому нравилось, сам об ее руку терся...

Шутки шутками, а на самом деле, попроси она Волкобоя, как боярин отговариваться станет? Надо попросить — решила Велька. Чтобы отговорки послушать. Интересно же.

Чаяна по-прежнему с утра до вечера ехала возле Вельки, все больше молчала, и ее жадный, тоскующий взгляд искал Ириней и не находил. Велька понимала: сестра рядом потому, что Ириней стережет, не хочет упустить ни единого неосторожного взгляда, брошенного на невольную соперницу. Вельку это сердило. Как будто и сестра теперь не сестра, а чужая девка, злая и жадная. Нет, так-то сестрица не жадничала, напротив, все порывалась Вельке что-нибудь подарить, да красивое: то серьги любимые, яркие, сверкающие, с граненым хрусталем, то янтарное ожерелье, то перстенок с редким ярким зеленцом, который якобы ей самой надоед. И когда дарила, взгляд ее будто туманился, и понятно почему. Велька хоть поручиться могла: отдавая подарок, Чаяна заговор твердила, что-нибудь вроде: «Серьги мои возьми, а Ириней мне отдай на веки вечные, чтобы мой был, пока реки текут, пока деревья растут!» Какая девка такой ворожбы не знает! А какая не знает, той при нужде сразу подскажут. Самая простая отсушка на парня, чтобы у другой его увести. И вреда от нее никакого, как и толку, впрочем, хотя наверняка иногда и действует.

Наконец Велька не сдержалась, сказала, беря колечко:

— Да не мой он, сестрица. Поверь уж наконец. И замуж за него я не хочу!

Чаяна насупилась, часто задышала.

— Не хотела бы — уже был бы мой!

— Как тебя убедить, не знаю, раз ты словам не веришь. Если он твой суженый, подожди просто. Сказали же резы...

— Ждать мне, пока не состарюсь? А что там сказали твои резы, одной тебе ведомо.

Вот это Вельку задело. Лукавить, рассыпая священные резы? Такое только себе дороже выйдет. И как было обмануть, когда все видели, и боярыни, и даже дева Быстрица? Чаяну измучила ревность, а значит, искать разумное в ее словах незачем, обижаться тем более.

Колечко Велька тут же надела на палец. Не взять — и подавно сестра решит, что не отпускает она Ириней.

Сказали же резы! А резам своим Велька верила.

Купеческий обоз нагнал их на шестой день, как встали полудничать. И купцы тоже остановились, немного поодаль, к Горынычу тут же посыльные пришли, во избежание недоразумений. Купцы оказались из знакомых, что не раз в Верилоге торговали, так что встреча получилась ко всеобщему удовольствию. Шел обоз из города Орехова, это три дня пути южнее Верилога вниз по реке, и дружина при обозе была, почти полсотни

оружных кметей, даже на сторонний взгляд опытных. Почему так, скоро выяснилось, когда предложили купцы товар показать знатным путникам. Раскрыли тюки и разложили на кошмах оружие из Заморья, мечи и ножи из булата в серебре с камнями цветными, свертки драгоценных шелковых тканей и яркие ленты, гребни, ларчики всякие и другие вещички, искусно сделанные, и украшения были еще из серебра и золота. Дорогие товары везли купцы. И нельзя сказать, чтобы в свадебном обозе была в таких вещах нужда, а взглянуть захотелось многим.

Мужчины, конечно, собрались вокруг оружия, женщины засмотрелись на шелка и безделушки. И Велька в стороне не осталась, тоже подошла. Серебра им батюшка-князь в дорогу отсыпал каждой дочке, можно было себя побаловать. Любица не отходила от своей княженки, и Волкобой верный тут же терся. Подошли они к купцу-серебрянику, что только раскладывал товар, постелив на кошму лоскут рыхлого синего бархата.

Купец, мужчина еще не старый, с удовольствием посматривал на ладную девушку. Он ее не узнал, даже если и бывал во дворе у Велеслава, княженку вообще мало кто видел из сторонних. Но что княжеский обоз везет невест, конечно, секретом быть не могло.

— Что, красавица, княжне служишь? В Лесном Краю останешься, с княжной, или домой вернуться хочешь?

— Как боги рассудят...

— Ишь, сторож у тебя злой, с ним шутки плохи. Вижу.

— Не злой он вовсе, — возразила она, взяв пса за ошейник.

— Как же, не злой, аж мороз по коже, как глянет, — заметил купец без уважения.

Волкобой и впрямь глядел неласково.

— Ты не подарок ли кому присматриваешь, красавица? Жениху?

Посмотреть было на что. Обручья серебряные Вельке особенно понравились, на каждом рисунок затейливый, ветки резные и звери. Такие обручья и парню подойдут, и девице. Хороши, прямо приворожили — глаз не оторвать. Вот этот, с рысьями среди переплетенных ветвей, так понравился, что из рук выпускать не хотелось.

Велька поднесла браслет ближе к глазам, любуясь искусной работой. Мордочки рысей казались живыми, а в глазках, когда падал свет, вспыхивали крошечные зеленые камушки.

— Мы невестку брали из этого племени, — доверительно пояснил купец, — да, из рысей, из Лесовани. Полюбила сына так, что о другой и слышать не хотел. Оно и хорошо, теперь родня там, есть у кого остановиться, когда по делам ехать. Принимают хорошо, люди добрые и

честные, чего же лучше? Так похожие обручья мы и молодухе нашей дарили, и братьям ее — очень им понравились. Но это куда лучше будет. Сама хочешь носить? Видишь, оно-то не сплошное, по любой руке. Дай руку, боярышня!

Купец сноровисто надел ей обручье, сжал его слегка, и оно стал впору. Лишь зеленоглазые рыси очутились на ее запястье, Велька поняла, что купит, жалко было теперь расстаться. И подумалось сразу, а она-то — кто? Какого зверя кровь в ее жилах течет? Рыси, лисицы? Вряд ли волка, о себе как о волке она и подумать не могла. А уж медведя-берендея среди ее чуров точно не могло быть.

Тогда, в Верилоге, она купцов-оборотней испугалась, они ей врагами показались самыми злыми. А потом оказалось, что и в Иринее есть оборотневая кровь, и в ней самой тоже. Вспомнилось, как купец Касмет на торгу тогда с Иринеем стал говорить, и хоть не обрадовала купца та встреча, но вел он себя уважительно...

— А я этот возьму, тоже буду носить. Надо же, красота какая, — Любица взяла обручье с изображением волков, надела на руку, полюбовалась.

Крошечные волчьи глаза на серебре отливали красным.

— Говоришь, в Лесовани часто бываешь, добрый человек, — сказала Велька, — а в Карияр заглядываешь?

— А как же! Попадешь в Карияр, пошли спросить про меня у Брыя Возжича, купеческого старшины. Я Добряня, Карянов сын, он и отца моего помнит, и не он один! Нас знают. Если останешься там, так весточки со мной можешь домой слать, понадобится что — все привезу, не сомневайся, светлая боярышня!

— Спасибо, Каряныч, — сказала Велька, и впрямь решив имя запомнить, а ну как и пригодится.

И вдруг она поняла кое-что: купец ведь человек случайный, вряд ли станет сознательно неправду говорить. Кто-то ее обманывает, и дева речная об этом предупредила, но купец скажет правду!

Он сказал, что его все знают! Да ведь княжичей кариярских тоже должны знать и в Карияре, и в окрестных землях! И кариярские послы не могли не понимать, что и вериложцы смогут узнать правду о княжичах от кого-то стороннего, от тех же купцов, к примеру. Значит, что?..

Значит, скорее всего, княжичи назвались чужими именами, выдуманными!

— Сказки, Каряныч, ты ведь о семье кариярского князя слыхал? — дрогнувшим от волнения голосом спросила Велька, стиснув руку

Любицы. — Как княжичей его зовут, сказать можешь?

Тут купец помедлил, улыбнулся виновато.

— Мне, боярышня, не велено с вами о том говорить, ни с кем. Уж прости. Это дела не мои, а мне еще торговать с Карияром, и детям моим торговать. Но имена я тебе назову, это тайна невеликая, как мыслю, — он нахмурился, припоминая, — зовут княжичей Велемил, Ириней, Яробран и Горибор, и еще Звенибор и Каремил... да последние вроде малы еще. А вообще, парней-родичей у князя Веренея много, всех не перечислить, и не отличаю я их. Довольно тебе?

— Да, спасибо, Каряныч! А старший из них кто?.. — это она уже наудачу спросила.

— Так Велемил же! — не помедлил купец. — Полюдье в прошлом году, я слышал, Велемил и водил, с боярином каким-то из ближних. Ириней тоже водил, бывало, но тут уж... Но вы глядите, меня не выдавайте! — он просительно посмотрел на Вельку и Любицу. — И больше не пытайте, слова не скажу!

— Не выдадим, — пообещала Велька и за себя, и за боярыню, — а про Иринея что ты сказать хотел?

Но купец только рукой махнул.

Велька чувствовала себя одураченной. Эта мысль, что княжичи в Верилоге назвались не настоящими именами, показалась ей очень правильной, потому что иначе быть не могло, если им так уж надо скрывать, кто есть кто. Но купец перечислил те самые имена. Значит, не в том неправда.

Велька вздохнула глубоко, поколебалась и решилась:

— Скажи еще, Каряныч... нет, про княжичей да про Карияр я больше не стану спрашивать. Скажи, ты про Венко-купца ничего не слышал, не встречал его? Он тоже в тех местах бывал, что и ты, может, встречались? Он молодой, немного за двадцать ему...

— Венко, говоришь? — купец поскреб затылок. — А ведь слышал я вроде это имя! Но не припомню, красавица, ей-ей, не припомню. А еще про него что скажешь? Чей сын, сам дело ведет или за кем-то, откуда родом?

Велька только головой покачала. Ничего-то она про Венко своего не знала, кроме имени.

— Тогда вот что скажу. За нами еще обоз идет, на день отстали, а может, уже и меньше, скоро догонят. Мы их на развилке оставили, они подождать хотели своих, из Верилога да из Конева. Есть там из Лесного Края люди, у них поспрашивай...

— Добряня-купец, здравствуй долго! — услышала Велька веселый

голос Горибора. — На твое серебро я бы взглянул.

— А, княжич, и тебе поздорову, в добрый час подошел, — купец обрадовался.

— Вижу, вижу, — отозвался Горибор, с усмешкой глянув на Вельку и Любицу, — ты, Добряня, хорошо знаешь, что не тот купец молодец, у которого язык длинный, а который знает, когда ему волю давать.

— Обижаешь, княжич, — огладил бороду купец.

А Велька гневно вспыхнула. Вот принесла нелегкая сюда Горибора, словно почуял, о чем речь!

— Есть у меня кое-что такое, за что жена тебя еще больше полюбит! — и купец вручил княжичу небольшой, кожей обшитый ларчик.

Тот взял, а Велька удивленно раскрыла глаза, и гнев улетучился разом: у Горибора уже есть жена и он выбирает ей подарки?

Княжич смотрел на княженку спокойно, улыбаясь. И Велька спохватилась, разозлившись на себя: да что она как дитя малое? Все четверо княжичей давно не отроки, если у каждого уже есть жены, чему тут удивляться? Но одно дело девушке ждать любви от парня, которого ни с кем делить не придется, и совсем другое — знать, что единственной не будешь. И Любица понимающе усмехнулась.

Добряня-купец цену за обручья назвал небольшую, и пока Велька с Любицей расплачивались, Горибор перебирал содержимое ларчика. Выбрал длинные искристые серьги, тут же заплатил, не торгуясь, покупку, завернутую в холстинку, бережно спрятал в поясной кошель. Тут еще добавилось народу, и Велька поторопилась уйти.

Горибор скоро ее нашел, сидящую на бревне за кустами, подальше от всех. И Любица отошла, только Волкобой опять разлегся рядом, но это ладно.

Горибор тоже присел на бревно, не близко к Вельке, скорее наоборот.

— Вижу, задумалась ты о чем-то, боярышня Огнява. Я ведь не помешаю?

— Уж постарались нам загадок загадать, есть о чем подумать! — без обиняков ответила княженка, обрадованная, впрочем, его приходу.

Хотела ведь с ним поговорить? Вот, случай и представился. Правда, замуж за него больше не хочется... ну так ей особо и не хотелось! Получается, ничего не изменилось.

— Да мы и не загадывали, — отозвался княжич, поерзав на бревне, чтобы удобней сесть, — привезти вас домой хотим да свадьбы сыграть. Если бы не твои родичи, то уже скоро и отпировали бы. Так что зря беспокоишься, Огнявушка, не о чем тебе думы думать, мы обо всем сами

заботимся.

Она чуть не рассмеялась громко. Надо же, заботливые нашлись!

— Разве мы, княжич Горибор, овцы купленные, чтобы идти куда ведут, да еще и не думать ни о чем?

Он усмехнулся, блеснув ровными белыми зубами.

— Да, вижу, послушная да разумная будет жена моему брату.

Так и захотелось ей крикнуть — а которому брату-то? Как будто решено уже все, а ей сказать забыли? Нет, она другое ответила:

— Ты слышал, должно быть, что я с волхвовской кровью? Видал ты разве где-то послушную волхву?

— Это верно, — согласился Горибор.

— И не забывай, что батюшка мой меня вам не навязывал. Скорее наоборот. Он мне другого жениха сыскал!

— Да уж, повезло нам... — княжич, конечно, насмешничал, но внешне был серьезен. — Ты послушай меня, боярышня Огнява, что скажу. Ты обижена, почему мы вам сразу правду про себя не сказали. Но... Сейчас объясню. Только... ты не говори пока никому, хорошо?

Ну вот, и этот с ней секретничать решил. Да что такое?..

Но знать по-любому лучше, чем не знать.

— Хорошо, — решила княженка, — я слушаю тебя, княжич Горибор.

— Ты про проклятье у нас в роду знаешь, — заговорил тот негромко. — Падает оно всякий раз на самого князя и его старшего сына. И ничего радостного в том проклятье нет, уж поверь мне. Ты потом про него узнаешь... или не узнаешь. А наложили его... из мести, да. И снять его нельзя, во всяком случае, никто пока не мог, хотя еще дед мой столько золота за это сулил, что и подумать боюсь, где бы его взяли! Так вот, повелось у нас, чтобы старший сын, тот, который под проклятьем, невесту себе только по сердцу выбирал, ту, которая ему любя будет. Это одно из условий. И еще другое есть, но о нем не могу сказать. Поняла?

— Нет, княжич. Объясни еще, — покачала головой княженка.

— Ну как же, — улыбнулся Горибор. — Вот сама подумай. Князю Вереню Горятычу нашему очень бы хотелось, чтобы будущей княгиней стала вериложская княжна Чаяна Велеславна, тем более что и о красе ее дивной у нас слыхали. И он хотел бы, чтобы его старший сын как увидал красу эту, так и полюбил. Да ведь бывает, что сразу не решишь, время нужно. Любовь ведь иногда молнией с неба падает, а иногда она как из зерна ростком вырастает! Ну, а вдруг нет? Тогда старший наш может отказаться, и отец неволить его не станет. А как откажешься? Это обида вериложскому князю. Тогда просто обручье у княжны другой возьмет, а

если жених сразу не назван, то и обиды вроде нет. Понимаешь? Вот откуда у нас этот обычай. Решил отец наш породниться с Велеславом, так и будет, не через старшего, так через другого сына.

— Ох, вы и напутали, — вздохнула Велька. — А зачем? Для чего те условия?

— Тоже не скажу, — Горибор улыбнулся, — а то не сбудется. А так хоть малая надежда, да есть. Я так мыслю, что это княгиня ваша с волхвами дело запутала куда больше, позволив суженых выбирать. Без этого раньше бы все утряслось.

— Ну уж нет! — восторгалась Велька.

— Нет так нет, — легко согласился Горибор, — но ты знай, я бы у тебя обручье взял. Да ты ведь не дашь? Тебе не понравилось вроде, что у меня есть жена? Да, есть, и люблю я ее. Но то меньшица, и тебе ни в чем ущерба не будет. И тебя любить буду! Для всех нас честь взять за себя дочь князя Велеслава. Двоим сейчас посчастливится, а остальным отец потом найдет невест. Как велит, так и женимся. Ему бы камень с плеч — старшего нашего женить. Легко ли жену ему найти, а еще и любимую, сама подумай? А то придется в конце концов на любую соглашаться, что хорошего? — Горибор, кажется, опять шутил.

Велька отвернулась.

Что ж, немного стало понятней. Нравится кто ей, не нравится — при чем это здесь? Двое княжичей женятся теперь, а про остальных князь Вереней потом решит. Старшему Веренеичу только любить позволено, да что-то не сказал Горибор, что и невеста должна старшего этого любить, лишь о нем была речь!

Старший, значит, Велемил. Он, определенно, в Чаяну влюблен. А Чаяна — в Иринея, и он ей сужден. И что же теперь получится?..

— Спасибо, княжич, что хоть немного разъяснил, — сказала она наконец.

— Не огорчил я тебя? Прости, если что.

— Что ты, нет! Ты только мне скажи, будь добр, у кого еще из вас четверых меньшицы есть?

И зачем спросила? Неважно ведь, у кого ни есть, разница-то в чем?..

— Да ни у кого вроде нету, — усмехнулся Горибор, — один вот, сама знаешь кто, уже совсем решил тебя меньшицей в Карияр везти, да не свезло ему. Пойдем, боярышня, зовут, дальше ехать пора, — Горибор ей руку протянул, чтобы помочь встать.

Велька встала, поневу отряхнула...

— Княжич, а условия, о которых ты упоминал, — они для того, чтобы

проклятье ваше снять? Или нет?

Княжич промолчал, усмехнулся, взгляд в сторону отвел. Наверное, так и есть.

— Я никому не расскажу, — пообещала Велька.

Он кивнул.

ГЛАВА 11

Свидание

На седьмой день пути к Вельке пришел Горибор во время полуденной стоянки.

— Не поможешь ли, боярышня Огнява? Ты, слышал, лечить можешь? Парню одному нашему неможется.

— Могу. А что случилось? — встревожилась княженка.

Среди кметей всегда найдется умеющий лечить, и не один, так что с пустяками к сторонним людям обращаться не станут. Вон и Венко когда-то ногу ей вправил и боль снял, как заправский знахарь, — среди торговых людей, между городами колесящих, знахарские навыки тоже в цене.

— Веред^[35] на руке вскочил, еще в Верилоге, — пояснил княжич, — лечили, да не лечится. А теперь и лихорадка пришла. Взгляни, если что понимаешь...

— Взгляну, показывай!

Ее ларец со снадобьями далеко в тюки не увязывали, был под рукой. Вообще, веред вылечить нетрудно. Видно, что-то пошло не так.

Ой да, совсем не так. Парень был плох, без памяти лежал в повозке. Рука в умело наложенной повязке распухла, кожа горела жаром.

— Вы бы еще седмицу подождали, потом звали! — в сердцах бросила Велька.

— Плохо? — горькая морщина легла меж бровей Горибора.

— Плохо. У него уж кровь загорелась, видишь, как сильно?

Она ножом, услужливо поданным кем-то из кариярцев, разрешила повязку, осмотрела руку. Если бы сразу смазать тем бальзамом, ради которого она прогулялась перед Купалой к ливскому купцу, уже и следа бы от вереда не осталось. Бальзаму тому еще постоять бы, дозреть, но и так уже был хорош. Да только ложка дорога к обеду, а лечение — вовремя.

— Кто знал, — вздохнул Горибор, — есть с нами ведун, и мазь накладывал, и заговоры читал, а не сумел. А тебя позвать, боярышня, мне и в голову не приходило, пока ваш воевода не подсказал.

То есть Горыныч посоветовал, значит. Он мог бы, он как-то еще к бабке лечиться приезжал к ним в Синь, давно уже.

Поздно или нет, а делать что-то надо. А там уж на Божью волю...

Велька повязку наложила новую, со своим бальзамом, настойки для

очищения крови смешала, напоила больного. Бабка Аленья так бы сделала. Да только не лечила еще Велька больного настолько тяжелого, опыта не было. Со снадобьями она не ошиблась, но тут уже, определенно, не только снадобья требовались. И заговоры ведун дружинный читал. Что за заговоры? И каков ведун?

— Что, поправится Ветрян? — спросил Горибор.

— Как Боги Светлые решат, княжич. Веред не наружу вышел, а вглубь ушел, кровь отравил...

У каждого когда-нибудь да наступает час, когда приходится уповать на волю богов, и хорошо, что не всегда речь идет о жизни и смерти. Но теперь у парня этого, Ветряна, дело обстояло именно так. Глядя на его заострившиеся черты, сухие губы, трогая горячую кожу, Велька вдруг отчетливо поняла, что этот совсем молодой кметь уже скоро готов будет шагнуть на Калинов мост, за которым живым места нет.

Время ворожить, а то ведь и опоздать можно. А как? Попробовать жар оттянуть, чтобы больному полегче было? А потом холодным пламенем выжечь заразу из крови? Или сначала выжечь?

Пламя не только обжигает, оно может ласкать, может лечить. В руках того, кто власть над ним имеет. Плохо, что Велька не знала толком, что именно делать, а жизнь человеческая — хрупкая очень, когда рядом огонь, хоть и холодный. Лихорадку простудную лечила как-то, вместе с бабкой. Но здесь не то.

Еще бабка могла пойти за Калинов мост, ушедшего успеть вернуть. Она так делала. Бывает, что здесь болезнь или рана смертельная уже сгубила почти человека, и не подступишься к болячке, и назад пути нет. А там, на той стороне, на оборотной, болезнь эта — какой-нибудь пустяк вроде колючки, которую вытащить — и только-то.

На ту сторону, в духов мир, надо уметь уйти. Кудес нужен, с ним это проще! Бабка лет за несколько до смерти свой сожгла...

— Да как же так, Огнявушка? — горестно покачал головой Горибор. — Из-за такой безделицы? Что я отцу его скажу? Только восемнадцатое лето парень на свете живет! Из-за такого разве умирают? Я его сам взял, отец отпускать не хотел, да он рвался, хотел чужие земли повидать. Не воевать же!

— Судьба у него такая, по всему видно, княжич мой, — назидательно сказал кто-то рядом, — все от судьбы!

Велька подняла голову, посмотрела. Говорил человек в одежде кметя, незаметно к ним подобрался. Велька его вроде и не замечала прежде, щуплого такого, невысокого, в отличие от других. Это, наверное, ведун и

есть, тогда понятно, почему неказистый — ему, главное, не воевать, ему спастись потом вояк от безвременной смерти.

Ведун смотрел на молоденькую девку с недоумением и даже с обидой — дескать, эта-то что тут мешается?

— Своя у каждого судьба, — повторил он, и руку протянул к флакону с бальзамом, — это чтой-то?

Открыл флакон, плеснул на ладонь щедро, без береженья, понюхал, скривился.

— Нет, добрый человек, так не делай, — Велька попыталась забрать флакон, ведун отчего-то не отдавал, вцепившись всей пятерней.

Не успев и задуматься, Велька щелкнула пальцами, быстро пробежали в голове нужные слова, и руки у того безвольно повисли.

— Ты, Хрять, боярышне не перечь! — запоздало вмешался Горибор.

— Да я ж, да что ж... — ведун ошалело тряс руками, которые не слушались.

— Скоро пройдет! — утешила его Велька. — Это не опасно, не сердись.

— Волхвовка, значит, с нами тут... — теперь Хрять смотрел на Вельку по-иному, с уважением и некоторой опаской, — а я тоже вот... заговаривал, а никак...

— Волхва я слабенькая, — пояснила Велька, — а нам бы сильную где взять.

Какая ни слабенькая она, а поняла уже, почувствовала, что в Хряте этом силы нет, точнее, не больше ее, чем во многих людях. И заговоры его, конечно, не совсем бесполезны, но и не сильно действенны.

— Я заговаривал болячку-то, — настойчиво повторял знахарь.

А Велька чувствовала уже, что сила пришла. Без зова, без ее желания, сама. Хотя почему без желания? Хотела она лечить, и сила пришла, и легко как никогда, и было ее непривычно много, билась сила в кончиках пальцев, заполнила Вельку, как молодой пенистый мед заполняет корчагу по самое горлышко — не удержишь...

Это потому что дорога. На дороге больше силы, и волхвы сильнее, так говорят. А неумелые девки вроде нее, да еще просватанные — и уязвимее...

Но Велька увидела... что-то. На руке Ветряна, под повязкой. И быстро повязку сняла, провела по руке пальцами и почувствовала на воспаленной коже...

Шрам, старый, не слишком и заметный из-за воспаления и всех наложенных снадобий. Не простой шрам, а заклятый.

— Что это, ты знаешь? — подняла она взгляд на Хрятя.

— А клятва... это у всех, — пояснил тот и сделал попытку закатать рукав своей рубахи, но руки его пока не вполне слушались, — у всех княжьих ближних. Волхв в святилище клятву принимает и ножом раскаленным прижигает, значит, крест-накрест...

Другой кметь, сидящий в ногах у больного, тут же закатал свой рукав и показал Вельке такой же знак — на руке возле локтевого сгиба.

— Да, у всех, боярышня.

— А какая клятва?

— Да князю на верность. Как водится, послухами огонь, вода да ветер, и другое, как волхв скажет. Что он говорит, то мы повторяем.

— Ладно, я поняла, — кивнула Велька, расплетая косу, — веред со знаком рядом, видишь? Потому заговоры твои и не помогли, наверное. Буду я кровь ему огнем чистить, и помогай мне Матушка Макошь, в ее руках судьбы человеческие.

А сама стала мысленно читать старую, тайную мольбу к богу огненному, которую, а особенно имя того бога, даже волхвы вслух не произносили.

Волхва она огненная или кто? А предела себе не узнаешь, коли не попробуешь.

И вдруг Велька чуть не задохнулась от неожиданности, когда ей прямо в лицо полетела пригоршня воды. Да чего там пригоршня, ведро целое!

Моргая и вытирая мокрое лицо, она удивленно смотрела на взъерошенную Воевну, стоящую с пустым ведром в руках.

— Думать не смей, — припечатала боярыня, — не могу я тебе такое позволить, властью батюшкой твоим данной! И Даруна запретила! Нельзя! Ох ты, забота моя слезная, точно с тобой до Карияра не доживу! Это тебе не резами забавляться, это не дам...

А Вельке казалось, что дунь она сейчас на боярыню, и та упадет и не скоро встанет. Мешать вошедшей в силу волхве, той же Даруне во время справления обрядов, мало кто осмелится, но Воевне и в голову не пришло, что молоденькая княжеская дочь может быть так же опасна.

Мало того, и сама Велька до сих пор об том не подозревала. Ее дар, вроде всеми и признанный, в то же время не считался настолько настоящим...

Но сила стала опадать, как квашня, которую стряпуха помешала деревянной веселкой.^[36] И зачем помешали?..

— Судьба так судьба, — твердила старшая боярыня, — что ему направили, то и будет! Кому жить суждено, не помирает!

— Так, может, его судьба в том, что я рядом. Не мешай больше,

Воевна, — сказала Велька властно, и боярыня попятилась, на миг увидев, как с юного лица ее княженки взглянула крутая нравом старая княгиня, матушка князя Велеслава, которой Воевна служила в молодости.

И тут ей подоспела помощь — Волкобой кинулся Вельке в ноги, вынудив присесть на край повозки.

— Ты еще тут! Уходи, не мешай, — рассердилась княженка и сильно хлопнула пса ладонью по морде, тот в ответ рывкнул и куснул ее за руку.

Не сильно, не до крови, но следы собачьих зубов остались. Велька даже растерялась, настолько она привыкла к безусловной покорности этого зверя.

— Забери его, княжич! — повернулась она к Горибору.

Тот уже вскочил, но не вмешивался, стоял и смотрел. И на Велькину просьбу лишь мотнул головой:

— Взгляни, что он хочет?

А Волкобой толкал носом флаконы на ее поясе, дар речной хозяйки, и смотрел так, будто силился что-то объяснить, да куда собаке...

— Что, Волкобоюшка? — удивилась Велька, устыдившись и гнева своего, и невнимательности.

Пес снова подбросил носом флакон.

Тогда еще, вернувшись с реки, укрывшись от посторонних глаз, Велька подарок внимательно рассмотрела. В обоих флаконах была вода, что и понятно, раз они явились из реки. И Велька воду эту выливать не стала, оставила. Подумалось, что это ведь может быть чем-то особенным. Потрогала воду, понюхала: чистая, ни тиной, ничем таким не пахнет. И снова закрыла пробки...

А теперь что же?

Глядя на распростертое тело тяжело дышащего парня, Велька впервые подумала, что это может быть за вода. И хорошо бы, если так, ой хорошо бы!

— Дай мне нож, — попросила она сама не зная у кого, и кметь, что был ближе, сразу выдернул нож из-за пояса и протянул.

Велька легонько полоснула лезвием по ладони, кровь выступила. А вода, если это та самая — где какая?..

Не обращая внимания на кровь, капнувшую на рубаху, Велька осторожно открыла один флакон, принялась — эта вода пахла родниковой свежестью. Закрыла, открыла другой, вода в нем не пахла ничем. Водой, ничем не пахнувшей, одной капелькой, Велька смочила порез на ладони и счастливо улыбнулась — ранка закрылась мгновенно.

У нее есть мертвая вода и, надо полагать, живая тоже.

Живая и мертвая вода! Подарку Быстрицы цены нет. Что серебряные флаконы против в них налитого — пустяк, внимания не стоящий! А что сразу не поняла, так про такое лишь рассказывают, а видел мало кто. Ведь источники воды этой не в людском мире, а в том. Но для воды нет преград, она, должно быть, всюду вода и есть.

— Ох и глупая же я! — Велька взглянула на боярыню, кметей, Горибора, на ведуна, что глаза вытаращил, и другие княжичи уже подошли, оказывается, чуть не весь обоз вокруг столпился. — Это снадобье может помочь, я думаю...

Даже заплакать хотелось.

Капли мертвой воды, осторожно выливаемые Велькой из узкого горлышка флакона на воспаленный веред, действовали чудесно: опухоль, краснота, синюшность сходили на глазах. И хоть знала Велька, как применять чудную воду, лишь из бабкиных рассказов, которые, может, и вовсе были байками, она не сомневалась, что теперь все получится.

Пару капель мертвой воды она размешала с обычной, родниковой, и понемногу напоила ею больного — жар пошел на убыль. Не так много времени минуло, а парень уже не походил на умирающего.

— Больше не надо, — решила Велька, — а то и навредить можно. Теперь он и на одних моих настойках поправится.

Она капнула в чашу с водой немного воды живой из другого флакона — больного поить, тоже понемногу, по глоточку.

— Ну, слава богам! Теперь вроде не помрет? А ехать пора! — решил Горыныч, который тоже, оказывается, подошел. — Тут весь есть впереди, не доберемся до нее дотемна, придется в лесу на ночлег становиться! Ты собирайся, боярышня, в повозку садись, вишь, как с лица спала, не усидишь еще верхом-то! — засуетился он вокруг княженки.

Ишь ты, заметил воевода, внимательный. Велька и правда чувствовала теперь усталость, как всегда после прихода силы. Силы меньше — и усталость меньше, зато теперь она просто валила с ног.

Покивав согласно воеводе, Велька отошла к Волкобою, который разлегся чуть поодаль, села на землю с ним рядом, пес тут же лизнул ее щеку, ткнулся мордой в грудь. Велька погладила его в ответ и отодвинулась, посмотрела в глаза.

— Ты не пес, да, Волкобой? Не оборотень, знаю. А кто же ты? Дух чей-то в тебе?

Тот смотрел ей в лицо и молчал.

— Говорить не можешь, понимаю, — продолжала она, — у меня резы есть. Резы умеешь складывать, резами расскажешь?

Пес отвернулся, лег, положив голову на лапы. Велька подождала — пес не шевелился.

— Хорошо. Спасибо тебе, — она встала, — я перед тобой в долгу. Но ступай прочь, ко мне больше не подходи. Не хочу я, чтобы рядом со мной незнамо кто был!

Она ушла сама, он остался.

И горько ей было почему-то, словами не высказать! Но в сделанном она не сомневалась. Все было правильно.

До веси к вечеру доехать успели. Весь от дороги чуть в стороне оказалась, и маленькая, всего пять жилых изб, и жил там один только род, за высоким тыном — как еще в глухом лесу людям жить. Приняли проезжих привычно хорошо, да только места под крышей для всех найтись, конечно, не могло. Зато колодцы были, целых два, и место для лагеря.

— Нынче у нас ладно, тихо, — объяснял Горынычу старейшина веси, то и дело кланяясь. — По прошлому году в это время то ли болотницы, то ли кто больно шалили, даже ведуна от соседей звать пришлось. А теперь тихо, только вы огонь ночью не гасите, а то как бы... И будет хорошо. В дом-то лесная нечисть не пойдет, знамо дело, а на открытом месте...

— Когда мы боялись той нечисти? — вмешался вдруг боярин Мирята. — Да еще с огнем? Дозоры поставим, костры разожжем, заговоры обережные от нечисти тоже никто не забыл. Ночь душная, боярыням шатры поставим, парням и так ладно будет.

Ночь и правда обещала быть дивно теплой. А кариярский старший так редко принимался спорить с вериложским воеводой, да еще по такому ничтожному поводу, что и это было дивом. Потому, собственно, Мирята с Горынычем и ладили, воевода был характером тяжел и соперников не терпел, а возражения слушал лишь от князя Велеслава. Тот знал, кого в Карияр посылать.

— С нами боярыни и девки, их под крышей устроить надо, — решил Горыныч, кариярца словно не слыша, — своих положи на дворе, дед. Расстарайся, а князь тебе попомнит, когда за данью поедет, сам понимаешь.

Земля эта была еще вериложская, Велеславу обязанная данью, но уже самый ее край.

— Захотят ли боярыни здешних клопов кормить? Шатры поставим, это лучше будет, — не хотел уступать боярин, — ты сама как хочешь, боярышня Огнява? — обратился он к Вельке, рассчитывая на поддержку.

Велька сама охотнее легла бы на воздухе. Она не любила чужих тесных изб, пропахших незнакомыми людьми, чужих лежанок, кажется,

хранивших еще чужое тепло. Спать в шатре было ничуть не хуже.

— Боярышень моих только в избе положить, — вмешалась некстати подошедшая Воевна, — иного и слушать не хочу. Ты, боярин, уж не лезь в эти дела, у тебя вон парни под началом, за них решай. Ладно бы жилья рядом не было, а то ведь есть!

Пришлось Миряте сдаться, тягаться еще и с боярыней он не захотел. Однако, его правда, не спалось Вельке в избе. Лежала, сверчков слушала, и как Воевна кряхтит и ворочается и бормочет что-то. Наконец стало совсем невмоготу. Она встала, натянула сложенную в головах верхицу, переплела косу, а то растрепалась, пока хозяйка ее без сна вертелась. Хоть на крылечке посидеть...

Парня-то больного, Ветряна, уложили с ними рядом, но не в избе, а на лавке вдоль завалинки. Вот Велька его и проводит, поглядит, как он там.

Дверь в избу была справная и запор хороший, Воевна его собственноручно задвинула перед тем, как улечься. Да и зачем запор, наверняка у избы охраны полно. Дверь чуть скрипнула, выпуская Вельку. Неподалеку от крыльца, и верно, догорал костер, сидели парни-кмети и негромко разговаривали, один спал, положив под голову седло. Никто не взглянул в сторону Вельки, ее не услышали и не заметили. Ну и хорошо.

Она тихонько обогнула избу, там была лавка, на которой лежал Ветрян. От луны во дворе было светло, и сверчки трещали — вот уж кому не отдыхается! Парень спал, дышал ровно, спокойно, и беспокоиться было вроде не о чем. Велька коснулась его лба, убеждаясь, что жара нет, и присела на лавку рядом, с удовольствием вдыхая ночную свежесть. Миновала опасность, еще пару дней будет Ветрян слаб, а там и силы вернутся, как не было ничего.

Толстая Велькина коса, теперь перекинута на грудь, змеилась вниз, кончиком падая на колени, и девушка мимолетно подивилась, что еще недавно «девичья краса» ее была куда длиннее. Спohватившись, взглянула опять, взяла косу в руки. Вроде да, длиннее была, да точно ли? Она когда-то сама ее укоротила, выяснив попутно про себя кое-что интересное, с тех пор внимания не обращала. Неужели укоротила так сильно? Казалось бы, нет, не так...

Странная, неосознанная пока тревога заставила княженку поежиться. Хотя к чему тревожиться, зла ей тут желать некому, и боярыни глаз не сводят. Сама забылась, а ночь — такое время, когда мысли дурные иногда приходят. И недаром старейшина тут нечисть болотную поминал, что сначала тревожит и ум смущает, а потом и поманит со двора в лесную чащу, на болота.

И вдруг почувствовала Велька, что на ее плечи опустились две широкие теплые ладони, ласково так опустились, осторожно. А она и застыла, потрясенная, и не вполне веря, что это наяву. Испугалась. Кричать? Должны услышать. Но не верилось ей в опасность. Шутки чьи-то?

Иринею не спится? Вот не было печали...

— Княжич? — тихо спросила она наугад.

И руки с ее плеч соскользнули нехотя. И голос...

— Вижу, не меня ждала? — с грустной усмешкой это прозвучало, и Велька задрожала.

Медленно она повернула голову, встала, посмотрела в лицо... уже знала, кого увидит.

Сложила пальцы в открывающий суть знак и быстро спросила, стараясь голоса не повышать:

— Человек ли ты? Имя назови!

— Венко я. Венко-купец. Человек. Ты всегда меня будешь, что ли, на нечисть пытаться?

— Ты всегда будешь так являться?

Он улыбнулся, приглядываясь к ее лицу.

— Надеюсь, не всегда. Ты не рада мне, любя моя?

— Рада... нет! — выдохнула Велька.

Вот и пойми, что сказала!

Да она и сама не понимала толком.

— Ты откуда взялся тут? — повторила она настойчиво. — Кругом лес да лес. С кем ты, Венко? Не один же, не пешком пришел? Что я думать о тебе должна?

— Не пешком, да один, — ответил он, продолжая пристально смотреть, словно боялся упустить что-то, — вон там конь мой. Последнюю версту в поводу вел, чтобы ваши не услышали. Да чего ты испугалась? Мы позади вас едем, я догнал, верхом — что хитрого? Ты и впрямь мне не рада?

— А зачем, Венко?

Венко, Венко...

Имя на языке каталось, приятно так. Назвала бы его несчетное число раз — Венко! Да только не на беду ли? Теперь не Купала, а она не русалка в лесу, теперь ему к ней и подходить-то нельзя, вот так, наедине, да еще ночью...

— До чего лиска мне недогадливая попалась, — опять он усмехнулся, — да затем, что тебя повидать хотел, мочи уж нет!

Ветрян рядом зашевелился, промычал что-то сквозь зубы, Велька вздрогнула — она как-то разом о нем забыла, увидев Венко, да и тот внимания не обращал. Умно, ничего не скажешь.

— Пойдем-ка, — Венко крепко взял ее за плечи, отвел в сторону.

Здесь от крыши лежала густая тень, они словно нырнули в нее, спрятались. И тут же Венко ее поцеловал, легко, почти невесомо, в щеку и в уголок глаза.

— Я скучал. Ты ведь вспоминала меня, любя моя? Знаю, что вспоминала. Но вроде не рада, что ли, не пойму я. Или рада?

Она отстранилась.

— Венко, как ты додумался, где я?

— А что тут хитрого? — Он притянул ее к себе, но больше не целовал, зато щекой коснулся ее щеки.

Это было не хуже.

А хитрого и впрямь не было: он не нашел ее на княжьем дворе, сразу и понял, что она уехала с невестами, потому что куда бы еще ей деваться? Только вот...

— Не бойся, — шепнул он, — ничего не бойся, я же обещал. Не трону, пока сама меня не разуешь. ^[37] Или пока сама не позовешь, что хорошо бы...

— Венко, — отозвалась она тоже шепотом, — ты знаешь, кто я?

Он помедлил, но все же ответил, склонившись губами к самому ее уху:

— Да, княженка моя.

Вот теперь Велька вздрогнула испуганно и отстранилась, упершись руками в его грудь.

— Знаешь? Тогда понимаешь, что никогда я тебя не разую. Я просватана уже, чего ты хочешь?

— Будешь моей, захоти только.

— Я выйду за карьерского княжича, должна я, меня просватали, — пробормотала она упрямо, отворачиваясь от Венко.

Потому что не хотелось говорить это ему в лицо. И ничего другого не могла она сейчас говорить. Их с сестрой всю жизнь учили, что выйти замуж по отцовскому велению их долг. Иначе не бывает.

— А вот этого не случится, честью и животом тебе клянусь, — сказал Венко все так же ласково. — Пока я жив — не позволю. Разве сама решишь... если противен тебе. Но ведь не противен?

— Что ты говоришь?! Пусть Боги Светлые тебя хранят и разума заодно добавят!

— Не бойся. Или тебе так в карьерские княжны хочется? Так ты со

мной ни в чем не потеряешь. И одену тебя так, что княжны позавидуют, и все у тебя будет, что только захочешь. И любить я тебя всегда буду. Не веришь? — он запрокинул ее голову, заглянул в лицо. — Княжон и без тебя хватит, а мне одна жена нужна — ты.

Велька ко тьме этой уже привыкла и Венко видела, лицо его, глаза, слабо блестящие.

— И меньшицу не приведешь? — она усмехнулась.

А он засмеялся.

— Я себе враг? Ты ж ворожишь как дышишь, пальцами щелкнешь, и отмерзнет у меня все, без чего жить скучно!

Это и Вельку развеселило, она прыснула в кулак, но привычно возразила:

— Да я слабенькая волхва! Бояться меня нечего.

— Ой ли? — он опять ее обнял, прижал к себе. — Ну, мы вроде договорились?

Велька голову опустила, промолчала, прислонилась к широкой груди Венко, вдыхая теплый его запах. Вот так бы и стояла тут, долго-долго. Вот еще сердце его десяток раз стукнет...

Оно простучало куда больше.

— Ты ничего не бойся, — сказал тихо Венко, — по-нашему будет. Отдаст мне тебя кариярский князь.

— Почему? — Велька настойчиво посмотрела на него. — Скажи почему, иначе как мне тебе верить?

— Да уговорю его!

— Ах, Венко...

Не верилось ей в такое. А объяснять и он, похоже, не хотел ничего. Как сговорились все!

Из-за угла кметь вышел с факелом в руках, они замерли, и парень почти мимо прошел, да вдруг заметил что-то, остановился, всматриваясь, шагнул к ним.

— Эй! Кто тут?

— Иди себе. Не мешай, — небрежно отозвался Венко.

— Назовись!

— Явор, из Кнутова десятка.

— А-а... кариярец ты, понял, — и парень шагнул было дальше, да вдруг опять остановился: — Да я тебя только за тыном видел!

— Обознался ты, дурила! — рассмеялся Венко. — Иди уже, надоел! — и отвернулся, Вельку загоразивая.

Теперь он был насторожен, напряжен. А Велька, та просто испугалась.

— Уйду я, но покажись. Нужна мне больно твоя девка! Покажись, говорю, а то парней позову, — настырный кметь направился к ним.

— Тихо, — Велька быстро освободилась от объятий, когда до кметя было три шага, щелкнула пальцами, в мыслях пробормотав заговор, кметь тихо осел на землю.

— Ну вот, — Венко подхватил его, отнес за угол и положил у стены, — когда очнется-то?

— Скоро. Иди, Венко, уезжай.

— Люба моя, — он тихо смеялся, — ну и как с тобой меньшеицу заводить, сама подумай? — он опять потянулся к ней, но Велька отпрянула.

— Уезжай. Прощай, Венко. И себя береги. Я хочу знать, что ты жив и счастлив.

— Хорошее прощание. Не буду я без тебя счастлив, да и живым быть тоже не радость, если без тебя. Скоро опять свидимся, жди.

— Не надо, Венко, — княженка решительно покачала головой, — я к тебе не выйду, на людях увижу — не признаю. Больше не приезжай. Прощай, Венко.

— Поцелуй меня. Только раз, а то не уеду, не проси, — он подошел, обнял опять, — а поцелуешь, и сразу простимся. Мм? — и он поцеловал ее так же, как тогда, в купальскую ночь, крепко, горячо и жадно.

И долго бы поцелуй этот длился, но княженка сама Венко оттолкнула, шустрой белкой метнулась к крыльцу. Нырнула в приоткрытую дверь, заложила засов и замерла, прислонившись лбом к толстым доскам.

И что это сейчас было? Чудо чудное. Как он здесь очутился, как смог? И как обратно, до своих, доберется? И только душу разбередил, зачем? А она тоже хороша! Нет чтобы сразу его прогнать..

Тихо-тихо пробралась Велька к своему месту на лавке, переступая через посапывающих на полу на соломе челядинок, сбросила верхицу и легла. Но заснуть так и не сумела до самого рассвета.

Утром Велька боялась переполоха: и что станут говорить про чужака в стане, и вспомнит ли их тот кметь, и доложит ли старшим. Но нет, ничего такого не было. Может быть, парень очнулся под стеной избы и сам уже не был уверен, что видел?

А Венко...

Как легко он назвался чужим именем, настоящим, не выдуманным. Откуда его узнал? Значит, знался с кариярцами, пока те в Верилоге гостили? Или слышал имя это на пиру в ту единственную ночь перед отъездом?

Ладно уж. Обошлось, и хорошо.

Другое случилось: Любица заметила непорядок с Велькиной косой. Постояла, посмотрела, как Малка княженку расчесывает, а когда та взялась заплетать — остановила и склонилась к Велькиному уху:

— Ты что, барышня, с волосами натворила?

— Ты тоже заметила? — вздохнула Велька.

Если кто-то и впрямь взялся потихоньку завладеть ее волосами, то вряд ли это означает что-то хорошее.

— Это не я, — пояснила она тихо, — я только раз отрезала немного, когда мы с тобой Волкобая на оборотня испытывали, и в печи сожгла.

— Да зачем?..

— Для баловства. На себя заговор прочитала. Меня раньше, бывало, лиской звали... вот и решила испытать, есть в том что-то?..

— Ну и удумала! — махнула рукой боярыня. — Все равно, тогда я не заметила ничего. А вчера? А второго дня?

— Нет, конечно!

Вчера за Велькиным одеванием боярыни не следили, их отвлекла Чаяна: то ли разбилось что-то у нее, то ли потерялось. Велька тогда, пользуясь суматохой, сама заплела себе косу, попросту заплела, не вплетая ни бус, ни лент. И даже не глянула, насколько волосы длинны... потом только заметила, ночью.

Странно это. Она же одна не бывает, всегда на глазах и у ближних боярынь, и у челядинок, и еще у кучи народу, устала уже от постоянного этого пригляда! А спать ложится — рядом всегда сестра, и боярыни, опять же, и челядинки. Что, кто-то из своих стал бы ей волосы резать?

Прошлую ночь вот они в шатре спали, и охрана стояла, и Волкобой растянулся у входа. Разве только ворожкой всех одурманить...

А нынче-то! Она ушла из избы, а никто и не заметил, можно было у всех спящих половину волос отстричь! А ведь Воевна обычно чутко спит, половица скрипнет — она слышит...

Как будто поворожил кто, Вельке спать не позволил, а других усыпил крепко!

Любица беспокойно наморщила лоб и кинулась звать Воевну. Та пришла, тоже постояла, хмурясь, потом вдруг побелела лицом и села на лавку, уронив руки на колени, запричитала тихо:

— Да что же это? Ох, чуяло мое сердце. Не уберегли тебя, Огнявушка, горлиночка моя. Да как же?..

— На мне и заговоры защитные, и обереги. Может, и обойдется, — попробовала утешить ее Велька, — да и труднее меня ворожкой сгубить,

чем еще кого-то!

Воевна только руками махала на такие никчемные доводы.

— Эх, девка, умеючи и не таких, как ты, со свету сживали!

На это возразить было, конечно, нечего.

Боярыня сняла с шеи собственный оберег-лунницу, надела на Вельку.

— Сохранит, может, Матушка Макошь тебя от невзгод, только на нее и уповаю. И Даруна ведь обряды творила, и милость ее обещала! Может, обойдется? Ты-то сама ничего не чувствуешь пока?..

Велька только головой покачала — нет, ничего! И не стала говорить боярыне, что предсказывала ей самой волхва, тогда еще, перед сговором. Ничего хорошего вроде. А если вспомнить? Зло от жар-птиц, и не только...

Но что жар-птицам до ее волос?

На этот раз с отъездом задержались. Уж неизвестно, что объяснила Воевна боярину Миряте и воеводе, но они прониклись и встревожились. С каждой женщиной в обозе, что с боярыней, что с челядинкой, Воевна отдельно переговорила. И с Чаяной тоже. Ее она спросила, не видала ли боярышня, кто мог покуситься на косу сестрину, и не подозревает ли кого в этом злодействе? Сама при этом так смотрела пристально, как будто ответ не услышать хотела, а на лице увидеть. А что там разглядела — никому не сказала.

Чтобы старшей не мешать, Велька с Любицей вышли на крыльцо, и та спросила, глядя, как кмети коней седлают:

— Для какой ворожбы волосы нужны, а, Огнявушка?

Тайны в этом не было никакой. Да Любица и сама наверняка знала, какая это может быть ворожба!

— Много для чегогодились бы, — пожала плечами княженка, — и чтобы меня присушить, так, чтобы от любви света белого не видала. И чтобы извести, и чтобы силу мою на что другое пустить. А можно мою силу понемногу брать, ее надолго хватит, а я и не пойму ничего. Многое сделать можно. Да только чтобы со мной справиться, сильный колдун нужен. Говорю же, защищена я. Кто-то не очень умелый сам пострадает.

— Хорошо бы, если так, — вздохнула Любица.

А Вельке подумалось, что, может, это вовсе и не хорошо. Может, всем им плохо будет, если этот неумелый пострадает. Лучше бы уж ничего не было. Сплести действенную ворожбу правильно не так и просто, скорее, ничего не выйдет, ни правильного, ни случайного. Вот это и было бы лучше всего.

Ириней прошел мимо крыльца, поклонился им мимоходом, чуть улыбнулся Вельке. А потом он двинулся дальше, в ту сторону, где возле

своей лошади стояла Чаяна, что-то ей сказал, мимо проходя, потом вдруг вернулся и заговорил с княжной, ласково ей улыбаясь.

Любица повернулась к Вельке:

— Ты видела, Огнявушка?

— И что же? — пожала та плечами.

— Да он же на нее раньше и не глядел!

— Может, передумал? Жениться решил? Наверняка того, кто на Чаяне женится, князь Вереней наградит как-нибудь. Да она и сама хороша.

— Это да, — согласилась Любица задумчиво, — только скажи, Огнявушка, ты не делала ей приворота? Так, на всякий случай спрашиваю.

— Нет. Чурами клянусь. И не спрашивай больше, никому я никогда приворотов не делала.

— А зелье если?

— Нет у меня такого. Много всяких есть, а такого нет. Бабка готовила, бывало, я никогда. Да чего там того зелья? Действие его недолго, хоть какого, пока поишь — с тобой парень, что за охота всю жизнь его опаивать? Надолго только приворотная ворожба привяжет. Да брось, Любушка, почему сразу зелье да ворожба? Помнишь, что руны сказали?

— Помню, как же. Да ведь без причины... сама знаешь.

— Да мы просто причину не знаем, не нашего она ума дело!

Велька точно знала и то, что творить ворожбу Чаяне не по силам. Если она такое и затеяла, то просто ничего не выйдет. Если только...

Да нет же, это было бы уж слишком. А что Ириней с Чаяной говорит да смотрит на нее ласково — так мало ли! И руны ведь то же обещали!

Немного времени спустя Ириней сам посадил Чаяну в седло, оттолкнув Велемила. А Велемил, побледневший, играл скулами, смотрел несчастно, но княжне и раньше до него дела было немного, а теперь и вовсе. Это старшая боярыня тоже видела, вышла как раз из избы. Радоваться не торопилась, посмотрела только исподлобья, пробормотала:

— Так, значит. Ну-ну.

И протянула Вельке рубаху, ее рубаху, нынешним утром снятую.

— Вот, гляди, Огнявушка, видишь нитку на подоле? Да, эту, с узлами. Что скажешь?

Нитка была беленая, льняная, в цвет рубахи, такую и разглядеть не сразу можно. Кто-то прошил ею ткань, после каждого стежка завязывая узлы, и сделать такое случайно, конечно, было бы мудрено, да и незачем. Ни к чему была тут эта нитка. Только если для ворожбы.

Велька покрутила кончики нити в пальцах, признала:

— Да, это ворожба.

На ее рубахе! Да что же это делается, что и кому от нее надобно?

А сила опять пришла, не призванная. Еще бы, от всех этих треволнений утренних да не пришла бы! Пришла, родимая, в затылке тяжестью налилась, в пальцах запульсировала. Да и верно, как без нее что-то понять, кроме того, что была ворожба?..

И как тут не волхвовать, если в этом то и дело нужда? Воевна на этот раз не возмущалась, только напряженно ждала, что скажет княженка.

Велька опять покрутила в пальцах нитку и вздохнула с облегчением:

— Зла тут я не слышу. Не хотели мне зла. Вроде даже наоборот. Это для силы, сноровки, острого глаза. Для здоровья. Не понимаю зачем. Точно ли мне делалось? Может, я случайно эту рубаху надела?

Так могло быть запросто. Рубахи Велька надевала те, что подавали, а руководила их с сестрой одеваньем сама Воевна. И на рубахе как-то появилась заговоренная нить, такая, что вреда бы не причинила, только пользу, разве только...

Ну да, спать бы помешала. Так заговаривать надо дозорных, что перед рассветом караулят, — нипочем не заснут. Она и не спала. Не утерпела, во двор вышла. И Венко приходил. Как будто нарочно она не спала затем, чтобы Венко нашел ее возле избы! А иначе как бы нашел? И дверь заперта была.

Совсем все запуталось!

Случайность какая-то, не иначе. Заговор, может, совсем давний, а рубаха нежданно-негаданно помогла ей с Венко увидеться.

— Не опасно это, — повторила Велька, — точно говорю.

Боярыня забрала рубаху, вздохнула:

— И кто бы вразумил меня неразумную?..

ГЛАВА 12

Из ворот да в приворот

Все больше времени проводил Ириной около Чаяны. Было раз, чуть не подрались они с Велемилом, да Горибор вмешался. Вельке это Любица рассказала, а той ее муж, боярин Городей:

— Так и раскидал княжич Горибор обоих сам, говорит, стыдитесь-де, нашли место и время людей потешать! Стыдно братьям-княжичам между собой за невесту драться. Просите-де у девки обручье, и все тут, кому отдаст, тому и невеста. И боярин их подоспел, тоже с каждым по отдельности говорил. Да и погляди, теперь один к другому не приближаются, и кмети с каждым рядом едут.

Да, так и было. А подраться двум парням из-за девки — ничего особого, бывает, да только братьям и впрямь стыдно. Даже если они не княжичи, младший старшему уступить должен, если родители как иначе не рассудят, или девка, или ее родители. Все равно ведь старшему сначала жениться. А старший здесь Велемил. Ему, может, и то не нравится, что младший дорогу переходит?

Хотя, сказано ведь, что любого из княжичей им, невестам, можно выбирать! Им-то можно, а парням обидно, у них друг с дружкой свои счеты.

Чаяна теперь всю дорогу ехала с Иринею, поодаль от Вельки, и от разговоров с ней уворачивалась, вечерами то боярынь, то челядинок от себя не отпускала. Велька смирилась: если сестра что-то и затевала, похоже, беды не случилось. Значит, можно и позже поговорить, расспросить, Чаяна успокоится и расскажет. А может, даже сама похвалиться захочет, по ее ведь вышло. И руны то же предсказали, значит, ворожбы никакой могло не быть, а что было — потом узнается.

А от Вельки ни на шаг не отходила Любица. Если поначалу она ехала в повозке, то теперь тоже пересела на лошадь и держалась верхом очень ловко.

— Боярину моему не нравится, — тихо, со смешком пояснила она Вельке, — верхом я на виду, все глядят, кому хочется, а он ревнивый у меня. А сама я люблю так ездить, батюшка мне позволял!

Поглядеть было на что: стройная, высокая, чернобровая молодая боярыня была очень хороша, хоть и одевалась в дороге неброско, и

шелковые уборы свои из сундуков не доставала, а голубым ярким бисером расшитое очелье^[38] над ее высоким лбом было едва ли ярче ее глаз.

Ириней, кажется, постепенно вовсе забыл, кто такая Велька. Мрачный Велемил затерялся среди кметей впереди отряда и на глаза не показывался, да и Горибор с Яробраном только учтиво кланялись, держась на приличном расстоянии. Горибор, правда, раз к ней подошел, с кметем выздоровевшим, с Ветряном. Ветрян кланяться ей стал, благодарить, она рассмеялась, поклонившись в ответ:

— Будь здоров и живи долго, добрый человек! Родится у тебя когда дочка — назови ее Быстрицей, так твою спасительницу зовут, ее снадобье тебя и подняло.

Засмущавшись, парень пообещал, блестящими глазами глядя на княженку:

— Назовем! Не дочку, так племянку, а будет теперь это имя в нашем роду, раз ты велишь!

— А я прослежу, чтобы не забыл, — хлопнул его по плечу Горибор, — иди пока себе.

— Как же я забуду, что княгине своей пообещал? — неожиданно возмутился парень.

— Ишь ты — княгине! Не болтай, сглазишь, — одернул его Горибор, а когда смущенный парень ушел, улыбнулся Вельке, — вишь, ты для него уже и княгиня. Может, на добром слове-то?

Велька смутилась, опустила голову, а Горибор, посмеиваясь, ушел.

— Скучные какие женихи стали, Огнявушка, — не удержалась как-то Любица, — ладно, с одной невестой понятно, но ты-то осталась. Что же они теряются?

— Может, потому, что всем Чаяна больше по нраву?

— Ох, насмешила! — боярыня и впрямь звонко рассмеялась. — Ты да не по нраву? Ты с чего взяла-то, что такое может быть, кто тебе эту глупость сказал?

— Сама же видишь, — пожала плечами княженка, — на сестру я не похожа.

— Не похожа, и слава Макоши! Все равно ничем не хуже. Только так о себе и думай, поняла? Это чистая правда и есть! Но погоди, немного еще проедем, и наладится. Княжичи, может, в себя придут, вспомнят, что соколам горлиночек да уточек ловить надо, сами те не прибегут.

— Может, и вспомнят, — легко согласилась Велька.

Никто что-то не видал, как Ириней-сокол свою Чаяну-горлиночку ловил. Значит, и горлиночке можно изловить своего сокола, кто бы

сомневался?

Вельке было все равно. И лучше, что Горибор с Яробраном на нее не заглядываются, не стараются понравиться, одно беспокойство было бы. Пусть бы они подольше о ней не вспоминали. А она, то ли горлиночка, то ли уточка, попалась уже своему соколу, и вырваться не получалось. И то, что Венко сказал, то и дело вспоминалось: что ему князь кариярский Вереней перечить не станет, так что Вельке о других женихах и думать нечего, если только сама по-другому не захочет. Сама она и не хотела...

Только не складывалось как-то. И так и этак перебирала Велька, что ее купец говорил — не складывалось. Как там с Веренеем — неясно, но отец-то ее, князь Велеслав ему ничего не задолжал, и Веренею, если на то пошло, тоже ничего! Так зачем тогда Венко-купец вериложскому князю в зятях? Недоволен будет батюшка таким раскладом, очень недоволен, и к ворожее не ходи.

Или — кто Венко кариярскому князю? Что за долги между ними такие?

В отличие от княжичей, боярин Мирята, напротив, то и дело Вельку и Любицу разговорами развлекал, про Карияр рассказывал, и про сам стольный город, и про княжий двор, и даже про княжичей, когда те мальчишками были. Забавно рассказывал, княженка с боярыней то и дело смеялись. Велька и про другие города Кариярской земли, и про Лесовань, где оборотни жили, стала спрашивать, он отвечал, и подробно. Тогда Велька и про князя Веренея спросила, то, что она хотела через Чаяну вызнать.

— Скажи, Мирята Веденич, когда князь Вереней князем стал? До того, как с батюшкой моим вместе воевал, или после?

— Э... — кажется, в первый раз разговорчивый боярин с ответом помедлил, — дай боги памяти... а зачем это тебе, боярышня?

В его забывчивость Велька не поверила, а заминку эту заметила.

— Да просто так, — она улыбнулась, — проклятье ваше страшное ему не повредило ли? Он не хворый, нет?

— Нет, нет! — заулыбался боярин. — Они оба хоть куда молодцы, и старый князь, и молодой... то есть сын его, я хотел сказать. Когда драться возьмутся, да хоть на чем, не каждый с ними и совладает, далеко не каждый!

— То есть не хворые! — радостно закивала Велька. — Это хорошо, Веденич! Хоть и не мне придется за этого старшего сына идти, а все равно хорошо!

— А ты почем знаешь, боярышня, что не тебе? — усмехнулся в усы

боярин. — Может, и тебе. Или сестре твоей, конечно. Может, и хорошо, что дорога долгая, все еще перерешить успеете. А только нам наследника надо женить непременно, хватит ему нестреноженным гулять. В возрасте уже парень. Князь для него невесту и ждет, боярышня моя светлая, а другому кому — это как получится.

— Ага, я поняла, — Велька улыбнулась, — только ты ведь не ответил, Веденич. Когда князь Вереней с отцом нашим пировал и нас сторговал, он уже князем был или потом им стал?

— Э... дай посчитаю, любопытная, — боярин ненадолго замолчал, потом вздохнул, — через три года только он на престол сел, вот... если я не ошибся, конечно.

— А до того он кем был прежнему князю? Сыном? — продолжала свое Велька, обрадованная, что боярин, хоть и мнетя, ответы все же дает, а не увиливает.

— Да не сыном, любопытная. Братом младшим.

— Значит, не было тогда на нем проклятья? А заполучил он его вместе с престолом?

— Ну, да... выходит. Не было тогда, а потом получил.

— Потому тогда он мог ездить по чужим землям и войско водил, куда надобно, а когда престол получил, стал только в городе стольном сидеть? Проклятье так велит?

— Тьфу ты! — махнул рукой боярин. — Не соскучится с тобой, боярышня светлая, ни сам Вереней, ни сын его... который там тебе достанется. Надо же, и такую въеду мы могли не заметить, в Верилоге оставить! Вовек бы себе не простил!

Велька только улыбнулась:

— Спасибо тебе, Мирята Веденич! Меня так любопытство разобрало, а ты все объяснил, не дал пропасть.

Боярин крикнул, тронул лошадь и ускакал куда-то в голову обоза.

— Не соскучится, это верно, — расхохоталась Любица, которая, конечно, все внимательно слушала и неплохо поняла, — получается, у князя и наследника проклятья разные? Раз наследник тут, с нами?

— Может, и так, — не стала спорить Велька.

А вскоре, на полуденной стоянке, когда сидели и обедали, Любица толкнула Вельку локтем и взглядом показала на Чаяну, которая на этот раз устроилась напротив. Точнее, на руку Чаяны, где не видно было девичьего обручья. Велька тут же метнула взглядом по сидящим, ища Иринея, нашла — тот был среди братьев, и хорошо знакомая узорчатая полоска серебра украшала теперь его запястье.

— Поздравить надобно княжича Иринея, — громко сказала старшая боярыня, которая тоже все заметила, — знатный подарок он от боярышни Белицы получил!

И Чаяна потупилась, жарко покраснев, а Ириной радостно заулыбался и руку поднял, показывая всем невестино обручье, объявил:

— Да! Согласилась боярышня Белица моей женой, княжной карьерской стать!

За столом, конечно, шум сразу поднялся, поздравлять стали обрученных, тут же откуда-то взялись серебряные чаши, которые сбереженья ради в дороге не доставали, и меда притащили бочонок, разлили. Велька, приняв от Любицы чашу, тоже хлебнула горьковатого пенистого меда.

Это ведь все хорошо. Надо радоваться. А что-то не радостно ей было.

— Ириной тебя полюбил, — потом, наедине, шепнула ей Любица, — тебе он и достаться бы должен! Пойми, глупая моя боярышня, этому ведь цены нет, когда любят тебя! Да, помню я про твои руны, только тем и утешаюсь. Но все равно понять не могу, что случилось? Ты сама-то веришь, что обошлось без ворожбы?

— Верю ли? — покачала головой Велька. — Я могу видеть ворожбу или не видеть. Тут не вижу ничего. Что я могу различать — такого не творили. Да и кто бы стал?..

— А чего не можешь?

— Про то и подавно мне сказать нечего. Вот стану старой и мудрой, с клюкой буду ходить, тогда и спрашивай.

Она Венко полюбила, вот так, неожиданно и нежданно, а он ее. Хотя почему нежданно, Купала — такая ночь, которая навеки соединяет, любовь разжигает. Вот им с Венко и досталось того огня, горит теперь и не гаснет. И безразлично поэтому Вельке, любил ли ее когда Ириной. Его сестра полюбила, вот пусть и будет с ним счастлива.

В один из дней следующих Велька услышала, как боярин Мирята спросил:

— Да ты здоров ли, княжич?

Она быстро повернулась, посмотрела — вопрос был задан Ириной.

— Здоров, чего мне сделается, — недовольно буркнул в ответ Ириной.

Потом она еще при случае присмотрелась: бледен был что-то Ириной, под глазами тени легли. Стоял он рядом с сестрой, а с ней самой, как обычно, Любица была, так что подходить и заговаривать с княжичем Велька не могла. Зато первого же карьерского кметя, что попался,

попросила прислать к ней их знахаря, Хрятя. Тот сразу явился, вот его Велька и стала расспрашивать, что с княжичем и не спрашивал ли он какое лекарство. А знахарь сознался сразу, преданными глазами глядя на Вельку:

— Жаловался княжич, поутру проснуться не может, голова вот вечер кружилась. Настойку просил укрепляющую, я дал, говорит — помогла! — и приосанился, дескать, и мы не лыком шиты, и мы неплохо лечим...

— И часто он у тебя настойку ту просит? — нахмурилась Велька. — То есть часто ли он так хворает?

— Я такого не помню, боярышня, — развел руками Хрять, — да только ведь с каждым когда-нибудь приключается хворь! А ему полегчало уже, ну и слава Матушке Макоши.

— Да, слава ей, — согласилась Велька, — только вот что, если еще попросит у тебя чего Ириней, хуже станет ему — сразу мне говори.

Тот пообещал.

— Ты чего беспокоишься, о чем думаешь? — принялась спрашивать Любица, которая, конечно, и теперь рядом была.

— Пока сама не знаю, — отмахнулась от нее Велька, но с Чаяной на этот раз стесняться не стала, подошла, когда та сидела среди боярынь, за руку ее взяла и отвела в сторону, подальше. И не хотела княжна, а шла — на что только заговоры бабки Аленьи ни годятся, хотя против родной сестры Велька их применять совестилась обычно.

— Ты что, сестричка, разум где-то растеряла, что творишь? — сверкала глазами старшая сестрица. — Что тебе от меня надо, не могла сказать, как полагается?

— Скажи мне лишь, что ты никакой ворожбой Ириней к себе не привязывала, — тихо сказала ей Велька.

— Да ты... — взвилась Чаяна, — в себя приди! Сама слышала, что сказала? Это мне, значит, женихов привораживать?!

— Зачем тебе-то, — примирительно улыбнулась Велька, — только ответь мне, и все. Знаю я, что ты не можешь ворожить. А зелий не давала ему?

— Да ты... — теперь глаза у княжны потемнели, — ты меня почитать должна, я старшая. Слушаться, пример брать. Батюшка ведь велел!

— Ты, сестрица, снова не то отвечаешь, — возразила Велька, теперь уже всерьез заподозрив, что дело как-то плохо. — Буду пример брать, разве я против, а ты меня научи, как благонравной быть. Скажи, что не давала Ириней зелье! А если давала, то мне его посмотреть надо, и скажи, откуда взяла, кто готовил?

— Да ты!.. Не давала я ему ничего, Богами Светлыми клянусь, всеми

сразу! И не было их у меня никогда, зелий этих!

— А приворот?..

— Что я в них смыслю? — продолжала сердиться Чаяна. — И чего ты пристала, то Воевна меня расспросами мучила, теперь ты взялась! Как будто не я тут старшая княжна! Завидуешь, что у меня обручье уже попросили, а у тебя никто и не собирается покуда?

— Не завидую, что ты, рада я за тебя, — Велька хотела взять сестру за руку, но та не дала, — я за Иринея беспокоюсь, ему ведь неможется уже не один день. Не замечала? А если это от приворотной ворожбы, то такую хворь простыми снадобьями не вылечить.

— Неможется ему? — теперь Чаяна побледнела. — Да брось, он говорит, устал просто. Простыл, может, застудился, когда княжики на лов ездили... помнишь?

— Помню, сестрица, помню. А у тебя амулетов любовных не было? Может, носишь что и сама не знаешь? Перед отъездом Даруна ведь все твои обереги смотрела?

— Сама знаешь, что она смотрела, — вздохнула Чаяна, — ну отстань уже, сестричка, ты хуже банного листа! Да и не глупость ли такой амулет, от которого бы жених недужил, зачем тогда такой жених и такая любовь?

— Потому что для сильного приворота надо силу жизненную у кого-то взять. И это от ведуна зависит, как он сделает, как сумеет. Если приворот для девки, то силу чаще берут у парня. Но можно и у девки, и у обоих поровну, и у стороннего кого-то. Все равно кто-то здоровье теряет, хоть и не так быстро, может, годы пройдут! Но счастья никакого не будет, понимаешь? Истинные любовь и счастье лишь Лада дает. Не все ведуны про это говорят, только иначе никак.

— Ладно, ладно, — отмахнулась Чаяна, — поняла я. Ты сама-то много можешь и знаешь, хоть и внучка волхвы? Недавно поневу надела. А раньше такие ведуны были, не чета нынешним!

— Ты к чему это? — насторожилась Велька.

— Да так! А ты не забыла ли, что мне твои же руны Иринея обещали? Он — моя судьба, выходит. А ты про привороты заладила, в которых и не разбираешься, сама говорила. Ладно, сестренка, — Чаяна обняла ее, — я не сержусь, и ты по-пустому не беспокойся и меня больше не пугай. Как же мне без Иринея? Люблю я его! Хоть и княжна я, а такое счастье — с любимым обручиться, ни на что его не променяю! И больше чтоб ты меня волшбой не неволила, поняла? Тоже выдумала! — это Чаяна шутя сказала, без злости, но Велька не сомневалась, что сестра обиделась.

— Конечно, не стану, — пообещала она, улыбнувшись, — так, при

боярынях и девках и выложу, что у меня на уме, если не захочешь с глазу на глаз поговорить.

Чаяна взглянула исподлобья, и они разошлись — непонятно, то ли помирились, то ли все же поссорились.

— Ну как там, что вызнала? — пристала, конечно, потихоньку с расспросами Любица.

— Приворота не было, — пожала плечами Велька, — а значит, не о чем беспокоиться. Хуже всего, если бы был приворот. С этим разбираться сильная ведунья нужна, значит, срочно сворачивать надо и ехать туда, где есть святилище и волхвы опытные. Нет, Чаяна в этом лгать бы не стала.

Любица лишь качала головой.

— Эх, Огнявушка. Ну да, она и Воевне твердила, что не было ворожбы да не было. Не она — ладно. Но я-то не забыла, что тебе зачем-то волосы резали, не для забавы ведь! Сестрица твоя упрямая. Может, просто она кому-то больше верит, чем тебе? Потому что пообещали то, чего ей больше всего на свете хочется?

— Кто мог пообещать?

Любица лишь руками развела:

— Знать бы! А только волосы тебе остричь могли мы с Воевной да Чаяна, да еще Малка твоя, ну и да, наши девки тоже. Но девки тебя, Аленьину внучку, боятся, не стали бы пакостить.

— Ночью хоть кто зайти мог.

— Как же. Зверь твой черный так и спит у нашего шатра каждую ночь, ему там кошму кладут. Подойдет кто — он смотрит и рычит. Не замечала?..

Велька о своем думала.

— Быстро слишком для приворота, — добавила она. — Приворот сушил бы его медленно, может, только через год-другой и стало бы заметно. А специально на смерть делать... разве кто-то смерти его хочет? Нет ведь...

Ириней не выздоравливал, хоть и умело скрывал это, терпел, держался. А тут так и сознание потерял, упал головой на шею коня, хорошо что рядом ехавшие заметили сразу, подхватили, отнесли подале от копыт и колес. И обоз, конечно, остановился. Хрять сразу принялся за дело, он же и за Велькой послал.

Когда Велька подошла, Ириней уже пришел в себя, улыбался виновато, дескать, сам не знаю, как оно могло так выйти. Он лежал на кошме, бледный до синевы, исхудавший, а Чаяна сидела рядом и за руку его держала, гладила. Знахарь укрепляющее снадобье смешал, но на Вельку выжидательно поглядывал. Та снадобье одобрила, добавила только в него

каплю живой воды из своего флакона да сказала:

— Тебе бы, княжич, теперь в повозке поехать. Отдохнуть тебе надо, поспать, и все наладится.

— Я да в повозке? Никак шутишь, Огнявушка? — усмехнулся Ириней и впервые за столько дней взглянул на княженку прямо, а не вскользь. — Нельзя мне в повозке, кони засмеют.

— Кони над хворыми и ранеными не смеются.

— Какой же я хворый и раненый!

И впрямь скоро на его щеках румянец какой-никакой появился, и он встал, шутить начал и улыбаться, снова сел на своего коня, и обоз двинулся. Чаяна рядом поехала и не сводила с него влюбленных, радостных глаз.

— Смотреть на них и то уже счастье, — сказал потом Воевне боярин Мирята, — да только княжич что-то меня тревожит. Он ведь у меня с трех лет перед глазами, как на коня посадили. Любимчик отцовский! Здоровым рос, никогда, почитай, и не болел, даже детские хвори простудные стороной его обходили! А теперь-то чего стряслось? — и поглядывал он при том на Вельку, которой ответить было нечего.

Еще через день наутро Ириней не смог встать. Опять все всполошились. И теперь уже Велька без сомнений заявила старшей боярыне, что надо срочно искать умелую волхву, лучше из святилища, да из старших, которые главные обряды творят, иначе жизнь княжича угаснет, как лучинка, и очень скоро. Воевну убеждать не пришлось, сразу все поняла да кинулась говорить с обоими воеводами. Мирята, уразумев, аж с лица спал, Горыныч почесал затылок:

— Да где же нам теперь добыть волхву из святилища? Не помню я тут больших святилищ близко.

— Весь вчера проехали, — подсказал кто-то, — какой-никакой ведун у них быть должен. Может, там и подскажут чего, они-то лучше знают здешние места!

На том и порешили, и тут же Горибор с десятком кметей умчался к той, позади оставленной веси.

Весь день обоз стоял у дороги, дожидался посланников. Весь день люди изнывали от беспокойства и неизвестности. А о том, что сватовство не ко времени затеяно, а то и вовсе к несчастью, говорили уже не таясь. Не хотел ведь отдавать дочерей вериложский князь, так зачем в таком деле принуждать? Конечно, не раз бывало и будет, когда свадьбами мир скрепляли, союзников получали, с врагами замирялись, и далеко не всегда

такие свадьбы были желанны всем новоиспеченным родственникам, но тут выходило уж совсем как-то не по-людски. И волхвы ведь у богов спрашивали, и жертв вон сколько принесли, и никакого зла грядущего не увидели. Оплошали, выходит, волхвы? Или это боги сначала благоволили, а потом вдруг прогневались? Что ж, и так бывает, когда Божья воля людям вовсе непонятна.

А делать-то что?..

Дале ехать? Назад ворочаться?

Да и какая веселая свадьба, какая радость, если одному из женихов, уже и с невестой обрученному, посредине пути краду складывать придется?

А ведь обручились молодые по любви, вон счастливые какие были! Недолго, правда...

Чаяна от жениха не отходила, так и сидела с ним рядом, за руку держала, бледная, дрожащая, у нее уже и плакать сил не было. Велька места себе не находила: то молилась, то пыталась призвать все доступное ей знахарское искусство и помочь больному. Живая вода Быстрицы не помогала совсем. А волхвовская сила к Вельке опять пришла, и, казалось, было ее очень много, и Велька старалась, припомнив всю бабкину науку. От такого, может, и безнадежный бы встал — но не Ириней. Ириней иногда становилось лучше, дыхание углублялось, румянец какой-никакой возвращался, даже глаза княжич открывал и что-то говорил и улыбался Чаяне. Но всякий раз вскоре ему становилось хуже, чем было...

Только в вечеру посланники вернулись. Посреди верховых кметей ехала двухколесная повозка, а в ней на старой кошке сидела высокая худая, совсем седая старуха с непокрытой головой. Ведунья.

— Чара, из Годуни-веси, — пояснил Горибор, — говорят, на сто верст вокруг искусней не найдем.

Только вблизи Велька разглядела, что ведунья Чара не такая уж старуха — может, только немного она старше княгини Дарицы. Волосы, перехваченные пестрой плетеной тесьмой, белы как снег — это да. Рубахи на ней простые, льняные, не вышитые, зато на ожерелье оберегов и амулетов всяких множество, и чудных на вид — это тоже как полагается. Кожа темная, загорелая как будто, тонкие губы в линию сжаты. Кудес большой на ремне за спиной.

На Вельку она сразу посмотрела внимательно, кивнула:

— Ага, вот как, значит. И огневуха тут есть. Ты теперь-то мне не мешай, притухни малость.

Велька обрадовалась: если ведунья так вот, с ходу, в других силу видит, значит, и сама сильная. А то ведь может быть на сто верст вокруг и

такая знахарка, что только травы и корешки знает, а им нынче не это нужно. И Велька прекрасно ее поняла: если две сильные помогать друг другу не умеют, то одной надо не мешать. Хотя легко сказать — притухни...

Впрочем, давно пора бы княженке устать, без сил свалиться, так нет же...

— Зови, если понадобится, — сказала она, ведунья опять кивнула.

Ириней она быстро оглядела и велела отнести к костру и уложить там, Чаяне сесть рядом не позволила, указала место ей и боярыням с другой стороны от костра, а Вельке — ближе, но тоже не рядом. А вокруг, на некотором расстоянии, собрался мало не весь обоз, кто ближе, кто дальше, всем хотелось знать, чем же дело кончится.

Чара уселась в головах у Ириней и принялась бить пальцами в свой кудес, легонько совсем, и он зарокотал еле слышно, а она, нагнув голову, прислушивалась, глядя куда-то в неведомое невидящими глазами. А у Вельки от этого рокота что-то скручивалось в груди в тугий узел, все туже, туже скручивалось...

Вдруг ведунья подняла голову, взглянула на Вельку осмысленно.

— А ведь к тебе его сила течет, огневуха. Ты ее пьешь, — не так и громко она это сказала, но тихо было, и далеко потому слышно.

— Я? Нет! — Велька даже отшатнулась, потрясенная такой нелепостью. — Нет...

— Да, да, — спокойно подтвердила Чара, — ты. Огородись, не пей — и ему, и мне легче станет. Сможешь?

Велька закивала, но была слишком потрясена, чтобы реально что-то предпринять, и еще не поняла толком, что от нее требуется. Огородиться от Ириней — да как, если она не ощущает никакой связи с ним?

— Так это все ты? — закричала, вскакивая с места, Чаяна. — Это ты? Это ты завидуешь, себе вернуть хочешь?

— Нет! — воскликнула Велька, порываясь отползти от костра, подальше от всех, но тело словно тяжелым стало и не слушалось.

Да что же это? Как сон дурной.

— Как ты посмела, ты! — кричала, плача, сестра, вырываясь из держащих ее рук, которые мешали ей кинуться на Вельку.

Люди вокруг сдержанно зашумели, переглядываясь, боясь верить ушам и глазам. Младшая сестра-волхвовка мстила княжичу, который предпочел старшую сестру? С одной стороны, это было по-житейски понятно, но, с другой, все равно казалось каким-то невероятным.

— Тихо вы! — крикнула ведунья, и ее голос перекрыл шум. — Еще

неясно ничего. А ты, матушка, — она глянула на Воевну, определив в ней главную и не затрудняясь больше подробностями, кто тут кто, — ты, матушка, если не уймешь свою девку, сама лечи парня.

— Прости, ради Богов Светлых, — сказала гордая боярыня, которая и воеводам первая не кланялась, — она не помешает больше. Или за косу возьму.

Любница подошла к Вельке, ничего не говоря, села рядом и обняла ее сзади, прижимая к себе. Чара на то возражать не стала, она снова склонилась к кудесу, мягко провела пальцами по его шелковистой упругой коже и опять ударила, легко-легко, прислушиваясь и к чему-то приглядываясь, а кругом снова все затихли, дыхание затаили...

Наконец она опять подняла голову и сказала, обращаясь к Воевне:

— Ну я поняла. Ох и глупая девка эту кашу заварила. Надо же, приворот да на огневуху завязать! Такое, должно быть, никому еще в голову не приходило. Это только если жить надоело или парня порешить захотелось. Так обоим с камнем да в омут — проще было бы.

Все переглядывались и покуда ничего не понимали.

— Она? — дрожащим пальцем показал на Вельку боярин Мирята.

А та сжалась, закрыла руками лицо. Ей уже стало понятно. Она весь день, пытаясь лечить Ириней, только вредила ему все больше.

— Отойдем-ка, матушка, там и пояснишь, — сдержанно попросила старшая боярыня, подходя и беря ведунью за рукав, — что за приворот, и прочее все.

Сор из избы выметать Воевна все же не хотела. Но ведунья легко стряхнула ее руку и сухо, громко засмеялась, отвечая Миряте — видно, беречь чужой сор она не собиралась:

— Что — она? Говорю же, с дури на огневуху завязали. Она огневуха и есть, волхвовка огневая. Не она, а ее порешить хотели. Это она помереть была должна, она бы хворала, если была бы обычной девкой. Ее жизненная сила должна была приворот любовный питать. А она сильная, вот наоборот и вышло. Не от нее сила пошла, а к ней. От парня этого, и ее он питает, и приворот! А она все ему помочь пыталась, а для этого силу звала, еще больше у него забирая! У него уже почти и не осталось.

А толпа вокруг молчала, силясь понять и осмыслить происходящее, мало кому удавалось сразу. Младшая, выходит, не виновата? Чужих рук это злодейство?

Совсем непонятно.

— Да что ты такое говоришь, безумная?! — протяжно выдохнула княжна. — Нет! — она отчаянно посмотрела на Воевну. — Не так все! Я

просто хотела, чтобы он ее разлюбил, чтобы не замечал. Он мой ведь, мне сужден, сама знаешь! Сестре вредить — да что я, лиходейка какая? Просто чтобы он разлюбил, она-то его и так не любит, спроси у нее! И приворот был... такой... надежный, редкий, не могло от него быть худого!

— Любит он, да... выходит, так, — усмехнулась Чара, — потому его сила к ней и пошла, а не твоя. Наяву небось он только на тебя одну и глядел, а душой-то все равно к ней рвался. Вот и поняла ты, девка, какая цена любовным приворотам, небось больше не захочешь?

Княжна молчала, тяжело дыша и прижимая руки к груди.

— А приворот и правда редкий, — как в раздумье продолжала ведунья, — тридцать лет назад и еще три года, или того раньше, сплели этот науз^[39] на девять узлов, для девки одной, чтобы привязать к ней парня да соперницу извести. Как соперница та померла бы, силу свою всю отдав, тогда бы и завершилась ворожба, и парень тот больше на других и не глядел бы, кроме той, на которую творилось. Последний узел в наузе том незавязанным остался, его девка сама завязать должна. И добавить в тот узел... — что, кровь, волосы? Ты, понятно, про эти зарокі могла не знать, не для тебя ведь делалось. Не в бабкином ли сундуке науз отыскала? Или какая-нибудь выжившая из ума тебя одарила?

Чаяна все молчала, бездумно глядя перед собой, и даже неясно было, понимала ли. Только боль и отчаяние были на ее лице, и ничего больше. А Велька вдруг вспомнила, как нянька в последнюю ночь сунула что-то под лежащий на лавке покров, сестра потом сказала, что это оберег. Вот, значит, каков оберег тот. Но нянька — добрая женщина, любившая Чаяну без памяти, и Велька от нее лишь добро видела. Невозможно поверить, что нянька знала про условия той давней ворожбы и что творилась она на смерть. Скорее всего, тоже не знала. Хранила небось как сокровище, хотела, чтобы пригодилось кому-нибудь на счастье. А надо было сжечь тот науз! Пока до конца не завязан, сгорел бы. Теперь, наверное, и не сгорит, и не порвется, и ничего с ним не сделаешь, раз дело не закончено, Ириной жив еще!

И другая есть опасность... Тридцать с чем-то лет — вдвое больше, чем Велька на свете прожила! А науз развязать и ворожбу отменить может тот, кто ее творил, или кто-то много сильнее! И Велька отчаянно пожелала теперь, чтобы эта лесная ведунья, Чара, была сильнее всех на свете и легко сняла бы приворот и сожгла проклятый науз! А уж потом-то они вместе Ириная в считанные дни на ноги поставят, да хоть бы и сама Велька справится, если Чара научит как. Только бы успеть разделаться с приворотом, пока Ириной жив.

— Понятно, матушка, — Воевна низко поклонилась ведунье, — ради Богов Светлых, сними ты этот приворот, а мы уж не поскупимся. Чего хочешь, серебра, мехов, самоцветов? Сама выберешь себе и шубу, и сапоги, что только княгине бы носить, и еще что захочешь вдобавок. Поторопись только!

А Чара снова засмеялась, без веселья — как ворона закаркала.

— Оставь, боярыня. Или кто ты, уж не ведаю. Шубы княжеской мне не надо, да и успеется с платой. Я тебе самого плохого пока не сказала, может, и раздумаешь меня шубами дарить! Колдуньи той, что науз вязала, на свете давно нет. А я что-то сомневаюсь, что ее ворожба мне по зубам. Однако науз несите сюда, попробовать-то нужно.

Воевна кинулась, затеребила Чаяну, сама повела ее к шатру, выспрашивая про науз. Та была в таком смятении, что понимала плохо. Но все же науз наконец принесли, на тряпке, руками не касаясь — просто тонкий кожаный шнурок, узлами хитрыми завязанный. И пряди волос завязаны в последний узел.

Сначала Чара просто сидела и науз рассматривала, и Велька досадовала — ну почему же не развязывает? Время-то идет.

Наконец ведунья выдернула откуда-то из одежды косяную иглу и принялась распутывать шнурок. И скоро понятно стало, что ничего у нее не выходит. Такой на вид простой казалась эта работа, всего-то распутать шнурок, что многим, должно быть, хотелось выдернуть его из рук беловолосой женщины и поскорее сделать все самим. Но нет, никто не осмелился.

— Хочешь попробовать? — Чара кивнула Вельке. — Не бойся, можно.

Велька подошла, взяла иглу, шнурок. Долго ковыряла и дергала так и сяк, ничего не выходило. Тогда осенило ее — а огнем-то? Вызвала огонек между пальцев — сила хоть и схлынула, но было ее еще много, — попыталась зажечь науз. Он не горел, проклятый. Потом в костер его ведунья бросила и вскоре достала, показала, чтобы люди видели, — не горел. Горибор подошел с обнаженным мечом в руке, кинул науз на полешко и со всей силы мечом рубанул — отскочил меч.

Все смотрели. Молчали. Дивились и боялись.

— Так что делать будем, матушка? — взмолился наконец боярин Мирята. — Не может быть, чтоб никакого способа не было! Ты цену скажи и что делать, а уж мы не постоим! Ты скажи...

— Что тебе еще сказать? Все сказано, — усмехнулась Чара, — помрет парень, и ворожбе конец, девки будут жить, как им суждено. Нужен тебе парень в живых — пореши одну из девок, все равно которую, и тоже все

кончится.

— Как порешить?.. — еле выговорил боярин.

— Железом, — спокойно пояснила ведунья, — а не хочешь на себя кровь брать, значит, как деды делали: отведи в лес и привяжи, и пусть Велес-батюшка сам решает.

— Боги милостивые! — застонала, сжимая голову руками, старшая боярыня, а Любица крепче обняла Вельку.

— Да, вижу, непросто все, — Чара усмехнулась, — и парень непростой, и девки тоже, была бы из них одна холопкой! Ну, вам решать.

Да, все было непросто. Боярин Мирята поглядывал на дочек вериложского князя уже без прежней доброты, словно решая — которую бы? А то с чего бы ему без вины отвечать перед своим князем за его сына, безо всякой чести загубленного? А сватовство — да какое теперь сватовство, пропало все! В дурной час задумано!

Воевна тоже чувствовала себя так, словно жизнь ее кончена и оправдаться перед княгиней будет никак невозможно, поэтому если бы ее смерть что-то решала сейчас, боярыня не задумалась бы.

Воевода Горыныч заложил большие пальцы рук за свой широкий кожаный пояс и глядел решительно, так, что сразу понятно было — никто никого в лес не поведет, ну разве только самого боярина Миряту, если тому захочется. За Горынычем дружина вчетверо больше кариярской, так что справедливость справедливостью, а он служит вериложскому князю и свой долг помнит. Сердцем материнским, видно, почуяла княгиня Дарица, что не следует отпускать невест без дружины и свиты, отдавая их полностью во власть кариярцев.

Чаяна — та сидела бледная, помертвевшая, смотрела куда-то в сторону и ничего не видела и не слышала. Вот ей точно все стало безразлично. Умереть, и как именно умереть? Разницы для нее не было, она уже была словно мертва от разочарования и горя.

А вообще, брошенная ведуньей мысль призвать в судьи Велеса, оставив жертву в лесу, понравилась многим, насколько она вообще могла понравиться. Хотя Иринею явно полезней была бы быстрая смерть одной из невест, положиться на Велеса в данном случае было стократ проще. Тогда, если князь-батюшка Велеслав разгневается, пусть с Велеса и попробует спросить. Но...

— По справедливости если, ни за что княжич мой страдает, — начал Мирята, — и надо это дело решать. Может, боярышни наши сами... добровольно? — он с надеждой посмотрел на Вельку, которая хотя бы не казалась такой убитой, как ее сестра, и могла что-то решать добровольно.

Ему, конечно, молоденькую княженку было жаль, но не жальче, чем княжича, который рос на его глазах.

И тут Волкобой, который, сам черный, уже потерялся в сгустившейся тьме, рывкнул так, что Мирята пошатнулся от неожиданности.

— Даже не думай, — вслед за Волкобоем рыкнул Горыныч, это он тоже умел. — По справедливости мой князь судить будет. А я двух его дочек увез, двух ему обратно и верну. А тут уж — кому что долей напрядено!

А Велька... она поняла, конечно, на что надеется карьерный старший. А также и то, что положение их по-любому теперь хуже не придумаешь. Их вернут домой, отцу, и кто знает, приедут ли еще когда-нибудь к ним сваты? Их станут считать несчастливыми невестами, и трудно будет такое поправить. И спасти Ириней, жалко его... да неужели совсем ничего больше сделать нельзя?!

А бабка Аленья, она бы что сделала?

И вспомнился Вельке старый бабкин кудес, большой, черный. Когда рокотал под ее пальцами тот большой черный кудес, внучке она рядом быть не позволяла, отправляла куда подальше...

— Это здесь нельзя науз развязать, — сказала Велька Чаре, — а там? Там сможешь?

Ведунья быстро повернула голову, их взгляды встретились.

— А туда мне заповедано ходить, — сказала она. — Когда-то ходила, больше не могу. А ты — можешь. Пойдешь? — и кивнула на кудес.

— Я? — Велька покачала головой, потому что ей пока не верилось, что туда может уйти она. — Я не могу. Не умею.

— Не пробовала еще? Я помогу. Найду дорогу. И здесь за тобой присмотрю. Пойдешь?

Велька колебалась. Потому что бабка не позволяла ей ничего подобного. Но она, пожалуй, и правда смогла бы. Если бы умела.

Хотя бы попробовать...

Никто больше не сможет помочь. И Ириней уйдет... туда, откуда не возвращаются. И у нее, Вельки, больше не будет сестры, потому что Ириней встанет между ними навсегда. И они с бесчестьем вернутся в Вериллог.

А что предпримет их отец? А отец Ириней, карьерный князь? Смогут ли они удержаться от большой ссоры? А из больших ссор между князьями часто получаются большие войны.

Прежняя жизнь не вернется.

— Научи меня, что делать, — попросила Велька ведунью, — и дорогу

дай.

— Не могу научить, не знаю. Там каждый раз как первый. Вот это возьми, — и Чара вложила ей в руку шерстяной клубок размером с кулак, — *там* брось на землю, поможет дорогу искать. А прочее все с тобой что имеешь — не потеряешь. И кудес мой слушай, не заблудишься. Ты что, и не пробовала никогда?

— Нет, — покачала Велька головой. — Ничего, первый раз всегда бывает.

— Осторожна будь. Если там умрешь, то и здесь умрешь.

— Я знаю.

Велька оттолкнула руки Любицы, которая порывалась удержать ее и что-то говорила — для пустых прощаний и уговоров не время. И Любица поняла, отступила. Воевна глядела с истовой надеждой и мешать не собиралась. А воеводы препирались и пока не поняли толком, что происходит, да и никто в толпе еще не понял. А спрашивать ничьего благословенья Велька на этот раз и не собиралась.

Чара из горшка, в котором на краю костра грелась вода, зачерпнула немного в чашку и бросила туда горсть мелко натертой травы, немного погода слила и дала Вельке выпить горьковатый настой. По вкусу та поняла даже, что это похоже было на ее собственное, часто приготавливаемое сонное зелье.

— Это поможет встать на тропу, первый раз не всем легко. Ну, дорога тебе скатертью, — волхва сама расстелила рядом с лежащим без памяти Иринеем шерстяную кошму, и Велька села на нее.

Сначала тихо и глухо зарокотал кудес в руках Чары, потом все громче и громче, звонче и звонче, Велька слушала, и непонятные картины мелькали перед глазами: то лес, то звери какие-то, птицы, то небо синее-синее. А голова ее клонилась ниже, и вот уже она упала на кошму, и того, как кто-то подложил ей под голову сложенный плащ, а другим плащом накрыл, она уже не слышала. Слышала только кудес.

ГЛАВА 13

На неведомых дорожках

Вокруг Вельки стеной стоял высокий лес, светлый и звонкий. Это что же — *то самое? Другая сторона, место незнаемое?*

А она пришла *незнамо куда, делать незнамо что.*

Как в кощуне, что по вечерам у печки сказывают. Для людей — да, кощуна, а волхвам — дело обыденное. Вот и она пришла, чтобы делать.

Что-то.

Там, дома, в Яви-мире человеческом, стемнело уже, ночь наступила, а тут то ли белый день, то ли вовсе утро. А поглядеть если, где солнце — не видно его, и как в дымке легкой все.

Велька потрогала ближнее дерево, ощутив ладонью шершавую, чуть прохладную кору, — дерево как дерево. А деревья-то какие — голова запрокидывается, по самое небо ветвями! И стволы — в одиночку не обхватишь!

Она присела у ствола на выступающий из земли корень, огляделась. Времени-то есть, интересно, сколько? Здесь время не то что в Яви, или, по людским меркам, вовсе нет его. Тут можно якобы тридцать лет бродить и состариться, а вернуться и узнать, что в Яви три часа прошло. А можно бегом бежать — и не успеть. Так что лучше не медлить.

А звуки кругом обычные, как в летнем лесу, птицы какие-то кричат, шорохи доносятся. Но в том и дело, что тут птицы, может, и не птицы вовсе, и вон тот дятел красноголовый, по стволу скачущий, — не дятел...

Клубок, данный ведуньей, нашелся в поясной сумке, и там еще мелочи всякие: ее гребень, коробок кожаный с иголками, еще что-то. Не было ведь на Вельке этой сумки, когда пришлось в путешествие нежданное отправиться. А клубок — обычная, серая, толсто спряденная шерсть.

Неподалеку словно ветка хрустнула под чьей-то ногой, и Велька вздрогнула, вскочила, с тревогой глядя в просвет между деревьями — кто-то покажется?

Раздвигая руками ветки, на поляну выбрался высокий, широкоплечий парень, огляделся по сторонам с выражением тревоги и недоумения на лице, заметил Вельку, застыл на месте.

И она замерла. И удивилась, но как-то не слишком. Привыкла уже, наверное, что он является только так, не по-людски: если не темной ночью,

так в Навном мире!

— Человек ли ты? Имя назови!

Он несколько мгновений смотрел на нее, потом рассмеялся, хлопнув себя по бокам:

— Да ты, ласковая моя лиска, хоть когда меня другими словами встретишь? Человек я, человек! Венко мое имя!

Она перевела дух. Но все равно непонятно было, как он взялся здесь, откуда? И зачем?!

Он подошел близко, обнял ее за плечи, крепко сжал:

— Ты-то хоть настоящая, дай потрогать, убедиться! Что это, а? Что это за место такое чудное?

— А что тут чудного? — решила она уточнить и ждала, что Венко скажет.

— Как же? — он напряженно разглядывал ее, словно тоже сомневался, она это или кто другой ею прикидывается. — Была ночь, стал день, я словно заснул, хотя сна ни в одном глазу не было, здесь все не то, что было, я место это не видал никогда. И одежда эта откуда-то взялась. И... да ладно. А ты-то — ты? Ты свое имя назови и скажи, человек ли!

— Я человек, я Велья, Велья Велеславна, — выдуманное имя показалось ей сейчас вроде и ни к чему, — но мне надлежит тут быть, а ты как очутился?

— Где — тут?

— Это Навный мир, *другая сторона*. Меня сюда ведунья проводила. А ты?..

— Навный мир?! — повторил он, не веря. — Это?.. Это мир нелюдской?

— Говорю же, да, нелюдской. Навь это, ты сам не видишь? — ей и радостно было найти тут Венко, настоящего Венко, и в то же время непонятно и тревожно.

Почему они вместе, зачем он тут? И ладно бы тоже пришел добровольно, но он сам не понял, где очутился!

С Венко она почувствовала себя куда спокойнее и уверенней. И все равно — зачем он здесь? Это важно.

— Как я могу видеть, Навь это или не Навь? — пробормотал Венко. — Просто лес. Думал ли я, что Навь такая? Ну и другое еще... да, чудно, — он быстрым взглядом окинул себя. — Говорю же, одежда... не знаю, откуда такая взялась. А меч мой, но я его с собой не брал, дома он остался.

— А что было перед тем, как ты оказался тут? Помнишь? — Велька пытливо заглянула ему в лицо.

— Беспокоился. С тобой хотел быть. Да и... как тебя сюда занесло-то?

— Ириная, княжича кариярского, выручать. Он под заклятье попал, в Яви науз, в который вплетено заклятье то, развязать нельзя. А здесь, может, и сумеем. Вся сильная ворожба, что у нас, в Яви, творится, здесь свое отражение имеет, но отражение это не такое, как настоящее, ну как сказать...

— Я понимаю, понимаю, — он кивнул, — не дитя же малое. Выручать, говоришь, княжича? Так пойдем. А почему ты-то?..

— А потому что другой волхвы, чтобы сюда пойти, среди нас нет, — пояснила княженка, и Венко кивнул, сразу соглашаясь, — а может, и в тебе кровь волхвовская есть? — предположила она. — Что-то странно больно, как ты от одних мыслей обо мне тут оказался!

Велька отодвинулась немного, оглядела парня. Хоть уже немало дней как призналась она себе в том, что полюбила его, пусть и не на счастье, но она впервые теперь видела его при дневном свете. Да, вроде такой же он, как был, но и немного другой — а в чем другой, она сразу не могла бы сказать. Губы те же, ямочки на щеках, на одной — немного глубже, а в глазах серь грозовая небесная с зеленью речной перемешалась. Пояс его... такой пояс, трехполосный, кожаный, с золочеными бляхами, был немного неуместен на купце и плохо вязался с поношенной уже, крашенной дубовой корой рубахой, какие чаще носили княжеские кмети. К поясу слева был привешен меч в кожаных с серебряным узорочьем ножнах, справа — нож под пару мечу. Хотя, конечно, купец купцу рознь, иные с полным правом могут носить и такие пояса, и такое оружие. Но...

Да вот же, как она сразу не поняла: среди темно-русых волос Венко, перехваченных по лбу плетеной кожаной тесьмой, слева у виска видна была плотно заплетенная косичка, а на ней бусина, узорная, серебряная, вид и размер которой кое о чем говорили. В прошлые разы, когда они встречались, не было косички и не было бусины.

И пояс его вон какой. На верхней кожаной полосе некоторые бляшки с Перуновым знаком — за победы в ритуальных схватках на Перунов день, и другие есть — уже за что-то иное, а маленькие бляшки на нижней полосе говорят о семье и месте Венко в ней.

Опять спросить бы: кто ты, Венко? И опять услышать неправду и уклончивые отговорки. Нет уж, хватит, обойдется она как-нибудь. Да и будет у них еще время говорить и спрашивать. Хотелось верить, что будет.

— Одежда не твоя, говоришь? — уточнила княженка и, не ожидая ответа, упрямо тряхнула головой. — Ладно, Венко. Пора нам, пойдем, если ты со мной, — и она бросила на землю Чарин клубок.

Клубок покатился сразу и быстро, меж деревьями, да по коряге, да на пенек прыгнул, оттуда с буерака на буерак, да через кусты, дороги не разбирая. Велька метнулась за клубком, Венко следом. Недалеко бы они, должно быть, так убежали, но вскоре клубок сжалился и покатился медленнее. Скоро они вышли на какую-то тропку, не сильно видную, но для ходьбы пригодную.

Не ждала Велька, что дорога будет длинной, все же она, повинувшись Чариному кудесу, должна была зайти в Навь не слишком далеко от своей цели — хотя кто знает! Они шли и шли, Венко не выпускал ее руку, поддерживал, когда перебирались через быстрый ручей или поваленный ствол. Шли быстро, едва успевая, клубок катился и катился и не уменьшался, и нить следом за ним не разматывалась, путь показывая, так что остановиться и передохнуть было нельзя.

Велька благодарила судьбу за своего попутчика — хотя бы просто идти, держась за его руку, было легче, не говоря о том, что само присутствие Венко рядом придавало сил. А кругом был тот же беспросветный лес, и так же кричали птицы среди ветвей, иногда попадались и звери — раз заяц выскочил из кустов прямо под ногами и быстро стрельнул куда-то в кусты, потом Велька разглядела у дерева острую лисью мордочку.

— Зверья тут немерено, а я, как дурень, в лесу да с мечом, — вздохнул Венко, когда клубок, тоже, видно, подуставший, остановился ненадолго на пеньке и дал возможность перевести дух, — лук бы мне или лучше рогатину.

— Никак ты здесь охотиться собрался? — удивилась Велька.

— Да нет. Думаю, не напал бы кто... — он тревожно оглядывался по сторонам.

Велька только вздохнула.

И снова покатился клубок, а им пришлось поторапливаться.

Некоторое время спустя парень вдруг остановился, крепко сжав Велькину руку:

— Слышишь?

Она прислушалась. Скулеж, тихий, жалобный, раздавался где-то рядом. Посмотреть бы, что там, но разве им можно останавливаться?

А Венко уже выдернул нож, бросил — и клубок запрыгал на месте, насаженный на железное острие. В несколько прыжков Венко оказался рядом и схватил шустрый клубок, сразу снял его с ножа, бросил на землю и ловко поймал — показал Вельке, что их провожатый готов катиться дальше.

— Я погляжу, что там, — сказал он, — а ты посиди. А то от усталости свалишься, и толку тогда от тебя?

— Я лучше тоже пойду, — возразила княженка, которой не хотелось и на минуту терять из виду Венко.

Звук тот, затихший было, раздался опять, и они легко нашли, что это было: волчица угодила в глубокую яму. Волчица была маленькой и худой, потрепанной какой-то с виду, и, кажется, уже отчаялась спастись, а увидев людей, наоборот, затихла, прижавшись в углу.

— Ой, вытащим ее? — тут же разжалобилась Велька.

— Вытащим, да как? Дай подумать, — покачал головой Венко, — обмотать бы морду ей плащом, чтобы не цапнула, так плаща нет.

— Погоди, — Велька щелкнула пальцами и произнесла обездвигивающее заклятье, от которого волчица должна была замереть ненадолго.

Волчица не замерла, наоборот, зарычала. Велька повторила, опять не вышло. То ли эти умения тут были бесполезны, то ли не действовали они на волчицу.

— Ладно, изловчусь. Держи вот крепче, — Венко вложил девушке в ладонь стремившийся убежать клубок и, она и опомниться не успела, прыгнул в яму.

Глупая волчица сначала испугалась, заметалась, уговоров не слушала и в руки идти не желала, так что Венко не без труда ее поймал и выбросил из ямы. Зато, лишь оказавшись наверху, зверь показал прыть и резво удрал. Венко, зацепившись за свисающий над ямой корень, тоже выбрался, и Велька ахнула — его рукав и рубаха сбоку были обильно испачканы кровью.

— Поблагодарила тварь лесная, цапнула-таки, — усмехнулся Венко, — ладно, ей тоже было тут несладко. Сейчас перевязать бы, и заживет как на собаке. Найдется у тебя, любя моя, чем перевязать, или рубаху рвать? — он зажимал ладонью рану, и кровь уже сочилась из-под его пальцев.

— Иди сюда, вылечу, — Велька усадила его под дерево и схватилась за заветные флаконы Быстрицы.

— Стоит ли такое снадобье на безделицу переводить? — стал было возражать Венко.

— Скажешь тоже, — рассердилась княженка, — какой ты мне тут с больной рукой защитник и помощник? Эй, а ты откуда знаешь, что это за снадобье? — спохватилась она, одновременно радуясь отыскавшейся в сумке тряпице — есть чем кровь хоть вытереть.

— Сказывали мне, как боярышня одна Ветряна лечила.

— Кто сказывал?!

— Да много кто. Всех перечислить?

— Ты с нашими кариярцами, вижу, хорошо знаком.

— Знаком, кто спорит? Говорил же я, что и у князя кариярского тебя выпрошу и женюсь.

— Это я подумаю еще.

— Конечно, думай, есть ведь время!

Слово за слово, а три капельки драгоценной мертвой воды рану затянули, потом капельки живой завершили лечение — боль ушла, и рука стала двигаться как здоровая. Несколько шрамов только и осталось, тонких, еле заметных, да рубаха испорченная, рукав которой Венко закатал до локтя.

— Едешь не с нами, а следом, с купцами в обозе, а про нас все знаешь, — не удержалась Велька.

— Все не знаю, знаю про Ветряна да боярышню. И где же мне ехать, если я купец и товар везу, и товарищи-дольщики мои со мной?

— И шрам у тебя на руке, как у всех кириярских кметей, от клятвы князю след, — она показала на шрам на его предплечье, который был теперь хорошо виден, — а бусину в волосах вот так, как у тебя, у нас не простые кметы носят, а те, кто сами дружину водят. У вас не так? И еще у нас на Перуновы дни у святилища не купцы дерутся, так что вряд ли у какого купца такая бляха найдется, — она показала на его пояс. — Хватит, Венко, прошу тебя. Я не стану тебя ни о чем спрашивать и байки твои не хочу слушать.

— Добро. Мне такой уговор нравится, — он кивнул, оправил рубаху и пояс, — раз признала след от клятвы, значит, понимаешь, что не могу я рассказывать, что не позволено. Не я так решил, не сердись!

— Ты до сих пор служишь кариярскому князю?

— Я Венко-купец, — мягко повторил Венко, ища ее взгляда, — знай пока это. И прошу тебя, любя моя, не пытай меня ни о чем. Подожди до Карияра. По своей воле не стал бы я от тебя ничего скрывать.

Велька не стала отвечать, отвела взгляд:

— Пора нам, и так задержались, — и бросила на землю клубок, который, словно рассерженный на то, как неучтиво был остановлен, припустил вдвое быстрее и исчез в кустах. Венко бросился следом, княженка за ним, а там дальше овраг заросший оказался, корни древесные густо переплелись — только ноги и ломать. И клубок скоро исчез из виду.

— Ничего, любя, догоним, — утешил Венко.

Они и старались, но недалеко убежали: из-за кривой елки прямо им

навстречу вдруг выступил зверь.

Сказать бы, что это был волк, да разве бывают такими волки! Волки серые и меньше втрое...

И все же это был волк, огромный, серовато-белый, словно седой.

Здесь-то, конечно, это был волк, а на самом деле...

Седой волк подошел и положил Вельке под ноги непослушный клубок, который теперь не кидался бежать, а послушно лежал, куда положили. Растерянная, она нагнулась и взяла клубок, поклонилась волку:

— Спасибо, батюшка.

Следом за ней поклонился и Венко, убрав заодно руку с рукояти меча.

Волк тоже в ответ голову нагнул.

— Благодарю вас, что маленькой сестре помогли. И мы вам поможем, чем сумеем, — голос у волка оказался не то чтобы внятный, а глухой такой, рычащий, однако различать слова было нетрудно.

Тут как раз из-за той же елки показалась маленькая волчица, теперь, рядом с великолепным зверем, она казалась еще более худой и жалкой, едва доставала ему до живота и вроде как тащила что-то в пасти. Волчица тоже подошла, поклонилась, как перед этим волк, и положила в ногах у Вельки двух мышей, мертвых, но явно убитых только что, и тут же скрылась за деревьями.

Велька невольно отступила, подобрав подол. Как любая волхва или знахарка, брезгливой она не была, но и мертвых мышей не жаловала. Есть рецепты снадобий, в которые входят мыши, крысиные хвосты, птичьи коготки и лягушиные пальчики, но старая Аленья у себя такого не держала, не считая особо нужным и полезным.

Седой волк посмотрел на нее как будто с усмешкой — если вообще можно вообразить себе усмешку на морде волка.

— Возьми это, пригодится. И еще два совета дам. Первый — не всюду, придя в гости, хозяев дожидайся, второй — не сиди долго над пустой работой.

— Спасибо, батюшка, — Велька поклонилась.

Она уже поняла, что говорит с кем-то очень могучим и сильным, чьи советы могут помочь, если, конечно, догадаться, как их применить. Ведь она идет распутывать науз, который здесь, в Нави, может оказаться не кожаным шнурком, а чем-то совсем другим, и кто знает, что и как придется распутывать! Казалось бы, лучше этому волку, если уж он желает отблагодарить, прямо и объяснить ей, с чем придется столкнуться и что именно надо делать. Но нет, Вельке уже давно, хоть и только с бабкиных поучений, известно было, что это не так. Здесь, в Нави, мало постоянного и

простого, обычное принимает многие обличья, и если она станет лишь старательно исполнять то, чему научили, то не сможет в нужный момент призвать свои собственные силу и опыт.

Тем временем опять прибежала волчица и положила рядом с двумя первыми еще трех мышей.

— Пути вашему скоро конец, — сказал седой волк, — прощайте, может, и свидимся еще, — он прыгнул в сторону и скрылся из виду, а сестры его, волчицы, уже давно след простыл.

— Что это было, любя моя? — спросил Венко. — Это ведь не волк?

— Нет, конечно. Да и она не волчица. В нашем мире они, должно быть, люди. Помогли мы кому-то. А может...

Про то, что седой волк может быть хоть самим Велесом или одним из его детей, Велька вслух договаривать не стала. Может быть, а может и не быть, не их это дело.

— Не знаю, как тебя, любя, а меня до сих пордохлыми мышами еще не благодарили, — хмыкнул Венко.

Мышей княженка завернула в кусок тряпицы и спрятала в сумку. Пути конец — это хорошо, а то долго что-то уже они по этому лесу то ходят, то бегают. Отдохнуть бы, да вдруг у Иринея времени уже не осталось! И она снова бросила на землю клубок.

На этот раз тот своевольничать не стал, покатился не спеша и не по буеракам, и очень скоро оказались они на небольшой полянке. Посреди полянки стояла клеть, срубленная на высоком разлапистом пне, таких и в Яви много по весям стоит, кладовки в них устраивают или еще что, а иногда и живут по летнему времени. Но эта клеть что-то старая больно была, покосившаяся, почерневшая совсем от времени, и без двери как будто.

Клубочек подкатился к самому подножию пня и замер.

— Хозяев нам советуют не ждать, — сказала Велька, и голос ее против воли дрогнул.

И не поймешь, отчего вдруг жуть взяла, страшного не было на этой полянке.

Тихо вот стало, даже птицы умолкли как будто...

— Неужто тут кто-то живет? — отозвался Венко. — В Лесовани племена есть, они такие клетки без дверей в лесу покойникам своим строят, чурам. Я в лесу встречал, не подходил только.

Они переглянулись. Как войти, если двери нет? Окон и тех что-то не видать.

— Погляжу ближе, — решил Венко и шагнул было, но княженка его

схватила за руку, задержала.

— Не надо, Венко, не ходи один. Погоди.

И он остановился, но нахмурился недовольно:

— Нам ждать вроде некогда?

— Погоди, — попросила она.

Как верней поступить, Велька не знала, но не сомневалась, что просто пытаться проникнуть в это невесть чье жилище было бы неправильно и даже опасно. Медленно она пошла к клету на пне, действуя скорее по наитию, припоминая давно слышанные кощуньи. Венко, конечно, тут же неслышно двинулся следом. На середине пути княженка остановилась, низко поклонилась, сказала:

— Избушка-избушка, стань по-старому, как мать поставила, повернись к лесу задом, ко мне — передом!

Что там за мать, которая поставила клеть так, а не этак, Велька знать не знала. И клеть без печи никак не избушка, а как можно печь устроить, если клеть на пне стоит? Никак. Обращением таким Велька развалюшку уважила, обращаться ведь и полагается уважительно. И той, видно, понравилось, послушалась она, закрипела, зашаталась, сор с углов посыпался, от нижнего венца кус отвалился...

Медленно, с натугой повернулась клеть, и увидели они дверь, покосившуюся, на одной петле висящую. К двери лесенка вела, которая, о чудо чудное, не развалилась вовсе, пока постройка поворачивалась, но половины ступеней на ней не было.

Вот теперь можно было и зайти.

— Ты за мной ступай, — сказала Велька парню, пока он не кинулся опять вперед, — Венко, милый, так лучше, там же не тать с топором нас ждет. Ты по сторонам только гляди, по углам.

— Ладно, — согласился тот нехотя, — а ты, если что, сразу за меня прыгай.

Велька по лесенке легко прошла, а под Венко одна из хлипких ступеней чуть не подломилась, но обошлось. Внутри клеть казалась местом жилым, но давным-давно заброшенным. Посредине стоял стол, вдоль одной стены — лавка, на ней прятка разломанная, светец кованый под лавкой, в углу — ларь. Тесно, мрачно...

Велька, однако, порадовалась, не обнаружив где-нибудь старуху с костяной ногой, то ли живую, то ли мертвую, про которую в кощунях поминают, по имени звать остерегаясь. Она огляделась внимательнее — где искать-то науз, если он и впрямь тут? И чуть не вскрикнула: сверху, из-под самого потолка, из темного угла, на нее смотрели два зеленоватых,

светящихся глаза. И Венко это заметил, крикнул:

— Эй, ты кто, отзовись? — и меч потянул из ножен.

Хозяин глаз неласково зашипел и спрыгнул вниз, на пол, и оказался большим черным котом, Велька невольно попятилась: те коты, что в Верилоге водились, были, по крайней мере, втрое мельче.

— Кто вас звал, неве-е-е-жи? — потянул кот гнусаво, выгнув спину.

— Мы, котик, по делу пришли! — быстро сообразила Велька, на вопрос решив пока не отвечать. — И тебе у нас подарочек есть, вот, возьми! — она выхватила из сумки платок с мышами, высыпала их перед котярой.

Рядом с таким зверюгой мыши казались удручающе крошечными.

— Сюда бы зайца! — забывшись, пробормотал Венко.

— Мно-ого ты понимаеш-ш-шь! — прошипел кот. — Я мыш-ш-шей больш-ш-ше люблю! — и с урчанием принялся поедать мышь.

— Кушай на здоровье! — пожелала ему Велька. — А нам помощи, пожалуйста! Мы сюда по делу пришли. Нам науз найти нужно.

Кот мышку не спеша доел, а остальные сгреб вместе и прикрыл лапой и уставился своими круглыми глазами на Вельку.

— Како-о-ой такой науз?

— Э... приворот любовный, тридцать лет назад сделанный!

— По-о-онял, по-о-онял... — кот поскреб когтями пол, — вон, в ла-а-аре поищи, они все там. А найдеш-ш-шь — распу-у-утай, пока не стемне-е-ело.

— А что, тут... темнеет? Ночь скоро, да? — огорчилась Велька.

— Мяу-у-у! — снисходительно провыл кот. — Поумнее тебя были веду-у-уньи, что р-р-раньше на-а-аузы р-р-распутывать пр-р-р-риходили!

— Ну, уж какая я есть, — кивнула Велька, — ты кушай, котик, кушай, — и подошла к ларю, Венко за ней.

На ларе, оказывается, висел тяжелый замок.

— Котик, в где же ключ? — оглянулась Велька.

— Р-р-раз вам надо, вы и ищ-щ-щите, — не сразу отозвался кот, прервав урчанье и чавканье.

— Отойди-ка, дай мне, — Венко отодвинул княженку, взялся за ларь, пошатал его, оторвав от пола, — тут все равно темно, ничего не разглядеть, я его наружу вытащу. Хоть как, а разломаем, не бойся.

Он вынес ларь из клетки, чуть снова не оступившись на хлипкой лестнице, поставил на землю. А вот дальше...

Замок на ларе оказался хорошим и прочным, и ржавчина его не тронула ничуть — заговоренный, не иначе, а может, тут замки не ржавеют?

Венко сначала безуспешно пошуровал в нем ножом, потом принялся тем же ножом ковырять петли, которые тоже не поддавались.

— Топор-р-р возьми, нож-ж-ж сломаешь-ш-шь, хорош-ш-ший ведь! — это кот появился в дверях, управившись, видимо, с мышами.

— А где топор? — встрепенулся Венко.

Кот опять выгнулся, потом не спеша потянулся, ответил, одним глазом кося на Венко:

— Под ла-а-авкой, где же еще!

С топором дело пошло веселее, Венко быстро отломил скобы и откинул крышку ларя.

Внутри лежали... Велька нагнулась ниже, чтобы разобраться, что же это такое. Вроде что-то в мотках, путаное-перепутаное, испорченное уже, истлевшее словно, только и годится, что выбросить. И вдруг змея выскользнула из-под этого добра и кинулась на княженку, та еле отскочить успела. Венко, выхватив меч, перерубил змею пополам. А из каждой половинки тут же целая змея получилась, и кинулись одна на Вельку, другая на Венко. Тот изловчился и их тоже перерубил.

И снова каждая половина стала целой змеей...

Скоро уже целый клубок змей вился вокруг Венко.

— Беги отсюда, спрячься! — крикнул он Вельке.

— Убега-а-айте, спаса-а-айтесь! — вторил ему кот.

И вдруг Велька услышала голос, знакомый и родной такой, которого наяву ей уже не услышать, во сне только: «Девка глупая, смотришь, куда не надо, а нужного и не видишь!»

Это бабка ей выговаривала, когда они по сильным дням травы в лесу собирали, и из множества схожих на вид стебельков не все в дело годились. Надо было не просто смотреть, а иначе...

И тут же потяжелел затылок — сила пришла, и мир вокруг словно бы углубился, и девушка увидела: из-под тучи змей, посреди которой крутился Венко, одна скользнула в сторону... маленькая совсем змейка. Велька схватила, что под руку пришлось, а именно доску, которую Венко вместе с железной петлей отломил от крышки ларя, и с криком ударила ею змейку.

И тут же все остальные змеи пропали, только маленькая осталась лежать на земле убитая.

Венко изумленно оглядывался, пока еще не понимая, что произошло.

— Мя-я-я-яу, — заорал кот, — догада-а-алась, веду-унья! Не совсем глу-у-упая!

Он спрыгнул на землю, медленно, покачиваясь, подошел, тронул лапой мертвую змейку:

— Оживе-е-ет не оживе-е-ет? Раньше ожива-а-ала. Да ведь караулить станет не-е-ечего, если ты спра-а-авишься! Не-ету больше тут закла-ятий!

— Все, кто раньше нас приходил, змейку эту убивали, да, котик? — осторожно поинтересовалась Велька.

— А ка-а-ак же иначе? Кто мо-ог — убива-а-али! — на кошачьей морде, княженка могла поручиться, появилась самая настоящая ухмылка. — Была нужна-а-а — ожива-ала, а как теперь — мне не-е-е-едомо!

Велька все той же палкой поворошила содержимое ларя — трогать руками это гнилое и сопревшее не хотелось. И что же тут следовало найти?

— Помоги мне, добрый котик, научи! — попросила Велька. — Как мне тут науз мой отыскать? Где он, какой вид имеет? — она руку протянула и погладила котяру по шее, тот опять выгнулся, довольно потерся об ее ноги, насмешливо кося глазами на Венко: тот зубы стиснул и тревожно следил взглядом за Велькой и нахальным зверем.

— Научу, если тут оста-а-анешься! — сказал кот. — Моя-я-я будешь, станешь тут хозя-я-яйкой! Скучно мне без хозя-я-яйки!

Ладонь Венко тут же стиснула рукоять меча, аж костяшки побелели.

Он сказал:

— А станет тут кто-то кочевряться, я его изловлю да на рукавицы пущу, теплые будут да мягкие!

Кот не испугался, мявкнул насмешливо, продолжая тереться об Велькина колени:

— Пош-ш-шутил я! Уж и пош-шутить нельзя! Скажи ему, княж-ж-женка, пусть меч не тр-р-рогает, а то мне стр-р-рашно!

— Да шутит он тоже, котик, шутит! — принялась уверять Велька, глядя кота и выразительно поглядев на парня, тот сразу руку с меча убрал. — Ты нам помоги, пожалуйста! Мало у нас времени, чтобы науз распутать, а очень надо, помоги быстрее!

— Так ищи быстр-р-рее, ищи! То все наузы, да заклятья в них уже сбы-ы-ывшиеся, потому они и пор-р-рченные! А тебе нужен тот, который нынче сбыва-а-ается!

— То есть неиспорченный, целый! — поняла Велька. — Ну спасибо, котик, надумил! — в душе она злилась на кота, который тратил время на пустые разговоры, однако старалась этого не показывать.

Значит науз-заклятье, науз-приворот, который в Яви казался завязанным узлами шнурком, здесь был большим мотком шерстяной пряжи, которую словно нерадивая пряха смотала как попало и бросила или кошке дала поиграть... или коту.

Велька мягко оттолкнула довольно урчавшего котяру — хватит, дескать, не мешай — и занялась поисками.

Теперь, внимательно перевернувшись содержимое, она быстро нашла среди испорченной шерсти единственный хороший моток — этот, если распутать, еще можно пустить в дело.

Неисполненное пока заветное. Значит, как исполнится, тоже истлеет шерсть? Как умрет Ириной то есть...

Все уже, не исполнится ничего! И Ириной будет жить! Иначе зачем она тут? Главное сделано, всего-то и осталось, что простая работа, с которой любая девка шути управится.

Но... мамочки! Это сколько же надо провозиться, распутывая этот колтун из ниток! Кот сказал — до темноты...

Велька глянула на небо, в котором не было привычной голубизны, только белесая дымка. Значит, свет есть, солнышка нет, и неба с облаками нет, а скоро тьма наступит. Именно что скоро, потому что бродили по этому лесу они с Венко долго, в их мире уже бы, должно быть, день прошел и закатилось бы.

Не тратя больше время на пустые раздумья, Велька достала коробок с иглами, выбрала самую толстую иглу и с ее помощью принялась за дело. Венко рядом сел, напряженно наблюдая, кот тоже устроился поблизости и не сводил своих круглых глаз с Велькиных рук.

— Если не успе-е-ешь, оста-а-анешься тут, — сообщил кот Вельке некоторое время спустя, — пусть на поляне этой мыш-е-е-ей нет, зато хозяй-я-яйка у меня будет!

— Умолкни уже, рукавицы! — с досадой рявкнул Венко и швырнул в кота куском деревяшки, тот ловко отскочил и снова уселся как ни в чем не бывало.

— Она-а-а останется, а ты иди себе про-о-очь, мы друг другу не нра-авимся! Ищи себе другую хозяй-я-яйку!

Венко глянул на животину так, словно ему не терпелось приступить к выделке рукавиц немедленно.

— Дай мне попробовать, — он протянул руки к Велькиной работе, — может, я быстрее смогу. Я сети умею вязать!

Девушка отдала ему пряжу, но скоро забрала обратно, и Венко не возражал — у него эти проклятые нитки не распутывались совсем...

У Вельки работа продвигалась, но как же медленно! Пока получился лишь маленький клубочек распутанной пряжи. Тут хоть бы до утра успеть, не то что до темноты!

— Такое бы да сжечь, а за это время вдвое больше напаять! — сказала

Велька в сердцах, и...

Сердце ее сильно стукнуло в груди.

«Не всюду, придя в гости, хозяев дожидайся».

Они и не стали дожидаться. Нет тут, похоже, хозяев, ее вон в хозяйки сватают.

«Не сиди долго над пустой работой».

А она что делает? Не пустая ли это работа, которую к тому же и закончить некогда? Не нужна ведь никому эта шерсть! Может, чтобы освободить Иринея, достаточно ее просто сжечь?

Велька быстро встала, отряхнула ладони, потерла их, собирая силу, и бросила клубок огня в шерстяной колтун.

— Что ты делаешь? — так и подскочил Венко.

— Покончила с пустой работой! — объяснила Велька и, поскольку шерсть загоралась неохотно, добавила еще огонька.

Скоро от заклятья действительно осталась лишь горстка пепла.

— Спра-а-авилась, — грустно подтвердил кот, — догада-а-алась, жа-а-алко! Ну ладно, будешь мимо проходить, так загля-я-ядывай! — Он повернулся к гостям хвостом, давая понять, что в дальнейших разговорах смысла не видит, и не спеша скрылся внутри клетки на пне.

— Приберем-ка тут сор, все равно ничего толкового не осталось! — Велька, собрав в ладонях еще несколько огненных клубков, сожгла и ларь с негодной пряжей — исполненные заклятья горели ярко.

— Значит, выживет теперь Иринея? — уточнил Венко.

— Выживет, — уверенно сказала княженка.

Всякие сомнения ушли, теперь она точно знала, что дело сделано. Получилось. Потому что появилось то самое, давно знакомое уже ощущение света и тепла в душе, которое сопровождало всякую удавшуюся ведовскую работу. Да и кот подтвердил!

— Умница ты моя! — Венко притянул ее к себе, крепко поцеловал. А когда нехотя оторвался от Велькиных губ, вдруг добавил: — Вот недаром мне коты всегда не нравились!

— Пора нам обратно, — Велька засмеялась, так легко ей стало и хорошо.

— Пора, — согласился Венко, — а куда идти, знаешь?

— Не знаю, — она огляделась по сторонам в поисках путеводного клубочка, что привел их сюда, но тщетно, тот исчез, — но отсюда уходить надо...

Что уходить надо, она не сомневалась. Эта полянка, на которой не водятся мыши и кто знает, кто еще не водится, и птиц не слышать, эта клеть,

что весь свой век глядела дверями в потустороннее и только теперь любезно повернулась, впустила, дала взять, что надобно. И хозяйку нужно было не ждать...

Это она, клеть лесная, ждет свою хозяйку.

Другие ведуньи тоже сюда приходили, неужели все с работой справились, никому не пришлось остаться?..

Нет, уйти, уйти отсюда, и поскорее, пора уже.

— Пошли, любя, — Венко обнял ее одной рукой и, крепко прижимая к себе, повел по слабо видной меж деревьями тропинке.

То ли по ней шли они сюда, то ли не по ней — это Велька, которая выросла в веси посреди леса и дорожки помнить и находить умела, не могла бы сказать точно.

— Кудес надо слушать, — вспомнила она последний наказ Чары, — вот услышим и тогда дорогу найдем.

Не было слышно в лесу кудеса. Зато и от тишины той, что на полянке, они скоро ушли, снова звуки лесные кругом появились, лиса прошмыгнула, и белка рыжая спустилась по стволу и с любопытством их, незнакомцев, разглядывала.

Непуганая белка. А может, и не белка.

Между тем действительно темнело в лесу.

И чему удивляться, положено так, чтобы день сменялся ночью, но Велька, сюда попав, оказалась из темной явной ночи в светлом навном дне, оттого ей и казалось, что день гут длится вечно...

— Пора нам на ночлег устраиваться, — сказал Венко, — а утро вечера мудренее, верно ведь? Утром и решим, как выбираться будем.

Они нашли хорошее местечко среди деревьев, набрали хвороста для костра, его много было в лесу. Венко еще притащил елового лапника и устроил лежанку. Костер, сложенный Венко, разожгла княженка.

— Плащ бы сюда мой, и больше желать нечего, — вздохнул Венко и тут же лукаво улыбнулся, — но не бойся, любя, и так замерзнуть не дам, у меня кровь горячая.

— Я боюсь замерзнуть? — усмехнулась княженка. — Ты забыл, я волхва огневая. Сам мерзнуть не хочешь, потому об плаще и скучаешь.

— Что мне, я давно забыл, сколько уже раз у костра на земле ночевал. Случалось и без костра. Все равно плащ хорошо бы.

Так они разговаривали, перешучивались, хлопотали у костра — это был первый огонь, зажженный для них двоих. Первый, а точно и не последний ли заодно?

— Дивное дело, — заметил Венко, подкармливая огонь сухими

ветками, — день по лесу ходим, без еды и воды, а ни жажда, ни голод не мучают.

— Потому что тут не Явь, тут могут быть голод и жажда, а могут и не быть, — Велька задумчиво смотрела на игру пламени.

Огненные языки тянули ее к себе, манили. Так и хотелось сунуть руки в пламя, чтобы пощекотало, как она когда-то баловалась маленькой. Бабка тогда заметила, бранилась очень.

— Думаю вот, как же помирятся Ириной с Чаяной? — сказала она. — Надо ведь им помириться!

Венко взглянул на нее изумленно:

— Помириться им? Да зачем?!

— Как же зачем. Любит она его. Так лучше будет.

— Про нее не знаю, а он любит ли, чтобы с ней мириться?

— Значит, полюбит. Он ей сужден. Я знаю, я руны рассыпала, они не врут. Ты не понимаешь...

— Как же мне понять! — Венко рассмеялся. — Будь на его месте я, не простил бы, если бы меня принудили любить! Понятно, что всякое бывает, и на любимой жениться — это подарок редкий. Но договориться можно, согласиться можно, да и заставят если — все ничего, если бы, к примеру, батюшке вздумалось и причина важная была. Но ломать меня тайком, приворотом, чужой волей заставить любить — нет, так нельзя, такое я бы не простил. Вот ты бы стала, к примеру, меня привораживать, скажи? Или не меня?..

Велька подумала, прежде чем говорить.

— Венко, милый... Меня с детства волхвовать учили, заклинать, с силой управляться. Она у меня хоть и слабенькая, а рано проснулась, я еще маленькой была. Вот и слышала, едва ходить стала, что можно заклинать, а что нельзя. А сестру ведь не учили этому — ни к чему ей. Она княжной жила в тереме. Она просто не понимает.

Улыбка задрожала на его губах.

— Все, что я услышал, не стоит самых первых твоих слов. Как ты меня назвала, повтори!

Велька смутилась и повторять не стала. Он вздохнул.

— Ладно, ладно. Понял я. Только нужна разве великая мудрость для того, чтобы хорошее от злого отличить? Вот не верю я, будто она не знала, какое зло бывает от приворота. Да только ей пообещали, что на этот раз не будет зла, а она и поверила сразу, потому что хотела очень верить. Собственные прихоти ей всего ближе. Скажешь, нет?

— Не злись на нее, Венко!

— Да не злюсь я! Красивая она, кто спорит, только глупая, как кукла, соломой набитая! За что княжичу Иринею такая радость?

— Венко! Она сестра моя! И вовсе она не глупая, — начала сердиться княженка, — а о княжиче Иринее ты как о брате родном радеешь, с чего бы?

— Почему не порадеть за хорошего человека? Выбрал бы он доброй волей твою сестрицу, и пусть бы его, справлялся бы, как знает! А так... — Венко махнул рукой.

— Да и я ему плохого не желаю, — горячилась княженка, — любит его Чаяна, он с ней счастлив будет, вот увидишь. И кто не ошибается? Всякий может.

— То-то ты из-за нее по Нави бродишь.

— Хватит, Венко! Я брожу и тебя не звала! — это уж вовсе неправильно было, несправедливо, да вырвалось.

— Тихо, любя моя, — Венко примирительно развернул к ней ладони, — не хватало нам тут из-за них с Иринеем ссориться. Пусть их, сами разберутся, не малые дети! И меня тебе не надобно звать, если что. А руны твои... Ты считаешь, что ошибки нет. Но погоди. Все еще так повернуться может, как ты не ждешь! Ты ведь всего не знаешь.

— О чем ты, Венко? Что ты знаешь?

— Что я могу знать? Скоро вместе поглядим, как оно получится.

— Вместе?

— А то! Я же близко, забыла?

Княженка села у огня, а парень без стеснения устроился рядом, притянул ее к себе, поцеловал в висок. Он сразу нашел бы губами ее губы, да она отвернулась, и он смирился пока, но отстраниться не позволил, так и обнимал, прижимая к себе. Попросил:

— Все равно не отпущу, любя моя. Не убегай.

А ей и не хотелось убегать. С ним хотелось быть, прижиматься крепко, дыхание его слушать. Там, дома, в Яви, она не стала бы обниматься с ним у костра ночью... но там они вряд ли бы оказались вдвоем у костра.

Кто знает, что будет по возвращении. Так почему теперь не позволить себе такую малость? А тому из княжичей, который скоро станет ее мужем, вряд ли есть сейчас до нее дело...

Они, княжичи, об Иринее сейчас тревожатся, наверное. Да и ей узнать бы, полегчало ли уже ему?

Впрочем, может, тревожатся они и о ней, вернется ли она из Нави живая и здоровая. Но вряд ли кому-то из них охота сейчас ее обнимать, с ней целоваться.

— Скажи мне, что я тебе нравлюсь. Что и я тебе люб хоть немного. Можешь сказать? — шептал ей на ухо Венко.

— Нравишься, Венко. Люб ты мне, как никто больше. Просватали бы меня за тебя — счастливей меня на свете бы не было.

— Люба моя, сладкая моя. Да я, как тебя увидал, так и понял, что другая мне вовек не нужна. Одна ты на свете, поняла? Одна, и моя!

А Велька улыбалась, потому что радостно ей было это слышать. И слушала бы она такие речи хоть до утра! А потом и до вечера...

— Эх, любя моя! Были бы мы не здесь, да уговорить бы тебя не дожидаться Карияра! Я же не выдержу, умру дорогой! — говорил он и при этом тихонько смеялся, и Велька улыбалась тоже, хотя было не смешно, было просто очень хорошо.

Не верилось ей, что им позволят пожениться в Карияре. Только когда еще будет он, тот Карияр?..

Она шепнула ему:

— Давай спать, Венко! Устала я, просто сил нет.

— Ну давай, — согласился он, — ты спи, разве я мешаю? — и его губы легко-легко, почти невесомо касались ее щек, уголка рта.

— Эх, побыть бы здесь подольше, любя моя. Хорошее место! Так бы здешней дорогой и дойти до Карияра, можно, интересно? А твои мамки-няньки в Яви пусть едут, с сестрицей твоей милой возятся.

— Нельзя, Венко. Чем дольше мы тут, тем труднее выйти.

— А жалко. Там я не всякий день тебя обнимать могу, а хочется!

Оба они очень устали за этот непростой день, но близость томила их и не давала уснуть, хоть Велька настойчиво и не очень успешно притворялась спящей. И тут донесся до нее рокот, слабый, еле слышный...

Это заговорил зовущий их кудес. И руки Венко сильнее сомкнулись вокруг нее, боясь отпустить — он тоже услышал. Голос кудеса становился все громче и громче, все настойчивей...

ГЛАВА 14

Потери и находки

Велька потянулась сладко, открыла глаза, огляделась. Она была одна, лежала в постели в шатре. Неподалеку на подушке осталось рукоделие боярыни Любицы, которая, должно быть, тут сидела и вышивала и караулила заодно княженку, а потом вышла ненадолго.

Как же было хорошо! И сон такой чудной. Точнее, сначала чудной, зато потом — подольше бы не просыпаться! Клеть в лесу, говорящий кот, волки, Венко...

Очень скоро в голове у Вельки прояснилось, и она вспомнила, что этот сон был вроде и не совсем сон, а точнее, вообще не сон. Это поход в Навь был, за спасением для княжича Иринея. Самый первый ее поход в Навь.

Нет, все равно чудно. Там, в Нави, все было таким настоящим, и лес навный, и она, и Венко, и волки, и кот, и кровь из раны Венко лилась самая настоящая, живая и теплая. Зато теперь, после пробуждения, та реальность отодвинулась, заслонила реальностью явной, настоящей, и если бы кто-то взялся убеждать Вельку, что то, в Нави случившееся, был просто сон, она бы могла и поверить...

Вот Венко — откуда ему было там взяться? Однако взялся же. А кот, в клетки лесной живущий, на поляне, где почему-то мышей нет? А можно ли ему уходить с поляны той, бедному? Скучает один без хозяйки, Вельку вот звал к себе жить и хозяйничать. Об этом только и сказать: и приснится же такое!

Полог шатра качнулся, впуская Чаяну. Она бросилась к Вельке, обняла:

— Сестричка милая! Проснулась наконец! Третий день ведь пошел, как спишь. Знахарка велела не будить, вот мы и стоим на месте, ждем. Все ли ладно с тобой?

— Третий?.. — Велька удивилась. — Все, все ладно, что со мной сделается! А Иринея как?

Это было важней всего. Не зря ли она ходила на ту сторону, удалось ли дело?

— Лучше ему! — сестра улыбнулась. — Он тоже спит. Знахарка обещала, что поправится. Может, и он теперь проснется, раз ты проснулась?

Сама сестра исхудала, под глазами легли густые тени — и ей непросто дались эти дни. Вельке, может, не в пример легче пришлось, тем более что с Венко вдвоем.

— Я ведь не хворала, как он, — напомнила Велька, — ему, наверное, дольше придется силы собирать. Но это не страшно.

Венко. Вспомнился он так, словно только что за руку держал — такой, каким был в Нави, в коричневой рубаше, с бусиной в волосах, с поясом не то воеводским, не то княжеским. И как горячо уверял ее, что добровольно не стал бы ничего скрывать, и просил подождать до Карияра.

Все правильно. Взять их с Чаяной братьев, Велеславичей, — разве они могли бы не сдержать обет, любой, даже данный не в святилище? Нельзя, за это боги накажут. Служит Венко кариярскому князю и его волю исполняет. Только почему он не в их обозе едет? И как же именно князю служит? А что не купец — конечно, нет, в этой байке Велька уже точно разуверилась.

А впрочем...

Венко ведь проговорился, что одежда на нем в Нави оказалась не та, что наяву была, то есть не было у него наяву ни бусины, ни пояса такого, и даже меч — хоть его, да дома оставлен. Показала Навь совсем другого Венко — а какого? Истинного, настоящего, или того, что был когда-то, или того, каким он станет? Как правильно толковать в Нави увиденное, и есть ли оно, единственное правильное толкование?

Посоветоваться бы с опытной волхвой, чтобы разъяснила, помогла, а то ведь голова кругом, и только...

— О чем, сестричка, задумалась? — Чаяна тревожно заглядывала ей в лицо.

— Вспомнилось, — Велька улыбнулась, — у меня там помощник был, вот без него бы было плохо.

— Помощник, — вскинулась Чаяна, — уж не сам ли Ириней там был?

— Нет, что ты!

— Велюшка, сестричка, — Чаяна вдруг, всхлипнув, стиснула ее руки, — ты ведь простишь меня? Ты ведь не считаешь, что я со зла тебя извести хотела? Да с чего бы мне?.. Не хотела, видят Боги Светлые, и в голову бы не пришло! Знала бы, что зло такое в том наузе, тотчас бы выбросила! Сказали... только приворожить да отсушить можно. Я только... я думала, просто отсушить... прости. Тяжко мне было видеть, как он с тебя глаз не сводит. Там ведь и без отсушки можно было завязывать, да я... будто разум потеряла! Думала, лишь он тебя позабудет, так сразу меня и полюбит, куда ему деваться? Но чтобы тебя губить... или его... нет! А

вышло вот... как же теперь? — Она плакала, слезы катились по щекам, похожие на так любимые ею хрустальные бусинки.

— Ну же, не плачь, сестрица, не надо, — Велька обняла сестру, погладила по волосам, — не плачь, кончилась беда, все хорошо будет. Я знаю, что ты не со зла. Правду сказать? Обидно мне только, что ты про приворот скрыла, мне не поверила. Силу ведь любой приворот тянет, без этого никак! С кого-то живого, или... — Велька испуганно замолчала, сообразив, что чуть не помянула всуе самую бездну, тьму черную...

Оттуда, если умеючи, тоже можно силу тянуть, только не всякому такое дано, и платить за эту силу так приходится... лучше и не думать лишний раз.

— С живого, — повторила она, — а с кого живого ни возьми, за это всегда своя плата положена.

— Поняла я, — закивала княжна, — больше никогда-никогда! И видеть не захочу, и даже думать не стану! Вот приедем в Карияр, пойду сразу в Ладино святилище, молиться буду хоть сколько, пока знака не будет, что прощена я. Жертву принесу большую, да хоть на все мое приданое! Я ведь и перед тобой в долгу, сестричка! Все, что захочешь, скажи только — и будет твое. Мне для тебя ничего не жалко!

— Не надо, что ты! — Велька даже рассмеялась. — Мне, Чаянушка, для тебя тоже ничего не жалко. Светлой Ладе молись, она ведь наверняка тебе счастье припасла, как иначе? Надеюсь, и про меня не забыла...

— Я и за тебя молиться буду, — вытирая глаза, пообещала Чаяна, — сестричка, а как же с Иринеем теперь? Он же мой жених, обручье у меня взял. И что же, любить больше не станет? Может, осталось что от его любви, хоть малая толика?..

— Вот об том мне неизвестно, — пробормотала растеряннo Велька, — то Лада только знает, и еще Доля, что судьбу пряла. Может, что и осталось...

Велька уверена была, что не ошибались до сих пор Аленьины резы, это и помешало ей сразу сказать как есть: чувства, наведенные ворожкой, исчезают сразу, как развеется ворожба. А ворожбы той нет больше, Велька сама в Нави ее сожгла и видела, как кучка пепла по ветру разлетелась. Но резы ведь сказали, что судьба Чаяны с Иринеем, он ее суженый. Или изменилась отчего-то судьба, и нужно снова рассыпать резы? Неужели этим приворотом испортила Чаяна пряжу, Долей напряденную?

Вот если бы была любовь и до приворота...

А может, просто решит Иринеи, что вовсе неплохо ему жениться на княжне Велеславне, а потом и любовь придет, отчего же нет? И вообще,

князьям любовь не так сильно и нужна, как поддержка от сильной родни, союзы военные и торговые, свободный путь к Южному морю, куда везут кариярские и лесованские меха и самоцветы, а обратно по той же дороге... да чего только не везут! А Чаяна как невеста всяко дороже Вельки, за ней ведь еще материнская родня стоит. Мимо городов ее деда, князя Стояна, что всем низовьем Верилы владеет, редко какой купец проедет! И на Южном море у него города есть, два из них княгине Дарице в приданое когда-то были отписаны.

— Растрепанная ты какая, давай я сама тебе косу перечешу, хочешь? — предложила Чаяна.

Велька и удивиться не успела, потому что сестра и себе-то косу никогда плести не бралась, не то что кому-то...

Опять качнулся полог, и зашла Любица.

— Вот и боярышня Огнява наша пробудилась, а то ишь, как горазда спать! — весело пропела боярыня. — А тебя, боярышня Белица, старшая наша спрашивала, про княжича говорила...

— Да-да, я иду, — Чаяна вскочила, выбежала из шатра.

А ведь всегда было по-иному: не княжна за боярынями бегала, а сами они приходили, если нужно было чего.

— Поговорили, и ладно, — кивнула Любица, — а уж косу тебе прибирать я без своего надзору не позволю. И ты не позволяй, поняла? Только чтобы я рядом была. Сейчас девок кликну, и переоденешься, и косу переплетем.

— Погоди, Любушка, — Велька поймала ее за подол, — ты слышала нас?

— Уж прости, — усмехнулась боярыня, — говорила же, что ни на шаг теперь от тебя не отойду. Пока, по крайней мере, с женихом тебя не окрутим. Нам оно так спокойнее. А ты против?..

Любица уселась рядом с Велькой, вздохнула.

— Ох, боярышня моя. Счастье-то какое, что вроде обошлось. А воеводы наши с княжичами препирались, решали, что делать. Было, что Мирята Веденич хотел обратно поворачивать, домой вас везти, в Верилог. Дескать, не поздно еще, а сватовство несчастливое. И наш воевода тоже сказал, что ворочаемся, пусть князь наш сам решает. Орали тут, как на торгу. Один из княжичей поддержал, да остальные воспротивились. Горибор особенно, так и сказал, что пока он жив, возвращать вас не даст, и меч достал! Говорит, кариярский князь решать должен, вас в его власть отдали. А поссорятся через вас князья — хорошо будет?

— Плохо, — кивнула Велька, — но сама говоришь, что обошлось.

— А нас недавно обоз купеческий обогнал, большой! — сменила тему Любица. — Приезжали люди от них, подарки привозили, воеводы их принимали. Лесованцев там много, из звериных племен.

— Это которые оборотни? — Велька даже вздрогнула, сразу вспомнив своего знакомого Касмета.

И подумала о Венко, конечно. Он ведь, получается, гоже должен бы быть в том обозе.

— Ну да! — усмехнулась боярыня. — У них многие и оборачиваться не могут, а все равно оборотни! Так вот, один сюда прямо, в шатер, зашел, воеводу искал, говорит. Прощения просил, что в женский шатер ввалился. И тебя он увидел...

— И что? — поежилась Велька.

— Так смотрел, словно признал. Спросил, кто ты, я сказала, что боярышня хвора. Он стал лекаря ихнего предлагать, еле избавились. — Любица вздохнула, опустила взгляд: — Непокойно мне что-то, Огнявушка. Что ему от тебя может быть нужно, не знаешь?

Велька плечами пожала — откуда знать?..

— Ты сказала кому про лесованца этого?

— А как же? Воеводе и сказала. Он сразу у шатра кметей поставил, охранять, мало ли что. Да они уже, должно быть, далеко уехали, купцы! А все равно неспокойно...

— Любушка, ты помнишь купцов-оборотней, тех, что в день сговора?..

— Что меч дарили, а потом с князем спорили? Я главного их запомнила, но это был не он. Ладно. Я тебе рассказала, чтобы ты осторожной была.

— Поняла я. Спасибо, Любушка, буду осторожной, — искренне пообещала Велька.

Оборотней тех она отчего-то боялась, особенно Касмета, который посмел утверждать, что она, Велька, чуть ли не его холопка, и так хотел ее получить, что не побоялся ссориться с самим князем. Правда, он не знал, что она дочка этого князя. И теперь еще не знает.

Если, конечно, тот нечаянный приход лесованца в шатер вообще имеет какое-то значение и он впрямь видел ее в Верилоге. А бабкины обереги Велька, хоть и не сняла, но на виду больше не носила, спрятала под верхицу.

Еще день стоял на месте княжеский обоз, ждали пробуждения княжича Иринея, боялись воеводы нарушить знахаркино указание и потревожить его сон. Чаяна от жениха почти не отходила. Велька раз подошла взглянуть: Иринея спокойно спал, Чаяна сидела рядом и за руку

его держала, а на руке у него так и было надето ее узорчатое обручье. И язык бы не повернулся, глядя на них, упрекать Чаяну, такую преданную и заботливую. Ее и не упрекал никто.

К Вельке зато пришли в шатер все трое княжичей и боярин Мирята с ними, разом поклонились. Заговорил боярин:

— Вот, значит, благодарим мы тебя, боярышня Огнява. Спасла ты им брата, моего князя любимого сына. Самое время, получается, было бы теперь его оплакивать, а вот же, не пришлось. Все, что хочешь, попроси, боярышня, отказа не получишь!

Велька в ответ тоже поклонилась.

— Не за что меня благодарить, не чужие ведь мы теперь! Смогла помочь, и хорошо. А попросить, говоришь, все можно, Мирята Веденич? — сообразила она и лукаво улыбнулась.

— Не проси уговор нарушить и про нас рассказать, это только князю можно, — вмешался княжич Горибор, — а прочее только пожелай, хоть птичьего молока, все бросим и поедем добывать! — он широко улыбался Вельке.

— Все бросите и уедете, а мы с сестрой состаримся, женихов обратно дожидаясь! — рассмеялась княженка. — Нет уж, не уезжайте, очень прошу!

А боярин Мирята кряхтел и смотрел недовольно на Горибора — видно, его теперь даже шутки ввергали в беспокойство.

Утром следующего дня долгожданное случилось: проснулся Иринея. Велька с Любицей как раз к Чаяне зашли, поэтому тоже увидели, как открыл он глаза, как удивленно поглядел по сторонам, улыбнулся Чаяне.

— Боярышня? А зачем ты тут?

— Милый мой! Ну, наконец-то! — сестра даже расплакалась от радости, поэтому не видела, какое недоумение стояло в глазах Иринея.

— Пойдем-ка, — Любика потянула Вельку за собой, — нечего нам тут, успеем еще поздороваться.

Так и не узнала Велька, что случилось между Иринеем и Чаяной, поговорили они о чем, нет ли. Но когда сажались завтракать, Чаяна, молчаливая, села между Велькой и Воевной. Подошел Иринея, исхудавший и бледный, одетый по-княжески, со взглядом ясным, в котором никто уже не заметил бы непонимания или сомнений. Он поклонился сначала Воевне, потом Чаяне, снял обручье и положил его Чаяне на колени.

— Благодарю за честь, боярышня Белица. Да только знаю, что недостоин я. Выбери себе кого лучшего.

Чаяна молчала, глаз на Иринея не поднимала. Боярин Мирята руками

развел, дескать, что же, что я могу поделаться! Княжичи переглядывались.

— Недостойн, и ладно, — кивнул Горибор, — а лучшего поискать не такой и труд, не так ли, боярышня Белица? Вон нас еще сколько, окажи честь. А ты, братец, садись да поешь, дорога ждет дальняя, сил набирайся.

Беда ушла, гнев схлынул, и все тоже, видно, вспомнили, какая Чаяна дорогая невеста и что с ее отцом и дедом мир нужен и выгоды торговые, а гневаться да ссориться любой дурак может — дело нехитрое.

Чаяна хотела подняться со своего места, да Любица, позади вставшая, руки на ее плечи положив, удержала. Встала Воевна, поклонилась.

— И тебе, княжич, за честь спасибо. На наш товар купцов хватает, выберем и лучшего. Храни тебя Боги Светлые.

Нечасто Боги те видали, чтобы княжич княжне обручье возвращал. Нельзя сказать, что не бывало еще такого, дела ведь у князей, конечно, тоже по-всякому повернуться могут. Ну а здесь причина была понятна, многие этим утром гадали, что же дальше будет между княжичем и старшей невестой. Вот и выяснилось. А ведь за последние дни, на нее глядя, немало кто уже верил, что у них с Иринеем сладится. Нет ведь такой вины, которую простить нельзя. А у девки, как говорится, только волос долгий, а ум... Да зачем девке ум? Пусть отца да мужа слушает. А беда, что только показалась да мимо прошла, — это и не беда вовсе...

Ириней еще один поклон отвесил и отошел, на княжну больше не глядел. И та словно застыла, пошевелиться боялась.

Позор это был, вот так. Словно пощечина прилюдная, хоть слова говорились вежливые, как положено. И деваться некуда было, только снести и перетерпеть. Вельке сестру жаль было, только ничего ведь не поделаешь, кто знал, что Ириней и на малость разрыв отложить не захочет!

А если бы отложил, то что? Разве стал бы он кого слушать, да хоть бы и ее? Тем более ее. Венко об этом так сказал, будто хорошо Иринея знает. Он-то, кажется, не сомневался, а Велька тогда не поняла, не поверила.

Это было еще не все, потому что вдруг со своего места встал Велемил, и шум, уже малость поднявшийся над скатертями, сразу стих. Княжич Велемил тоже подошел и поклонился сначала Воевне, потом Чаяне. И не только Велька, наверное, поняла, что дальше будет.

— Может, я и не лучший купец, матушка, но не из худших, — обратился княжич к Воевне. — Считете ли меня достойным? Отдаст мне обручье боярышня Белица? — перевел он взор на Чаяну, и такая надежда, с любовью перемешанная, была в его глазах, что и Велька дышать перестала. — Будь моей, Белица, отдай обручье мне и никогда о том не пожалеешь, люблю тебя и всегда любить стану! Не первый я в Карияре, но

и не последний!

Опять пришлось Воевне ответно кланяться.

— За честь благодарим, купец дорогой. Тебе боярышня потом ответит...

Но княжна решила на потом не откладывать, она сразу протянула Велемилу свое обручье, которое так и не успела еще вернуть на руку, сказала твердо:

— Возьми, княжич, и пусть обручье мое будет твоим, и я буду твоя.

Правда, на жениха нового при этом она и не взглянула. Бережно, словно не веря, взял Велемил обручье, надел, и рука у него задрожала.

— Вот и ладно, — вздохнула Воевна, которая уже не знала, радоваться ей или повременить с этим, — пусть помогают вам Боги Светлые, а Лада одарит любовью да радостью на много лет!

Тут и боярин Мирята спохватился наконец, принялся поздравлять, и воевода Горыныч его поддержал, и бочонок меда с воза сняли, заздравные чаши пустили по рукам. Велька тоже вслед за Любицей хлебнула из чаши малинового меда, сестру поздравила. Но не верилось ей пока, что есть с чем поздравлять! И Чаяна что-то счастьем не светится, и Велемил, хоть и рад, да отравлена его радость, понимает ведь, что невеста с горя ему обручье дала. А дальше что будет? Это Ладе ведомо.

Когда Велька поздравляла Велемила, и он ее в щеку поцеловал, мысль вроде мелькнула... может, и не ко времени?

Велемил в Кариаре не первый и не последний. Не первый — то понятно, а вот который, не второй ли? По годам, говорили, он старший!

Тайну княжичей какая-то клятва хранит, а можно ли клятву обойти, если удастся правильно сложить вопрос?

Не получится — и пусть, никто ведь на том ничего не потеряет.

— Позволь, братец дорогой, тебя спросить кое о чем? — взяла Велька Велемила за рукав, хитро улыбнувшись.

— Отчего же, спрашивай, сестричка меньшая, — и впервые за утро Велемил тоже улыбнулся.

— Знаю я, что нельзя вам говорить, который из вас старший княжич. А скажи мне, пришлось ли тебе ваше родовое проклятье на себе испытать? Это можно спросить?

Велемил сначала как будто растерялся, потом засмеялся, и княжичи тоже запереглядывались, засмеялись, а боярин Мирята себя по бокам хлопнул и глянул на Вельку непонятно, то ли восхищаясь, то ли укоряя.

— Почему бы не ответить? Вреда в том не вижу, — сказал Горибор, — ответь уже ты ей, братец, если хочешь, конечно! Пусть успокоится

боярышня, не изводит нас больше своим любопытством, самая несносная, право слово! — Он глядел на Вельку весело.

— Хочу, — Велемил покосился на Чаяну, — верно, сестричка любопытная, доводилось мне испытать на себе наше проклятье, и не раз. Приятности от него мне не было. Но честью клянусь, не надо вам с сестрой его бояться. Можете о нем вовсе забыть. Что, ответил я тебе, довольна?

— Спасибо, довольна, — Велька даже растерялась, что так легко ответ получила.

Выходит, что старший княжич и будущий князь кариярский — Велемил, новый Чаянин жених.

Вот и хорошо. И отец рад будет, и княгиня Дарица. Она ведь просила Макошь и Ладу своей волей дать дочке жениха. Так и вышло, что быть Чаяне будущей кариярской княгиней!

ГЛАВА 15

Злая дудочка

Половина пути до Карияра осталась позади, вторая половина стелилась перед свадебным обозом и казалась теперь не такой уж долгой и утомительной — привычной стала дорога. А предложили бы Вельке каким-нибудь чудом оказаться в Карияре прямо сегодня, хоть и птицей перелететь, она бы отказалась. Хоть это, должно быть, любопытно, чтобы птицей...

Нет, отказалась бы. Не хотелось в Карияр, не хотелось замуж. Венко повидать бы, хоть и в Нави опять! Говорить бы с ним, целоваться. Смотреть на него. Узнать его лучше. Хотелось ли ей замуж за Венко?

Как сказать. Если из кого выбирать, то лучше уж Венко. Хотя Венко нет в том выборе, что для нее возможен. А он, наоборот, уверен, что есть! И просил ему верить!

Что ж, это ничего, можно и верить, тем более что клятва, данная князю, — причина достойная. Вот если бы еще не торопиться...

Дело было и в том, что Велька стала сомневаться, хочет ли она замуж вообще. Вот бы подоле подождать! Что-то появилось в душе, ей самой непонятное, чему требовалось вовсе иное, не замужество с его неизбежными и вечными бабьими заботами. Не так давно и появилось. В купальскую ночь было иначе, и если бы Венко мог открыто к ней посвататься — ее счастьем предела бы не было. Тогда все казалось простым и ясным: в невестин возраст она вошла, значит, скоро батюшка ее просватает, если не в этом году, то все равно скоро. Была бы она не княжеской дочкой, точно бы уже повой надела. О другой судьбе и мыслей не было, как и о том, что можно послушаться, потому что-де жених не люб! Всякая девка в такой поре полна сладких мыслей и мечтаний, в том числе и о том, что даже родителями назначенный жених любимым окажется и самым лучшим...

Она уже знает, что никто из назначенных не любимый и не лучший, а тот, который любимый, — не жених. И понятия она не имеет, почему Венко лучший! Он среди них не самый красивый, не самый бойкий на язык, не самый обходительный с девицами. И все равно он лучший! Только к нему тянет, с ним на душе тепло, как больше ни с кем, — это и есть любовь?

Но хватит пока об этом, довольно. Потому что в том и дело, что другое понимание пришло теперь в Велькину душу — а так ли хочет она той

любви?

Быть замужем — значит подчиняться, чужое впереди своего ставить... да разве она жила иначе? Откуда же взялись мысли о том, что желает она свободы, такой, какую ни один князь не имеет и не подарит? И власти необычайной, что больше всякой княжеской, только у богов такая власть!

Велька поежилась, платок на плечах затянула потуже, потому что внезапно стало зябко от тех мыслей, что в голове появились и уходить не желали. И не первый ведь уже раз...

Нет, с богами нельзя равняться. Но доля, что ее манит, всяко выше людской, хоть и княжеской!

Только зачем ей это? Почему вдруг понадобилось?

А душа болит и рвется куда-то, в выси неведомые и людям неподвластные, и кажется, что женский повой — это лютая неволя, предел всему, допустить до которого никак нельзя!

— И что ты такая смурная, боярышня? — заметила Любица. — Давно на тебя поглядываю...

Молодая боярыня, как всегда теперь, ехала верхом возле княженки, не отходила от нее ни утром, ни днем, ни вечером. И по нужде в лесочек прогуляться невеста могла только с боярыней и кучей девок, и еще кмети поодаль маячили. Даже за Чаяной, кажется, так не смотрели! Велька уже чуть не плакала, как ей досаждают стала эта опека. Не привыкла она к такому.

— Ну, что молчишь? — не унималась Любица.

— Не хочу я замуж! — честно сказала Велька. — И в Карияр не хочу.

С Любицей можно было и честно говорить.

— А чего же хочешь? — та смотрела искоса, улыбалась, словно ведомо ей было что-то, Вельке пока недоступное.

Впрочем, так оно и было. Она-то замужем уже...

— Не знаю! — Велька прикусила губу, рассказывать о своих смутных желаниях поостереглась.

— Это все невестины страхи, говорили же тебе! — улыбалась Любица. — Всем страшно бывает новую жизнь в чужом доме начинать, и ничего, справляются. Перестань тужить, улыбайся, и все иначе покажется. Не скоро еще Карияр! Ты лучше прикидывай, кому обручье отдашь, — опять Любица завела, ну что ты будешь делать, — думается мне, Горибор скоро у тебя попросит обручье. По мне, так он очень хорош! А что женат уже, так старшей все равно ты будешь! Его уважают очень, замечала? Его слово всюду первое. Хоть Велемил и старший... Ну, Велемил тоже хорош, конечно, да ему сестра твоя сразу пала на сердце, видно, и впрямь Лада так

хочет.

Да, Горибор теперь больше других оказывал внимание Вельке. Но такое ровное, спокойное, дружеское даже внимание, взглядов влюбленных не кидал. И хорошо. Так с ним обо всем поговорить можно было, разговорчив он оказался не хуже Ириней. О том, как жену сватал, полюбившуюся девушку из лесованского племени, что давно поселилось на Кариярской земле, и как по их обычаю должен он был соревноваться с ее старшим братом, кто быстрее тура дикого добудет на охоте, поведал он так весело, как складную байку, Велька с Любицей от души посмеялись, так, что Чаяна, ехавшая впереди, недовольно на них оглядывалась. Княжич Велемил был характером другой и байками невесту не смешил. Хотя он был, кажется, хороший человек и надежный, и нравится Вельке своим спокойным, ровным нравом, прямым и честным взглядом. И Велька гадала — что же за проклятье такое на нем?

Любопытство не порок, если его прятать и другим не досаждать.

— Как думаешь, Любушка, отпустит меня князь Вереней в святилище, на седмицу хотя бы? — спросила Велька. — Хочу с волхвами пожить, поразмыслить...

— И о чем тебе размышлять? Еще в святилище, — нахмурилась боярыня, — у князя Веренея свадебный пир готов, а невеста собралась в святилище размышлять, хотя бы седмицу? То-то он обрадуется.

Велька только вздохнула. На понимание со стороны Любицы она не особенно рассчитывала, хоть если и могла кого тут назвать подругой, так это ее.

— Говорю же, всегда так бывает, — добавила боярыня, — была бы ты простая девка, которую в соседнюю весь за любимого отдавали, и то бы придумала напоследок, об чем поплакать. А тут и дорога эта долгая замучила уже, и жениха своего не знаешь — что я, не понимаю? Только не тужи, о хорошем думай — хорошее и будет.

— Да, — кротко согласилась Велька.

В святилище перед свадьбой она просто и сбежать может, попробуй уследи и поймай! И пусть тогда свекор-батюшка хоть радуется, хоть нет, дело его. А она с волхвами поговорит, совета попросит. Может, и останется с ними на какое-то время?..

А навсегда если?

Ох, Венко...

Знать бы, о чем просить того совета, на что жаловаться. Так и сказать, что вот не хочу замуж, а хочу своей волхвовской силе волю дать?

Велька задрожала даже, потому что впервые смятение в ее душе

облеклось в слова.

Ей всего лишь хотелось дать полную волю своей волхвовской силе, тому, что отличает ее от остальных людей. Еще недавно такая причина показалась бы блажью, у нее ведь небольшая сила, так бабка говорила. А раз сила небольшая, то зачем ей какое-то особое внимание уделять? Уметь использовать нужно, потому что всему полезному следует находить применение. К тому же сила огневой волхвы может быть опасна так же, как опасно бывает подпускать неразумных младенцев к горячей печи — потому и учат. Но теперь...

Теперь собственная сила казалась Вельке большой, как небо или озеро бескрайнее, бездонное. Только небо и озеро холодные, а где-то в потаенной глубине Велькиной сути было заперто что-то очень, очень горячее, много огня... словно печь набили дровами и наглухо закрыли заслонкой, и лучше ту заслонку не открывать — выплеснется. Только Вельке можно приоткрыть и взять, и то осторожно...

И еще было страшно.

А рассказать кому — кто поймет?..

— Тебе мешает что? Беспокоит? — спросила вдруг Любица, протянув к Вельке руку. — Нет, скажи, что-то не так? Вот сходила ты в Навь, и стало с тобой неладно!

— Наверное, — княженка опустила голову.

— Князь, твой отец, Воевне перед отъездом говорил... И Даруну он звал, с ней советовался. Она сказала, что ты справишься, но волхвовать в дороге тебе не нужно. В дороге силы больше, особенно на перекрестье дорог... как-то так. Ты должна это чувствовать.

— Да, я знаю. И, видно, чувствую.

— Это пройдет, как в Карияр приедем. Не беспокойся. А потом ты привыкнешь. Так Даруна говорила. Тебе лучше бы не волхвовать, сила бы не прибывала. Но тогда бы ты парня того не спасла, сестру бы не выручила. Вишь, я не знаю, каково тебе. Но Даруне-то веришь?

Велька кивнула.

Да, все так. А началось все с гаданья у речки... с такой малости. Началось простым, то есть гаданьем, кончилось походом в Навь, чему волхвы долго учатся, осторожничают. И что-то еще будет?

Если бы не то гаданье, она не пообещала бы Чаяне Ириней в суженые и не разжилась бы подарком Быстрицы, который спас больного кариярца. А Чаяна завязала бы последний узел на том злосчастном наузе, если бы не считала, что Ириней ей сужден? Может, и завязала бы, раз везла науз из самого Верилога. Тогда счастье, что была у Вельки живая и мертвая вода,

она ведь ею двоих вылечила, в том числе Венко...

Опять выходит, что все сплетено вместе, точнее, скручено-спрядено, как пряжа, которую тянет из кудели богиня Доля. Все суждено. Ничто не было зря.

— Будто бы бабка твоя князю Велеславу завещала выдать тебя замуж в Верилоге, никуда не везти. А Даруна сказала, что можно, батюшка твой и обрадовался. Как ему было тебя дома оставить, сама понимаешь! Ох, боги... — Любица Велькину руку крепко стиснула, — но мы тебя сбережем, не сомневайся. Ты только сама дурные мысли прочь гони! И больше не волхлуй. Надо было ведуна сильного с собой взять, чтобы помогал, да кто же знал...

— Хорошо, — Велька только плечами пожала.

То, что Любица сказала, ее немного утешило. Значит, смятение это из-за дороги и потому что сила разбужена нечаянным волхованьем. Что ж, тогда пусть идет все как идет.

— А ты на сестру, что ли, совсем не серчаешь?

— Нет, зачем, — Велька опять пожала плечами, — я ведь правда не верю, что она мне смерти хотела.

— Это правильно, — одобрила боярыня, — и Даруна говорила, что не надо тебе ни на кого держать зла, чтобы мы от этого тебя тоже хранили. От этого сила в беспокойство приходит.

— Сколько она вам всего говорила! — не удержалась, усмехнулась Велька. — А мне — ничего...

— А это чтобы тебя не тревожить. Говорила она, что поначалу сама звала тебя в святилище — было такое?

— Было, — признала Велька.

— А потом она поняла, что лучше тебе не прятаться, а судьбу свою исполнить. Ты, видишь, не одна, и мы тут, и дружина вон какая! Ничего не бойся, справимся с любым лихом!

Чаяна — та казалась спокойной, и, если только по виду ее судить, утешилась она сразу. Велька знала, что это неверно, сестра просто умела казаться такой, какой следует быть на людях княжне, прятать недовольство внутри. Его, недовольство, как ни странно, выдавало излишне тщательное одеванье каждое утро, множество блестящих ожерелий, к каждому наряду разных, и еще она вдруг принималась ни с того ни с сего распекавать челядинок, когда те прислуживали Вельке. Воевна то и дело сердито поджимала губы, однако не перечила. Велемилу Чаяна теперь приветливо улыбалась, говорила с ним ласково, и его это радовало. Они целыми днями почти не расставались. Но раз-другой заметили Вельке, что сестра по

привычке ищет взглядом Иринея, который теперь старался находиться от нее как можно дальше: в начале обоза с дружиной, загородясь спинами верных кметей.

— Обманули меня твои резы! Я-то думала... — только и бросила она как-то Вельке, недовольно кривя губы, казалось, что вот-вот заплачет.

Не заплакала. И больше об этом не поминала. Но княженка и сама сокрушалась — почему резы неправду сказали? Потому ли, что изменилась Чаянина судьба, то есть до приворота одной была, а после другой стала?..

Веси, а тем более города на пути обоза стали попадаться редко. Велька настолько привыкла спать в шатре, что, казалось, лежанка в княжеском тереме ей когда-то приснилась. Так что если дородная Воевна сокрушалась, что-де на жесткой земле и перины не мягка, а другие боярыни ей вторили, и Чаяна тоже повадилась жаловаться, что бока болят... Велька только улыбалась, ей было в самый раз. Да и не любила она пуховых перин, на шерстяном тюфяке спалось куда как лучше. И не верилось, что сестре прямо-таки больно спать, если на землю сначала лапник сосновый положили, а сверху перины мягкие целых две! Когда она однажды не удержала смешок, Чаяна обиделась, уколола:

— Если бы моя матушка из смердов была, то и я бы, наверное, могла, как ты. Будешь с мужем своим хоть на овчинах спать, и зачем тебе в приданом перины везут?

— И впрямь, — сразу согласилась Велька, опять улыбнувшись.

Что ж, и так все знают, что не из знатных у княженки была матушка. И то, что женихи-княжичи нередко и шатра себе не ставили, так и спали у костра по-походному, на тонких овчинных подстилках, было хорошо. Кто из них ей ни сужден, необязательно будет постель с кучей перин стелить. И кмети из дружины так же ночевали, по-простому — ночи теплые стояли, даже душные.

Велькина улыбка Чаяну отчего-то рассердила.

— Да тебе такое приданое и без надобности! — бросила она. — Думаешь, почему на тебя княжичи не глядят даже, не то чтобы обручье просить?.. — она спохватилась, по губам себя пальцами хлопнула.

— Что ты сказала?.. — вот такого Велька не ожидала, растерялась.

Воевна, что сразу нахмурилась, едва разговор этот начался, продолжать им не дала, прямо-таки вытолкала княжну из шатра, отвела в сторону, и о чем они говорили, Велька не слышала. Да видно, вызнала что-то старшая боярыня, потому отправилась сначала к своему воеводе, потом они вдвоем — к боярину Миряте, и княжичей тоже созвали. Чаяна вернулась в шатер виноватая, сразу к Вельке кинулась:

— Сестричка, ты прости меня, я пошутила только! Ты ведь не обиделась? Не обижайся, ну пожалуйста! Ну, разозлилась я, и ты тут с насмешками, а ведь правда тяжело мне!

— Ну да, понимаю. И ты прости, — Велька отстранилась, на сестру взглянула, — ты лучше без утайки расскажи, что знаешь. Ведь ты сестра мне, и князю Веренею ни в чем не клялась.

— Да не знаю ничего! — всплеснула та руками. — Велемил мой... он, видно, пошутил, а я не поняла!

То же услышала Велька и от Велемила с Горибором, когда те вскоре тоже явились с объяснениями.

— Ты не сомневайся, сестрица, — сказал Велемил, — честь наша порукой, что тебе обиды ни в чем не будет, можешь на нас во всем положиться. А что именно я сестре твоей сказал, так ведь, ей-ей, и не помню уже...

— Да кто же из нас помнить станет, Огнявушка, что девицам говорить приходилось, особенно если от волнения ума словно нет как нет? — шутливо поддержал Горибор. — А братцу Велемилу и подавно помалкивать лучше, такая у него невеста разумница. И красы такой я отродясь не видал, верно? — он весело и открыто улыбался Вельке. — Но тут уж кому что нравится!

Велемил недовольно покосился на брата, но промолчал.

— Да ничего, — сказала она, исподлобья оглядев обоих, — поняла я. Спасибо за добрые слова.

Волкобой лежал неподалеку, в кустах. Велька подошла, присела рядом, погладила пса между ушами, тот ткнулся мордой ей в колени.

— Ну, извини меня, Волкобоюшка, не сердись, — сказала Велька, обнимая его за шею, — соскучилась я по тебе. Ты мне лучший друг здесь, кто бы ты ни был.

И Волкобой горячим шершавым языком лизнул ее в щеку.

Помирились.

А приданое...

Перин для Вельки в обозе ехал целый семерик, и все огромные, из лучшего, отборного гусяного пуха. Еще бы, как же княжескую дочь без воза перин замуж отправлять? И шуб богатых тоже семерик, из соболя, горноста, седой лисы, куньих и беличьих по две, все шелком узорчатым крыты. А сколько у нее шапок на таких же дорогих мехах, Велька и не помнила толком. И сколько тканей драгоценных, и еще разного добра! Вот радость-то...

То, что городов и весей на пути не было, сказывалось и на их

припасах. Негде было добыть молока и творога, свежего хлеба, без пирогов тоже приходилось обходиться. Конечно, пока хватало сухарей и крупы для каши, и солонины в бочонках, взятой на всякий случай, но сколько еды нужно, чтобы кормить почти две сотни человек? Выручала ежедневная охота и, если вставали на отдых у речки, рыбалка. Раньше охотой баловались в основном карьерские княжичи и некоторые из бояр, теперь же половина мужчин из обоза по полдня проводили в лесу и без дичи обычно не возвращались.

Оба воеводы теперь были настороже, и сами ездили, и опытных кметей посылали осматривать дорогу впереди и окрестный лес, искать что-то им одним ведомое. И не всех желающих отпускали на охоту, всегда оставляли при обозе не меньше сотни оружных.

— Тихо кругом, но места здесь нехорошие, — поделился он однажды с Воевной, так, что и другие женщины слышали, — кругом старые капища лесованской богини остались. Весей их, лесованских, нет уж давно, а капища стоят, и сильные то места, говорят, даже из нынешней Лесовани сюда ездят кланяться. Ну да, помогай нам боги, проедем, не первый раз, — он выразительно оглядел женщин и девок, — но вы уж, того... береги не забываете, и молитесь, и друг дружку из виду не выпускайте.

— Уж не сомневайся, батюшка, — закивала старшая боярыня, — а что нехорошего от тех капищ?

— Ну, как... — погладил воевода длинный ус, спускавшийся на его окладистую бороду, — богиня эта жертвы любит, да не такие, как у нас там... дома... Ей не быков и лошадей, ей девок молодых дарить надо, парней тоже можно, лучше чтоб таких, у которых еще борода не растет. Я таких нынче и на охоту не пускаю.

И верно, самые молодые из кметей оставались теперь при обозе.

— Такими, как я, стариками, она вроде брезгует. Злобная баба, богиня огневая, боятся ее сильно, — добавил Горыныч, и Велька вздрогнула, услышав, что за богиню им следует опасаться.

Огневой богине Таре бабка ее когда-то служила. А по имени воевода богиню не назвал, поостерегся, хотя это имя тоже ненастоящее, настоящее только самым посвященным известно. И в ней, Вельке, тоже есть огневая сила, та самая. Может, потому и стало ей так беспокойно, что здесь не просто дорога, а еще и старые владения той самой богини, а значит, места ее силы?

И боярыни разом тревожно посмотрели на Вельку.

— И что же, она сама себе жертв привлекает, богиня? — уточнила та, как за язык кто дернул.

— Не сама, — нахмурился воевода, — сказал я уже, что до сих пор ездят, кому надо, сюда ей кланяться. Они или с собой девок везут, или на дороге можно поймать. В Лесовани так считают, что поймать жертву на дороге можно и богиня это одобряет. Там, в некоторых местах, каждую новую луну богине девку дарят, так если только своих, то разве напасешься?..

Кто-то из женщин тихо охнул.

Дома, в Верилоге, на самом деле человека богам отдавали, только если большая беда пришла, такая, что прямо из ряда вон! А так понарошку, посвящали «жертвы» богам во время праздников, не убивая, и ничего, боги не гневались.

— Ну, значит, я предупредил, — внушительно закончил воевода, — глядите тут. А вечером у Велесовых столбов будем, тоже место сильное, там мы Велесу-батюшке поклонимся, меда бочонок да коня отдадим, попросим, чтобы заступился. Здесь леса глухие, его места исконные. Авось приструнит огненную эту, побережет нам дорожку, договорятся, чай? Доедем!

Вечером до старого Велесового святилища добрались и жертвы принесли, и вроде принял их владыка лесной и подземный благосклонно. И у многих стало на душе спокойнее.

На следующий день утром, заплетая княженке косу, Малка со вздохом сказала:

— А до чего сладко земляникой пахнет в лесу!

— Так ведь отошла уже земляника? — удивилась Велька. — И когда это ты успела в лесу побывать? Одна, что ли? Ну, говорили же...

— Да я тут, рядышком. А пахнет, вот верьте мне, так, что прямо голова кругом.

— Другими какими ягодами, может? — заметила боярыня Любица, которая, конечно, была тут, перебирала ленты в Велькиной шкатулке. — А может, просто поздняя тут земляника, бывает ведь.

Что пахнет именно земляникой и ничем другим, они убедились, когда умывались над ручьем. Ветер чуть подул из леса — и запахло, сладко так, упоительно.

— Чувствуешь? — повернулась княженка к Любице.

— Да, — та удивленно оглядывалась, шаря глазами по траве, — надо же...

— Вот бы набрать? А, Любушка? Одни не пойдем.

— Ну да, дружину возьмем у воеводы — и по ягоды! — хмыкнула боярыня.

— А то и так с нами не дружина! — рассмеялась Велька.

Дружина не дружина, а десятка два кметей широким кольцом окружали стайку женщин и девушек, что отправились к ручью да по окрестным кустикам. Держались поодаль, конечно, но никому чужому не подойти.

— Пойдем поглядим, — потянула Велька Любицу, — немного, вон туда, на ту полянку! — идти дальше она бы и не стала.

На полянке земляники не было.

Лес кругом стоял яркий, по-утреннему звонкий и радостный, солнечные пятна лежали на траве, и голова кружилась от пряных лесных запахов — трав, цветов и земляники, да, именно ее! Хотелось дышать глубоко, и смеяться, и идти дальше в лес вдоль ручья... казалось, что там ждет что-то необычайное, дивное, и бояться нечего, потому что только добром и светом был наполнен сегодня лес...

— Оттуда ветер, — Велька показала вдоль ручья, — поглядим? Немножко совсем?

Она огляделась, убедившись, что люди были кругом, со всех сторон доносились голоса, мелькали яркие одежды женщин.

— Пойдем, — нехотя согласилась Любица, — вон до тех деревьев, не дальше.

Земляники и там не было.

— Ну, дальше не идем, возвращаемся, — решила Любица, и Велька со вздохом послушалась.

А так хотелось бы посидеть тут, у ручья, помолчать, слушая только этот привычный, любимый лесной гомон, который и не шум вовсе, и целый век можно его слушать — не надоест. Дома, в Сини, она могла хоть на полдня, хоть на день в лес одна уйти, и никто бы не перечил. Когда была жива бабка, та всегда знала, где Велька, если надо было — находила сразу. А когда осталась княженка одна, все домашние привыкли уже не беспокоиться попусту.

— Возвращаемся, — Любица решительно повела ее обратно, — и без ягод обойдемся, и так ты у меня ягодка, а в Карияр приедешь, там небось сластей тебе наготовлено да орешков в меду всяких, надоест лакомиться! — приговаривала она. — Ну ты к Горибору-то пригляделась, ягодка, может, улыбнешься ему раз-другой? Знаешь, а ведь и Яробран тоже хорош! Он точно моложе, так и ты меньшая дочка. Он добрый будет муж, покладистый, вот увидишь.

— Надоела ты мне, Любушка, ну как банный лист! — смеялась Велька. — Погляди сама, я им не нужна никому.

— Да ты ведешь себя так, что им и подступиться боязно! А вообще, в чем дело, дорогая моя? Иногда так смотришь... Тебе хоть когда кто нравился уже? Может, до сих пор о ком вздыхаешь, оттого тебе и женихи не надобны?

— Скажешь тоже... — Велька покраснела, отвернувшись.

— Да с тебя станется! А как иначе такое понимать? Глупенькая, — она понизила голос, — да многие, бывает, нравятся, и что с того? Замужество — другое совсем. Если о каждом, с кем на Купале переглядываешься, ведь год тужить... Такого добра возами считать!

— А ты откуда знаешь? — встрепенулась Велька.

— Я-то? — хихикнула Любица. — Я и не знаю, да вот ты сама призналась! Влюбилась в кого на эту Купалу?..

Велька потупилась, покраснела.

— Да не страшно, — Любица ее обняла, — потом весело будет вспоминать. Если развела вас Лада с тем парнем, значит, не он твоя судьба. Вот с мужа сапоги снимешь, и все бывшее уйдет.

— У тебя все ушло? — не удержалась Велька. — Вовсе никогда оборотня своего не вспоминаешь?

И пожалела, что не удержалась, потому что разом потемнели синие глаза боярыни. Но все же Любица ответила:

— Он моим никогда и не был, лишнего не выдумывай.

— А нас Лада и не развела вовсе, — как само сорвалось с Велькиного языка, — он тут... то есть в ту же сторону едет, с тем обозом, что нас обогнал, — помнишь? И в Нави он со мной был, уж не знаю, как смог. Он помогал мне там, плохо было бы без него.

— Не шутишь? — Любица потрясенно поглядела на Вельку. — Правду говоришь?

— Да какие тут шутки! Только, Любушка, Ладой Светлой тебя прошу, не говори никому! Обещай!

— Обещаю, обещаю, никому ни словечка не скажу. Только ты уж мне все расскажешь как есть? — Любица, кажется, встревожилась. — Он купец, что ли? Уж не мечтаешь ли ты о нем, Огнявушка моя?

Велька и досадовала на себя, что проговорилась, и в то же время ей приятно было рассказать о своей недозволенной любви. О любви, как и о горести, молчать не хочется. И что Любица тайну не выдаст, она не сомневалась. Не выдаст, но мешать может...

— Почему бы и не мечтать, если мне от того радость, а до Карияра еще долго? — возразила она упрямо.

— Радость — хорошо, да нельзя позволить, чтобы она печалью стала и

тебе, и батюшке твоему, и боги знают кому еще! Ты княжья дочь, не забыла?

— Забудешь тут, дал бы кто.

— Простым девкам не легче бывает. Тут уж кому какое...

Любица замолчала чуть не на полуслове, потому что вдруг прямо перед ними возникло взъерошенное черное, недовольно рычащее чудовище. Велька и то с первого взгляда не поняла ничего.

— Волкобоюшка, ты чего? — она всплеснула руками.

— Вот леший, напугал как, — ахнула боярыня.

Волкобой несколько раз оглушительно гавкнул и, зубами схватив Вельку за подол, потянул куда-то в сторону.

— Волкобой, да ты что, с ума сошел? — возмутилась девушка, отбиваясь от пса.

А тот, отпустив подол, вдруг куснул Вельку за ногу так, что она, завизжав, отскочила, и громко залаял на них с Любицей — так собаки овец на пастбище собирают. Вот и он словно пытался гнать их куда-то в лес, как отбившихся от стада овец.

Вдруг он сел и громко, почти по-волчьи завыл, и сразу похожий вой издавдалека ответил.

Рядом тихо ахнула Любица, крепко стиснула в объятиях Вельку.

— Огнява, вокруг посмотри.

Велька и сама уже оглядывалась. Дивное дело...

Лес кругом разом помрачнел, посуровел и уже не влек в свои тенета светом и радостным гомоном. Велька даже поежилась, как от холода. И ручей, вдоль которого они только что шли, — где?..

Нет ручья. Кругом лес, деревья высокие, небо только высоко над головой видно рваными просветами.

Как они попали сюда?!

— Волкобоюшка, ты прости! Не поняла я, — придя немного в себя, повинилась Велька и взялась за ошейник пса, — помоги отсюда выйти, родной! Ты-то дорогу знаешь?

Волкобой мотнул головой, поворчал недовольно и двинулся между деревьями — ни тропинки, ничего...

Опять волчий вой раздался, уже ближе, и скоро показались коричневые рубахи кметей. Свои...

Впереди бежал Горибор, за ним кмети, мечи у всех обнажены. Окружили их. Один из парней, остановившись, переливчато завыл волком — радостно, ликующе. Лица знакомые все, родные уже. Вот счастье-то!

— Слава богам! — Любица вытерла набежавшие слезы.

— Ну? Вы это чего? — Горибор без церемоний обнял Вельку, и она прижалась лицом к его пропахшей потом рубахе. — Куда вас понесла нелегкая? А, сестричка? А я-то в твоё разумение так верил! Как же вы так, а, боярыня? Уже солнышко к полудню, а мы за вами гоняемся!

— Да как же к полудню? — ахнула Велька. — Мы отошли всего ничего! Из виду никого не потеряли!

— Как не потеряли? А это что? — Горибор показал рукой на лес вокруг себя.

— Морок, не иначе! — снова расплакалась Любица. — Нам все казалось, что и люди рядом, и ручей, и оглянуться не успели...

— Н-да... — посуровел Горибор, оглядываясь вокруг так, словно неведомое зло могло скрываться на любом дереве или на всех сразу, — ну, ладно, идемте, чего же теперь. И так повезло нам, вижу, несказанно, что вас нашли.

К обозу шли долго, устать успели. И Велька в толк взять не могла, как же так получилось, чтобы раз — и оказались они так далеко! Может, то и есть неведомая тропа, на которую ступили ненароком? Или леший заморочил? Так какая тропа, какой леший, прогулялись они вдоль ручья, и всего-то...

— Лесованская ворожба, чтоб их! Разума лишает, — махнул рукой боярин Мирята, когда они добрались до места и все рассказали, — слышали про такое.

Он мрачный был, потерянный. Женщины кругом столпились, глядели, словно не веря — они ли? Воевна на них водой брызнула и заговор длинный прочитала, а потом тоже заплакала от радости.

— Счастье еще, что тати вас не перехватили по пути, манили только, — сказал боярин Мирята. — Поленились, леший их дери! Хоть бы проехать скорее место это клятое! А ведь бывает, сколько раз едешь этой дорогой, и ничего, никаких тебе татей. Вот уж как не повезет, так не повезет!

Проехать быстрее «клятое место» хотелось всем, все кинулись собираться и укладываться. А когда уже собрались, выяснилось, что пропала Вирута, челядинка-горничная самой Воевны.

— И ведь послушная такая девка, никогда ни слова поперек, ни шагу не спросившись, — сокрушалась старшая боярыня, — вот об ней и подумать не могла, что беспокоиться надо!

Волкобой с княжичами обошел лагерь, нашел след Вируты — та, получается, ушла позже княженки с Любицей. Ее отсутствия долго не замечали, да и Воевна могла бы не заметить — мало ли куда подевалась

челядинка! Если бы не напуганы были все, и не подумали бы обеспокоиться...

Опять побежал Волкобой в лес по найденному следу, и княжичи за ним устремились все, и кметей послали четыре десятка — так злы были воеводы на этих неведомых, засевших где-то в лесах лесованцев. Тоже выдумали, девок на дороге воровать, богиня, дескать, позволяет! Разбой он и есть разбой, на кого ни сошлись, а чтобы огненной богиней отговариваться — так здесь не Лесовань, здесь другие законы, честные. А лесованцы, если уж они по натуре своей такие тати, пусть промышляют этим на своей земле...

Велька вспоминала купца, что продал ей обручье с изображением рысей. Вот оно, и сейчас на руке, она его и не снимала почти. Как блещут на солнце глаза из зеленых камушков! Тот купец рассказывал, какой народ хороший в Лесовани живет, и что невестка у него оттуда, и торгует он с ними, и все всем довольны. А тут такие страсти — воровать людей на дороге...

Долго ждали княжичей и дружину. Вернулись те ни с чем.

— Потеряли след. Как птицей улетела! Как так можно, она не птица! — сердясь, рассказывал Горибор.

Волкобой, такой же измученный беготней по лесу, как и все, лежал у его ног, положив морду на лапы. Кажется, он воспринимал случившееся как личную обиду — от него, от его чуткого носа в лесу скрылись!

Маленькая круглолицая девушка, незаметная среди других, молчаливая и старательная, с еле заметными рябинками на щеках и длинной рыжевато-красной косой, тихо ушла в лес и не вернулась. Мало того — улетела как птица!

Ее не охраняли так, ее вовремя не хватились.

В этот день уже не поехали дальше. Выставили двойные дозоры вокруг лагеря. Все оглядывались, искали глазами друг друга. А княжичи, как ни странно, вдруг разом забыли сторониться, Ириной с Яробраном устроились рядом с их шатром, и Волкобой тут же растянулся. И Велемил подошел, присел рядом.

— Не птицей она улетела, девка эта, — заметил он, — волшба, не иначе.

— Еще и волшба. Только нам и не хватало... — нахмурился Ириной. А ну как они свои запахи скрывать умеют? Волшбой? Мы их не учуем, как ни старайся.

— Я не учую, так услышу, — возразил Яробран, — знать бы еще, кто они, кого ждать.

— Не посидишь ли с нами, боярышня? — позвал Ириной княженку, стоявшую поблизости. — Уважь, — впервые после снятия приворота он заговорил с ней.

Совсем как раньше.

Велька с Любицей сели рядом на поваленный ствол.

— Мы с Яробраном... одной крови, в общем, — пояснил Ириной Вельке. — Люди с такой кровью на лесованскую волшбу труднее поддаются. Мы сами за тобой присматривать будем.

Велька его поняла. Любига, судя по всему, не очень, потому что она вопросительно посмотрела на Вельку.

— А я? — напомнила Велька Ириной.

Она ведь тоже немного оборотень, как выяснилось.

— А ты, сестрица, кто бы ни была, еще арья, как оказалось, — сказал Велемил, — хоть на какую-то часть, все равно. Ты десятка других девок стоишь, для жертвы богине, я имею в виду. И манок у лесованцев на такую, как ты, и настроен, тебе труднее устоять, чем кому другому.

Манок... Манки охотничьи Велька видела, это вроде дудочки.

— Почему это? — Велька больше удивилась, чем испугалась. — Я же огневая волхва, такие, как мы, богине служим... ну, то есть бабки мои служили, говорят.

— Да кто же знает почему? — усмехнулся Велемил. — А только если арию, даже смеска, в жертву богине покупать, то пятьдесят гривен или больше отдать надо. А обычная девка-холопка знаешь сколько стоит? Куда как меньше.

Да, меньше. Раз в десять.

— Выходит, я дорого стою, почти как моя лошадь! — невесело пошутила княженка.

Княжики переглянулись, улыбками обменялись.

— Лошадь богине не нужна...

— Ты не бойся, — добавил Ириной, — я думаю, они уже не станут продолжать, потому что поймали одну. И мы будем настороже...

Этой ночью Вельке не спалось. И Вируту жалко было до слез. Ее не уберегли... не берегли потому что. Смотрели во все глаза за ней, за княженкой, и то она чуть не попалась, а вот Вирута... Почему она на этот зов пошла? Где-то она сейчас, что с ней случилось? В жертву огневой богине... и думать-то об таком страшно.

«Ты не бойся... они уже не станут продолжать...»

Вроде и не была виновата Велька в том, что случилось, а казалось ей, что была.

Многим в лагере этой ночью не спалось, голоса доносились снаружи, даже песни — только это было никак не веселье. Костер горел прямо у входа в их шатер, Ириней с Яробраном сидели там, не уходили. Волкобой, когда она шла спать, лизнул ее в щеку, как доброй ночи пожелал, он теперь всегда так делал, с тех пор, как помирились. Лизнул, и растянулся у костра рядом с княжичами, но ближе к шатру. Велька ежилась, вспоминая, каким гневным, страшным показался он ей сегодня в лесу, если бы не знала, что это Волкобой, еще как испугалась бы.

Ириней сказал, что они с Яробраном одной крови, с намеком так сказал, чтобы Велька поняла. Значит, Яробран тоже с кровью оборотней, и они с Иринеем — дети князя от второй княгини. Велемил, значит, от первой. И Горибор... получается, он второй сын князя Веренея? Но Горибор уже женатый, а вот у них дома, например, принято, что старший сын женится первым, даже если и меньшицу берет. Может, в Карияре иначе?

И Чаяна не спала, оттого что Ириней был так близко.

— Сестричка! — окликнула она Вельку. — Как думаешь, он простит меня?

— Простит, — уверенно ответила Велька, — он не из тех, кто злое на душе долго держит.

— Ты так думаешь? А...

— Но любить тебя не захочет, — честно ответила Велька, предваряя вопрос, — уж прости, Чаянушка, а, по моим мыслям, так выходит. Если я ошиблась — не взыщи.

— А резы что же? — вздохнула та жалобно, со слезой.

Опять...

— Не знаю.

Надоело уже Вельке говорить про Ириней и про то, как же резы ошиблись. Да что за разница как! Может, оно и поймется когда-нибудь.

— Тебе не жаль меня?.. — вздыхала Чаяна.

— Ты с Велемилом обручилась...

— А он с проклятьем. Тебе и его не жаль?

— Так мы не знаем, за что его жалеть. Сам-то он не жалуется.

— Он говорил, что это больно.

— Что больно?

— Проклятье. Я спросила, каково это, а он сказал, что больно.

— Захотел, чтобы пожалела и приголубила, — неожиданно вмешалась Воевна, — тоже невидаль.

И ей, значит, не спалось.

— Эко дело — больно! — продолжала с досадой боярыня. — Тебе ему детей рожать. Так что и тебе больно будет. Без боли жизни не бывает. Уймись уже, боярышни, завтра чуть свет подниматься да ехать! Целый день сегодня потеряли!

Больше Чаяна говорить не пыталась, Велька тоже сделала вид, что спит. На самом деле уснула она под утро, незадолго до рассвета, а проснулась от громкого лая Волкобоя.

Не только она от этого проснулась, а чуть ли не весь лагерь. Спавшие под открытым небом, то есть почти все мужчины, вскакивали, озирались по сторонам, полуодетые женщины выглядывали из шатров. Велька поспешно натянула верхицу и выбежала одной из первых.

Лаял Волкобой, потому что из леса вышла Вирута. Бледная, трясущаяся, растрепанная, в порванной одежде... совершенно безумная на вид.

Девушку обступили, затеребили, расспрашивая, она ничего не отвечала, как будто вообще разучилась говорить связно. В конце концов ее увели в шатер, напоили целебной настойкой, малость успокоили. Потом Воевна отправила Вельку прочь, не позволив осмотреть Вируту, потому что, дескать, не во все дела девке можно соваться. Целебное масло у нее, впрочем, взяла.

Тоже, нашлась великая тайна. Такое бабка Аленья от внучки не скрывала, наоборот, объясняла, что да как, говорила, что каждая знахарка должна уметь помочь той, с кем подобное несчастье приключилось. Вот при родах она ей быть не позволяла, говорила, что это девке нельзя, потому что-де проход между мирами открывается, а у девки от такого еще защиты нет...

Скоро Воевна вышла, ее ждали: воеводы, бояре, княжичи, половина лагеря у шатра собралась.

— Ничего, поправится, отлежится, — сказала боярыня, — не покалечили ее, не поранили почти, напугали только. Родит, может, теперь незнамо кого... да это ладно, только бы в себя пришла. Девка-то хорошая.

— Значит, ее решили богине не отдавать, — боярин Мирята задумчиво оглаживал бороду, — тех, что для богини словили, они не трогают, а тут, раз попользовали...

— Может, не для богини ловили, — резонно предположил Горибор, — а для себя, вот за этим делом? — он покосился на некстати стоявшую тут же Вельку.

— Кто их разберет. Но, вишь, отпустили. И убивать не стали, — заметил боярин, — наверное, чтобы искупительную жертву за нее не

приносить, виру не платить. Честные люди ее сами платят, чтобы, значит, перед богами ответ не держать. А эти платить не хотели, вот и отпустили. Честные люди, — он усмехнулся.

— Виру? — возмущенно охнула боярыня. — Да кому же ее платят? Ох, попадись мне эти честные люди! Тати, как их земля носит!

— По-нашему, конечно, тати. А перед своими богами...

— Молчи уж, Веденич! И слышать не хочу про это непотребство! — неучтиво прервала Воевна.

Тот, впрочем, не обиделся, пожал плечами, усмехнулся.

— Что ж, матушка. Мир велик, и люди в нем разные.

— Жертва богине! — продолжала бушевать боярыня, удаляясь, — вот какая им нужна была жертва! Охальники! Да их бы самих в жертву, да не целиком, а теми только частями, которым без девок нестерпимо! — степенная и всегда разумная на язык боярыня была на себя не похожа.

А возмутило ее то, что тати были вовсе не тати, а люди якобы честные и достойные, не исключено, что весьма уважаемые. В Верилоге таких, может быть, в хороших домах с почетом принимают, а им по делам их поруб и кнут полагаются! Это все так, но...

Быть принесенной богине в жертву — это звучит куда страшнее.

— Скажи, Веденич, а как богине этой жертву приносят? — спросил Велька.

Тот воззрился на нее удивленно.

— Ну, как-как... Да ты не огневуха разве, таких вещей не знаешь?

— Я мало что знаю. Так как?..

— На краде, как еще, — махнул он рукой.

— Заживо?

— Ну...

Как ни крути, а все равно выходит, что Вируте повезло.

— Брось, Огнявушка, — Горибор придвинулся к Вельке, оттесняя ее от боярина, — пустое это. Мы-то на что? Не думай и забудь. Все, конец невзгодам, дальше поедem!

Волкобой тут же лизнул Вельку в щеку, и еще раз, и еще. Велька его обняла, спрятав лицо в мохнатую шерсть.

— Поймать бы... этих, да вразумить! Поняли чтобы, что с карьерским князем вражды ищут, небось хвосты бы сразу поджали и за девку заплатили бы, и за обиду! — голос Яробрана звенел от негодования.

— Эка... сказал, княжич! Когда нам за ними бегать! — даже рассердился воевода Горыныч. — Сам потом, если будет на то батюшки твоего воля, бери дружину и лови тут по лесам лесованцев! Да их уже

небось и след простыл! И земля-то это не ваша, если я чего не перепутал!

— Впереди нас купцы едут, там лесованцев много, — сказал кто-то.

— Да те разве посмели бы на княжеский обоз? С двумя князьями сразу ссориться? — ответили ему тут же.

На этом все это дело и кончилось. Быстро собрались и поехали дальше.

ГЛАВА 16

Нежданные свидания

Вирута так толком в себя и не пришла, ни к вечеру, ни на другое утро. Поначалу лежала молча в повозке, потом сидела, обхватив руками колени, иногда ела и пила, что давали, временами вздрагивала и тревожно оглядывалась по сторонам. Пробовали с ней заговаривать, расспрашивать — отворачивалась, забывалась сном — принималась скулить, как маленький зверек. О ней заботились, жалели. Так и прошло несколько дней.

Вельке не просто девку жаль было, ей еще страшно было, тревожно. Как будто что-то Вирута видела, что-то знала такое, что и Вельку напрямую касалось, потому и хотелось взглянуть хоть краем глаза, узнать, что той вовне видится, отчего дрожит, чего пугается.

Ночью, едва княженка глаза закрыла, приснился ей Касмет. Будто опять принес он меч, за который ее хотел выменять, и отец принял дар, не отказал. А бабка Аленья стояла возле печки и укоризненно головой качала. Не сердилась, нет, словно укоряла просто и ее, и отца. А потом повернулась и пошла из терема прочь. Вот она с крыльца спустилась, Велька за ней. Оглядывается кругом — а ведь они не в Сини, а в Верилоге, и терем, получается, отцовский, не княгинин и не их с Чаяной девичий. Вот бабка прошла через широкий двор, до той самой калитки маленькой, вот она руку на кольцо кованое положила, оглянулась, улыбнулась Вельке. А та глядит, дивится: бабка уже не старуха, какой Велька ее знала, а молодая совсем, лицо гладкое, девичье, ни единой морщинки нет, губы пухлые, румяные, глаза зеленые, как дубовый лист в середине лета. И верхица на ней вдруг стала алой, шелковой, и повой камнями цветными засверкал, и длинные резные рясны^[40] на грудь опускаются, и ожерелья в три ряда — никто и никогда, кажется, Аленью такой нарядной не видал.

— Я тебя, внучка, защитить хотела, уберечь. Как мать твою уберегла. Да только с ней было легче, а ты другая. Ты как я. Уж прости меня, зла не держи, плохим не поминай. Ошибалась я.

А будет у тебя своя дочка, помни: дикую кобылицу не стреноженной надо держать, а объездить как следует, да холить и лелеять, чтобы послушной была, ласковой. Таких, как мы с тобой, не стреножишь. Поняла?

Велька кивнула, хоть ничего и не поняла пока, только смотрела во все глаза и не верила, что эта красавица и есть ее бабка. А вот при чем здесь дикая кобылица?

— Я бы хотела, чтобы по земле ты бегала быстрой кобылицей, и если летать захочешь — то только серой утицей, и никого бы огнем своим не сожгла, и тем паче себя. Летать-то всяко можно, девонька, всяко хорошо! Но тут тебе выбирать. Как ты захочешь, так и будет! Ты старшая, и мать твоя, и я были старшими. Нашу кровь не разбавить. И дед твой, и отец из чужих, из другого народа, а толку?..

Повернула Аленья кольцо, отворила калитку и вышла со двора прочь. Велька осталась вслед ей смотреть, та снова обернулась, и видно было, что бабка уже и не молодуха, а девка, с длинной косой, в тонком, резном девичьем венчике, с рясами теперь из сверкающего серебра. Помахала ей рукой и пропала из глаз.

Велька сразу проснулась, села на постели. Тихо было кругом, сонное дыхание слышалось со всех сторон, в откинутый полог небо звездное виднелось, комары в воздухе так и звенели. Но заговор против кровососов помогал неплохо — звенеть звенели, а не жалили.

И что же это за сон такой был? Ах, вернуться бы туда, в сон, да расспросить бабку как следует. За что она прощенья просит? От чего ее хотела уберечь? А про кобылиц и серых утиц — как понять? Кобылицу не стреноживать, а объездить, летать можно, но только утицей...

Про кобылицу оно, может, и понятно — это про силу их волхвовскую. Ее не прятать надо, не бояться, а научиться владеть, всему научиться, до мелочей. Ну да Велька и сама это для себя уже решила, что непременно будет учиться всему, что осилит. Найти бы только, у кого учиться!

Бабка Аленья сказала, что с матушкой было легко, а Велька такая же, как сама она, бабка. Но не она ли твердила все годы, что Велька волхва слабенькая, кровь разбавленная? Для того, чтобы уберечь? И где же правда? Разве бы тревожила Вельку ее сила, если бы той было совсем мало?

Это ладно. А утицей летать — это что?

А ведь летать страсть как заманчиво, хоть кем, пусть бы и утицей.

Еще бы спросила она у бабки про чуров своих с материнской стороны и про того, кто ее оборотневой кровью наградил. Какого хоть зверя он в себе носил, интересно же!

А что более всего порадовало Вельку в этом сне: бабка сказала, что ей, Вельке, самой придется выбирать, и как она решит, так и будет. Это хорошо. Значит, не будет принуждения, и беды впереди можно не бояться, просто настанет момент, когда что-то придется выбирать...

Настолько утешило Вельку свидание с бабкой, что и Касмет, чуть ранее в том же сне увиденный, теперь страшным не казался.

Уснуть больше не получалось. Сестра, боярыни, девки спали тут же, рядом, спали крепко — дыхание их спокойное, ровное со всех сторон доносилось. Рассвет, должно быть, скоро уже... самый глухой час. Неподалеку костер еще горит, дозорные не спят. Если посидит она у входа в шатер, подышит ночной прохладой, ничего плохого не будет. Лежать, ворочаться больше было не вмоготу, и душно в шатре стало. Она и выходить наружу не станет, нет, зачем? Только выглянет...

Вдруг тень мелькнула за пологом, чья-то рука его отодвинула, человек заглянул... кметь вроде? Большой, плечи широкие.

— Лада моя, ты где? Спишь?

Велька ахнула, узнавая.

Венко.

Вскочила она, как подбросил кто. Выбежала из шатра, чтобы оказаться сразу в его руках. Тут же он утащил ее за шатер, губы его прошли по ее щеке, с ее губами встретились, чтобы не расставаться долго.

С тех пор как бродили вместе по Нави, много дней прошло, она соскучилась. Только и думалось: наконец-то!

Она все же отстранилась, силком — он не пускал, рассмеялась:

— Венко, Венко! Бродишь тут, как дух лесной, и откуда только взялся? Человек ли ты, назовись?

— Человек я. Венко меня матушка называла, — он стиснул ее крепко.

— Только матушка? — она нахмурилась.

— Братья так же кличут, и отец, бывает...

— Много у тебя братьев?

— Ой, много! — он смеялся, гладил ее пальцами по лицу, все опять норовил поцеловать.

— Думал, как же я, лада моя, с тобой не встречусь сегодня, когда еще случай будет? А вот видишь, свезло нам.

— Вы, что ли, близко?

— Ну да. Задержались опять, на одной из телег оси поломали.

— Ох, Венко, не верю я тебе, ну вот на медяшку разве только.

— И не надо!

— Да как ты меня нашел? Как сюда пройти мог? Тут дозорные всюду!

— Я слово особое знаю! Не веришь?

— Придется верить! Сильное слово, наверное, раз ты мимо наших дозороа..

— Еще какое сильное!

Глаза к тьме ночной попривыкли, и Велька парня видела, узнавала, что он это и никто другой. Хотя не так уж надо было ей видеть его, все равно бы не спутала. Долгий тот день, вместе в Нави проведенный, оказывается, связал их так, что чужими им уже не стать. Да и не только тот день. Все мысли, сомнения, что тревожили, когда сила томила, улетели прочь, казалось теперь княженке, что Венко есть один на свете, только к нему сердце рвется, только он нужен, а княжичи... да при чем здесь княжичи, хоть кто из них?

— До Карияра, любя, уже и недолго осталось. Ты потерпи. Поберегись, слушайся своих боярынь, они все верно тебе говорят.

— Ты знаешь, что тут было у нас? Про татей лесных?

— А то. Знаю. Попадутся они мне еще, ответа спрошу, мало им не покажется. Обещаю тебе. То из-за крови твоей. Так что поберегись. Я тебе еще когда говорил, что ты арья, хоть и с мешаной кровью.

— А как понял? Это внешне разве видно? Разве я так от других девок отличаюсь?

— Нет. Внешне не видно. Обереги вот у тебя, по ним видно тому, кто знает. А я чувствую твою кровь. Запах слышу.

— Что?! Чувствуешь? Запах?..

— Что-что... потом расскажу.

— Опять потом?! Венко, скажи вот, а мы вправду были в Нави с тобой вместе? — забеспокоилась она вдруг. — Не одной мне все приснилось?

— Конечно, были. Волчицу из ямы доставали, она потом мышами нас одарила, котяра еще был зловредный. Такое приснится...

— Да, да, точно.

— Люба, Велюшка моя, может, отдашь уже мне обручье? — спросил он, слегка запнувшись.

Велька замерла, сердце ее удар пропустило.

Отдать ему обручье? Вопреки отцовской воле обручиться? Как же это...

Нет, не смела она. Все еще не смела.

— Прости, — шепнула она, — не могу. Что скажу?..

— Ладно, ладно. Не грусти. Все по-нашему будет.

— Оставайся с нами, — попросила она, — езжай с нами. Каждый день видеться станем. Я понять хочу... Я ведь тебя белым днем только в Нави и видела, — сказала и задрожала против воли, осознав, что сказала.

Хоть проявляющее суть заклинание раз за разом показывало, что Венко человек, простые рассуждения приводили к иному. Сколько раз они уже встречались, и всякий раз ночью!

— Пора мне возвращаться, любя, — с грустью сказал Венко. — Чего хотел, сделал — тебя вот повидал. Скоро уже нам не придется расставаться. Веришь?

Она кивнула. Он поцеловал ее на прощанье, долго и сладко.

— Ты побереги уж для меня свое обручье, — попросил он, улыбаясь, лаская ее взглядом, и она кивнула, обещая.

Он ушел, а она нырнула в шатер. Чуть не споткнулась о спящую челядинку, упала на свою постель, прислушалась. Тихо...

Нет, теперь уже не тихо. Шум вроде голоса. Да что же это?..

Громкие голоса, и вроде зычный бас Горыныча был слышен. А потом наконец все стихло.

Велька опять подобралась тихонько к приоткрытому пологу, посидела, тревожась, пока не убедилась, что все в порядке. Это Горыныч, должно быть, дозоры обходил, да и заметил задремавшего кметя, за это наказание было неотвратимо. А дозоры их воевода всякий раз обходил перед рассветом, сам, не доверял помощникам.

Все же уснула Велька, и снилось ей не пойми что, но хорошее. Но не всем этой ночью снились светлые сны. Уже на рассвете Вирута, оказывается, переполошила всех, потому что выскочила из шатра и кинулась в лес, а кметю, что ее тут же изловил и понес обратно, вцепилась в волосы, твердя что-то про жар-птиц, которые все кружат, кружат, злые, и улетать не хотят. Велька про птиц услышала утром, принялась расспрашивать, пока все не выяснила. Так, значит... жар-птицы...

Это ей вроде беду от птиц Даруна обещала, а вовсе не Вируте.

Вирута, завидев Вельку, забилась в угол повозки, как будто теперь и ее боялась, не только жар-птиц.

— Не тронь меня, княженка! Не губи...

— Да что ты, Рутушка? Как же я-то тебя трону? Тебе это сон приснился дурной. Будь здесь какие-то птицы, их бы видели, — принялась утешать Велька.

— Они кричали, княженка! А одна меня клонула, — девка, видно, начисто забыла про то, что их княженку покуда надлежит величать боярышней.

— Да нет же, говорю, снилось то тебе...

— Нет, не снилось. Они красивые, если издалека, а вблизи с ними страшно, — бедняжка дрожала крупной дрожью.

Велька тем временем развела настойку, хотела напоить Вируту, но Любница забрала у нее ковшик, стала поить девку сама.

От снадобья Вирута малость успокоилась, щеки ее порозовели. Эх,

поглядеть бы хоть краем глаза на тех птиц из ее сна...

— Страшно с ними, горячо, — бормотала она.

Вчера все больше молчала, а сегодня, что же, бредит?..

— Ладно, — не стала Велька спорить, — какие ни есть, а улетели они, так что не бойся, пусть их. Зачем ты им нужна?

— Так я и не нужна, — воскликнула девка и, не мигая, уставилась на Вельку, — они ведь за тобой прилетают, княженка! Ты неужто не видела? Они уже давно прилетают, сердятся! Ты к ним не ходи!

— Не пойду, зачем мне? — Велька улыбнулась, чувствуя, что получилась не улыбка, а гримаса, лицо как чужое стало.

Любица — та побелела, как молоко.

— Я их и там видала, — Вирута качнулась к Вельке, — там, в лесу! Много! Целая стая прилетала! И эти... в личинах... страшные эти... — она опять задрожала, закрыла лицо руками.

— Кто в личинах, Рутушка? — осторожно уточнила княженка. — Люди? Те, что тебя похитили? А что за личины?

— Стра-а-ашные... звериные!

— Оборотни?.. А птицы эти к ним прилетали? Слушаются их, что ли?

Вирута затрясла головой, и не поймешь, соглашалась или отрицала.

Сверх этой малости разговорить Вируту не удалось, да Велька и не настаивала, чтобы не бередить недавнее.

Еще кое-что выяснилось, от этой новости Велькино сердце замерло: оказывается, ни много ни мало, а изловил воевода Горыныч чужака в лагере, когда дозоры обходил, и будто бы сначала заприметил он его среди шатров, в которых женщины спали. Упустили чужака, сбежал он. Зол был воевода, ругал почем зря кариярских кметей, которые на его зов прибежали, навалились, да одного парня как следует скрутить не могли, вот же бестолочи!

— Рожа знакомая, видал я его уже, и не раз. Уж попадись мне опять — точно не уйдет, — бушевал воевода, — и откуда только этот леший тут взялся?

Понемногу и выяснили, что парень-де не совсем чужак, нашлись его знакомцы в обозе, к кому он-де приезжал то ли кой-чего одолжить, то ли старый долг вернуть, а потише говорили, что, может, к кому из женщин он приезжал, и обоз купецкий, впереди идущий, вспомнили. А почему явился ночью — да вот как раз поэтому. Значит, выходило, что кариярцы чужака пойманного отпустили нарочно, вопреки воеводскому приказу, что, конечно, не дело.

Бушевал воевода, с боярином Мирятой ругался, с Горибором, который

тоже вмешался, — теперь уже за то, наказывать ли нерадивых, приказ не исполнивших, или не наказывать. Карьерцы артачились и своих людей воеводе на ответ выдавать не желали. Женщин всех пересчитали, Воевна допрос учинила чуть не каждой — вроде ущерба никому не было.

— Ты чего трясешься, боярышня, как овечий хвост? — тихонько спросила Вельку боярыня Любица.

Внимательная она и приметливая, от ее догляда спрятаться было решительно некуда.

— Это мой Венко был, ко мне приезжал, — решила княженка, шепнула: — Смотри, ты обещала не выдавать. Все, уехал он и уехал.

Любица только руками всплеснула:

— Надеюсь, ты в своем уме, Огнявушка. Насчет него не знаю!

— В своем, в своем, не бойся. Я о другом вот думаю. Пойдем в шатер, пока никто не видит, я рубаху переменю.

Шатер пока не разобрали, женщин собрала Воевна, так что Любица без помех помогла княженке переодеться. Велька тут же схватилась за подол снятой рубахи, осматривать принялась внимательно, дюйм за дюймом. Так и есть, нашла: нитка льняная была продернута сквозь ткань в самом низу, не захочешь — не заметишь.

В прошлый раз, тоже после ее свидания с Венко, такую нить нашла Воевна, заклятье на бодрость и здоровье, и на бессонницу, получается. А кому нужно, чтобы она нынче ночью не спала? И той ночью тоже.

Только Венко это и нужно. Все ведь спали крепко, а она одна — нет. А иначе как им с Венко было встретиться?

Получается, кто-то здесь служит Венко? За серебро, за подарки, за другое что? Кто еще взялся бы заговоренной нитью рубахи прошивать?

Вот ведь...

И как быть? Тайком от всех разобратся — непросто. Значит, только Воевне признаваться, и шуму будет, и ей самой во вред пойдет, эти свидания ведь им с Венко и нужны, а больше никому. Вот с Венко она при встрече спросит, тоже, вздумал тайком, за ее спиной, такие дела делать!

— Это заговор, чтобы мне не спать, — объяснила она Любице, — чтобы могли мы встретиться... с Венко моим. Я не знала.

— Кто-то из наших мудрит? — та сразу вникла в суть. — Вот я... Да только ведь...

— Да, вот именно. Не говори никому, а заметишь что — мне скажи, хорошо?

— Ладно, Огнявушка. Теперь каждую твою рубаху просматривать буду! И кто бы мне загодя сказал, что невесту к жениху отвезти хлопотное

дело? А вы... Ну что с вами делать? Как его там... Венко твоего, если изловят тут ночью, точно не помилуют. Это вы понимаете? Пусть лучше будет здоров да счастлив от тебя подале.

— Люб он мне, — сказала Велька, — и слов не подберу, как сильно.

— Люб, и сильно... да когда вы успели-то?

— Погоди, Любушка. Он у меня обручье нынче попросил.

— Точно парень разумом скорбный! И что ты?.. — Любица схватила Вельку за руку, убедилась, что девичье обручье на месте.

— Я не дала. Не решаюсь я, Любушка. Люблю его, а через батюшкину волю переступить не могу. Я, сколько себя помню, только и слыхала, что мой первый долг — по родительской воле замуж выйти. Как же мне теперь иначе?

— И нельзя иначе! — Любица нахмурилась. — Это только на беду и тебе, и ему, и всем! Сразу говорю, все, что от меня зависит, сделаю, но не позволю.

Это Велька уже слыхала, и не раз. Это понятно. Венко вот иначе мыслит, и не сомневается даже.

— Мне еще что-то выбирать придется. Только не женихов, другое. Чтобы бегать кобылицей и летать серой утицей...

— Что?! — раскрыла глаза Любица. — Ты о чем это?

Велька только рассмеялась, хоть весело не было.

— Не знаю, Любушка. Узнаю, так расскажу.

Она вышла из шатра. Волкобой лежал рядом, у самой холщовой стены, сразу поднял голову и на нее поглядел. Она подошла, присела рядом, погладила пса.

— Никак, Волкобоюшка, наши секреты подслушивал? Ты хоть никаким татам не служишь?

Тот твякнул и посмотрел обиженно. Велька рассмеялась и опять потрепала мохнатую шею, прижалась к ней щекой.

— Нет, ты меня не обманешь, я знаю. Тебе верю.

А сердце отчего-то сжалось. Выбирать, да... что — неизвестно, но скоро уже. Вот-вот. Хоть бы уже скорее, что ли?

ГЛАВА 17

Похищение

К вечеру доехали до реки. Широко она текла, неспешно, среди лесистых берегов, берега мост соединял хороший, широкий, из старых, потемневших бревен — видно, не срывало его каждым весенним половодьем.

Кариярцы разом повеселели. Боярин Мирята Веденич довольно бороду погладил, сказал, взглядом меряя путь вниз по склону до самого моста:

— Ну вот, уже и рукой подать до дома. Переправимся завтра, вдоль реки поедem по тому берегу, глядишь, ладьи встретим, что князюшка наш прислал. Я ему уж отправил весточку. Дальше по реке поедете, боярышни, на воде вас никакие лесованцы не достанут.

Боярыни переглядывались, довольно кивали — по-всему, новость была хорошая. Велька не радовалась, она по воде ездить никогда не любила, лучше уж верхом, по берегу, до самого Карияра. Но у нее не спросили.

Все равно, радоваться следовало: большая часть долгого пути осталась позади.

Княжич Яробран, остановивший своего коня рядом, приветливо улыбнулся Вельке.

— Просьба у меня к тебе есть, боярышня, уважь.

Велька против воли вздрогнула, ладонью обручье свое, из-под рукава выскользнувшее, закрыла.

Просьба — не обручье ли просить станет?..

Тут же спохватилась, покраснела густо. Яробран рассмеялся, как будто все понял. Хотя почему как будто? Не глупый он, конечно, понял.

Сказал мягко:

— Знаю, у тебя бальзам чудный есть, что раны затягивает. Давала ты нашему лекарю, да тот все уже истратил. Может, угостишь меня?

— Конечно, дам, — сказала она, — ты поранился?

— Не я, брат. Ириней. Ничего, поцарапался просто.

— Да как же? Мне бы посмотреть, — встревожилась Велька.

— Ничего страшного. Тебе его царапины лечить — только докука, и сестрица твоя... — он замолчал, улыбнулся.

Велька сердито сжала губы. Что за намеки? Нехорошо. Можно

подумать, все глядят на них с Чаяной и сестриной ревностью забавляются. А рядом Велемил еще, ему-то как неприятно!

— Я посмотреть должна, а то мало ли, что за рана, упустим, нагноится еще, — сказала она упрямо. — Уже плохо заживает, раз про бальзам спрашиваешь? Вот покажете рану, и бальзам дам.

— А если у него рана в таком месте, какие девкам не показывают? — пошутил парень. — Только в смущенье брата введешь!

— Если бы он на ежика ненароком сел, я бы уж знала! — усмехнулась Велька. — Но он день верхом ехал, и хоть бы что!

— Ладно, убедила, придем вместе, полечишь. Может, и я на что пожалуюсь. Порешили, сестричка, — кивнул и в сторону отъехал.

— Сестричка?! — усмехаясь, повторила Любица, которая, конечно, тоже тут была. — Это как же понимать?

Возможную невесту сестричкой не величают.

Чаяна накануне уверенно заявила, что не иначе как Яробран попросит у Вельки обручье, и многие согласились, потому что немало внимания последние дни оказывал княженке именно он. Ириной тоже был теперь от Вельки поблизости, но держался более отчужденно. Любица стала было возражать, что и Горибора со счета сбрасывать не дело, но ее никто не поддержал.

И не надоело же им про ее жениха возможного языками чесать!

— Мне кажется, что все они сомневаются, — заявила Чаяна, — ну да что за беда, значит, сам князь ей мужа назначит. Ему, наверное, виднее, кого на младшей дочери вериложского князя женить! Ни о чем, сестричка, не беспокойся, безмужней не останешься, каждой из нас свое место полагается, — глядела она ласково, а все равно сказала, словно уколола.

Потому что она обручье уже отдала, а у Вельки никто и не просил пока. Любой девке больше чести, когда сначала обручье просят, а потом уж замуж берут, а у княженки вериложской, выходит, будет не так.

— Может, и верно, — поддержала Воевна, — старших послушаться всегда к лучшему!

Ой ли? Что-то оно частенько иначе казалось.

И еще вспомнилось, как сестра обронила, что богатое приданое ей, Вельке, не понадобится. Потом она отнекивалась, дескать, сгоряча или в забытии что-то не то молвилось. Вот и выходит, что богатое княжеское приданое княженке ни к чему, раз ни один из княжичей на ней жениться не собирается? Зато собирается Венко, а кто он — все равно это Вельке. А приданое, кстати сказать, и само по себе в дело годится, без княжича в мужьях!

Ах, Долюшка, пряха небесная, что же ты тут напутала? Для всех пряжи на пряла, для Вельки только колтун перепутанный получился, разобраться бы с ним!

А если и впрямь к Венко приведет ее нить распутанная?

Ах, если бы...

Зачем он обручье просил? Неужели не понимает, что никак нельзя им сейчас открыто обручаться — люди, что кругом, не примут и не позволят. А если застанут чужого парня с ней рядом, да еще ночью — Любица верно сказала, ему этого не спустят.

Еще немного проехали, и поляна показалась, большая, на ней кострища, обложенные камнем, — видно, что на этом месте то и дело путники вставали на ночевку. Привычная суета началась, лошадей распрягли и повели к речке поить, костры разводили, шатры ставили.

В шатре Чаяна сразу упала на разостланные кошмы.

— Эх, баню бы хорошую! — мечтательно протянула она. — Мы уж сколько дней в лесу да в лесу, мохом покроемся, да так в Карияр и явимся, людей пугать тамошних? Да и баня не поможет, вот какие мы черные!

— Это верно, — согласилась Воевна, — ну ничего, скоро, говорят, глушь кончится, каждый день будем города проезжать, а уж веси и считать устанем. Скоро и спать будем как люди, под крышей, и банька будет хоть всякий раз.

— Скорее бы! Волосы вымыть с хмелем и ромашкой, да на лежанке выспаться, уж бока болят!

Ну вот, опять завела сестрица. Велька только хмыкнула. Хотя по баньке и она соскучилась, и от хмелевого отвара с ромашкой тоже бы не отказывалась.

— Будет, все будет, горлиночки. И снова станете вы белые да румяные. А пока, может, и в речке искупаемся. Воевода наш послал уже людей место смотреть, и на тот берег поехали.

В речке искупаться хорошо бы. Дни стояли жаркие, как всегда в середине лета, а они верхом с утра и до вечера. Чтобы теперь белыми да румяными явиться в Карияр пред очи свекра да свекрови, на каждую из них по жбану отбеливающего снадобья употребить придется!

Пришел боярин Мирята, переговорил с Воевной, и та увела прочь всех женщин, включая недовольную Чаяну, остались только Велька и Любица. И тут же полог опять колыхнулся — стали заходить княжичи: Горибор, потом Ириней с Яробраном. Поклонились, им тоже поклоном ответили.

— Хотела самолично лечить, вот, сделай милость, боярышня, — Горибор показал на Ириней.

Тот закатал рубаху, и оказалось, что рука у него словно зубами звериными порвана и уже воспалилась. Нет, конечно, бальзам — это хорошо, а заговор она все же прочитает.

Потемнела глазами Любица, спросила:

— И что же ты, княжич, с волком не поделил?

— А ты почему решила, что с волком? — удивился Горибор. — Ты где волков-то здесь видала?

— А как же? — усмехнулась боярыня. — Скажи еще, что это заяц тебя покусал, — она внимательно посмотрела в глаза Горибору, — я, княжич, с оборотнями рядом росла. Но ты не бойся, лишнего болтать не приучена.

Взгляд у Горибора стал пытливый, острый.

— Я слышал, ты и слова особые знаешь, чтобы оборотней отличать?

— Знаю, княжич.

— И кого же из нас ты на это испытать бы хотела? — вот въедливый.

Любица помедлила с ответом, но глаз не опустила.

— Не тебя, княжич, это точно. Не Иринея, раз он поранен. Вот Яробрана — возможно. И еще, не удивлюсь, если среди ваших кметей оборотни со звериной сутью есть.

Княжичи засмеялись разом, взглядами обмениваясь.

— Ишь ты, — сказал Горибор, — тогда хорошо, что ты лишнего не болтаешь. Есть у нас и настоящие оборотни, верно, двое всего, но не волки. Рядом с Лесованью живем, куда денешься. Звериной сути у нас не стыдятся, но не всегда хотят ее показать.

— Оборотню недостойно прийти в дом и не назваться хозяину, кто ты есть, — упрямо возразила Любица.

— У нас не так, — чуть улыбнулся Горибор, — но у вас, в Верилоге, оборотни князю назвались. Мы чужие порядки уважаем, не сомневайтесь. Знает все о нас ваш князь и против ничего не имеет.

— Ты рубаху снял бы, княжич, — сказала Велька Иринею, — чтобы всю рану поглядеть.

Иринея тут же за рубаху взялся, из пояса ее выдернул, не совсем снял, а наполовину — с одного плеча сбросил, рана стала видна целиком, нехорошая, местами синюшная. Что же, надо лечить, и все тут, а то как бы до беды не дотянуть.

— Болит ведь небось? И почему сразу не сказал, зачем столько терпел? Сразу и лечить проще! — сердито выговорила она Иринею.

— Так лечил же... — нехотя оправдывался тот, — она и не болела поначалу. Лекарь мазь такую дал, что и не болела.

— Ты что, дитя малое? Надо не чтобы не болело, а чтобы

затягивалось!

На лицах парней было полное согласие с ее словами. Видно, это Ириной не желал к ней за лечением идти, а о причине можно было и не гадать.

Велька вздохнула глубоко, ненужные чувства прогоняя, силу в руки собрала — немного совсем, сколько нужно, маленький огонек зажгла среди пальцев, поднесла к ране. Ириной отшатнулся...

— Не бойся, больно не будет, немножко разве только! — не спеша прошла она по ранам огоньком, быстро читая заговор, Ириной только вздрагивал иногда.

Вот ведь, как будто не простая грязь в рану попала, а и яда какого добавили, хорошо, что немного. Яда или ворожбы злой. Горело, наверное, жгло, да лекарская мазь все же помогала, боль гасила... временно. Настал момент, когда ее стало мало.

Краснота и синюшность на глазах исчезали.

— Вот и все, княжич, — Велька огонек погасила, густо смазала рану бальзамом.

— Эко диво, — улыбнулся Ириной, — огонь, а вроде и не огонь, щекотно даже.

Велька только коротко рассмеялась. Да, это всем удивительно.

Голова кружилась... слегка. Казалось, что силы понадобятся чуть, а ушло ее немало, выходит.

— Это кто его так, — спросила она у Яробрана, — не ты ведь?

Не верилось ей в такое, что бы там они ни говорили.

— Не я, что ты, — махнул рукой тот, — я же не волк. Чужого встретили третьего дня, бродил тут кругом. — Не удивился вопросу, не возмутился. Добавил: — Прогнали, не беспокойтесь. Видно, ушел бродить в шкуре. Оборотни так делают иногда. Брат хотел не дать ему уйти, да не вышло. Я поздно подоспел.

Оборотня-волка, значит, встретили... в шкуре... третьего дня. Третьего дня — это уже давно.

— Теперь не чуем его, — добавил, — отстал. Мы ведь около тебя все, Огнявушка, потому что у нас нюх лучше. Мы тебя бережем, так что ничего не бойся.

Когда они ушли, Любица руками всплеснула:

— Оборотни, надо же! Князя кариярского сыновья! Куда мы тебя везем, Огнявушка? Видишь, какие люди там другие!

— Но люди же, — негромко возразила Велька.

Осталось еще признаться, что и она сама тоже немного оборотень.

А между тем на мир земной опускался вечер. Близкая речка прохладой своей и свежестью так манила, что мочи не было устоять даже напуганным девкам. Хотя, конечно, испуг большей частью прошел. Нет ведь рядом злыдней-оборотней, кругом дружина сильная, кмети охраняют день и ночь, а дурные те земли, где до сих пор огневая богиня правит, уже и проехали. Не бояться же теперь всю жизнь каждой тени!

Оно так, но Вельку на речку не пустили. Да, и охрана есть, и место для купания три раза проверено, а не пустили.

— Поберегись, душа моя, напоследок, — сказала Воевна, — мы скоро.

И остались Велька с Любицей вдвоем. Нет, так-то народу в лагере было полно, да все своими делами занимались, и только у Любицы главное дело было — она, Велька. Им воды принесли с речки, чтобы вымыться хоть так, а после Вельке, в свежих рубахах и с наново переплетенной косой, в шатре не сиделось. Она вышла, Любике махнула — дескать, я тут буду, рядом. От костров тянуло то поспевающей кашей, то взваром из сухих яблок. Девушки-челядинки мимо прошли, к речке, унесли в корзинах грязное белье — им не только купаться, а и белье мыть. Кто-то из кметей уже управился — в стороне на кустах сохли рубахи. Тут же мужчины возились с рыболовной сетью, прилаживая ее на сплетенное из ивняка кольцо. Свои кмети, знакомые, вериложские. Увидев подошедшую княженку, самый старший, здоровый, бородатый Живята-десятник, слегка поклонился, подмигнул:

— Вот, свет-боярышня, перемет ладим. Поклонимся речке медком да кашей, она нас, глядишь, рыбкой подарит, утром ущицей лакомиться будем.

Велька лишь улыбнулась в ответ. Это понятно, как же стоять у речки и не постараться рыбы добыть на уху? Пузатая корчажка с медом уже приготовлена была, тут же, в траве, и горшочек с кашей, и, надо думать, речка получит в дар не всю эту корчажку, а только невеликую ее часть.

Хорошо было тут, и люди эти, такие свои, родные, можно сказать, и выговор их родной, вериложский. И работа их понятная и знакомая — Велька раньше и сама переметы ставила, захотелось даже забрать сейчас у рыбаков сеть и самой закончить, вон там, внизу, еще зачинить немного надо...

Не стала она, конечно, мешаться, просто осталась рядом стоять — здесь не ее Синь-весь, навеки теперь оставленная...

А ведь один из парней — кто-то чужой, лицо незнакомое. А держится как свой.

— Ты кто же такой? — спросила она. — Я что-то не помню тебя.

Парень встревоженно дернулся, но ответил:

— Это же я, боярышня.

— Ты не узнала? — подхватил бородатый. — Вострец это, из моего десятка, ты и раньше его видала, неужто запамятовала? Вроде когда-то его и лечила еще, от грудной лихоманки. [\[41\]](#)

Велька моргнула и узнала, вспомнила — точно, тот самый парень, приехал как-то зимой с князем на волчью охоту, да застуженный уже, пришлось снадобьем отпаивать.

И как же она сразу его не узнала?

А потому и не узнала, что поначалу глядело на нее другое лицо, похожее, да не то. А теперь вот то. Но...

Велька медлила, стояла и смотрела, пытаясь уразуметь, что же это такое получается, почему? Недолго, нет, только несколько раз сердце и успело стукнуть. И померкло вдруг все, пропало.

Очнулась она... и не сразу поняла, где находится. Шелохнуться было трудно. Стояла она меж деревьев, как будто туго спеленутая чем-то, и чьи-то руки ее держали, крепко.

Да что же за напасть?!

Трудно было виду не подать, что очнулась, она и старалась не шевельнуться и дышать осторожно. Напрасно, тот, кто держал, все равно заметил, что она в себя пришла, сжал, потряс.

— Эй, ты тут, невестушка моя? — голос тихий, чуть хриплый, незнакомый.

А может, и знакомый... немножко?

Вспомнила она зато, что было перед этим: кмети к рыбной ловле готовились, она с ними говорила, незнакомца увидала, который знакомым оказался... да нет, вот с ним и было что-то не так. И случилось это посреди их лагеря, она всего-то на десяток шагов от шатра своего отошла, где у входа Любица стояла, и люди, охранять ее готовые каждую минуту, были кругом. И светло теперь было так же, как тогда, значит, совсем немного времени прошло.

— Кто ты? — спросила она, получилось хрипло, как будто из застуженного горла.

— Для тебя разницы нет, — ответил голос, — хотя все узнаешь в свое время. И имя мое, и род мой. Тебе за меня замуж выходить.

— Нет! — крикнула она... вроде как крикнула — хрип невнятный лишь вырвался, — забилась в чужих, небережных руках... да как забьешься, если все тело сетью рыбацкой опутано.

Только крепче ее сжали, так, что и дышать стало невмочь.

— Голос у тебя мои пелены забрали, — пояснил похититель, —

кричать станешь — и последний сорвешь.

Так, значит.

Ее невестой зовут, в жены взять хотят? И потому украли? Ее, вериложского князя дочку, кариярского князя почти невестку? Да что за безумие? Кому такое в голову взбредет?

— Пусти меня, прошу, — прохрипела она, — что тебе надобно, зачем я тебе? Лучше выкуп за меня возьми, большой... заплатят, не сомневайся! Пожалуйста.

Ее мучитель только негромко рассмеялся.

— Выкуп за тебя мне слишком дорого встанет. Да и не ради выкупа я тебя изловил, милая. Сама ты мне нужна, дороже серебра, и всего дороже.

И что-то не сомлело бы никакое девичье сердце от этого признания, наоборот, замерло бы в страхе. Потому что совсем другой смысл почудился Вельке в этих словах, не любовь, не страсть, другое что-то.

Силу позвать надо, пусть нахлынет, соберется, в руках хотя бы. С ней, с княженкой Вельей, справиться не так-то и легко!

Бесполезно, не приходила сила. Совсем не приходила. Не получалось воровать.

— Видел я, ты глаза отводить умеешь, — сказал злодей, — так и я много чего умею, что тебе, полукровке, и не приснится. Некуда тебе теперь деваться, а станешь слушаться — всем будет хорошо. Поняла?

Опять она не поверила. Чтобы ей, да с этим — и хорошо?

Злодей ее одной рукой подхватил, и вдруг подпрыгнул, плавно так и мягко, и оказался на дереве. И это держа Вельку, которая, может, для девушки и не тяжела, но не пушинка ведь!

— Вот, смотри. Это чтобы ты поняла, что дурить не нужно, ничего не добьешься.

И она посмотрела. И увидела. Их лагерь увидела, где все было спокойно. Воевна за что-то распекала одну из челядинок, вот Любица к ней подошла, а следом... да, она, Велька. Себя, со стороны глядя, мудрено бывает узнать, так что княженка не сразу и поняла, что это именно она. Смотрела на одежду, на косу, на лицо, определенно свое собственное, — и все это, получается, носит теперь кто-то другой... что-то другое, потому что — человек ли это хотя бы?..

Хоть бы Воевна догадалась, что ли, заговор прочитала на проявление сути, водой бы брызнула, чтобы морок спал, — это она сумеет, да, но не против сильного колдовства. А тут, должно быть, оно именно что сильное!

Да только с чего бы Вельку проверять, она ведь не из лесу пришла.

Как же близко они, крикнуть — сразу бы услышали! А не крикнешь.

— Не увидят нас и не услышат, не старайся зря, — сказал злодей, — лучше погляди напоследок еще малость. Видишь, добрый я!

Яробран вот подошел, и Волкобой с ним, лизнул пес руку обманной княженке, та в ответ его погладила — точно как сама Велька сделала бы.

— И чего ты водишься с этим псом вонючим? — поинтересовался злодей этак буднично, и явное отвращение слышалось в его голосе. — Лучше бы парню какому улыбалась.

— Сам ты вонючий, не знаю, правда, кто, — не удержалась Велька, хотя врага, конечно, зря сердить не следовало бы.

Не в ее положении.

Злодей тихо рассмеялся.

— Учтивости тебя учить мне незачем. Не пригодится. И так сойдет.

Они разговаривали о чем-то, Яробран, Любица, Воевна, Горибор еще подошел. Обманная княженка только кивала и пса гладила. И верно, что она вместо Вельки сказать могла бы? Заговорит — ее и узнают, уж насторожатся во всяком случае. Но Волкобой-то, Волкобой... опять руку этой кукле лизнул. Его-то нюх хваленый собачий где?

— Что же он так? — прошептала она, и обидно стало страсть как, хотя теперь-то обижаться никак не время!

— Запах твой на ней, — со смешком пояснил злодей, — до утра продержится. Что, насмотрелась, арья, хватит? Пора нам, — и крепко обхватил ее обеими руками.

Запах ее, значит, на этой твари — как же можно так, где он раздобыл?..

Никогда еще Вельке не противостоял настоящий колдун. Прежде, дома, все волхвы и ведуны, с которыми встречалась, были к ней добры, ценили ее малый дар, помогали, советы давали добрые. И вот первый же враг оказался неизмеримо сильнее!

Дома она была внучкой волхвы Аленьи и дочерью князя Велеслава. А здесь она, выходит, ничто, искорка, которую любой прихлопнет... любой сильный.

Кто? Страшно было оглянуться и трудно, держал ведь он, пошевелиться не давал. Но надо было узнать, надо! Дернулась она, крутнулась в его руках, смогла взглянуть...

Конечно, он. Тот купец-оборотень. Касмет.

Волк.

Боги Светлые, да что же делать?!

Но, как ни странно, теперь, зная врага в лицо и по имени, Велька малость успокоилась, хотя до этого боялась именно Касмета больше всего на свете.

Его ореховые глаза щурились усмешкой:

— Звал ведь я тебя замуж? Вот и будет так.

Он отчего-то медлил, поглядывал вниз.

— Послушай, — опять решилась Велька, — я дочь князя Велеслава. Мой отец выкуп тебе даст за меня, какой пожелаешь. А мой свекор кариярский князь. Нужны тебе такие враги? Хочешь, я чем угодно поклонюсь, что никому никогда не скажу... вот об этом. Отпусти только.

Касмет рассмеялся хрипло.

— Дочка Велеслава? У него не полный ли терем таких дочек, которые растрепами по торгу бегают? Не надоедай мне глупостями, девка. Хоть ты всех князей на свете дочка и внучка — мне этим только больше годишься. Поняла?

Вот и неправда, растрепой она не бегала...

Касмет опять стиснул ее крепче, что-то недовольно пробормотал. Велька увидела: по лагерю отрок, что за их с Чаяной лошадьми ходит, вел ее Званку. К той вел, к обманной княженке. Зачем?..

Кобыла вдруг забеспокоилась, ушами запрядала, на задние ноги приседать стала, а другая княженка назад отступила...

Велька, напротив, тут же схватила бы повод.

Заржала Званка громко, прынула в сторону, на дыбы поднялась, передними ногами забила — паренек аж прочь откатился, от копыт ее спасаясь. Весь лагерь от такого, наверное, подскочил разом, зашумели люди, забегали, а обманная княженка упала вдруг лицом вперед, на руки опершись, — и стала крупным волком. Немногие и сообразили сразу, откуда взялся зверь, визгом женским, криками, крепкой руганью наполнился лагерь, кто прочь бежал, но больше наоборот, у кого мечей под рукой не оказалось, хватали что придется. Волк, однако, изловчившись, выскочил из людского круга и со всех ног помчался к реке. А следом за ней рванула огромная, больше обыкновенной, рысь... и появилась она там, где только что стоял княжич Яробран. Не сразу, но несколько всадников тут же устремились следом — кто первый сообразил, что же это творится, и успел добежать до лошади.

Прыжками неслась вслед за бегущим волком золотистая кошка, к реке... к мосту... по мосту, и они скрылись в лесу за рекой, и еще одна рысь, припоздавшаяся, размером немного меньше, проскакала туда же, и всадники спешили и тоже бросились в лес...

Один сплошной крик стоял теперь в лагере, Велька слышала голоса Горибора, воевод, Горыныч зычно ругался и команды отдавал — Велька их не разбирала, Волкобой лаял...

Касмет за спиной у Вельки, досмотрев, видно, что ему хотелось, выругался по-своему, по-лесовански, зашипел — и снова померк для нее свет...

ГЛАВА 18

Дорога в никуда

Очнулась Велька совсем в другом месте. Кругом была густая чаща, деревья высокие, неба и не видно совсем. И опять не пошевелиться! Опять она связана... и привязана к дереву, и обмотана все той же сетью... только голова свободна, можно вертеть ею в разные стороны. Можно, но больно. И в глазах мушки серые мелькают.

И все же она, осторожно голову поворачивая, огляделась, сначала наскоро, потом внимательно.

Вроде утро, раннее, серое еще, дорассветное. Ночь уже прошла с тех пор, как она в руках у Касмета... или в лапах?..

Он оборотень. И он сказал, что в жены ее возьмет, хотя учтивости учить не станет — незачем ему. А ведь если бы и правда хотел ее в жены, ему было бы дело и до учтивости, и до прочего.

Людей нет никого, нелюдей тоже не видно. Видна... куча дров, ровная, вроде крада, справа, чуть в стороне. Высокая, выше, чем обычно для покойников складывают. Посреди крады этой, странное дело, столб. И место вокруг там вроде от деревьев и кустов очищено, что и понятно: огонь, наверное, высоко полыхает, когда эта крада горит.

Сразу вспомнилось, что боярин Мирята ответил на ее вопрос, как жертв отдают огненной богине. Он сказал — на краде. Заживо.

Значит, все-таки?..

А зачем же Касмет тогда невестой ее звал, покуражиться?

Холодно стало, очень холодно, крупная дрожь прошла по телу.

Выходит, то и случилось, чем пугали, что всего страшнее казалось, от чего ее так рьяно берегли: оборотень привез ее сюда, чтобы огневой богине отдать?

Огневой богине. А ведь Велька — огневуха, огневая волхва, с малых лет с огнем дружит, и вся сила ее, по крайней мере, большая часть — от огня...

Но бросят ее на краду, и она просто сгорит. Такой огонь заберет жизнь и у огневухи тоже, и только довольно облизнется.

Впрочем, не бросят ее. Привяжут. Для чего-то ведь стоит посреди крады столб.

Все вроде понятно было, а не верилось. Как же это ей, прожив на свете

всего пятнадцать весен, вот так взять и поверить в скорую смерть, да еще такую! Хотелось думать, что еще изменится все, не так повернется, что, может, иное что-то замыслил Касмет, не для богини он ее сюда привез, а крада — да мало ли, зачем тут крада.

Богиня огневая — какая она? И служат ей, значит, огненные птицы?..

Прилетали уже за ней, Вирута видела.

Вроде сучок позади треснул под чьей-то ногой, Велька быстро повернула голову в ту сторону, чтобы сразу встретиться с лесной теменью чужих глаз. Касмет был хмур и выглядел очень уставшим — видно, ему выдалась непростая ночь.

Он небрежно приподнял Вельке подбородок, чтобы взглянуть ей в глаза.

— Кариярец убил моего родича. Твоя цена для меня еще поднялась, девка. Хотя тому тоже неплохо досталось. Надеюсь, мы сменяли жизнь на жизнь, пусть это будет во славу Кары. Она бывает щедра к тем, кто не жалеет крови, чтобы принести ей дар. Ей чаще дарят золото! Мой дар будет много, много лучше.

Для Вельки это звучало безумием, потому что не имело ничего общего с тем, что знала и понимала об огневой силе она сама, чему ее наставляли с самого детства.

— Отпусти меня, Касмет, — снова попросила она, не сомневаясь, впрочем, что это бесполезно.

Это и было бесполезно. Оборотень только рассмеялся. Но она не могла не попросить.

И кому это «тому» досталось? Кто ранен, Яробран?

— Кого вы ранили? — спросила Велька.

— Княжеского сына. Ему хорошо попортили шкуру, такая драная может уже не пригодиться! — оборотень то ли улыбнулся, то ли оскалился.

Значит, Яробран. Он помчался за реку и ввязался, наверное, в ненужный бой с тем, сбежавшим волком. А может, не только с ним. В то время как ее, Вельку, следовало искать совсем в другой стороне.

— Кариярский князь тебя не простит, — выдохнула она.

— Ничего, я это переживу. К тому же он не узнает.

— Мой отец, князь Велеслав, тоже не простит. Ты больше не будешь торговать в Верилоге!

— Ах да, и верно. Ты ведь у нас княжна вериложская, — он опять оскалился, — будь оно и так, я тоже переживу, а он тоже не узнает.

— Ему скажут волхвы! Некуда тебе будет от него деться! — возразила княженка уверенно, хотя дорого бы дала за лишнюю каплю этой

уверенности, но не показной, а настоящей.

— Пусть, — кивнул Касмет спокойно, — я без Вериложья найду где торговать. Спасибо, что предупредила. Вот что, слушай меня, девка, — он опять коснулся ее подбородка. — Там, у вас, тебя звали боярышней. Неплохо, если так. Правда, я совсем не понял, как ты из холопки стала боярышней, ну да ладно. Слушай... Мой сын. Мой единственный сын, Айсак. Он в степи. Его обманом пленили и продали в рабство. Ты должна просить за него великую и сияющую Кару. Ты должна вымолить спасение моему сыну. Кара спасет его. Только ей такое под силу, направить меня, и помочь, и вразумить моих врагов, ее помощь вернет мне сына, сын возьмет жену, и мой род не угаснет. Ты поняла, арья?

Велька слушала, и ее изумление все росло.

— Сочувствую тебе, Касмет, у тебя горе. Но как, по-твоему, я должна просить богиню, чтобы она меня послушала?

— Ты не поняла? Ты пойдешь к ней. Я подарю ей тебя, кто бы ты там ни была, арья. Но даром для богини ты будешь драгоценным. Будешь ей служить.

Вельке самой хотелось смеяться, настолько невероятным, нелепым все казалось.

Хотя речь, похоже, действительно шла о ее смерти, и для нее сложена та высокая крада. Должно быть, так...

Души чуров, окончивших земной путь, священный дым уносил в Ирий, остров далекий-далекий, но мост на него перекинут...

Калинов мост. Конец самый этого пути, говорят, пройти надо, трудно и медленно, и чем меньше прожил, тем труднее.

А ей, Вельке, вериложской княженке, путь, значит, назначен иной, не туда, где деды и бабки ждут своих внуков. Это понятно, куда Проводница Мертвых укажет, туда и придется идти, потому как мало на что способна только что освобожденная от бременного душа, и самой искать себе пути вряд ли сможет...

Куда укажет Проводница, Маренина волхва. Или ее одну, без провожатой, отправят? Нельзя так...

Впрочем, как раз можно, наверное. Если она уже обещана, ее ждут, так и заберут прямо тут, от самого костра! Чужая эта богиня Кара или ее посыльные...

Страшно...

Велька голову подняла повыше, посмотрела прямо в глаза Касмету. Она — вериложская княженка, Аленьина внучка! Попробуй-ка ее принудь, хоть в этом мире, хоть в иных!

Ох, подождала бы она иных, да подольше, этот покидать пока вовсе ведь не хотелось! Ни с кем не хотелось расставаться...

И с Венко. Он ведь не скоро еще узнает, что с ней приключилось!

— Я не стану просить богиню за твоего сына, даже если мне и доведется ее повидать! Я не хочу. Зачем мне? Ты так обращаешься со мной, что мне не хочется тебе помогать!

На миг Касмет, кажется, растерялся, но тут же в его глазах полыхнул гнев.

— Я тебе прикажу, и ты сделаешь. Жена мужа своего не может ослушаться, уходя за Грань. Хочешь, нет ли, а не ослушаешься!

— Я не жена тебе, и не стану ею. С чего бы?

— Конечно, станешь. Богиня оценит, если я ей жену свою подарю. Тем более нетронутую — оценит вдвойне. А я по тебе год скорбеть буду, другую не возьму. Вено за тебя пошлю в Верилог, твоему князю, с купцами передам. Хоть и так имею на тебя права. А ты думала, Касмет из Сараватов злодей какой, закона не знающий? — он усмехнулся, на миг показав зубы.

И вроде ведь ничего веселого оборотень не сказал, а смеяться опять хотелось. Это что же такое, на тяжкий бред похожее, творится?

Он сказал, что жену подарит богине нетронутой, хоть это малость утешило, в постель к оборотню Вельке хотелось так же мало, как в дар богине.

Оборотень принялся распутывать на ней сеть. Руку распутал и тут же обмотал ее выдернутым из кармана шнурком, вторую руку — так же. Сдернул девичье обручье и надел его себе на руку, сначала разомкнув и подогнав по ширине. Помешать ему Велька и не смогла бы, затекшие руки не шевелились.

Отнять обручье — это не считается. Его своей рукой отдавать надо, добровольно.

Тем временем Касмет снял остатки сети, обмотав шнурками Велькины лодыжки, талию поверх пояса, последний шнурок повесил на шею. Бесцеремонно пошарил под верхицей, нащупал шнурок с оберегами, выпустил его поверх. Оглядел, особенно бабкины, лесованские, даже пальцем потрогал, одобрительно кивнул. Потрогал и другие обручья на ее руках, то, что с рысями, снял, чтобы получше разглядеть, и вернул, усмехаясь.

— Это не очень подходит женщине моего рода. Брал бы я тебя в дом на самом деле — подарил бы другое. Что ж, не сердись, милая. Сейчас мне не до того.

Теперь Велька была привязана к дереву только веревкой вокруг пояса,

несколькими витками крепкой веревки. Избавиться от такой по прежним временам — за три-четыре удара сердца справилась бы. Велька осторожно двигала руками, ногами — тело оживало, покалывало его словно иголочками. Но сила, хотя бы самая капелька, все не возвращалась. Значит, не засветить между пальцев послушный огонек, не пережечь веревку.

Женщина неслышно подошла и стала позади оборотня. Волхва. В поношенной небеленой рубахе, с вышитыми у ворота и на рукавах знаками Марены, с ожерельем из камней, палочек, плашек с резами, звериных костей, зубов. Ее длинные полуседые волосы были свободно распущены по плечам и лишь надо лбом их перехватывала узкая льняная лента, тоже расшитая знаками. На ней не было ни одной цветной нити, ничего хоть в малой степени яркого и блестящего, и лицо ее казалось таким же лишенным красок, хотя на самом деле было обычных, человеческих цветов. Она была не старой и не молодой... никакой.

Она, Проводница, стояла и внимательно разглядывала Вельку. Касмет обернулся к ней:

— У тебя все готово, яга?

— У меня все готово, — голос у волхвы был сухой, немного хриплый... как ворона каркнула.

Яга...^[42] это прозвище, общее для Марениных волхвовок, живущих обычно на отшибе, где-нибудь в лесу. Из их уст легко вылетают отборные ругательства, которые не все старики слышали в своей жизни и уж точно не смели произнести вблизи родных очагов, боясь привлечь злое. Это неудивительно, с теми духами, какие являются иной раз к Марениной волхве, только так и можно сладить. Такие слова — для них.

— Смотри, купец, — волхва показала на один из Велькиных берегов, — видишь, из какого она рода? Как бы тебе не пожалеть.

— Я давно понял, из какого она рода, — рявкнул Касмет, — потому и забрал! Разбавленная кровь, арья от силы на четверть. Хотя глаза отводить умеет, — он, щурясь, смотрел на Вельку, — ее имя Огнява. Правда, очень кстати, что ее зовут так?

Велька отвернулась.

Оборотень знает ее выдуманное имя, слышал от кого-то в лагере, должно быть. Зато и он, и волхва эта знали, из какого она рода по матери, а сама Велька — нет. Ну разве это правильно?..

Она бы обратилась и к ним сейчас, к другим своим чурам, о заступничестве попросила — может, им ведомо, как справиться с Касметом?

— Оставь ее в живых, отправь в Лесовань, Огневой Матери.

Возможно, так ты заслужишь милость Кары...

— Довольно, — оборотень гневно зыркнул на волхву, — я не потрачу больше на эту девку ни одного лишнего дня. И лучше бы тебе не перечить мне сейчас.

— Как скажешь, лесованец, — тут же кивнула та, — дай ей хотя бы воды, а то свалится в обморок, тебе это надо?

Касмет кивнул и отошел.

— Не пытайся противиться. Не сможешь, — негромко и повелительно сказала волхва. — Ты еще не была с мужчиной? — теперь, казалось, в ее голосе скользнула доброжелательность.

Велька отрицательно мотнула головой.

— Тогда надейся на свою богиню.

— Почему? — Велькины губы разлеплялись с трудом.

Кара, если это о ней речь, вовсе не была ее богиней. Никогда до сих пор княженка не молилась Каре, и ничего толком о ней не знала. Как же на нее надеяться?..

И при чем тут ее девство? Сразу вспомнились настояния бабки выдать ее поскорее замуж. А теперь получается, что раз она девственна, можно надеяться на Кару?

Волхва только еле заметно улыбнулась и отступила подальше, пропуская к Вельке Касмета. Тот поднес к ее губам чашку с водой.

— Пей!

Вода была свежей и очень холодной.

— Пора, — сказал оборотень волхве, — ты готова к обряду?

— Я? — равнодушно удивилась женщина. — Это я иду к тебе в жены? Брачные обряды не мое дело.

— Ты... — Касмет помолчал немного, гневно раздувая ноздри, волхву это, похоже, совсем не трогало, — ты не сможешь?..

— Я сделаю, что мне полагается. Это все, оборотень.

Касмет еще немного подрожал ноздрями, но, видно, счел за лучшее не ссориться с волхвой.

— Пойдем, — он быстро развязал и размотал веревку и потянул Вельку к себе, она чуть не упала, но устояла на ногах, схватившись за дерево.

Голова опять кружилась...

— Не сопротивляйся, это бесполезно, — опять посоветовала волхва, — береги силы.

— Это правильно, — кивнул Касмет и повел девушку, крепко взяв за предплечье. Шли по утоптанной тропке недолго. Скоро Велька увидела

маленькую избушку меж деревьев, дощатый стол возле нее и небольшой костерок неподалеку.

За столом сидели еще оборотни. Трое крепких мужчин, их одежда кроем и узорами на рубашках походила на одежду Касмета. Один быстро глянул и сразу отвернулся, другие масляными глазками уставились на Вельку.

— Может, ожерелье еще какое-никакое на нее повесишь? Не помешало бы, — заметил тот, что отвернулся.

Ну да, Велька, переодеваясь вчера, позабыла про ожерелье.

— Принеси, — велел Касмет, отпуская Велькину руку.

Оборотень нехотя поднялся, ушел за избу и тут же вернулся с ожерельем из крупных янтарных бусин, подал Касмету, тот надел его на шею княженки. Дорогая вещь. Правильно, быков жертвенных тоже украшают. Непроизвольно хотела она уклониться, отступить, и не смогла: ноги как к земле приросли, да и руки были словно чужие. Значит, пока оборотень ее вел — она шла, но сама ни шагу не может сделать...

— Тебя мои заговоры держат, — с усмешкой пояснил Касмет, — куда тебе против меня, девка!

На шнурках этих, должно быть, которые он на нее намотал, заговоры и есть...

И деться ей некуда.

А силы беречь — это зачем же?..

Касмет поклонился костру, потом в сторону леса и заговорил на своем языке, остальные оборотни встали вокруг и тоже стали по очереди что-то говорить — кроме своего выдуманного имени, что мелькнуло пару раз, Велька ни слова не поняла, но догадывалась, что это, должно быть, лесованский обряд свадебный. Волхва стала в стороне, руки на груди сложила и смотрела, и легкая усмешка дрожала на ее сухих губах.

Опять крепко взяв девушку за руку повыше локтя, Касмет повел ее к костру. Она и пошла — куда оборотню хотелось, ноги ее будто сами собой шли. Не дойдя пару шагов до костра, он опять что-то сказал, теперь к огню обращаясь, и, подняв Вельку на руки, обнес ее кругом костра и поставил на землю.

— Вот и все, Огнява. Ты теперь жена Касмета сына Пала из рода Сараватов. Поклонись мне и обещаю чтить меня, моих родичей, моих предков, они примут тебя и станут помогать...

— А ты меня заставь, ты же можешь, — прервала его Велька, гневно блеснув глазами.

Нет уж, ничего добровольного этот лиходей от нее не дождетсЯ. А

терять ей вроде больше нечего.

— Ты не поняла? Меня слушаться надо! — и жесткая пятерня больно хлестнула ее по лицу.

Велька покачнулась, но на ногах устояла, а может, Касметовы шнурки помогли. Половина лица горела, из треснувшей губы, кажется, потекла кровь. Велька облизнула губы, во рту стало солоно — да, кровь...

— Кроме тела, у меня еще душа есть, — сказала Велька, — и ты ее не получишь.

— Я никогда не терпел своевольных женщин, — сказал Касмет, — даже недолго. Ты — моя.

Один из оборотней, тот, что отворачивался, подошел и что-то недовольно ему сказал.

— Флат говорит, что богине не нравится, когда бьют женщин, — пояснил Касмет, — что ж, я не стану тебя бить. Будь у нас время, я бы показал тебе, что могу быть хорошим мужем, все мои жены любили меня! А тебе придется поверить на слово. А душу твою я уже получил. Тебе не удастся выйти из-под моей воли, даже не надейся, Огнява, дочь... Чья ты на самом деле дочь?

Велька промолчала, только улыбнулась разбитыми губами. Тут взгляд упал на костер, и она невольно вздрогнула, увидев странное: огненные змеи, маленькие и юркие, извивались там, среди языков пламени, и там же вроде как плясала, тоже извиваясь, тонкая девичья фигурка, тоже сплетенная из огненных сполохов, маленькая, ниже колена, вилась вокруг колен ее широкая рубаха, волосы плескались вокруг стройного стана. Недавно она видала похожее, купальской ночью, но там девка не одна была.

Кто это?..

Огненная девка встретилась с Велькой взглядом, беззвучно рассмеялась, закрутилась, раскинув руки, — не каждая девка человеческая умеет так пройти в танце.

— Эй! Ты чего? — Касмет щелкнул пальцами перед ее лицом. — Очнись! Поклонись мне!

И Велька поклонилась — шнурок на шее потянул ее вниз, шнурок на поясе заставил согнуться. Оборотень тут же поклонился ответно, и выдернул из-за пояса нож, и шагнул к ней, чиркнул ножом позади ее головы...

Девушка и сообразить не успела, что случилось, как голове стало непривычно легко, а ее длинная толстая коса безвольно повисла в руке Касмета. Велька с ужасом уставилась на свою... теперь уже не свою косу,

боясь верить глазам. Отчего-то в самый первый миг потеря косы чуть ли не хуже потери жизни показалась. А в костре вдруг щелкнуло что-то, заискрило. Велька смотрела на огненные языки и не видела больше ни девки, ни змеек, только пламя.

— Ну вот и... — Касмет не спеша принялся обматывать косу вокруг ладони, поглядывая на Вельку, и вдруг...

Кусты затрещали, и черный ураган вылетел на поляну.

Волкобой.

Замер, опираясь на мощные лапы, зарычал...

И сразу Велька про косу свою забыла и про эту несуразную лесованскую свадьбу тоже, потому что ясно же было, что этот дурак мохнатый сейчас бросится на кого-то из этих, и конец ему!

У них мечи. А собака, какая бы она ни была, — всего лишь собака, ее когти и зубы с мечами не равнять...

— Уходи, глупый! Убирайся отсюда! — закричала она. — Глупый, не надо...

Мысль о том, что Волкобой не один и сейчас сюда из леса посыплются кмети с мечами, мелькнула тоже, но тут же ушла куда-то, потому что не поверила ей Велька, какое-то неведомое чувство сказало ей, что нет больше никого в этом лесу.

Тут даже птицы не пели... отчего-то.

Утро ведь, а тихо как!

Волкобой, конечно, бросился на Касмета, сбил его с ног, тот заорал что-то, к ним, выхватив нож, кинулся один из оборотней. Остальные, оторопевшие было, ненадолго задержались, зато успели схватить мечи, а у одного откуда-то в руках взялась сеть. Никто не принял звериный облик — или просто не могли? Может, просто человеческий годился больше.

Вот бы чудо случилось, и Волкобой бы вырвался и убежал, просто убежал!

Его рубили, кололи, пытались опутать сетью, которая с треском рвалась, когда, казалось, уже все было кончено. Их, оборотней, четверо было против одного пса, но они далеко не сразу с ним совладали. Однако это случилось, и на земле остались лежать Волкобой, порубленный и опутанный порванной сетью, и один из оборотней с порванной глоткой — и это был не Касмет, тот каким-то образом увернулся от собачьих зубов. Ранеными или хотя бы поцарапанными и злыми донельзя были все трое живых.

Они обступили убитых, собаку и человека, лужа крови вокруг них была общей.

— У, проклятая тварь! — Касмет в сердцах двинул ногой Волкобая и нагнулся над телом товарища, осмотрел, а потом протяжно заскулил, запрокинув голову, остальные угрюмо молчали.

Велька тоже плакала, горько, навзрыд, кусая губы и не в силах даже поднять руки к лицу — заговоренные шнурки не позволяли. Смерть Волкобая была такой... неожиданной и бессмысленной! И кажется, на этом все, осталось только ей самой умереть.

Она сомневалась, настоящий ли он пес или с ним все же что-то не так. Не оборотень?.. А кто тогда? Теперь уже неважно. И то недолгое время, что осталось ей, не стоит тратить на пустые загадки. Если бы можно было подойти, просто побыть рядом немного, погладить в последний раз... Она бы поцеловала его в морду, простилась и пожелала бы его душе доброго пути.

Проклятые оборотни!

Убитого оборотня подняли и положили на плащ, отнесли в сторону. Волхва неслышно подошла, присела рядом с собакой, осмотрела, не прикасаясь.

— Эту падаль тоже бросим в огонь! — сказал Касмет.

— Нет, — твердо возразила волхва, — мне нужны его череп и кости.

— Я сказал, бросим в огонь! — повысил голос оборотень.

Волхва и бровью не повела.

— Тебе же нужна моя помощь? — и ее голос не дрогнул. — Ты хочешь, чтобы я нашла твоему другу легкую дорогу? Этот пес будет ему плохим попутчиком.

— Хорошо, — сразу сдался оборотень, — это сын моей сестры.

— Тем более, — кивнула волхва, — я постараюсь для твоего сестрича. А пса больше не троньте. Его кровь мне тоже нужна.

— Забирай. Можешь засолить его!

— Я решу, что делать. Пусть мне помогут отнести его за избу.

Не в силах сойти с места, Велька видела, как Волкобая закатили на рогожу и оттащили куда-то за избушку. Потом застучали топоры — как видно, понадобились еще дрова. Готовая крада была большой, но, видно, так называемой жене Касмета и его родичу следовало отправляться в дальний путь не вместе. И настолько неумоготу уже было Вельке стоять и ждать неизбежного, что, когда свет вокруг опять вдруг померк, она даже успела этому порадоваться...

Когда она вновь очнулась, было много светлее — солнце уже взошло и успело подняться. Она лежала на земле возле большой крады, Касмет легонько похлопывал ее по щекам. Отчетливо пахло гарью и еще чем-то,

отчего Вельке захотелось не дышать.

— Ну вот, ты готова, — сказал Касмет, — пойдем, уже пора.

Он был бледен, морщины на его лице стали отчетливей, но говорил он так спокойно и мирно, словно действительно провожал жену куда-то ненадолго.

Велька не собиралась никуда идти, это и не требовалось, «муж» поднял ее на руки и по приставной лесенке занес на краду, прислонил спиной к столбу и обвязал веревкой вокруг пояса. Она подчинялась, как тряпичная кукла, сил сопротивляться не было, да и зачем?

— Доброго тебе пути, Огнява, — сказал Касмет. — Мы, наверное, еще увидимся, в ином мире, и ты уже не будешь на меня сердиться. Главное, сделай, что я прошу, и хорошо служи Каре. Тебе э... сейчас не будет больно. Не бойся.

Ей было все равно, что он говорил. Он... не безумец, конечно нет. Но то, во что он так верил, было совсем чуждо Вельке, и она не сомневалась, что никакой помощи от нее из иного мира оборотни не дождутся.

Он спустился вниз, оставил ее — и хорошо, неприятно было, когда он стоял близко.

«Надейся на свою богиню».

Это не ее богиня.

Ее богини — Матушка Макошь, и Лада Светлая, и Леля Прекрасная, которую она так и не покинула, уйдя к Ладе... так и осталась девкой, повоем ей волосы теперь не закрыть, кикку не примерить. Девка, да без косы — красы девичьей, этого лиходея лесованского вроде бы жена!

Батюшку ей больше не увидеть, сестру, никого... а увидеть бы их еще хоть раз...

И Чайне сказала бы, что не сердится...

Она и впрямь не сердилась. Делить им нечего! А если боги не довели до беды неразумные поступки сестры, то и они, значит, не сердятся. И хорошо.

И Венко не увидеть больше — никогда!

И зачем она ему обручье тогда не отдала? Побоялась? Послушная дочка? Вот тебе за это, послушная! Теперь у Касмета-оборотня на руке твое девичье обручье...

Слезы в глазах собрались, по щекам побежали.

— Я Венко люблю, слышите, Матушка Макошь, Пресветлая Лада? Спасибо вам за него. Тебе, Долюшка, тоже спасибо! Если бы осталась жива — ушла бы с ним, не оглянувшись! Только бы позвал! Отец бы простил... когда-нибудь. Все бы простили!

Сказала, себя услышала и сама удивилась. Если бы она осталась жива?..

Если бы... тогда бы она ушла с Венко, не усомнившись ни на миг. Если бы...

Если бы сожженные на костре когда-нибудь оставались в живых.

«...Ты еще не была с мужчиной?.. Тогда надейся на свою богиню».

Велька огляделась по сторонам. Прямо напротив нее стояла волхва Марены с большим кудесом за плечами и чашей в руках, неподалеку — угрюмые оборотни. В стороне Велька разглядела кучу дымящихся углей — тело оборотня, значит, уже сожгли, оттого и висит над поляной запах гари.

Вдруг волхва подняла руку и показала куда-то вверх. Велька посмотрела...

Там, над деревом, кружила огненная птица. Похожая на большого лебедя, но ее перья сверкали, словно были слеплены из огня. Вот она стала спускаться и села прямо на землю, неподалеку. И ее явно не видели оборотни.

Наверху появилась еще одна...

Волхва медленно двинулась к краде, поднялась по лесенке, остановилась перед Велькой, протянула ей чашу. Зачем, если непослушными руками ее не взять?

— Он сказал, что тебе не будет больно?

Касмет сказал. Но волхва не могла слышать...

— Выпьешь это — не будет, — продолжала волхва, — но тогда точно сгоришь. А так... лети, огневка. Может, и сумеешь, — и она вылила жидкость из чаши Вельке под ноги.

Она и чашу бросила под ноги, спустилась, отбросила от крады лесенку. И перекинула кудес на грудь. И ударила в него пальцами, выбив еле слышную дробь.

Оборотни подошли ближе.

Громче, громче рокотал кудес, звонче стал его голос. Он, голос этот, был совсем не таким, как тогда, когда Велька ходила в Навь.

Это был другой кудес, и звучал он иначе. И Велька задрожала, каждая ее жилка словно билась в такт той жуткой песне, которую пел кудес в руках волхвы.

Этот кудес привык провожать мертвых, теперь он пел свою песню для живой... по недоразумению ли? И в первый ли раз? И, может быть, это была все же другая, особая песня?

Касмет подошел с факелом, поджег краду снизу, и огонь сразу занялся, маленький и нестрашный — он всегда такой поначалу.

Песня кудеса стала громче.
А в небе появилась еще одна огненная птица.

ГЛАВА 19

Недоразумения

Большой купеческий обоз стоял лагерем выше по реке. Он меньше чем на половину дневного перехода опережал обоз княжеский. Мог бы и больше обогнать, да всех непредвиденных задержек наперед не угадаешь. Но это казалось и неплохо, обоз, что позади, был большой, с ним дружина, а значит, тати на дороге шалить поостерегутся. Если и засела неподалеку сильная шайка, которая в другое время могла бы рискнуть пощипать купцов, на этот раз она не высунется, не захочет попасть на вериложские да кариярские мечи. А тут еще кариярские княжичи, известные недруги лесных татей. Каждый год они то двое, то трое со своими дружинами носятся по лесам, вдоль всей Венеды и притокам, по разбойничьи души, и здесь бывают — с соседними князьями на этот счет давно договорено.

Пожалуй, не было у купцов-обозников причины беспокоиться, и мирным, тихим был их лагерь на рассвете. Дозорные, конечно, не спали, и любой шум вокруг, тем более стук лошадиных копыт услышать должны были, никак не могла откуда ни на есть взяться с ними рядом большая дружина. Хотя, вот скажем, давно известно, что оборотневые полки и конные умудряются иногда незаметно подойти — когда воевода их особые слова знает, они в иных семьях от отца к сыну передаются, как и способность к такой ворожбе. Когда со Степью воевали, цены не было таким воеводам...

Вот и теперь дружина чужая взялась откуда-то — человек под сотню, все конные. И намерения их совсем уж мирными не казались. Не нападали чужаки, но окружили, в кольцо взяли крепко.

А и не чужаки то были вовсе, как оказалось, а те же вериложцы и кариярцы с воеводами своими во главе, и княжичей двое тут же. Тревога поднялась было в лагере, но поутихла — когда разобрались, кто явился. Дружина охранная, конечно, сразу в оборону встала, ее дело такое, но караванный набольший, купчина старый и опытный, и сын старший с ним, вышли к воеводам без доспехов и с головами непокрытыми — в знак почтительности и мирных намерений. Поклонились. Сразу отметили, что, видно, стряслось что-то — глядели приехавшие неласково.

Гости незванные спешились, руки держали на рукоятках мечей и на приветливые речи не велись.

— Ваши люди у нас разбой учинили, да не какой-нибудь, а с ворожкой! — не дав никому и рта раскрыть, без обвиняков заявил Горыныч. — Такое мы не спустим! Если вам что известно, лучше сознавайтесь сразу! Я и не таких умельцев в бараний рог сгибал!

Набольший сначала от изумления дар речи потерял, потом затряс бородой, воскликнул, по-бабьи всплеснув руками:

— Да как же! Да мы же... — и на княжичей карьерских, ему знакомых, взглянул, призывая их в свидетели своей безусловной честности, — да чтобы мы...

— Разобраться надо, Полежаевич, — припомнил Горибор, как зовут набольшего, — у нас беда большая. Если тут виноватые, лучше помощи, не укрывай, иначе не помилуем. А несправедливого ни вам, ни нам не надобно. Собирай всех людей ваших сюда, а если нет кого — не забудь о том сказать. И имей в виду, мы вас окружили, никто не уйдет, и зайца отсюда не выпустим.

— Так мы ж... — заволновался набольший, — мы люди мирные, честные! Чай, сам знаешь, Велемил Веренеич, не первый раз встречаемся! — после этих слов Горибор покосился на Велемила, тот кивнул. — И откуда у нас зайцы-то? — он лукаво заулыбался, надеясь свести к шутке. — Берендеи есть, рыси, лисы конечно... так и у вас не без того небось...

— Ты зубы-то не заговаривай, — рыкнул Горыныч, — зови! Одного татя я сам в лицо видал, повадился нас тайком по ночам навещать. Добрые люди так не делают!

Все обозные собрались, выстроились. Воевода сам несколько раз прошел, в каждое лицо вглядываясь, и с каждым шагом хмурился все больше.

— Нет того татя! — объявил он наконец.

— А того ли ищешь? — негромко заметил Горибор. — Никого ведь за разбоем не видели, в лицо не знаем.

— А ты откуда знаешь, кого я ищу? — на карьерцев Горыныч отчего-то смотрел так же подозрительно и неприязненно, как и на обозных.

— Догадываюсь, — пожал плечами княжич.

— Я этого так не оставлю! — сверкнул глазами воевода. — Давно к вам всем присматриваюсь, и неладное замечаю. Не слепой! Никогда лукавства не терпел! И вы мне нуждой своей не прикрываетесь, мой князь вам меньшую дочку вовек не простит! Спросит за нее крепко! И с меня, старого, спросит. Если вы все затеяли — не спрячетесь...

— Ты, боярин Ждан Горыныч, не заговаривайся все же, — бровью не

повел Горибор, — как будто мы за нее сами спросить не хотим. Нам-то не след ссориться.

Купцы из старших, что собрались вокруг приезжих, переглядывались и лезли пятернями в бороды, пытаясь уразуметь, что за напасть на них свалилась. Похоже, между приезжими согласия не было, друг друга они тоже подозревали. Но — беда с дочкой вериложского князя? Вот не было печали... Каждый искренне готов был содействовать поимке тех неведомых татей, потому как — и правда ведь напасть! Многие из них направлялись именно в Карияр, некоторые там и жили и держали лавки. Ссора с князем Веренеем им нужна была меньше всего. Были тут люди и из Вериложья, которые тоже не хотели стать виноватыми перед Велеславом просто потому, что оказались рядом. Потому как, известно, пусть виноватый и один — подозревают многих.

— Я примечаю! — так же сердито повторил Горыныч, но уточнять не стал, повернулся к купцам. — Тот, кто днем открыто не приходит, назваться старшим не желает, хлеба-соли отведать не хочет — тот тать и есть! Не делают так честные люди! А откуда здесь еще людям взяться? Только от вас! Одного, значит, я знаю. Все ваши люди, говоришь, здесь...

— Чем хочешь поклянемся, воевода! — охотно вставил набольший. — Все, кто заклад платил и товар везет, все тут!

— Во-о-от! — обрадовался Горыныч, сообразив, как поймать на слове. — Кто заклад платил и с товаром, значит... А без заклада и товара неужто никого нет и не было? Так не бывает, чтобы к такому обозу попутчиков не нашлось! Говори, был кто чужой с вами, да отстал? Когда и куда делся?

— Как не быть! — сразу согласился купец. — Да только как же нам за чужих отвечать? Да, ехали люди, отстали седмицу как. И ранее такое было! Мало ли кому куда надобно!

— А последними кто от вас отъехал, седмицу назад, говоришь? — подался к нему воевода.

— Так этих мы знаем давно! — встрял другой купец. — Они из Сараватов, род уважаемый, и по важному делу ехали.

— Сараваты? Не Касмет ли с сородичами? — уточнил Велемил, положив руку брату на плечо. — А то встречались...

Купцы согласно закивали, опять переглядываясь.

— Так... то люди давно известные, — повторил набольший, — еще дед мой с Сараватами дела вел. У них лучшие оружейные лавки, и в Карияре тоже, знаете небось, — он обращался в основном к кариярским княжичам, а на Горыныча лишь иногда опасливо косился, — уж ты,

Велемил Веренеич, знаешь... люди честные... да беда у них. Сами небедные, а помощи попросили, многие тут складывались, как не помочь...

— Что за беда? — продолжал спрашивать Горибор.

— Сын его единственный, Айсак, в плену в степи, в холопство вечное проданный, да не просто так, а из мести. Заворожен парень, и выкупить его нельзя. Если бы только за деньгами дело стало, не печаль, выкупили бы, говорю же, мошны бы не жалели. А тут, значит... только богов просить... и дороже выйдет, опять же...

— А они все амулеты Кары носят, — сказал задумчиво Велемил, — не ее ли просить хотят? Тогда понятно, зачем им холопка из арьев. На такой дар ответ непременно быть должен.

— Оно так! — закивал купец. — Да только легко ли найти такую девку? Продают задорого, а на деле обман все. И в Лесовани арьев нынче мало, не продают их, а своих у Сараватов небось и не осталось. А обычная девка все не то... — кажется, и купчина прекрасно понимал, для чего может пригодиться холопка-арья, только вряд ли он способен был уразуметь, какая связь между холопкой и дочкой князя.

Горыныч пыхтел и недоуменно бродил взглядом по лицам собеседников.

Худо-бедно, но в конце концов разобрались: седмицу назад обоз покинули Касмет и еще четверо его сородичей, которые напарлялись в Степь, чтобы найти и выкупить из неволи Айсака, сына Касмета, и ради этого сам Касмет не постоял бы ни за чем. И свернули они в месте, как раз подходящем, чтобы сначала тайной тропой, если такие есть, а потом торной дорогой добираться до Хлябина, последнего ветлянского города на границе со степью. Боярин Мирята, поглядев на развернутую Горибором карту, одобрительно кивнул.

— Тайных троп тут много. Сараваты эти — рыси, они всегда больше троп знали, чем мы. И сам Касмет, чтоб его леший взял, волшбарь известный, куда до него нам! Дураков век учи, и без толку! — закончил он в сердцах. — Ночь уже миновала, ему могло и хватить.

Последние слова легли тенью на лица княжичей.

— Карино святилище, значит, — сказал Горибор, — они уже позади все. Да и какое? Много их.

— Может, и малым обойтись, ягушку ближайшую отыщет и велит к Каре проводить... Волшбарь, сумеет и ягушке велеть, — потирая лоб, задумчиво отозвался Велемил.

— Да не каждая к Каре дорогу знает!

— Найдет, значит, ту, которая знает. Тут такие места, что все, почитай,

знают...

— Это княженку-то — Каре? Жечь, что ли? — поразился Горыныч и поежился, потому что его холодный пот прошиб.

Вояка он был старый и уважаемый, и такого позора никак не ждал: чтобы доверенную ему княженку украли и вместо холопки чужой богине в жертву отдали. Да такое и внукам его припомнят!

— До ближней живой веси тут дня два пути через лес, — сказал Горибор, которому места окрестные были известны. — Была и ближе, да Моровая Девка там погуляла пару лет как. А ведь там ягушка-волхва сильная очень была! Во время мора волхвы Маренины не обязательно мрут, верно? А если она жива, может, к другим тропу укажет! Время сбережем.

— А если не жива и не укажет? — усомнился Велемил. — Тогда время потеряем. Веденич, а ты? Не найдешь дороги?

— Что я? Я тут троп вовсе не ведаю, — недовольно пробурчал боярин Мирята. — Меня в Верилоге надо было слушать, уже бы пришли в Карияр целые! А теперь вот...

— Ладно, ты комаром не зуди! — дернулся Горибор.

— А ведь он, может, там, с ней? — встрепенулся вдруг Велемил. — Может, уже и... сам справился? Он ведь жив, точно жив. Будь не так, мы бы уж знали...

Горибор молча кивнул, и боярин Мирята тоже кивнул, с тяжким вздохом.

— А ведь ты мне с самого начала не по нраву пришелся, Веденич, — воевода с ненавистью взглянул на Миряту, — да не понял сразу почему! Повоевал я с вами. Не люблю оборотней, а уж вас, лисов, больше всех. Ты ведь лисьего рода? Почему же не назвался, как обычай велит?

На последние слова Велемила, совершенно ему непонятные, он не стал и внимания обращать.

— Я не оборачиваюсь, — нехотя взглянул на него боярин, — незачем было называться. Секреты вот знаю лисьи, которыми и ты попользоваться не брезгуешь. А не люблю я только дураков, да куда от них денешься?

— Едем по весям, — повысил голос Горибор. — Ты, воевода, тут на всякий случай людей оставь, а ну как вернется кто!

— Обо всем позабочусь, княжич, — отрезал Горыныч. — И найду воров, ^[43] помяни мое слово. Если это ваши люди, тоже не помилую. Не спасу мою княженку, так хоть лиходеи от меня не уйдут!

— Воля твоя, воевода, — не стал возражать Горибор, — только дело делай, во имя богов!

Ответное бурчание, в котором помянули кого-то сопливого, и он, и

остальные подчеркнуто не расслышали.

Кариярцы уехали, взяв с собой и десятка два вериложцев, а Горыныча оставили распоряжаться всем прочим.

ГЛАВА 20

Жар-птица

Птиц огненных теперь кружилось много, целая стая. Кудес пел, и Вельке казалось, что он не внизу, где волхва и оборотни, а внутри ее, вся ее суть дрожала в такт незатейливой этой песне, дополняя ее, как будто звучали много маленьких кудесов, каждый немного на свой лад. Ноги Вельки ощущали жар, огненные языки медленно, но верно добирались до верха крады, обнимали уже ее всю...

Змеи огненные, опять змеи! Жалят. Больно.

Больно! И убежать от них некуда. Да и зачем?..

А птицы кричат непонятно что.

Конь длинногривый, мотая головой, искры разбрасывая, задел ее хвостом, готовый рвануться вверх, оглянулся, кося на нее налитым глазом... огненным глазом.

Огненный конь.

Вот он мордой ее толкнул, зовя вскочить на спину, чтобы умчаться вместе. Нет сил у Вельки, и руки не слушаются, и сама она привязана. А конь упрямый, толкает ее точеной мордой, и краше нет на свете этого коня, куда там Званке! Вот еще один выскочил из-под крады, у него грива длиннее, встал на дыбы, передними ногами по воздуху молотит, ржет.

Тоже зовет?

Но спину не подставляет. Машет хвостом. Гривой машет...

Как будто сказать что-то хочет.

И зовет, точно зовет!

Больно!

Никуда не умчится огненный конь, не может оторваться он от огня, его породившего, а хочется ему... тут есть куда бежать! По лесу. От дерева к дереву, дай только волю — и табун рванется во все стороны, откуда только возьмутся лошадки эти ретивые!

Но нет. Этим волю не дадут...

Закричала Велька, не в силах терпеть больше жгучие укусы... так и вьются змеи у ног, жалят...

А одна из птиц над самой головой кружит, вот она крыльями ударила Вельку, клюнула...

«Ну, что же ты, девочка! Лети, пора, пора! Помогу, за меня хватайся,

вынесу! Крыльями бей, и полетишь. Только не бойся, не бойся, не бойся! Ты не сгоришь! Ты лети!»

Услышала она это?

Услышала.

Это звала ее огненная птица. Которая точно знала, что делать теперь Вельке.

Лететь... А как?

Велька билась. Кричала. Одежда на ней горела. Кудес пел. Но это все было как не с ней... не со всей сутью ее, а только с небольшой ее частью, которую Касмет привязал к столбу на краде.

Надо лететь! Небеса звали, огромные, бескрайние!

И Велька наконец крыльями ударила, целый сноп искр вокруг себя раскидала и поднялась над костром, над полянкой, следом за той, другой птицей.

Получилось.

Конечно, как же иначе. У нее же крылья!

Сверху хорошо все было и видно, и слышно. Тихо стало. Волхва Маренина опустила кудес и смотрела вверх, прямо на Вельку.

Она видела...

А Велька летела все выше, выше, следом за птицей, и остальная стая закружилась рядом, как будто подхватила их, повлекла куда-то.

Они летели долго, поднимаясь все выше, и та, первая птица, держалась рядом, словно каждый миг готова была помочь и поддержать, и оттого Вельке было спокойно и нестрашно, радостно даже.

Теперь она лучше различала птиц.

Даже, пожалуй, могла отличить одну от другой, как людей. Они все были разные. Когда уже землю стало еле видно, одна какая-то Вельку крыльями ударила, еще одна — клюнула больно, но ее провожатая грудью налетела на обидчицу, и посыпались вниз огненные перья... и та отстала.

Так хорошо было лететь! Велька бы не отказалась, чтобы полету этому конца не было вовсе, но ведь невозможно так, все имеет срок!

Они прилетели, одна за другой садились теперь на зеленую лужайку. Дивно свежая, сочная трава тут росла...

Потемнело на миг у Вельки в глазах, а когда она очнулась, то стояла на свежей этой траве уже человеком, одна-одинешенька. И ничего в ней не изменилось — одежда та же, в которой она оказалась на краде, и ожерелье янтарное, и шнурок с оберегами, и обручья на руках. Коса вот... косы не было.

Она пригладила ладонями волосы, непривычно короткие, как у мальчика

какого. И непокрытые... хоть бы платок раздобыть, что ли!

Как ей теперь без платка, без повоя по улице пройти? Совестно.

Ожерелье она сняла и под ноги, на траву, бросила. Обижена она была на Касмета, не станет о его поручениях беспокоиться! А хорош янтарь, крупный, гладкий, медовый, так и сияет.

Ничего. Ей от Касмета никакого не надобно. Муж он ей? Как бы не так!

А куда же деваться теперь, куда идти? Только луг да луг этот зеленый кругом, лес вдалеке еле виднеется. Идти к лесу?..

— Эй, Велюшка! Обернись-ка! — позвали.

Она и обернулась.

Там девка стояла, красивая, нарядная, длинная коса ее, лентами перевитая, на грудь перекинута. А лицо...

Лицо вроде знакомое. На матушку немного похожа и на бабушку Аленью.

— Ну, вот ты и пришла, милая, — ласково сказала девка и руки к ней протянула, — здравствуй! Мы ведь думали, что тебя не дождемся. Не хотели тебя к нам отпускать! Да пришлось.

И такой своей, родной казалась Вельке эта девка, лучше сестры. Велька к ней шагнула, тоже руки протягивая, они обнялись, и разлучаться не хотелось.

— Дай посмотреть на тебя, моя хорошая, — девка отстранилась, — ты Велья, значит. А я Заринья, меня, видишь, как матушку твою зовут. Семь имен в нашем роду одно за другим повторяются. Матушке твоей крыльев не досталось, ты зато всем взяла! Понравилось?

Велька кивнула. Чего лукавить — понравилось. Страх свой и боль она уже не помнила, помнила лишь, как летела жар-птицей в высоком небе, и была, казалось ей теперь, краше многих и сильнее, и клевать ее, мешать ей в другой раз пусть только попробуют! Заринья смотрела с улыбкой.

— Понравилось. Вижу. Это хорошо. Еще полетаешь, порадуешься. А это такая большая радость, быть самой сильной, над чужой силой и властью только смеяться! Это пьянит лучше меда!

— Я буду самой сильной? — не поверила Велька.

— Самой сильной волхвой. Среди людей. А как же! Ты теперь огневка! Всем нам сестра. Не умеешь пока волхвовать, как мы, — так научишься. Нашей волшбе преград я и не знаю! Если только... — Заринья нахмурилась.

— Если что?..

— Слышала я, что ты говорила, перед тем как огонь зажгли. У тебя жених есть, любимый, да?

— Есть.

— Вот тут тебе выбирать придется. Либо он, либо огненные крылья. Отдашь себя мужчине — огневкой быть перестанешь. Силу потеряешь. И сюда к нам путь тебе станет заказан. Будешь крохами довольствоваться от того, что имела бы, будешь тосковать. Как Аленья, бабка твоя. Хотела Аленья, чтобы ты и не узнала никогда, что такое настоящая твоя сила, что такое огненные крылья. А ты узнала.

Ох, что-то не то говорила сестрица. Видно, не очень тосковала бабка Аленья, раз не пускала сюда ни дочь, ни внуку...

— Теперь тебя не обмануть, выберешь, — повторила Заринья.

А Велька подумала — как же?..

Очень даже обмануться можно. Как летать, она поняла. А как любить — она ведь и не пробовала толком, так, целовалась всего лишь, речи ласковые слушала. Да только это не вся любовь, а немножко, частичка малая?

Летать жар-птицей Вельке понравилось. Но если бы можно было сейчас прямо к Венко полететь, куда лучше было бы.

Да только зачем ему огненная птица!

А Заринья ведь что-то важное сейчас сказала?..

— Сестрица, а я еще смогу... снова живой стать? — осторожно уточнила Велька. — Снова в Яви, с людьми жить, как раньше?

Настолько этого захотелось, что страшно стало ответ услышать.

— Конечно, — огненная дева весело рассмеялась, — ты не умирала. Мы огневки, птицы огненные, мы в огне не горим! В первый раз уж точно! Вернешься туда, откуда улетела. Рада? — она пытливо посмотрела на Вельку.

Та кивнула. Еще как рада.

Заринья как раз увидела в траве брошенное Велькой янтарное ожерелье, подняла, полюбовалась, глядя округлые бусины, надела на шею, сказала:

— Что ж, ладно. Будет случай, присмотрю я за парнем этим, Айсаком из Сараватов. Может, и помогу.

— Это для богини ожерелье, — пробормотала Велька, и подозрение странное в душу закралось, — а где же богиня огневая? Она... есть ведь где-то?

Опять дева рассмеялась.

— Милая, не на все вопросы простые ответы найти можно! Есть богиня, как не быть. Но капелька ее и во мне, и в тебе, и в каждой сестре нашей, и в тех, кто дар не принял свой, она тоже есть.

Вспомнилось Вельке, как волхвы рассказывали, будто Матушка Макошь если человеку какому является, то в образе ему близком, или матери, или бабки его родной, или еще кого, всем по-своему. Так кто же эта девка, что так на мать ее похожа, да не она?

Она ведь поминала про имена, что повторяются в их роду, в ее и Велькином! Значит, какая-то прабабка ее далекая?..

— Позволь спросить, сестрица, кто ты? Кем была, когда... жила в Яви?

— Аленья, бабка твоя, — моему брату родному правнучка. Я и меньшая моя сестра огневками стали, второй сестре взяли мужа, и у брата было две жены. Да-да, обычай у нас был такой, не девки в чужой род уходили, а мужья их — в наш. Так род и продолжался. Нам двум — крылья, а им — дети с внуками. Каждый своим счастлив, на чужом холсте свой узор нехорош.

— Я поняла, — кивнула Велька, — и долго ли ты... — она запнулась, не зная, как и спросить.

— Долго ли я по земле ходила, став огневкой? — понятно улыбнулась Заринья, — пять лет. А потом... У всех это по-разному. Теперь я только птицей летаю, нося в себе великую силу огненную, и останусь такой вечно! Как и все мы. А вот Аленьи и дочери ее нет среди нас! — она шагнула к Вельке, выбрала среди ее амулетов один, маленькое огневое колесо в треугольнике, показала:

— Вот родовой наш знак. Если встретишь кого с таким, знай, что кровь у вас одна и сила одна. Кровь наших сестер не разбавляется, их дочерям от матерей достается все. Кровь братьев разбавляется, если жена не арья, конечно. Аленья, бабка твоя, тоже огневкой была, да замуж захотела выйти. Понадеялась, что, если она оборотня мужем возьмет, перебьет его кровь ее кровь и не получат дочки ее огневую силу! Видишь, не вышло.

— А почему же она ушла в чужую землю? — быстро спросила Велька. — И кто дед мой?

— Потому и ушла, что носила уже дочь, и задумала спрятать ее от Огневой Матери. А дед... он рысёй крови был, и боярин знатный, служил рысёму князю. Аленью женой сделал водимой.^[44] А потом уехал во важному делу и долго не возвращался, весть пришла, что его убили. Тогда она и ушла.

Велька только вздохнула. За этим кратким, без затей, рассказом Зариньи целая жизнь была бабкина, и беспокойная такая это была жизнь!

— Кстати, парень этот, ты его Яробраном зовешь — он тебе брат, вы

одного деда внуки. Нельзя тебе его женихом считать.

— Вот как! — ахнула Велька. — А Ириней?

— А кого ты зовешь Иринею — у него другая мать.

— А кто такая Огневая Мать?

— Это главная огневая волхва, в Яви среди людей живущая и Посохом владеющая. Все огневки, не ушедшие пока из Яви, ей подчиняться должны. Вы скоро встретитесь. Она сама сначала простой огневкой была, а потом, годы спустя, и Посох получила. Она тебя всему, что перво-наперво нужно, научит. Остальному сама научишься.

— А почему же Касмет меня своей холопкой считал, если дед мой был боярин рысий?

— Знака рода деда твоего здесь отчего-то нет... — Заринья показала на Велькины амулеты, — а род наш материнский с некоторых пор в кабале у волчьего рода, это верно. Только некем уже им владеть... воду в решете попробуй-ка сохрани! — она, нахмурившись было поначалу, довольно усмехнулась, явно гордясь своими сородичами, и добавила, погладив Вельку по щеке. — Вот что, милая, время выходит. Сама потом со всем сладишь или какая ты огневка? Напоследок скажи, чего ты хочешь, с чем тебе помочь?

— Помоги... проклятье на кариярских князей не Огневая Мать ли наложила? — как-то само собой пришло в голову Вельке. — А что за проклятье?

— Мне до этого дела нет. Неужто тебе есть? — повела плечом Заринья.

— Можно узнать, как снять его или хотя бы облегчить? Ведь, наверное, хотят они этого, хоть и твердят, что оно пустяк, а не проклятье!

— Думаю, не вовсе пустяк! — рассмеялась огненная дева. — Да только что одна огневка наворожила, другая отменить не может, лишь по-своему повернуть или изменить — это да, можно попробовать. А тебе к чему? Разве заслужил кариярский князь, чтобы ты его так одаривала? Или для сестры стараешься, которая в кариярский род идет?

— Для сестры... оно бы и надо, может, но нет, я о другом думаю, — вздохнула Велька, — я откупиться хочу от князя Веренея, чтобы отпустил, не гневался, с отцом моим не ссорился. Хоть я и не гожусь больше ему в невестки, — она провела рукой по коротким волосам, — пусть отпустит из-под своей власти.

Заринья, хмыкнув, как самая обычная девка, с любопытством поглядела на Вельку, прошла по травке, снова поглядела.

— А он и так отпустит! — уверенно заявила она. — К Огневой

Матери, да чтобы не отпустил? Она у него и позволения не попросит! И мудрено ему будет с твоим отцом не поссориться после того, как не уберегли тебя его люди! Но если желаешь его одарить, отчего же нет, охота пуще неволи! Только тогда тебе и волхвовать, а сестры помогут!

— И научат?

— А как же. Выбери вещь, в которую свою ворожбу спрячешь. Проклятье снимется с князя на то время, пока при нем будет эта вещь.

— Вот, — под руку попало обручье с рысьями, его Велька и показала Заринье, — но если я не знаю, в чем проклятье заключается? Как же его снимать?

— А и не надо знать. Думай о том, что тебе нужно своей ворожбой ту, чужую, уравновесить, а остальное само придет, как танцевать начнешь. Ну, пойдем! — она взяла Вельку за руку и повела по лугу... вроде как круг они описали, а потом петлю, и...

Исчез луг.

Оказались они у огромного костра, во много шагов шириной, но пламя само было невысокое, едва ли Вельке по колено. Много дев с длинными косами, молодых, дивно красивых костер этот окружили, и они с Зариньей стали среди них. С любопытством Велька рассматривала дев, многие, встретившись с нею взглядом, приветливо улыбались, некоторые отворачивались.

И все они — жар-птицы, так, что ли?

Даруна ведь ее предупреждала птиц бояться, говорила — заклюют. Это кто же ее здесь заcludes?..

Вельке было не страшно, не так, как в Яви перед крадой. Теперь она неведомым чувством ощущала, что сильная, сильнее многих... если по отдельности брать, не всех вместе, конечно.

— А мне обещали, что вы заcludes меня... вы, жар-птицы...

— Нет, сейчас я с тобой. А потом — от тебя зависит, от урока твоего!

— От урока?..

— Смотри о чем волхвовать станешь! Или осторожной не будешь. Может, не заклюют тебя, а сама упадешь, силы потеряешь. Не все просто бывает!

— А где же огневая богиня? Она здесь? — повернулась Велька к Заринье, спросила, не удержалась.

Засмеялась Заринья, и девы, что вопрос слышали, тоже.

— Ты опять простой ответ хочешь, а его нет, говорю тебе. Богиня может быть одной из нас, а может сразу всеми. Много у нее и имен. Если постараться, она будет сейчас Вельей из Верилога! Ну, иди, а я тебя

поберегу, так и быть, — и она подтолкнула Вельку к огню, — танцуй! И думай, о чем нужно! Если получится, ты поймешь!

И Велька шагнула, поставила ногу прямо посреди пламени, закружилась, Заринья тут же ступила рядом, и другие огневки, не все, заходили в огонь, смеялись, им было хорошо и весело.

Ноги поначалу жгло, но это быстро прошло, стало скорее приятно. И Велька рада была бы просто плясать, не думая еще и про кариярское проклятье, но...

Что же про него думать-то? Что там должно ворожбу неведомую перевесить?

Весы вот, словно бы рядом с костром этим стоят, большие, в человеческий рост, и лежит на одной чаше темное что-то, на большой бульжник похожее.

Или впрямь весы стоят? Велька, кружась, чашу тронула — она качнулась.

Стоят весы. А другие плясуньи мимо смотрят, как будто не видят ничего, кружатся, искры вокруг летят...

Сняла она обручье рысье с руки и на пустую чашу бросила. Та не шелохнулась. Тогда Заринья рукой подхватила язычок огня и на чашу бросила, и Велька так же принялась огоньки ловить и на чашу бросать...

Некоторые больно жгли. Хорошо, что только некоторые...

А иногда они утекали между пальцев...

Чем больше огневок плясало и кружилось рядом с Велькой, тем больше огоньков удавалось ей бросить на чашу. А потом поняла она, что устала плясать, из сил выбилась, еще немного — и хоть падай прямо тут, посреди костра, и не удавалось больше ей подхватить ни одного огонька, а чаша все не желала опускаться...

Тогда Заринья бросила огонек, потом еще один — и качнулась чаша, вниз пошла, со второй сравнялась.

— Все, хватит! — Заринья вытолкнула Вельку из костра. — Видишь, у тебя получилось.

— Спасибо тебе! Если бы не ты... — Велька от души обняла Заринью.

— Ладно, для того и существуют сестры! Или бабки, — хихикнула огневка.

Тем временем в костре плясали уже другие девы.

— У них свое волхвованье, — пояснила «бабка», — а тебе пора, сейчас обратно полетишь. И помни, нет простых ответов. Сейчас так, потом по-другому может быть. Это Явь только одна и та же.

Кивнув, Велька кинулась к весам забрать рысье обручье, но не было

больше тех весов!

Она в изумлении оглянулась на «бабку».

— Об этом не бойся, все будет с тобой. Лети! — Заринья крутнула ее за плечи, и Велька опять взлетела жар-птицей, лишь только представила себя в огненных перьях — и взлетела...

А другая птица полетела рядом.

Поднимались снизу еще птицы, окружали, и скоро Велька опять летела посреди стаи. И так хорошо было лететь, и никто ее не клевал и не бил...

ГЛАВА 21

Возвращение в Явь

Было холодно. Не зимняя стужа, нет, но неуютная прохлада, которая теперь казалась злее стужи, от нее хотелось спрятаться под одеяло и спать дальше. Велька пошарила вокруг рукой, не находя ничего, что можно было бы натянуть на себя и согреться. И вообще, все было как-то странно.

Неудобно. Жестко. Что-то сыпалось между пальцев.

И Велька пробудилась окончательно, открыла глаза. И не сразу поняла, что же с ней такое приключилось, и проснулась ли она или ей только показалось, что проснулась? Очень уж это на сон походило, может быть, на сон вещей...

Она лежала посреди пепелища, припорошенная остывшей золой. Без одежды. И опять было раннее серое утро, и влажно кругом, будто дождик легкий прошел...

Велька осторожно приподнялась, села. Волосы потрогала... короткие. Косы нет. Она вся грязная, конечно, золой перемазанная, и только шнурок с оберегами на шее.

Увидит кто — испугается!

И воспоминания мутные и непонятные: то она танцует, то летает, как птица. Но это приятные воспоминания. Вернуться бы туда, где она летала, а то что здесь делать?

Там хоть хорошо было! Там ее место.

Она огляделась опять и наткнулась взглядом на что-то белеющее прямо возле пепелища, будто рубаха сложенная.

Рубаха...

Велька встала и, неловко ковыляя — телу еще не вернулась привычные гибкость и легкость, — подобралась к рубахе, подняла, развернула, встряхнула. Именно так, рубаха, самая простая, небеленая, с девичьими узорами, девки в таких в поле работают. И Велька поспешно рубаху натянула, нырнула в это тканое кем-то простое полотно, словно прячась за ним от чего-то волнующего и чужого, что звало куда-то, отвлекая от жизни обыкновенной, человеческой...

Заодно все сразу и вспомнилось. Крада, на которой ее сожгли заживо. Вот они, остатки этой самой крады и есть. Оборотни. Волкобой. Волхва-ягушка. А страх и боль, как ни странно, уже ушли из памяти, потому что...

Да, правильно, она ведь не сгорела, она в жар-птицу превратилась и с другими птицами улетела.

Вспомнилось: «Мы огневики, птицы огненные, мы в огне не горим! В первый раз уж точно! Вернешься туда, откуда улетела».

Вот, значит, вернулась она, откуда улетела. Только это место... место несчастное, век бы его не видеть!

Хотя... ее ведь тут явно ждали. Рубаху положили. Волхва, наверное? Волхва, похоже, и оборотням не перечила, и ей помогла, не дала сгореть. Найти ее сейчас...

Избу отсюда видно не было, но направление, куда идти, Велька помнила. И почему-то не сомневалась, что оборотней там уже нет. И вообще...

Странно было. Чем больше она приходила в себя, тем больше понимала, что изменилась, и мир вокруг ощущался ярче и сильнее, и она сама — часть чего-то огромного, бескрайнего. И этот огромный мир явно слышал даже ее, Велькино дыхание, а она слышала его дыхание. И потому она спокойно подошла к избушке, обогнула ее, не сомневаясь, что это важно, важнее, чем стучаться в дверь или даже поискать воду, чтобы напиться и хотя бы ополоснуть лицо.

Пес лежал на куче сена за избой. Волкобой, ее пес. Почему-то однозначная связь между ними казалась ей непреложной истиной, кому бы ни принадлежал Волкобой на самом деле, боярину Миряте или еще кому. Но еще важнее было то, что пес крайне мало походил на мертвого...

Она присела рядом. Волкобой спал, его бок мерно вздымался и чуть подрагивал. Никаких ран, почти каждая из которых могла бы быть смертельной — Велька сама видела, как ему досталось от оборотней. Она погладила жесткую шерсть, взъерошила, без труда отыскав под ней следы этих ран — уже посветлевшие рубцы. Выжить после такого — чудо немалое, но чтоб все и зажить успело? Это сколько же времени прошло?!

Случайно скользнув взглядом по ближним кустам, Велька вздрогнула, увидев, что на веточке висят ее серебряные флаконы, подарок Быстрицы. Она схватила их, раскрыла, оба пустые оказались, досуха. А ведь каждый был наполовину полон, она воду берегла, разливала капельками! Вот и объяснение, значит, почему Волкобой жив.

Получается, что, когда Велька перед сожжением без чувств лежала, волхва забрала у нее флаконы? И вылечила Волкобоя? И значит, она знала, что во флаконы эти налито?..

Велька дух перевела и счастливо засмеялась, закрыв руками лицо. Вот ведь, такое тут приключилось, что на хорошее и надеяться было нечего! А

получилось, что и она жива-здоровая, и Волкобой. А она еще и огневкой стала, жар-птицей, силу получила свою кровную, пока не совсем ей понятную, но огромную!

Зато замуж за княжича ей больше не идти — как же без косы, да и вроде у нее теперь Касмет в мужьях! Ладно, не очень-то хотелось за княжича. А насчет Касмета, пусть теперь этот «муж» близко подойти попробует...

Велька больше его не боялась, и никого не боялась.

Но ведь теперь ей и за Венко замуж не выйти, как она, на краде стоя, обещала! Точнее, выбрать надо, либо он, либо огненные крылья. И как же теперь выбрать?..

И нужна ли она Венко, такая?

— Что, вернулась, огневка? — услышала она, быстро обернулась, волхва позади стояла. — Идем, в баню провожу, там вода теплая есть. Оставь своего друга сердечного, пусть отсыпается, ему нужно сил набраться. Да и тебе не помешает.

Велька встала, поклонилась:

— Спасибо тебе, матушка.

— И тебе не хворать, Велья, княженка вериложская, — волхва по-доброму усмехнулась, — а матушкой не зови. Синява мое имя. Редко я его слышу последнее время, так что уж порадууй.

— Хорошо... Синява.

И впрямь, чудо чудное, волхва в обычной рубахе, без своей обрядной одежды и амулетов казалась моложе. Волосы ее, в косу заплетенные, были густо прошиты сединой, но теперь Велька разглядела, что кожа у нее гладкая, молодая, а глаза отливают голубизной — и впрямь Синява.

— А сколько же дней минуло, после того как?.. — решила спросить.

— Один день, всего лишь, не пугайся. Прошлым утром все и случилось.

Велька только головой покачала — ей не верилось...

Взяв за руку, Синява отвела ее в баньку, что немного дальше стояла, прямо на берегу озерца. Вымыться помогла, сама вытерла большой холстиной и подала другую рубаху, чистую, и пеструю полосатую поневу.

— Платок-то наденешь, Велюшка? Или ну его пока? — засомневалась она.

Велька взяла у нее платок, повязала узлом сзади.

Так вдовы ходят, стриженные и платками повязанные. Что ж, она бы не отказалась, чтобы вот раз — и вдовой оказаться, Касметовой. Хоть у него вроде дела благие впереди, сына выручать, а все равно Велька желала

только вдовой его быть, и больше никем.

Не женой же, в самом деле? Дурное это дело было — ее неволить.

Последними волхва подала флаконы, Велька повесила их на пояс.

— Спасибо тебе, что ему помогла. Считаю тебя в долгу.

— Нет, милая княженка. Это я была в долгу, — Синява неожиданно рассмеялась, — хоть и пыталась отдариться, да ты слишком довольной не казалась от моего подарка!

— Ты о чем? — Велька даже оторопела.

— Ты меня все-таки не узнаешь? Это ничего. Вторую суть не все умеют видеть. Но ты потом научишься, я думаю. Раз на огненных крыльях полетала — прежней уже не будешь. А уж суть-то видеть...

— Погоди. Я тебя видела не в этой сути? Не в человеческой? Это где было? И как же я тогда могу узнать тебя, скажи лучше, Синявушка!

— Скажу, скажу. Мы с тобой в Навном мире встречались. Вы с другом сердечным меня из ямы вытащили, в которую я по глупости своей угодила. И не ходить мне по земле, не смотреть на солнышко, если бы не вы.

— Волчица! — Велька ахнула.

— И как ты его этим лечила, я тогда и подсмотрела, — волхва показала на флаконы, — а мышей ты не любишь, но все равно пригодились, да?

— Ох, да, — вздохнула Велька, — спасибо тебе, Синявушка! Плохо нам было бы без тех мышей, — она смотрела на волхву во все глаза, верила и не верила.

Тот поход в Навь все больше казался ей сном, и виденный в Нави Венко — тоже. И вдруг встретить в этом мире кого-то, виденного в Нави? Да еще так встретить?!

— Обошлись бы и без мышей, — хмыкнула волхва, — придумали бы что-нибудь. Но я рада, что они пригодились. Кот там зловредный, знаю.

— А тот, большой волк? Он кто? — вспомнила Велька.

Волхва на миг нахмурилась, но сразу улыбнулась:

— Нос побереги, не все сразу надо знать. Идем, я тебя накормлю.

На тот самый стол, за которым накануне рассаживали оборотни, Синява выставила теплый горшок с кашей, корчажку с ягодным взваром, буханку хлеба.

— Вот, чем богата, милости прошу.

Велька ела деревянной ложкой кашу, дивясь, до чего та вкусна — кажется, и за отцовским столом такую не подавали. И совестно немного было перед волхвой — ни дать ни взять, из голодного края девка явилась.

— Ты знай ешь, на меня не гляди, — посмеивалась Синява, — ты сил

много потратила! Жаль, пир у меня закатить нечем. Раньше тут весь была, так всего мне привозили: и молока, и масла, и дичи, как на добрую свадьбу. Да нет веси больше, — горестная морщинка легла между ее бровей, — Моровую Девку запустили, с купцами-обозниками заезжими пробралась. Мало кто выжил. Кто выжил, уехали теперь, отстроились дальше, где боги и чуры место указали. При нужде все равно ко мне ездят. Из моей веси, из других умирает кто — я провожаю.

— А ты отчего же не уехала, одна живешь? — удивилась Велька.

— Место тут для меня хорошее. Великое святилище было неподалеку. Жар-птицы то и дело прилетают. Может, и ты прилетать когда-нибудь станешь? — она быстро, исподлобья взглянула на Вельку. — Здесь я силу приняла, здесь мне с ней управляться легче, в других местах я слабее. Да и не скучно, говорю же, тропка сюда протоптана. Вон, и оборотней твоих принесло. Хорошо, что ко мне. Ведь на краде даже такая, как ты, сгорела бы, если дурманом напоить...

Велька только кивнула.

Дурманный отвар, выплеснутый волхвой, забрал бы ее страх и боль, но не дал бы обрести крылья, не дал бы выжить.

— Меня старая волхва к себе взяла, когда я моложе тебя была, поневу еще не надела, — продолжала Синява, — когда в силу вошла, еще не любила. А потом уже и не тянуло любить мужчину. Сила не меньше дает. А может, и больше — не знаю. А ты уже полюбила, правильно?

Велька опять кивнула.

— Вот и придется тебе выбрать. Либо парня того забыть, либо огненные крылья потерять. Любовь, говорят, тоже сила... не знаю! И не огневка я, чтобы о них судить. Так, что-то слышала, что-то сама поняла. Бабью судьбу выберешь — все равно волхвовать станешь, куда от крови денешься. Но силы у тебя будет меньше, чем у огневки.

— Я поняла, — сказала Велька.

Да, она полюбила Венко. И свои крылья терять тоже пока не хотелось. Не узнала она еще толком ни того, ни другого, и Венко только целовала, и крылья только чуть попробовала. И вот — выбирать...

Да не хочет она выбирать! Почему же все это вместе нельзя?

А с Венко насовсем расстаться?..

Подумала она это, и потянуло тоскливой болью где-то в глубине ее существа...

Нет, не расстаться ей с Венко. Но и полетать еще жар-птицей она бы не прочь. Огневую Мать найти, искусству волхвовскому научиться, раз уж бабка родная не стала учить. Не поверила, видно, что внучка огневкой

станет, все твердила, что слаба да слаба...

Заринья, правда, иначе говорила, о том, что бабка хотела совсем Вельку к силе этой не подпускать. Или не так она поняла или помнится плохо?..

Она отложила ложку.

— Я, может, и огневой волшбе поучусь у Огневой Матери, и с Венко буду? Объясню ему, может, согласится обождать? Попасть бы поскорее мне к Огневой Матери.

— О том не тужи, скоро попадешь. Она сразу узнала, что здесь новая огневка появилась, уже небось посыльных за тобой отправила. Тебе только подождать и осталось.

— Сюда... отправила? — опять растерялась Велька.

— Сюда, — подтвердила Синява, — если и уйдешь — ненадолго скроешься. А что ты думала? Каждая огневка в Лесном Краю дороже всего, что есть драгоценного. Не знаю, с чем и сравнить. Твоя волшба горы может подвинуть, ты не знаешь как, а можешь, Огневая Мать не может, да знает как! Ты, должно быть, из самых сильных огневка. Мало стало огневок. В твоём роду, кстати, ещё ни одной Огневой Матери не было, — она показала на родовой знак на Велькином шнурке, — только самые сильные огневки, такие птицы, что впереди стаи летели, и всех выше. Поняла? А Огневой Матери — ни одной.

Самые сильные, значит?

Велька не удивилась. Недаром она, когда летела, это и поняла — что она сильная и некого ей бояться. Всей стаи разве только...

— Думаешь, я могу стать?.. — неловко улыбнулась она.

— Нет, не думаю, — усмехнулась волхва, — в том-то и дело. Но я не могу точно знать, конечно. Ладно уж. Теперь тебе отдохнуть бы, поспать. Ты мне вот что скажи, сокол твой ясный когда явится?

Велька только глаза от удивления раскрыла.

— Ты о чем спрашиваешь?..

— Да парень, с которым ты в Нави была. Или не он тебе сокол ясный? — волхва тоже глянула удивленно.

— Он, — признала Велька, — но почему ты думаешь, что он явится сюда? Как он сможет? Я скорее жду, что наши, из обоза, меня найдут, да и то сомневаюсь. У тебя спрашивать хочу, как отсюда выбираться.

Долгий взгляд Синявы был ей ответом.

— Погоди спрашивать, — махнула она рукой. — Так ты до сих пор только таким его видела, как в Нави?

— В Нави он другим мне показался. Одет был иначе, бусина в волосах,

пояс...

— Да ладно, бусина, пояс. Я не о том...

Велька продолжала глядеть на нее, не понимая.

— Тогда вот что мне скажи. Ты его во всякое время видела или, скажем, по ночам только?

— Да, по ночам, ни разу днем, — совсем растерялась Велька.

— Вот. А всякую ли ночь?

— Не всякую... Редко какую... Я и виделась с ним всего... — Велька с удивлением сообразила, что на самом деле их свидания с Венко пересчитать — пальцев с одной руки хватит.

А уже казалось ей, что знает его давным-давно. Это оттого, что он из мыслей ее и не уходил почти все это время.

Волхва правильно ее поняла, рассмеялась:

— А не промах парень. Видела ты его чуть, а все ради него бросить готова. Ну, вспоминай, девка, когда встречались — сколько между вашими встречами дней проходило?

— Первый раз был на Купалу. Потом перед нашим отъездом... значит, ровно седмица прошла. Потом... — Велька ненадолго задумалась, припоминая, сколько прошло от отъезда до того дня, как она лечила Ветряна, — опять седмица вроде.

Это было в начале пути, а потом дни для нее слились в сплошную череду, ни за что не посчитать. Но после и не было у них встреч! Только в Нави, а потом вот недавно.

— Седмица, — волхва удовлетворенно кивнула.

— А вот в Нави... погоди... — Велька опять принялась загибать пальцы.

— Про Навь не думай, — отмахнулась Синява, — в Нави обличье меняют. Я, ты помнишь, волчицей была. И он поменял.

— Он только про одежду говорил, — возразила Велька, — да и я ведь там человеком была, как здесь!

— То ты. Но это у кого как получается. Мало кто может выбирать, и то, бывает, не всякий раз. Ему точно не под силу. Забудь, говорю, про Навь, лучше вспомни, когда тут его последний раз видала? Давно?

Нахмурившись, Велька опять принялась за подсчеты, и выходило, что с той ночи, когда Горыныч чуть Венко не поймал, тоже прошла как бы не седмица, днем больше, днем меньше...

— Да? Точно? — услышав об этом, Синява развеселилась. — Ну, будем ждать. Поглядим, кому ты быстрее попадешься, соколу своему или посыльным от Матери.

— Синявушка, ты объясни толком! — взмолилась Велька.

— Не стану, погоди немного, — качала та головой, — навредить не хочу, мало ли. Раз он сам не сказал. Пойдем-ка, постелю тебе.

— Синявушка! Он говорил, что в обозе купецком впереди нас едет!

— И я говорю. Конечно, в обозе. Где же ему еще ехать, — обняв, волхва чуть не силком отвела девушку в избу, быстро соорудила ей постель на лавке, уложила, одеялом овчинным укрыла, рукой над ней махнула — та и подумать ни о чем не успела, как спала.

Хорошо спала, крепко, без снов. Проснулась уже на вечерней зорьке. Волхва сидела тут же, в избе, пряла, веретенце жужжало, скакало по полу. Так, в сумерках, Синява еще больше казалась молодой девкой — тонкая, гибкая, ловкая, и не видно, что коса седая.

— Пробудилась, княженка? — окликнула она Вельку. — Отдохнула? Так поднимайся, умой личико.

Она подтянула поближе и ловко поймала веретенце, положила его на лавку. Сама подошла к сундуку в углу, распахнула крышку, стала там искать, нагнувшись, достала что-то, встряхнула, рассмеялась.

— Да уж. Такое можно и на пугало надеть, ну да ладно, другого нет. Не по хорошему мил, а по милому хорош... — и, быстро сложив одежду, вышла.

Велька только плечами пожала. Она перевязала платок, опять вздохнув по потерянной косе, оправила одежду, зачерпнула воды из ведра ковшиком и умылась, потом опять зачерпнула, чтобы напиться, и проснулась окончательно. Вышла из избушки, обогнула ее, ища Волкобая.

Птицы в кустах перекрикивались, и никого кругом. Ежик ей дорогу перебежал и утопал по своим ежиным делам. Волкобой...

А не было его на месте. Убежал куда-то. Что ж, хорошо, значит, впрямь поправился.

Когда вернулась Синява, Велька ее про пса спросила, та рассмеялась:

— Я его не сторожила! Куда ему деваться? Обожди.

Велька и ждала, все оглядывалась и прислушивалась, да напрасно.

Когда стемнело, они ушли в избу. Велька, спросившись, села за Синявину прялку, та свечу зажгла и принялась что-то свое в коробе перебирать, потом на стол собрала вечерять, ту же кашу и хлеб, да еще кисель овсяный в горшочке. И обе то и дело на дверь незапертую поглядывали.

Велька ждала, что Волкобой прибежит, залает, лобастой мордой толкнет дверь, она откроется...

Выбираться им отсюда по-любому надо, но это уж завтра, наутро.

Волкобой ведь дорогу найдет?..

Не хотелось Вельке тут, в ягушкиной избушке, каких-то неведомых посыльных от главной огневой волхвы ждать, лучше уж сначала до своих добраться, а там и...

Чтобы знали, что она жива, не сгинула неведомо где, чтобы батюшка знал, что с ней случилось. Чтобы Венко... сказать ему надо, что они еще увидятся, вот только научится она огневой волшбе, попробует... Поймет он?

Допрос недавний, про Венко, устроенный Синявой, тоже вспомнился, хоть не сразу и смутно, и теперь пугал ее и смущал. Волхва ведь, ни много ни мало, решила, что Венко может сюда за ней явиться прямо теперь...

Что-то поняла она про него, тайное, скрытое, а Велька пока все понять не может, недогадливая!

Вот под чьими-то шагами скрипнуло крылечко, и открылась дверь, и высокая плечистая фигура выросла на пороге, и голос... чуть хриплый, но тот самый голос спросил:

— Пустишь, хозяйка?

— Заходи уж, сокол, — громко сказала Синява, — заждались тебя!

А у Вельки сорвалась с пальца нитка, и веретенце упало, стукнуло, покатилося, тогда гость и взглянул на нее, да вряд ли разглядел: она далеко от огня сидела, умелой пряже свет без надобности. Синява понимающе хмыкнула, взяла свечу, поднесла ее ближе к девушке — вот теперь гость увидел ее и пошатнулся, за стену рукой схватился.

А потом он шагнул к ней, крепко стиснул в объятиях и выдохнул:

— Люба моя, да тебя ли я вижу?

— Венко, — всхлипнула она, уткнувшись лицом в его рубаху, старую и латаную, — а ты откуда тут? Ты человек или нет?

И он, запрокинув голову, раскатисто рассмеялся.

— Ты это, конечно ты!

Ему вторил смех Синявы:

— Вот и поздоровались!

Руки Венко прошлись по телу девушки, лаская, глядя, сдернули платок. И Велька услышала, как сердце его вроде остановилось, а потом гулко ударилось, и Венко даже застонал сквозь зубы.

— Вот же... Убью его...

Он взял в ладони Велькину голову, поднял, заглянул в лицо, которое она все норовила от него спрятать.

— Обидел он тебя? Не молчи...

Глаза у него были страшные.

Велька нерешительно мотнула головой — нет. Не обидел.

Он ее вроде как в жены взял, и — да, насильно, по обряду своему, и чуть не убил, а точнее, именно что убил, он ведь не мог знать, что она в огневку переродится. Но того, о чем, как поняла она, спрашивал Венко, Касмет не сделал. Она жена оборотню только по обряду, по чужому ей, лесованскому обряду.

Венко за руку взял ее и сначала на ощупь понял, а потом и взглянул, убеждаясь, что девичьего обручья нет.

Кто его знает, как он ее ответ воспринял и что подумал...

Совсем не так, видно, как следовало.

— Ты же не могла сама согласиться, Велюшка? Не могла?.. Как же — не обидел? — бормотал он, глядя ее по лицу, которое она опять норовила от него спрятать. — Зачем ты его выгораживаешь? Что, мил тебе стал?.. Да как же могло такое стать?.. Нет, я не верю. Убью его все равно, а там поглядим! Ну, скажи...

Велька молчала, только головой помотала отрицательно, а говорить что-то и не хотелось, и не могло.

— Я смогу их догнать, след остался еще, — сказал Венко, — догоню, убью и вернусь. Потом и увидимся, и поговорим. Подожди меня. Здесь подождешь? — он отстранил от себя Вельку и смотрел с такой болью в глазах, что ей хотелось расплакаться. — Подождешь меня? — повторил он, — и все будет, как мы хотели...

— Вот дурень! И слушать надоело! — в сердцах, с едким смешком бросила Синява, которая стояла позади них и мяла в руках полотенце. — Глупый сын — все равно как нет сына, а глупого мужа и с доплатой не надо. Гони его, девонька, пока не поздно, чтобы потом слезы не лить! Один раз на мечи выскочил, вместо того чтобы головой подумать хоть малость, — обошлось, так нет, ему опять хочется! А чтобы осмотреться да понять, что хоть случилось, — нет, это для него слишком мудрено!

Венко обернулся к волхве, хмурясь:

— Что ты говоришь?

— А то и говорю, что ты слышишь. Не тронули ее оборотни, потому что для богини берегли, ей и подарили. А Касмет, Сараватов сын, ее женой назвал затем только, чтобы она ему послужила там, у богини. Тоже дурень. А она огненная волхвовка из сильного рода, ее кровь сколько ни разбавляй, все одно будет. Такие в огне не горят, а крылья свои огненные обретают, если девки, конечно. Вот она и обрела, потому что девка. Где оборотню в таких вещах разбираться? Жар-птицей она летала, пока я тебя, болезного,

выхаживала. Услышал ты меня? Огневка она теперь, понял?

Парень во все глаза смотрел на волхву, которая была теперь похожа на рассерженную, шипящую гусыню, и явно сомневался в том, что слышал, — таким, видно, чудным это все казалось.

— Понял? — требовательно повторила Синява.

— Понял, — не сразу, но кивнул Венко.

— А то, что ежели ты сейчас за оборотнями кинешься суд праведный творить, умчат твою жар-птицу к Огневой Матери, — это понял? И уж тогда тебе железные сапоги стоптать придется, пока ее отыщешь, да и успеешь ли? Она ведь и сама пока не понимает, что это значит — быть огневкой с такой кровью!

— Велюшка... — Венко к ней повернулся, растерянный, — Велюшка, это все так?

— Да и уйдешь ли от оборотней? Порубят тебя еще разок, им не впервой, — с деловитой усмешкой продолжала Синява, — и то дело, чтобы не мешался зря, девке-то не до тебя будет. Думаешь, тосковать примется, по тебе тужить? И не мечтай. Тосковать и скучать ей сразу некогда станет. Волхвовать, да на огненных крыльях! Сама-то не знаю, а говорят, что с таким не каждый муж сравнится, даже самый добрый, ласковый да щедрый! Отпустил бы уж добром девку, а? Куда тебе крылатая в женах, увальню недалекому? Пусть летает, сколько сумеет. Потом найдешь себе домовитую да послушную, и станете с ней жить-поживать, детей растить...

— Замолчи, волхва, добром прошу! — сказал Венко хрипло.

Он дышал тяжело, и в глазах его тьма черная встала. А Велька... она дрожала, и сердце стучало у нее, как у маленькой птички, часто-часто.

Сколько всего наговорила Синява, и опять выходит, что Велька одна ничего не знает и не понимает, ладно бы про что-то стороннее, так нет — про себя саму! А Венко? Что он думает, что знает, в чем сомневается? А про него...

«Порубят тебя еще разок, им не впервой...» Она, Велья Велеславна... слепая она и глупая, вот что получается. Простого не поняла, что все это время перед глазами было.

Венко ладонью по лицу провел, успокаиваясь, улыбнулся даже.

— Понял я тебя, волхва, понял. Хватит меня дурнем обзывать. Тогда я себя забыл, каюсь. Виноват. Теперь осторожней буду и умнее. А те тати все равно от меня не уйдут. Не могу я им это спустить, сама ведь понимаешь.

— Это верно. А девку-то отпустишь, может?

— Нет, не отпущу, — и ни капли сомнения в голосе его не было.

— Ты мне еще вот что ответь, — Синява бросила на лавку скомканное

полотенце, — есть в Кариярье, я знаю, город Озерск, маленький, неказистый, у границы с Лесованью вроде? Только зим десять простоял или поболее немного? Угол медвежий. Ты не оттуда ли?

Венко, прежде чем ответить, капельку помедлил, на волхву исподлобья глянул.

— Угадала, матушка. Оттуда я и есть.

— Вот как, значит... — протянула волхва.

— И нечего тебе мой город хаять, не такой уж он неказистый.

— Не равнять же его с Карияром! И об этом, девка, подумай, ты вот едешь в Карияр, чтобы там по мостовым в красных сапожках гулять, а он тебя задумал в глушь непролазную завезти, куда зимой только жар-птицей и прилететь, а на пиры небось одних леших и скликают, — снова принялась Синява насмешничать, но уже без прежней злости.

— Опять не зная злословишь! — хмыкнул Венко. — Да и чем тебе наши лешие не угодили? Тебе-то тут они уже, наверное, ближе братьев родных.

— Ладно, ладно. Что мне до ваших леших, — быстро сдалась волхва, — а жар-птиц ловить я не помощник, тут как сам справишься. Скажу только, что она, перед тем как в огне гореть, каялась, что обручье тебе не отдала, обещалась твоей быть ни на что невзирая, — она насмешливо блеснула глазами на Вельку. — Так что, может, и поймает, если постарается. Только не вздумай девку неволить, богиня накажет, сам понимаешь. Хотя как тебе ее приневолить, огневку-то?.. — Она взяла с лавки платок, набросила на плечи и, опять весело и многозначительно взглянув на Вельку, ушла из избы и плотно прикрыла за собой дверь.

А Венко шагнул к девушке.

— Велюшка. Люба моя, послушай...

А у него рубец на скуле, новый, не было его. И через шею вниз, под рубаху идет — другой.

Велька, ладони вперед выставив, парня остановила, не дала приблизиться.

— Потом послушаю. Сними рубаху, Венко.

Он словно о стенку невидимую споткнулся, потом медленно, от ее лица стараясь взгляда не оторвать, рубаху скинул. Рубцов на его теле всяких было много, и совсем старых, и не очень, хотя и заживших, и вроде похожие разглядывала она нынче утром на песьей шкуре...

— Ты, значит. Всегда ты со мной был. Я тебя и не стеснялась, говорила разное. И — не оборотень?..

— Не оборотень, — он кивнул, — ворожба это. Знаешь разницу?

— Догадываюсь. Ты это так князю служишь? В песьей личине?

— Получается, так.

— А тогда, в Нави, как же?..

— А там я все поверить не мог, как это в человеческом облике рядом с тобой очутился. Помнишь, говорил, что возвращаться не хочу, так бы и идти до Карияра?

— Ты рядом был и тоже кудес слышал. И знахарским ремеслом ты владеешь, я помню.

— Да. Немного совсем.

— И дело у тебя — за нами смотреть, нас караулить? Или как?..

— По всему так выходит, — он усмехнулся, — это первейшее мое было дело. Что, противен я тебе стал теперь? Так и скажи.

— Нет, — покачала головой Велька, — не противен. Рассказал бы обо всем сразу.

Он придвинулся, осторожно ее обнял, но смотрел недоверчиво.

— Я тебе про клятву князю уже говорил. Да и боялся, чего уж там. Не хотел, чтобы испугалась, прогнала. Конечно, когда ты за ухом чешешь — это приятно, но все не то... — и он посмотрел на нее так, что Велька против воли рассмеялась.

И он улыбнулся с явным облегчением.

— Так, говоришь, не противен?..

— Нет. Но как же... Ты ведь, когда до Карияра доберемся, совсем в человека превратишься? Не как теперь, раз в седмицу по ночам?

— А если не превращусь — что тогда? — помолчав немного, уточнил Венко. — Не выйдешь за меня?

— Выйду, — улыбнулась она, погладила его по щеке, — что мне теперь до кариярских князей? Не нужны они мне, а я им. Они на мое место десяток себе сыщут. Далеко от Карияра твой город — это еще и лучше. Хоть в самом глухом лесу с тобой жить буду, вот как тут! Только побываю у Огневой Матери, научусь всему, что нужно, ты подождешь?

— Нет, не поняла ты, видно, — с досадой сказал Венко и к себе ее прижал, — не отпущу я тебя ни к какой Матери. Не нужно это тебе!

— Нужно, — упрямо возразила княженка, вскинув голову, — это кровная моя сила, и я хочу ею овладеть. Только вот зачем железные сапоги, чтобы меня искать? — сообразила она. — Что, не будет у меня воли, не смогу уйти, как захочу? Возьмет надо мной власть Огневая Мать?

Опять нахмурился Венко, кивнул.

— Возьмет. Так говорят. Всему она тебя научит, и будешь ее приказы исполнять. А если ты сильная огневка... Сильные недолго живут,

Велюшка. Ради каждого волхвованья тебе в огне гореть придется. Сколько раз, не знаю, но на какой-нибудь ты сгоришь, не вернешься. Это слабые огневки до старости прожить могут, одна из них Посох Огневой Матери получает. А сильные — только несколько лет. Клянусь тебе чем хочешь, Велюшка, сказал как знаю, не слукавил. Хоть и не хотелось...

— Поняла. Она говорила, что в моем роду Огневых Матерей не было. Вот что это значит. Сильные живут недолго, а слабые — долго, и получают власть над сильными. Но немногое они без сильных могут, так, выходит?

— Выходит, так, — согласился Венко, но девушка его не слышала.

Она о своем думала. Теперь разом все ей понятно стало, и от чего бабка Аленья сбежала из Лесовани, и от чего она ее берегла. Только почему же не рассказала все толком, насколько проще теперь было бы! Думала, не поймет она, мала еще? Не доверяла, боялась, что не устоит внучка, если рано силу свою распробует, захочет огневкой стать, как вот Синява сказала — это бывает лучше всякого мужа, всякого семейного счастья!

Только как же огневкам это знать, если сравнить им не с чем?..

Она, Велька, для себя уже иного захотела. И как бы ни дивно жарптицей быть, какая бы ни была от этого великая радость, не нужно, если плата здесь — неволя и скорая смерть, да еще и от любви своей отказаться надо совсем.

Не хотелось отказываться. Тогда, на краде, она правду сказала, единственную для себя правду. А летать... летать можно и серой утицей. Да хоть бы и вовсе не летать!

Нет, лучше летать...

— А почему же ты мне это сказать не хотел? — встрепелась она, посмотрела в глаза Венко.

— Ну как же, — он отвел взгляд, — одно дело, когда ты между мной и огненными крыльями выбираешь, а другое — когда между мной и своей жизнью. При таком раскладе на мое место хоть кого поставь...

И взгляд у него при этом стал таким растерянным и даже больным. Рассмеялась Велька, шагнула, обняла парня за шею.

— Спасибо тебе, Венко. За то, что не утаил. Что бы ты там ни думал, а ответь, нужна ли я тебе в женах и будешь ли ты мне мужем? Хотя я ведь вроде за оборотнем замужем? — вспомнила она и испугалась. — Или нам дела нет до лесованского обряда, как считаешь?

— Про того оборотня никогда больше не вспоминай! — Венко прижал ее к себе. — Это все мои дела. Дурнем не буду, обещаю. Нужна ты мне, Велюшка, только ты в целом свете. Стань мне женой, а я тебе мужем, и навсегда. У нас ведь с тобой только нынешняя ночь все и решает, либо ты

уже сегодня моя, либо потеряю я тебя, и не знаю, найду ли... И пусть благословят нас Боги Светлые. А прочее все потом, дома, и обряды справим, и отпируем. Так?

— Так, — согласилась она. — И вот что, Венко. Ни о чем я пока не стану тебя спрашивать. Но потом не будет у тебя от меня тайн ни в чем, даже в малости. Обещаешь?

Он посмотрел на нее серьезно, кивнул:

— Обещаю. Все тебе расскажу. А у меня нынче и сапог-то нет, видишь, — усмехнулся он, переступив босыми ногами, — разуть меня не получится, как положено. А хотелось бы...

И впрямь, на нем были только старые, много раз латанные и короткие для него штаны, одолженные Синявой, а ведь всякий раз до этого он бывал одет хорошо.

— Не только сапог нет, — рассмеялась Велька, — косы моей нет, постели на снопах тоже нет, и соболей что-то не видно, и мешков с житом! [\[45\]](#) Зато мы с тобой есть! Разве это не лучше?

— И то верно, — тоже улыбнулся Венко, — менять тебя на сапоги или соболя я бы не стал! Ты, помнится, поцелуев без счета мне обещала, на Купалу? А я взял всего ничего. И у нас ночь целая впереди, — его сердце теперь билось так, что Велька удары эти слышала.

Подхватил ее Венко, донес до лавки.

— погоди, — шепнула она, — дай постелю.

Быстро разложила тюфяк, простыню холщовую — то, на чем сама спала недавно. Не для княженки такая брачная постель, да и не должна стелить ее сама невеста, если по обычаю...

Только им-то это теперь неважно. Важно, что будет, а как — дело десятое.

Он поцеловал ее, медленно, бережно, а сердце его стучало по-прежнему. И трогал он ее осторожно.

— Ты не боишься? Говорят, не нравится это девкам в первый раз?.. — спросил тихонько.

— Тебя я ни в который раз не боюсь, — ей даже смешно стало.

Она в огне горела — вот это было больно, хоть Синява с кудесом своим старалась, должно быть, помогала. А тут...

Нет, она не боялась. Венко рядом был, ее обнимал, а он для нее всегда только радостью был, счастьем невозможным, о котором лишь вздыхать было украдкой. И вот... вместе они, и будь что будет...

И узнает она сейчас, как это бывает, когда муж любит... когда не девка она больше.

— Велюшка... Велеславна моя... со мной не бойся, ничего не бойся...

— Не боюсь...

Голова ее уже кружилась, и жар по телу расплескался, и чудились ей отчего-то те же кони огненные, копытами били и гривами размахивали... вот они-то зачем? Она и их не боялась, наоборот, казалось, что по ее воле помчатся сейчас эти кони.

Прошелся Венко поцелуями по ее шее, до груди, бусинку соска губами прихватил — выгнулась Велька, дрожа, словно судорога по телу прошла. Ощущая боком прижатую к ней жесткую плоть, медленно руку опустила, коснулась, погладила пальцами...

Глянуть бы не решилась.

Застонал Венко сквозь зубы, прижав сильно ее к себе, потом отстранился, на руки ее поднял и на постель уложил. Сам задержался ненадолго, дергая непослушные завязки на штанах...

Мягко приподнял и развел в стороны ее колени, лег меж них, навис над ней, опираясь на руки, снова стал целовать, щекой о ее щеку потерся... не спешил.

А боль... короткая, резкая, и как будто вовсе это была не боль, а просто рванул прочь куда-то огненный ее конь...

Свободен он был теперь... скачи не хочу...

ГЛАВА 22

Опять прощание

Проснулась Велька оттого, что ее по щеке погладили. Улыбнулась она, потянулась, потерлась об ласковую эту руку, окончательно просыпаясь, обняла Венко и зарылась пальцами в его волосы.

— Венко? Венко...

— Я тут, моя сладкая, — он целовал ее легко, едва касаясь. — Ты будешь меня любить, обещаю. Ни о чем не жалею. Я тебя сильнее люблю, чем и подумать мог, не знал, что можно так. Я дышу для тебя.

— Венко? — она удивилась, села на постели.

Венко не лежал рядом, а сидел на краю лавки, уже одетый в штаны и рубаху.

Света бы...

В окошке уже слабо засерело — рассвет близился. Но в избе еще было темно, и Венко она больше ощущала, чем видела.

Замотала головой, вникая в его слова.

— Венко, что ты говоришь? Почему — буду любить? Ты считаешь, что я теперь не люблю тебя?

— Может, пока меньше, чем мне хотелось бы? Это ничего, все у нас с тобой впереди, любя моя.

— Венко! — возмутилась она, отпрянула, но он не позволил, притянул к себе, обнял, покачивая, как маленькую.

— Тихо, Велюшка. Мы с тобой сейчас попрощаться должны, пора мне. Время терять не будем...

— Венко! Куда?.. — она обхватила его за шею с намерением не пускать. — Не надо тебе никуда уходить, пожалуйста, Венко! Давай вернемся к нашим. Или... не вернемся, просто восточку им отправим, что живы. А сами... в твой Озерск или еще подале. Венко!

— Тихо, говорю! — Он поцеловал ее в губы. — Дай сказать, не мешай, это важно. Уйти мне нужно, тут и спорить не о чем. Касмета я должен догнать, забрать у него кое-что мое... сама понимаешь. Он ведь в Степь собрался, как его там ловить? Мне надо тебя достойно в дом и в свой род привести, а без этого никак. Ты не бойся. Все хорошо будет.

— Венко... — она его поняла и заплакала — и не хотелось, а слезы сам из глаз побежали.

Он собрался догонять оборотней. У них, у Касмета точнее, ее коса и обручье.

— Не ходи, — попросила она. — Пусть будет как есть. Кому какое дело в том Озерске, где моя коса?

— Не дело говоришь! — он улыбнулся. — Не надо мне быть Сараватам родичем, на их женщине женатым. Не бойся ничего. Я ведь не всегда дурень, до сих пор у меня вроде получалось иногда кое-что. Ты слушай, не перебивай больше.

— Венко... — прошептала она, уткнувшись лбом в его плечо.

— Слушай. Тебе надо к своим вернуться, ягушка обещалась, что проводит. Туда, к мосту, откуда тебя и увезли. Они еще там, не сомневаюсь. Увидимся в Карияре, а может, по дороге догоню. Не говори им, что мы... что ты моя, поняла? Это потом... подожди.

Она едва не спросила — почему? Вовремя удержалась. И так ведь понятно почему. Так она жертва оборотней, а признайся, что добровольно женой стала тому, кому не должно, — сразу виноватой станет. Да, успеется правду сказать, лучше до Карияра спокойно доехать.

— Меня дождись, — он взял в ладони ее лицо. — Я успею. Впрочем, боярину Миряте Веденичу скажи, он, если что, и поможет тебе. Поняла?

Велька кивнула. Вцепилась в рукава его рубахи, и руки разжать не хотелось. Он мягко высвободился, опять ее поцеловал и ушел. Дверь легонько хлопнула. Голоса донеслись снаружи, Венко и Синявы, они о чем-то словами перекинулись.

Когда Синява вошла в избу, Велька уже нашла свою рубаху, накануне небрежно отброшенную Венко, надела ее и сидела на лавке, растрепанная и с мокрым от слез лицом. Волхва села рядом, обняла.

— Ну что, не оплошал сокол твой, справился? — она усмехнулась. — А то ведь, считай, неживой был, да и вода живая и мертвая тоже попервой вроде мужскую силу не умножают. Справился, да? Что ж, силен. Зато ты больше не огневка, не бойся посыльных от Огневой Матери, не нужна ты им теперь.

Она посмеивалась, а Велька стала всхлипывать, не таясь.

— Да брось, — Синява погладила ее по волосам, — ложись поспи еще, самый сонный час теперь. Чего без толку слезы лить? Все хорошо, его хотела, с ним и будешь. Радоваться надо.

— Он ушел...

— Ну да, ушел. Привыкай, не последний раз. Он, как я понимаю, и не мыслит всю жизнь твой подол караулить.

— Но вот так, сразу!

— Рассвет близится. Не захотел перед тобой перекидываться — значит не захотел, то его дело, а может, и причина есть. Да и зачем ему время терять? Ты своими слезами ему не поможешь. Ложись, говорю, силы еще понадобятся.

Впрочем, настаивать она не стала, взяла что-то из сундука и ушла. А Вельке уже спать не хотелось. Она набросила на плечи платок Синявы и тоже вышла из избы, присела на крылечке, прислонясь спиной к дверному косяку. Небо посветлело самую малость, но лес стоял кругом черный, ночной, притихший — как бывает перед рассветом. Филин где-то прокричал...

Велька не боялась ночного леса, совсем. Привыкла его не бояться, выученная бабкой обороняться при нужде от возможных лесных опасностей. Она знала заговоры от встречного медведя или волков...

От оборотней вот не знала ничего, а лишь от них и ждала ее, выходит, опасность.

А Венко... совсем с ним нехорошо все, неправильно. Он считает, что она его не любит, и верит, что полюбит потом. Это обидно очень. Но почему же так? Потому что она сомневалась и выбирала, он ей нужен или огненные крылья, потому что хотела попробовать огневкой побыть, отведать хотя бы своей силы, понять ее? А то говорят вот, что сила та огромная, а Велька не понимает — в чем она? Все только слова. Да, полетала на огненных крыльях — понравилось. Еще танцевала в огне с другими девами, творя волшбу, которая должна вроде снять то самое неведомое проклятье с кариярского князя...

Нет, не снять, потому что снять его нельзя. Она заклинала обручье свое с рысями, надев которое князь от проклятья избавится, — но лишь пока то обручье на нем. Да, так и было...

А Венко, значит, были обидны ее колебания и сомнения. И то сказать, она согласилась, только узнав, что огневкой ей придется лишь несколько лет прожить, а потом она сгорит и станет являться в Явь лишь призрачной жар-птицей, которую не всякий и увидит, только такие, как Синява. И Вирута вот тоже птиц видела...

Да, так он и решил, что не его она выбрала, а просто ранней смерти побоялась, что хочется ей подольше человеческой жизнью пожить — а разве не всем этого хочется? А значит, любой бы на его месте сгодился — так он сказал...

Нет, неправда, не нужен ей любой! А как докажешь, если не было тут никакого любого, только Венко! И он это принял, смирился, значит, согласился, но обида легла на душу ему — потому что большего хотелось.

Хотелось ее любви, а не выбора по необходимости. И теперь хоть пальцы искусай, а что было — не поправишь. Потом, может, и поверит Венко, что любит она его...

А ведь и впрямь, зная, что она теперь знает, и желая избежать доли огневкой быть, согласилась бы она отдать свое девство кому другому, если бы не было здесь Венко?..

Об этом думать и вовсе не хотелось, с души воротило. Хотелось радоваться, что случилось то, что случилось!

А то огненное волхвованье как же? Вроде заклала она обручье, и что? Где оно теперь? Когда она выбралась тем утром из кучи золы и головешек, на ней были только обереги бабкины, и больше ничего. А Заринья обещала, что не потеряется обручье! Выходит, потерялось? Не получилось, значит, чего-то не хватило в ее волшбе.

А ведь и странная такая была волшба, и снимать заклятье, не зная, в чем оно, — тоже странно...

Велька сама не заметила, как заснула, сидя на крылечке и голову на колени уронив. Разбудила ее Синява, потрясла за плечо:

— Эй, просыпайся, девонька! Утро настало славное какое!

Да, настало утро, летнее, звонкое. Синява села рядом с Велькой, свежая, довольная, с мокрыми волосами, рыхло заплетенными в косу — видно, уже успела искупаться в том озере, на берегу которого стояла ее банька.

— Погляди-ка, что я отыскала. В пепелище было... в том, в твоём, — и она бросила Вельке на колени обручье с рысьями, то самое, — гляди, как новое. Непростое, видно?

Велька кивнула, взяла серебряный ободок, погладила, и веря, и не веря. Ничуть обручье не изменилось и в огне не повредилось, зеленые глазки рысей так же сверкали.

Получилась, выходит, волшба? Проверить бы...

— Знаешь, я, оказывается, внучка оборотня из рысьего рода, он боярином был у рысьего князя, — сказала она Синяве, — и сестра княжича Яробрана по материнской крови.

— Из рысьего рода? — приподняла бровь Синява. — Но не оборачиваешься, да? Значит, могла бы в Нави и рысью становиться, но сила огневок в тебе перевешивает. А может, еще и все свои обличья научишься принимать, кто тебя знает?

— А ты, значит, из волков?

— Прабабка была волчицей. Дети ее уже не оборачивались, а жаль. Я бы не отказалась. От второй личины много пользы бывает, — Синява

вздохнула, — ты сказала, что сестра Яробрана? И с чего взяла?

— Заринья сказала... ну, огневка, жар-птица, что мне улететь помогла. Мы из одного рода.

— А... И что же она именно сказала, не помнишь? — волхва нахмурилась, размышляя.

— Не помню, — призналась Велька, — слово в слово не припоминается что-то.

— Вот что. Я не всегда тут, в глуши, сижу, иногда выбираюсь далече, по разным своим делам, — она улыбнулась, — знаю кое-что. И знаю наверняка, что Яробран Веренеич, кариярского князя сын — от второй жены его, княгини Заледы, рысьей княжны, а никак не боярышни. Значит, если рысий князь тебе не дед, то и ты Яробрану не сестра.

— Яробран Веренеич — сын рысьей княжны? — медленно повторила Велька. — Матушка моя! — она со стоном уронила голову на колени, сжав виски пальцами. — Меня же предупредили, чтобы ушам своим не верила! Опять все просто, а я и не догадалась, глупая. Они, значит, настоящими именами назвались, но поменялись ими! Сын рысьей княжны нынче Иринеем зовется. А настоящий Иринеи... что ж, я теперь знаю, кто он!

Велька выпрямилась, глаза ее возбужденно блестели.

— Но... как же? Он ведь говорил, что проклятье на себе испытал. И он с виду не младший! И говорили, что Велемил годами всех старше! А получается, что он — Иринеи? Не понимаю.

Синява глядела с усмешкой.

— А ты поразмысли. Если, к примеру, Иринеи не нынешнего князя сын, а его брата старшего? Он, значит, старшим сыном князя был, и проклятье было на нем. А потом отца его не стало, а он был не в возрасте, значит, отцов брат княжество принял, как всегда в таких случаях и бывает. А проклятье перекинулось на старшего сына уже другого князя.

— Значит, он когда-то проклятым был, а теперь нет на нем никакого проклятья? Вот ведь... — Велька дух перевела, улыбнулась, — не знаю, огорчится моя сестрица или обрадуется? Она и проклятья страшится, и, я думаю, все же за старшего княжича замуж хочет, чтобы когда-нибудь княгиней стать.

Синява рассмеялась весело, руками развела:

— Поживем — увидим. Давай-ка, сходи на озеро искупайся, а потом поутренничаем,^[46] и путь нас ждет неблизкий. Отведу тебя тайной тропой, но и так по лесу без дороги пошагать придется.

Озерцо было небольшое, круглое, как блюдо, наполовину заросло

кувшинками. От баньки в воду вели деревянные мостки. Вода оказалась студеной, сначала обжигала холодом, но вскоре Велька обвыклась и плескалась с удовольствием, на берег не торопилась. А когда поплыла к мосткам, чтобы вылезать, вдруг чьи-то руки схватили ее за лодыжки.

Нечеловеческие руки, холодные, на водяные струи похожие.

Велька испуганно дернулась, вырвалась из холодных пальцев, а рядом смех раздался серебристый, и вынырнула голова.

Водяная дева. Озерница.

— Испугалась? — продолжала веселиться водяная.

Красивая она была. Сначала показалась прозрачной, словно из чистого льда, а потом стала потихоньку плотнеть, цветом наливаясь, даже губы порозовели. Но нет, конечно, на обычную, человеческую девку она не походила.

Руку протянула, потянула Вельку за короткую прядь, рассмеялась опять:

— А у меня вон волосы какие, видишь?

И верно, кудри стекали с ее головы, и конца им видно не было.

— Мне моего хватит! — ответила Велька.

— Конечно, у тебя всего много! — весело согласилась Серебрянка. — Еще и поделишься! Я ведь тоже его целовала, и еще буду! Он поначалу и не заметил, а потом ему понравилось!

— Врешь ты все! — рассердилась Велька, понявшая, что речь про Венко.

— Не вру, не вру! Он и потом приходил ко мне, когда от тебя ушел. И еще я к нему приплывать буду!

— Тебе больше делать нечего? В такую даль поплывешь? — Велька схватилась за край мостков, подтянулась, выбралась на прохладные еще доски.

Хоть и не настоящая девка принялась спорить с ней за Венко, а все равно в груди словно клубочек свернулся, и тесно там стало, и больно, и тяжело.

Ревность, значит. Вот она какая. И понятно ведь, что Венко не виноват, водяная девка приставать станет — впрямь не сразу поймешь, потому что она вода водой...

— А ты за ним далеко не пошла бы? — опять рассмеялась водяная. — А я поплыву, понравился он мне! Здесь скучно! Мне что, я же вода, всюду проплыву, просочусь и проберусь! По речкам, по ручьям, от озера к озеру, и до самого Озерска. Понравился он мне. А тебе что, убудет?

— А ты почему знаешь, что до Озерска надо плыть?

— А вот и знаю! — водяная плавала туда-сюда возле мостков, ее голова то пропадала, то вновь появлялась над водой.

Она волной плеснула на доски мостков и встала перед Велькой, выпрямилась и оказалась одного с ней роста, тонкой, высокогрудой, тряхнула головой, расплескивая вокруг себя свои волосы, что спускались ниже мостков, до воды. Волосы у нее были русые, очень светлые, а глаза — зеленые, как листья кувшинок.

— Хороша, — согласилась Велька, — только мое не трожь, — и, собрав в пальцах силу, легко, как вздохнув, бросила комок жара в водяную.

Та вскрикнула и отступила, свалилась в воду, опять вынырнула.

— Огневуха!

— Да, я такая. Гляди, подогрею твое озеро, будет похлебка! — это было, конечно, слишком, но с досады чего не скажешь.

— Неправду говоришь! — отплыв подальше, крикнула озерница. — Не под силу одной огневухе озеро сварить! Никогда такого не бывало.

— А я постараюсь, — продолжала вредничать Велька, — тогда и поглядишь, правда это или неправда! Подружек позову помочь!

Никогда не бывало у нее подружек с огневым даром, чтобы их на помощь звать. Только знала ли это озерница? Во всяком случае, глядела та с сомнением. Разве что жар-птиц за подружек считать? Вряд ли они захотят знать Вельку теперь, когда она сама уже не жар-птица.

— А я все про него знаю! — крикнула водяная. — Только это тайна, которую хранят вода, и ветер, и огонь... и еще кто-то, забыла. Но я знаю! Но тебе не скажу!

Велька тем временем вытерлась взятой у Синявы холстиной и не спеша одевалась.

— Знаю я, что ты тайну хранишь. Вот и храни, раз тебе то поручено, — сказала она и сама удивилась, насколько мало ее теперь волновали какие-то тайны и вокруг Венко, и вокруг кариярских княжичей.

Выяснится потом — и хорошо. И даже безразлично было теперь, как их там на самом деле зовут. Хотя двоих она уже узнала, двое остались... да и с теми все ясно. Горибор, скорее всего, на самом деле Велемил, как раз и известно, что Велемил годами всех братьев старше. Тогда остается, что Яробрана по-настоящему зовут Горибор. Вот, знает она, и что же, радостно ей стало? Только и дела, что непривычно теперь.

— А хочешь, тебе все расскажу? Все-все, что знаю! — предложила водяная. — А ты за это с ним мне целоваться разрешишь, и не только — все, что сложится, то и мое? Если он в озере, то мой? Соглашайся, огневуха, я ведь тебе как-никак тайну заповедную предлагаю! А с кем

целоваться, он и сам найдет, у тебя не спросит! Что, думаешь, так тобой одной и станет весь век любоваться? Что, разрешаешь?

— И думать забудь! — отозвалась Велька. — Тебе тайну доверили, а ты ею торгуешь, бессовестная? Я вот теперь ни за что не стану воде никаких тайн доверять. Не нужны мне тайны князя Веренея и бесплатно, а про Венко моего я тебя уже предупредила, — она затянула пояс, привесила к нему серебряные флаконы.

Водяная подплыла к самым мосткам, из воды высунулась, на флаконы уставилась.

— Это тебе сестра моя Быстрица дала?

— Она, — подтвердила Велька.

— Дружишь с ней, что ли?

— Дружу. Я бы и с тобой хотела дружить, но моего не трожь.

Водяная молча оттолкнулась руками от мостков и скрылась в глубине. И тут же Велька услышала негромкий смех Синявы.

— Что, потолковала с Серебрянкой? Да, озерница тут малость вредная. Ну да нам с ней делить нечего, так что ладим, — волхва стояла у баньки и, должно быть, уже некоторое время за ними наблюдала. — Хорошо, что не поддавалась ей. Она всего не сказала бы, тоже путать бы стала, вода это умеет.

— Да чтобы я такое разрешила! Тоже выдумала, — Велька отвернулась.

— Не ревнуй! — смеялась Синява. — Сокол твой, наверное, умываться к озеру ходил, и только. А она же поняла, после чего ты отмывалась, вот и позавидовала. Это ладно. У воды про заветные тайны спрашивать тебе не стоит, а вот у огня... Ты, когда летала, все могла и вызнать. Ведь огневка — это самый огонь и есть, огненной силы воплощение.

— Не до того мне было, чтобы признавать. И не вспомнила даже, — махнула рукой Велька, — что же, нет так нет.

Они наскоро поели, такую же кашу, что и накануне, — разносолов у волхвы не водилось. И отправились в путь. Сначала шли узкой, еле заметной тропинкой, потом и вовсе пришлось безо всякой дороги, по буеракам пробираться. Солнце только малость до полудня не докатилось, когда они оказались у старого, в три обхвата, дуба с дуплом на пару локтей от земли.

— Полежай, — велела Синява, — тут тропа и есть.

Залезла Велька в дупло, волхва за ней.

А в дупле... там тоже был лес. Они стояли на земле у дуба, уже

другого.

— Пойдем. — Синява опять повела Вельку по тропинке еле видной.

Здесь они шагали недолго, опять к дубу пришли и в дупло пролезли, опять оказались в лесу.

— Вот и прогулялась ты по тайной тропке, которой только оборотни ходят, — сказала Синява, — теперь уж близко. Сейчас речку увидим.

И верно, деревья скоро расступились, река показалась, широкая, и дорога тут же, вдоль реки, по которой они и ехали.

— Ты теперь прямо ступай, и к мосту выйдешь, — сказала Синява.

— Ты что же, со мной не пойдешь? — удивилась Велька. — Ты ведь меня спасла. Отблагодарят тебя, наградят чем, припасов дадут — лишним не будет...

— Не надо, княженка, и на добром слове спасибо. Еще, глядишь, свидимся.

— Да нет, как же... — не соглашалась Велька.

И тут как раз всадники показались из-за дальнего поворота, Велька взгляделась — кто?.. Оглянулась, а волхвы как и не бывало...

А всадники, с десятков, по одежде судя, были кариярцы, так что Велька за кустом прятаться не стала, просто стояла у обочины, ждала. Подъехали, впереди — княжич Горибор... точнее, тот, которого все Горибором привыкли звать. Сразу и не узнали, кто стоит, в простой рубахе, в платке из небеленой холстины — ни дать ни взять вдовушка из веси.

Горибор узнал и так поводья дернул, что конь на дыбы встал.

— Боярышня Огнява?! — Он спешился, подошел, глядел так, словно глазам своим верить не хотел.

— Я Велья Велеславна, княженка вериложская, — возразила Велька, — а Огняву и знать не хочу. Ее купец-оборотень в жены взял. Понял, Велемил Веренеич?

У княжича веко дернулось.

— Может, и понял, Велья Велеславна. Садись ко мне, отвезу, — он подхватил ее, посадил в седло, сам запрыгнул следом.

Трогая лошадь, спросил негромко:

— Ты здорова ли?

— Да, княжич, не жалуюсь.

— Хоть это ладно. А кто тебе мое имя сказал?

— Угадала, значит? — Велька улыбнулась, чуть-чуть. — Волхва одна на мысль натолкнула. Она про Яробрана сказала, сына рысей княжны Заледы. А остальное просто выходит.

— Так, значит, — хмыкнул княжич. — Ты своим пока, прошу, не

говори. А то батюшка на нас серчать будет не знаю как, долго не забудет.

— Хорошо, — сразу согласилась Велька.

Ей было все равно.

Странное оцепенение, пустота пришли в душу. Как ее встретят, что скажут — есть ли разница?

Пусть бы только быстрее вернулся Венко.

Оттого, что он ушел так внезапно и скоро, было поначалу горько, а теперь — никак. Лишь вера осталась, что без большой нужды не ушел бы, не оставил бы ее теперь одну. Хоть в собачьем обличье, но был бы рядом!

Дочка княжеская, Велька с детства знала одно: когда мужчину зовут дела, война ли, еще что — он уходит, и приходится ждать и верить, что вернется, и что прав, а поступки его единственно верные.

Знать — это хорошо. Но ведь с этим еще и жить надо...

Это ведь и впрямь важно, чтобы Венко обручье ее у Касмета отобрал, и ее косу. Обручье оборотень, должно быть, батюшке, Велеславу, потом вместе с вено отправит, чтобы окончательно брак их скрепить. А он захочет скрепить, если считает, что Велька ему и на том свете служить должна, делам его потворствовать. А имея ее волосы, на любом свете ее волшебной достать можно, узнать про нее, силу ее тянуть. Она, конечно, еще сильнее стала, но не сильнее всех. С Чаяниным приворотом вон что получилось, а в другой раз может и совсем по-иному выйти...

Все правильно Венко сделал. А она... значит, будет ждать.

А лагерь их изменился. Шатров добавилось, людей стало много больше. И — корабли, три больших корабля один за другим в ряд покачивались на речной волне, с кариярскими флагами на мачтах, со звериными мордами оскаленными на носах.

— Боярышню Огняву привезли! — завопила какая-то девка. — Огнявушку нашу привезли, боярышню! — И крик подхватили.

Забегали. Окружили. Расступились, пропустили старшую боярыню.

Воевна на Вельку поглядела, пошатнулась, руками всплеснула... ее поддержали. Она дрожащим голосом заговор на проявление сути прочитала, потом еще раз, и выдохнула:

— Ты ли это, боярышня Огнява?

Оно понятно. Мало ли кто нечистый из лесу явится, Велькой прикинувшись, да еще после всего, что случилось, — вовсе не угадаешь, чего ждать. И то, что неладно, и косы на Велькиной голове больше нет, издали заметно — платок плотно голову облегает, как у вдовы, недавно стриженной.

Она ответила то же, что и недавно княжичу, спокойно, глаз с боярыни

не сводя:

— Я не боярышня Огнява. Я Велья Велеславна, вериложская княженка. Не спасло меня уже чужое имя, так к чему оно мне теперь?

Про замужество свое с Касметом все же не решилась при такой толпе докладывать, да и что это за замужество? Родители не отдавали, сама не соглашалась, именем Лады и Живы волхва не благословляла. Для нее самой никакого замужества и нет, и вериложцы то же решат. А для оборотней, для лесованцев — есть оно, выходит. И для кариярцев тоже. А тут теперь всех понемногу, и каждый свое думать будет...

— Что ж, пусть так, — закивала Воевна, — пусть так, княженка моя, — и головой затрясла, потому что опять ей почудилось на миг, что это старая княгиня, бабка Велькина, с ней говорит. — Только вот что, — добавила она, — мы уж побережем твою сестрицу, к тебе не пустим. Вдруг ты на себе беду, ворожбу какую принесла? И сама о том не знаешь. Так ведь не поймешь. Не сердчай, милая. Она ведь одна теперь невеста осталась.

— Хорошо, делай, Воевна, как знаешь, — согласилась Велька.

Раньше бы обиделась: как это, сестру к ней не пускать, как будто нечистая она? Как же им не свидеться? Раньше ей сестра родной была, и поговорить, и посмеяться вместе всегда хотелось, а что поучала вечно — так это мелочи, и не обидно, и можно было вовсе не слушать. А нынче...

Нынче оно и лучше, чтобы ни сестру, никого не видеть. Проще. Спокойнее. А Чаяна — да, она одна теперь невеста. И ее во что бы то ни стало надо в Карияр неврежимой доставить. А Велька не невеста больше, она...

Она Венко жена. Только так.

Вот вернется Венко... и все будет хорошо. И уедут они далеко, и позволения не спросят, если что — никто им не помешает.

Увела Любица Вельку в шатер, кликнула девок, воды нагрели, одежду принесли, какую положено. Равнодушно переоделась Велька из чужого ветхого в свое привычное — и в этом разницы не увидела. Любица сама, силком повесила Вельке на шею яркое ожерелье. Как увидела ее короткие волосы — ойкнула, чуть не заплакала, но тут же платок достала красный и велела повязать.

— Ты не вздумай еще вдовицей наряжаться, ни к чему это тебе. Нет ни в чем твоей вины. Вот посмотришь, вернемся домой, в Верилог, батюшка твой волхвов соберет, потолкует с ними, уж придумает, как быть. Станешь ты еще невестой, вот увидишь, женихов перебирать будешь! Волхвы сообразят, как дело поправить, а князь не поскупится. И верно ведь, жива ты и здорова, и слава богам за это, мы уж не надеялись, а тут подарок

такой. Не о чем тужить, не о чем!

Велька только кивнула, соглашаясь, — и впрямь не о чем.

Любица челядинок прочь отправила, принялась осторожно расспрашивать — да без толку. Сама зато многое рассказала. О том, что пес кариярский, Волкобой, убежал и больше его не видели. Ждут его — а нет, не возвращается.

И о том, что большая часть дружины с княжичами и боярами во главе по лесам ездила — искала Вельку. Да тут места дикие, а оборотни вроде какие-то тайные тропы знают, людям неведомые.

О том еще, как занедужил вдруг нежданно-негаданно княжич Горибор, как раз на другой день после того, как с Велькой беда случилась. И словно ломало его, один раз даже криком закричал. Не иначе как тот же колдун, что Вельку унес, хворь какую тут оставил. Княжича в шатре уложили, боярин Мирята охрану выставил, даже своих, кариярцев, не велел к нему пускать. Но обошлось, ушла хворь, ни на кого вроде не перекинулась.

Горибор... это который Велемил, значит. Старший княжич. Зато Яробран, который в рысьей личине с оборотнем подрался, плох был поначалу, но удивительно быстро на поправку пошел, так что не надо о нем тревожиться.

Еще новость: теперь от вериложцев всем тут заправлял муж Любицы, боярин Городей, потому что воевода Горыныч с полусотней кметей уехал татей ловить, что Вельку похитили. Поклялся ничего не пожалеть, а поймать злодеев и князю Велеславу на суд свезти. Очень уж разволновался воевода, что княжий приказ не исполнил, княженку не уберег, так хотя бы этим с себя вину снять должен. А одного злодея, говорил, в лицо видел и хоть днем, хоть ночью ни с кем его не перепутает — запомнил-де его поганую рожу на веки вечные. А кариярские княжичи и боярин их недовольны, все воеводу удержать пытались, так кончилось тем, что разругался воевода с кариярцами вдрызг, винит их в каких-то тайных злых умыслах и князю жаловаться намерен. И теперь, где носит воеводу с дружиной, никому не ведомо.

Велька поначалу только кивнула, не сильно задумываясь, — зная Горыныча, иного и ждать было нечего. Потом уже, запоздало, удивилась:

— Это он за оборотнями в погоню пустился? А кого же увидеть успел? Касмета, тогда, на пиру?..

Конечно, тогда оборотней много кто видел, но как же теперь воевода догадался, что они похитители? Неужто здесь кто-то из них личину истинную все же показал?

— Он одного видел, когда тот к нам в лагерь приходил, поймали его

ночью, да карьерцы выпустили, то ли нечаянно, то ли нарочно. Говорили, что знают его. Вот потому и повздорил наш Горыныч с карьерцами, в обмане их винит, еще не знаю в чем...

Вот теперь Велька поняла, и сердечко ее сжалось.

Получается, воевода с пятью десятками гоняется за Венко? Вот еще не хватало! Счастье, что не знает, где ловить и в каком обличье!

— Да не тать это! — воскликнула она. — Он меня спасал. Это... Он и тогда, ночью, ко мне приходил повидаться. Это мой Венко.

— Что ты говоришь, девонька? — это, оказывается, Воевна в шатре появилась. — Какой-такой твой?..

Дородная боярыня, а ходит временами тихо, как кошка. Даже Любича вздрогнула, от нее попятилась...

Вот и придется хоть что-то, да объяснять.

— Меня оборотни для богини своей украли, — сказала Велька. — Ей и отдали. Да только кровь у меня особая, оказывается, оттого я в огне не сгорела. Касмет того не знал, думал, сгорю и к богине отправлюсь, потому что я арья только на четверть. А мою кровь разбавить нельзя, и стала я огневкой... жар-птицей. А Венко... он меня тогда спасать кинулся, его оборотни и порубили насмерть, да волхва Маренина успела спасти... та, которая меня сжигала... ну, оборотни ей велели... они и ушли сразу, торопились, не узнали, что я жива осталась. А когда я вернулась, надо мне было... надо было девство мое порушить... с мужчиной быть, чтобы меня слуги Огневой Матери, главной Кариной волхвы, в Лесовань не забрали... тогда бы мы уж с вами не свиделись. Так что Венко... он муж мой теперь.

Вот, все сказала вроде.

Любича так и застыла столбом. Воевна руками всплеснула, да и села на подушки, глядела на княженку, будто та кощуну говорила.

— Да что ты? — выдохнула наконец. — Что за глупости? Какой он тебе муж? Он хоть кто?

— Говорит, карьерскому князю служит.

— Все они тати! — воскликнула боярыня в сердцах. — И заявили же на нашу голову! И тебя отдать вынудили, а ведь правильно князюшка не хотел!

— Да, правильно, — должна была признать Велька, — ему бабка насчет меня завещала, чтобы далеко не везли, а замуж сразу отдали. Тогда бы сила моя не проснулась. А вышло все по-другому. Сила это такая, что отказаться от нее трудно. Я вот смогла, потому что уже полюбить успела.

Воевна опять руками всплеснула:

— Это ты брось! Полюбить! Ну, полюбила и полюбила. Мало ли. Что

случилось, то случилось, но уж дальше батюшка твой пускай решает. А волхвы на что? Все уладят, у богов спросят, людям скажут... Вот! Как Боги Светлые захотят, так и будет! Вернешься домой, в Верилог... — вот и она про то же, будто от волхвов все теперь зависит...

— Не вернусь я в Верилог, — сказала Велька тихо, но твердо. — А вы не бойтесь, Даруна все про меня батюшке объяснит, и что нет вашей вины в том, что случилось, только судьба моя.

— Как не вернешься, как не вернешься?! И думать, девка, о таком забудь! — боярыня тяжело поднялась, руками в бока уперлась. — Хоть как, да отвезем тебя к батюшке! Это же надо, княженка за кого попавшего замуж собралась! Да разве же такое бывало?

Велька только глянула и промолчала.

Понадобится ей уйти — никто удержать не сумеет. А зря разговоры говорить зачем?..

Так и стало: Велька из своего шатра, теперь отдельного, только для нее и Любицы, почти не показывалась, Любича от нее не отходила и заговаривать бросила — поняла, что княженке только молчать и охота. Возле шатра кмети стояли, охраняли, челядинки, если позвать, бегали шустро и все веленья исполняли, но лишний раз не заглядывали: опасались, видно, что и правда на княженке осталось что-то вредное и опасное. Да и не было от Вельки никаких велений, только Любича распоряжалась. Воевна изредка заглядывала, все ходила, губы поджав, словно злилась то ли на княженку, то ли на весь свет...

Вот вернется Венко...

Это же сколько дней его прождать придется?

А наутро отъезд назначили, и не берегом чтобы женщинам всем ехать, а на кораблях кариярских. И возражений Велькиных слушать не стали...

Ведь Венко на корабли никак не попасть, значит, и не встретиться им по дороге!

Не сразу решилась Велька боярина Миряту позвать для разговора, послала к нему уже ближе к вечеру. Пришел боярин. Поклонился, Велька ему поклонилась тоже, Любичу взглядом попросила уйти — та вышла. Сел боярин на низкую скамеечку, руки на колени положил, Велька на свое место вернулась, среди подушек.

— Эка вот, — вздохнул боярин, — так значит, княженка. Здорова будь, значит. Думал я, всем на счастье тебя привезем в Карияр, а оно вон как, — и посмотрел на Вельку с сочувствием, — а жаль-то как! Рассказали мне, что ты имена моих княжичей разгадала. Хитра ты! И то скажу, они ведь, княжичи, уже на середине пути с рукобильем спорить стали, кто на нож,

кто на что, что ты до Карияра все угадаешь, и про имена их, и про... прочее тоже.

— Про Волкобоя?

Встрепенулся боярин:

— Что говоришь?..

— Мирята Веденич, мне Венко наказал от тебя ничего не скрывать. Знаю я про него, и про Волкобоя, значит, тоже, хоть и не угадала...

У боярина глаза посветлели, как про Венко услышал.

— Так ты его видала, что ли? Знаешь, значит. И что? Куда его унесло-то, паршивца, прости меня его чурь?

— За оборотнями. Ты, Мирята Веденич, сначала послушай...

И рассказала она все: про оборотней, про свою лесованскую свадьбу, про Волкобоя, про сожжение на краде и что из того получилось, и как она вернулась, и про Венко...

Про иной мир, в который она жар-птицей слетала, и про все там случившееся не стала говорить — не касалось это боярина.

Боярин слушал со всем вниманием, и к концу рассказа лицо его все больше разглаживалось.

— Так, выходит, княженка... — он выразительно постучал кулаком по ладони, — ты с ним, стало быть, с Венко? Он, значит?..

Велька кивнула.

Боярин заулыбался, глаза его радостью залучились.

— Ай, хорошо! Какая радость, и дышать теперь мне легче! Велеславна, милая, хорошо-то как! Я думал, что этот... оборотень, что б его три раза перекорежило! А тут вон как, значит... Только что ж он оди-то, сам за ними пустился! Ох, шалопут. Мог бы помощников взять. Кого-то из оборотней наших. Да и я бы пошел. Дело-то какое! Нет, оно конечно, ему след упустить нельзя было. Да и, когда в шкуре, не мастак он объяснять, что к чему. Ну, ладно. Ты сильно не бойся. Справится он, вернется. Я его вот с таких лет растил, знаю, ловкий он, и соображает вовсе неплохо, — боярин показал рукой от земли чуть выше своего колена. — Я его учил. Справится. Ждать будем, значит.

— Мирята Веденич! Так, значит, меня и впрямь за княжичей и не прочили, ни за кого? Вот и Велемил обмолвился тогда Чаяне... Ириней то есть.

— Да, Велеславна, — боярин посмотрел на нее покаянно. — От Венко мы о тебе и прознали. Полюбил он тебя, как увидел, для него и взяли. Сказать как есть не могли, сама понимаешь, лукавить пришлось. Так ведь... Он и тебе сразу был по нраву, верно? Ты ведь не в обиде?

— Но он не княжич? — уточнила Велька.

— Нет, — боярин взглянул с еще большим раскаянием.

— Я-то не в обиде. А вот батюшка мой, князь Велеслав, что скажет?

— Так далеко теперь твой батюшка, — боярин лукаво усмехнулся, — а и скажет что — послушаем. Ты, Велеславна, боярыням своим пока лишнего не говори, сделай милость, погоди до Карияра. Уже не на седмицы, а на дни счет пошел. А то боюсь я старшую вашу, все жду, что она мне бороду выдирать начнет. А в Карияре, может, и утрясется все? — и смешно за бороду взялся, оберегая, чтобы не выдернули.

— Не скажу, Веденич, не бойся, — усмехнулась Велька.

Ей и самой так спокойнее казалось и лучше, чтобы никому ничего не говорить.

ГЛАВА 23

Мимо Плакун-камня...

Утром погрузились на корабли. Вся суета прошла мимо Вельки, она лишь поднялась вслед за Любицей по пологой доске-сходням на корабль с медвежьей мордой на носу и стала у борта, глядя на берег. Видела, как на другой корабль, на носу которого скалилась узкоглазая рысь, поднялись Чаяна и старшая боярыня. Чаяна сестру увидела, улыбнулась, рукой приветливо помахала, Велька махнула в ответ. Княжна была нарядная и чудо какая красивая этим утром, смотрела гордо — хороша из нее была бы княгиня в Карияре. Велемил следом поднялся, встал рядом, довольный, счастливый... не Велемил, Ириней.

А ведь сестре и не сказали еще, должно быть, что жених ее, которому обручье отдала, — Ириней, ее суженый, резами предсказанный?..

Чувство вины кольнуло: она-то, Велька, получается, все знает, а если правду скрывать — тоже ведь обман. Только что бы изменилось, знай сестра правду? Отказалась бы она от жениха?

Вряд ли. Она ведь его открыто, своей волей выбрала, материнскую волю исполнила и, стало быть, волю богинь, Макоши и Лады. Тут, должно быть, и князь Вереней перерешить не сможет...

Жаль. Пусть бы сестра стала женой кариярского наследника, к такой участи ее всю жизнь готовили: как пройти, как глянуть, что сказать...

И батюшка точно был бы доволен, если бы его внуки были наследниками кариярского престола, а не братьями наследников.

Горибор и Ириней... то есть Велемил и Яробран на берегу толковали о чем-то с боярином Мирятой. Они на корабли не шли, остались, чтобы со своими людьми дальше посуху ехать.

Может, Венко встретят...

Отвернулась Велька, стала смотреть на воду. Решила ведь уже, что нет ей дела до кариярских княжичей, да и о батюшкиных желаниях ни к чему теперь тревожиться! Вот и пусть будет так. А им, наверное, до нее дела не будет, как уедет она с Венко в ту обещанную глушь с лешими.

А то, что показался ей Венко в Нави в княжеском поясе, — так Навь явное искажает, не так показывает, смысл у всего непростой бывает, не сразу понятный.

Неявный.

Вот так вот, раздумья нет-нет да и возвращались, но не были ни настойчивыми, ни тревожными, и прогнать их было легко, и ни о чем не думать тоже легко. Велька и не подозревала, как это легко и приятно — ни о чем не думать, ни о чем не тревожиться.

Ей все равно.

Пусть бы только Венко скорее вернулся.

Широкая мужская ладонь легла на темные доски борта рядом с Велькой.

— Здравствуй, сестрица.

Яробран... который на самом деле Горибор.

— Здравствуй... братец, — Велька покосилась в сторону Любицы, но та теперь стояла поодаль, с мужем, его наставления слушала.

Княжич был нездоров, на клюку опирался, перекосившись, и шрамы на лице и руках у него появились новые.

— Поправляешься, Горибор Веренеич? — на раны его она посмотрела внимательней, чем на берег и на речную воду, тряхнула головой, словно сбрасывая не ко времени одолевшее наваждение.

Может, ей и все равно, но вот перед ней ее брат, и его лечить нужно, и силы у нее вроде как стало больше против прежнего. Значит, не так уж и все равно...

— Поправляюсь, Велеславна, — ясно улыбнулся княжич, блеснул ровными белыми зубами, — у нас род живучий.

— Ты меня сестрой зовешь. Почему, если я вам невеста вроде была?

— Ну, — он смутился, глаза опустил, — объяснил ведь тебе боярин наш, что не нам ты была невестой? Не сердись, — попросил, — причина есть, чтобы было так. Важная причина. Когда все узнаешь, не будешь сердиться.

— Хорошо, погожу сердиться, — пожала она плечами, — только ты меня ведь правильно сестрой зовешь. Сказали мне недавно, что у нас один дед, боярин рысий, значит, матушка моя твоей матери сестра.

— Вот так да! Дед Старх Каримыч матери твоей отец? — удивился, посерьезнел княжич. — И кто же тебе сказал? Твой отец нам не говорил...

— Может, сам не знал. Бабушка, видно, и от него многое таила. Она меня хотела от моей же крови спрятать, видишь, не получилось. А сказала мне огневка... знаешь про таких?

— Как же не знать. Значит, ты и впрямь в жар-птицу перерождалась? — покачал головой княжич, удивленно и как-то по-новому глядя на Вельку. — Слыхали мы, да верить трудно.

— Меня Касмет на краде сжег, а я жива. Можешь, конечно, и не

верить...

— Верю-верю! — будто светлые огоньки зажглись в его глазах. — И для меня это радость, и дед обрадуется, сам приедет на тебя поглядеть или к себе в гости зазовет! От Озерска там два дня пути всего. Я помню, да, слышал, что была у деда жена огневуха, только давно и недолго.

— Он и Венко обрадуется?

— Куда денется! — рассмеялся княжич, накрыв ее руку своей ладонью. — И я с вами постараюсь навязаться, так что и мне он радоваться будет! Если князь-батюшка другое дело какое не сыщет! Хотя я вот, видишь, когда еще... — он кивком показал на свою клюку, оставил ее, обнял Вельку, — сестренка, значит...

И от его смеха, и от его короткого, именно что братского объятия потеплело в душе у Вельки. Вот и брат у нее есть, выходит, и дед. А думала, что в чужой край едет!

— Пока доедем, я тебя вылечу совсем, — пообещала она, с удовольствием ощутив, как от силы прихлынувшей, пока небольшой, закололо в пальцах, — наверное, смогу.

— Да разве ж я против?..

Тем временем уже поставили мачты, закрепы забили, паруса разворачивать стали, кормщики приказы кричали... и послышалось среди этого шума Вельке, что вроде как крылья большой птицы захлопали рядом, она удивленно оглянулась — что тут может быть за птица такая?

Не птица. Или уже не птица. Огневка Заринья. Стояла неподалеку от корабля, прямо на воде, и вода вокруг нее золотилась.

— Что там?.. — удивился княжич, глядя, куда и она.

Он ничего не видел.

А Велька уже позабыла, что княжич рядом, смотрела на Заринью.

— Не захотела мне сестрой быть? — покачала та головой, вроде и с упреком, и с грустью, но с грустью светлой, без злости. — Что ж, ладно, твой выбор, Аленьина внучка. Значит, у тебя дочка родится, так что запоминай наши семь имен: Жинья, Аленья, Заринья, Велья, Горинья, Суранья, Энья. Твоей дочке, значит, Гориньей быть. Другое имя и не пытайся давать, судьбу и кровь свою не обманешь. Как бы ты ее ни звала, а быть ей Гориньей, дочкой Вельи, поняла?

— Поняла! — ответила Велька.

А в памяти ее имена эти как выжгло сразу же: Жинья, Аленья, Заринья, Велья, Горинья, Суранья, Энья. Кажется, хоть когда повторила бы, не перепутав. Три имени ей родные, а остальные странными кажутся, непривычными, и не хочется дочкам такие давать...

— Чтобы жила твоя дочка, имя дай ей правильное, поняла?

— Поняла, — повторила Велька.

Хочется не хочется, а бабка Аленья тоже не посмела дочке и внучке другие, неположенные имена дать.

— А сыновья у меня будут ли?

— А как же, — кивнула огневка, — сначала сын, потом дочка, потом снова сын, а там и еще, может... Что нам до них? Пусть будут, а силу нашу кровную возьмет твоя дочка. Ну, счастья тебе, Велья, Аленьина внучка. Не прощаюсь, еще повидаемся.

— Спасибо тебе, — Велька поклонилась в пояс, а Заринья улыбнулась, рукой махнула и... прям с воды поднялась в небо огненная жар-птица и быстро исчезла.

Как не было ее.

— Ты чего это? — подбежала встревоженная Любица, и Горибор-Яробран смотрел с недоумением.

— Все хорошо, — сказала Велька, — огневка, моя прабабка, приходила, имя сказала, какое дочке надо дать. Еще сказала, что первым у меня будет сын.

— Так это весть очень хорошая! — обрадованно заметил княжич.

— Да уж, — согласилась Любица.

А подумала она, наверное, то же, что и княженка: вряд ли ее одарит батюшка Велеслав теми жемчугами за внука, рожденного от человека не княжеского рода, даже если и опередит она в этом деле сестру.

Ну и пусть.

Не увезет она с собой в неведомый город Озерск свое княжеское приданое?

Тоже мало печали. Больше одной шубы зараз не наденешь.

И еще мелькнула вдогонку мысль, что опять она, быть может, упустила возможность разузнать у Зариньи про все, что хотелось, — хоть и не огневка она больше, а все равно ведь огню не чужая. Но не вспомнилось вовремя. Да и сожаления не было: и Венко она обещала до времени не расспрашивать, чтобы все в свой срок узнать, и брат на причину ссылается. Не так и важно ее любопытство.

Только бы с Венко все хорошо было.

Тихо текла река, и дни бежали так же тихо, один за другим — первый, второй, третий... а там уже и не думалось, который следующий...

Для женщин — Вельки, Любицы и Малки, служившей им обеим, — на корме поставили шатер с перинами и подушками. Мужчинам, видно, такое

баловство не полагалось, они, и княжич тоже, спали под открытым небом, расстилая на скамьях или прямо на палубе походные овчинные подстилки. Шатер — это хорошо, только в нем и можно было укрыться от множества глаз, корабль ведь место людное и невеликое, если на суше хоть на десяток шагов в сторону можно отойти, то на корабле всегда в толпе и деться некуда.

Ветер дул свежий, попутный, самый что ни на есть подходящий, надувал красные и полосатые паруса, и длинные весла чаще лежали без дела. Корабли бежали резво, словно им самим не терпелось добраться туда, где их ждали...

Княжича Велька сразу взялась лечить, как отплыли, не вдруг, а понемногу. С трудом, бывало, сдерживалась, потому что силы было через край, а вот умения не доставало. Заживить — это просто, а вот хромоту убрать, сухожилия разорванные, начавшие уже было срастаться, да не так, надорвать осторожно и снова срастить, и еще чтобы не пришлось Горибору от боли зубами скрипеть..

Терпению братнему только позавидовать следовало и порадоваться. Работа была эта для Вельки, как сложная вышивка для вышивальщицы, когда думать надо всякий раз, куда иглу воткнуть, какой стежок сделать, чтобы не потянуло полотно да не перекосило, да протяжки на изнанке красиво легли. Однако получалось. Распрямился Горибор и хромать почти перестал.

Присмотревшись, что Велька княжича почти вылечила, стали к ней подходить и другие корабельщики. Сначала к Любице с поклонами, к княжичу, позволения просили — не сразу уразумели, кто тут Велька и должна ли она перед кем отчет держать. Любица объясняла, что это-де ее князя меньшая дочь, и она в своей воле, лечить кого или не лечить, — удивлялись..

Княженкой ее не звали, звали кто боярыней, кто волхвой, кто красавицей, кто, шутя, сударыней, а кто-то — и вовсе матушкой. Красный, невдовый платок поверх стриженных волос, который заставляла повязывать Любица, без повоя и кики, и юное личико Вельки, которая казалась отчего-то теперь моложе и своих лет, и уж подавно сестриных, — все это сбивало с толку, непонятно было, кто же Велька такова и как с ней следует обращаться. В конце концов списали непонятки на чужие тут, вериложские обычаи. Велька никого не поправляла — кто знает, кем она вскоре окажется.

Удивительно, сколько не слишком заметных болячек нашлось у здоровых на вид людей! Ничего, справлялась потихоньку, это лучше, чем

скучать да на берега смотреть.

К берегам иногда приставали, в местах, корабельщикам известных, свежей водой наполняли бочки, и дружина, сухим путем идущая, всякий раз оказывалась поблизости. А Велька, радуясь хоть малой возможности пройти по твердой земле, от каждого шороха тревожно вздрагивала и оглядывалась, ожидая, что вот мелькнет в кустах мохнатая черная шкура.

Нет, не мелькала. Не возвращался Венко.

— Ты не тревожься, — как-то сказал ей брат, — он жив. У нас примета верная есть.

— Верная, говоришь? Какая же? — встrepенулась Велька.

— Вернее не бывает, — махнул рукой княжич и отошел.

Значит, не скажет.

Все четверо княжичей как раз собрались, вместе стояли, красивые, плечистые, ладные, и в который раз уже показалось Вельке, что представить среди них Венко можно было бы запросто. Как брата среди братьев. Но, ближе подойдя, вглядывалась она украдкой в их лица, ища черты Венко, и не находила.

Непонятно. Кажется, ни на кого из кариярских княжичей Венко особо не был похож. Ямочки на щеках, как у Горибора... бывшего Яробрана. Но мало ли у кого ямочки, разве это сходство?

Глаза... почти как у старшего, у Велемила, которого до сих пор еще все Горибором звали. Но если в дружине поискать, не у половины ли окажутся такие глаза?

Венко только на себя самого был похож, и ни с кем сравнить его Велька не могла.

Она стояла одна у самой воды, Любица ушла, Малка неподалеку присела на вымытую рекой корягу — одну княженку по-прежнему не оставляли, но и слишком трепетать за нее было уже вроде незачем.

— Все ли хорошо, Велеславна, все поздорову? — спросил тихо подошедший Яробран... который тут все еще Ириной.

— Да, княжич, хорошо. И тебе не хворать, — отозвалась она со спокойной улыбкой.

— А по имени назовешь... сестрица?

— Яробран Веренеич, — она глянула искоса, улыбнулась живее, — а тебе это имя куда как лучше подходит.

— Еще бы. Оно ведь мое. Своя шапка всегда лучше подходит, хоть чужая и краше. Да я и на свои шапки жаловаться не могу, — он тоже улыбался, и в глазах его были тепло и немного грусти. — Думал, для себя привезу тебя в Карияр, там узнаешь, как меня на самом деле надо звать,

удивишься. А вышло... Жаль, что ты и моему деду не внучка. Была бы лучше мне сестрой, и тужить бы не о чем.

— А ты и не тужи, княжич. Скоро, должно быть, тоже свою судьбу найдешь. И точно ли я не внучка и твоему деду? Тут разобраться надо... — она лукаво улыбнулась.

— Разберемся, как же, — согласился княжич, засмеялся, — ведь и правда так может быть. Сестрица, значит — ладно, на том и порешим. Леля с Ладой сговорились надо мной пошутить, рассердил я их, видно.

Кивнула Велька и оглянулась, ощутив, что в бок будто кольнуло, — так и есть, опять Чаяна смотрит на них, издалека, но видно, что брови она изогнула горько, губы кривит, словно плакать собралась. Глянул туда и княжич, быстро отвернулся, нахмурился, во взгляде его одна темень только и осталась.

— А за него не волнуйся, — добавил, — жив он, примета есть.

— А какая? — опять спросила Велька, на ответ, впрочем, не рассчитывая.

— Верная, — ответил княжич так же, как до того брат, — до завтра. А завтра проплывем Плакун-камень, и... Но с ним все равно ничего не случится, — вот, выходит, этот немного больше сказал.

Велька за руку его поймала, не дала уйти.

— А что же, после Плакун-камня не будет верной ваша примета?

— Нет, не будет. Ну так что? Говорю же, вернется он! — сердито блеснул глазами княжич и руку вырвал.

Тем временем суета поднялась, челядинки забежали, Воевна появилась и повела Чаяну в лес, а за ними девки короб понесли — пути скоро конец, пришла пора возвращать невесту. Вернулась сестра из леса в другой одежде и пеленой покрытая. Больше она до Карияра, до обряда свадебного лица не откроет, и боярышней Белицей ее звать не будут, из леса пришла Чаяна Велеславна, вериложского князя Велеслава дочь. И когда опять поднялись все на корабли и продолжили путь, то корабль с рысью на носу гордо пошел впереди. Это правильно, он ведь вез в Карияр княжескую невесту.

Назавтра у большого плоского камня, прямо из воды торчащего, все корабли паруса убрали. Вот он, значит, тот самый Плакун-камень, Яробраном-Иринеем обещанный. Кормщики и бояре сошли на камень и огонь там зажгли из припасенных дров, и бочку меда в воду вылили, в дар речному духу, которого умиловить непременно было надо, чтобы дальше плыть благополучно. Велька потом спросила у брата:

— А что разделяет этот камень? Земля разная по обе стороны от него

или вода?

— Ты о чем это? — удивился тот.

— Ваша верная примета про Венко после камня уже не верная, говорят...

Смутился брат, усмехнулся:

— Говорят, да? И узнаешь ведь все ты, умудряешься как-то!

— Не принуждала никого, огнем не жгла...

— Земля исконная кариярская началась. Хотя мы уже второй день по Кариярю плывем, а исконная, которой чуры еще владели, — вот, только теперь...

— А Венко?..

— А он дома в шкуре не ходит, человеком живет. Так что жди. Скоро человеком к тебе явится.

— Вот хорошо-то, — вздохнула она радостно, — а я уж решила, что он... не каждый день человеком может быть, изредка только. А он... хорошо!

Покосился на нее брат, хмыкнул:

— Ты решила так, и все равно ему в жены хотела?

— Почему же нет? — Велька твердо посмотрела на него. — Другого мужа не хочу. Скажи мне вот что, прошу, он, случайно, вам никаким боком не родич? Может, батюшка ваш его признавать не захотел или еще что? — на всякий случай спросила, чтобы не думалось больше.

Опять хмыкнул брат, улыбаясь:

— И с чего ты это взяла, не пойму? Вот еще тоже...

Тут разговору был конец. Не о том Велька спрашивала, и при чем Плакун-камень и земля исконная к той неведомой примете, не поняла. Кое-что хорошее узнала, и на том спасибо. А про примету, выходит, тоже та самая княжья тайна?

Скоро река, по которой плыли, в другую реку впала, втрое многоводней и шире. Тут уж окончательно стало понятно, что хоть и продолжали кудрявиться лесом берега, а закончилась глушь, пошли места обжитые. На берегу теперь люди то и дело появлялись: рыбаки промышляли, бабы белье стирали, ребятишки купались, скот на водопой пригоняли. По обоим берегам видны теперь были веси, большие, за высокими околицами, на десятки, наверное, дворов. И городок сразу показался, на высоком берегу, с пристанью, с бревенчатыми стенами. Позже — еще один...

Люди высыпали на корабли княжеские посмотреть, руками махали.

Еще день — и вот он, долгожданный конец их пути. Стольный город

Карияр.

ГЛАВА 24

В Карияре

Большим оказался городом Карияр, шумным. Людей в нем жило много, поболее, должно быть, чем в Верилоге. Удивило это Вельку, ей-то казалось, что Карияр где-то в лесной глуши затерялся, куда ему до отцовского города!

Рассказала брату — он только рассмеялся...

Не у главных кариярских причалов, оказывается, стали корабли, а так, на окраине. И двор, куда проводили вериложцев, тоже на окраине был, как раз неподалеку, большой, просторный, во много теремов, со всеми службами, что только можно пожелать. Хозяйкой на дворе была красивая, статная боярыня в богатом повое, которая первая вышла гостям навстречу, из-за ее спины выглядывала экономка в темном платке, на галку похожая. Поклонилась боярыня, боярин Мирята ей так же ответил, потом попросту обнял, повернулся к Воевне, пояснил:

— Жена моя, Вышана Даревна. Люби и жалуй, матушка. И вы все, гости дорогие, как дома будьте, не взыщите, если что не так. Мой домишко, и слуги мои ныне ваши.

То есть это боярин Мирята у себя их принимал, не князь. Что ж, его «домишко» это позволял, княжеским хоромам в Верилоге он не уступал ничуть. И хоть не упускал случая боярин седины свои помянуть, а жена у него была молодая, чуть постарше Любицы, может быть.

— Она, Вышанка, тоже тебе сестра, нашего деда внука, — тихо сказал Вельке брат, — она с рысьей кровью, он с лисьей, вот и гляди, каковы у нас сестричи...

Они позади стояли, могли видеть всех, а на них никто и не смотрел.

Велька улыбнулась. Боярин Мирята с лисьей кровью — а что, похоже. Нет, лицом на лиса он совсем не походил, но повадкой, взглядом, речами уклончивыми — лис он и есть лис. А сестра, племянники — это уже куча родни получается. И с Мирятой они, выходят, родня!

— Что же раньше не сказал? — упрекнула она брата.

Тот только заулыбался:

— Многое еще узнаешь...

Воевну и Чаяну, покрытую пеленой, с большим почтением проводили в главный терем, самый большой и высокий. Обо всем распорядившись,

Вышана сама подошла к Горибору.

— Наконец-то тебя вижу, Горыня! Ты не ранен ли был? Нож твой потемнел у меня так, что не знала, как думать...

— Был ранен, сестрица, да выздоровел. Вот, она лечила, — показал он на Вельку, — ведунья она, волхва, огневуха.

— Надо же, — всплеснула руками боярыня, — ну, великое тебе спасибо, ведунья! За брата уже сердце изболелось. А ты не?.. Не себе ли он тебя добыл? — лукаво улыбнулась она, глянув на княженку оценивающе, как взыскательная старшая сестра.

— Не я, Венко ее себе добыл...

— Венко?! — изумление легло на лицо боярыни. — Ее, волхву? А как же?..

— Это Велья Велеславна, меньшая дочь князя Велеслава. А Венко... он ее себе в невесты вез, да не довез. Жена она ему теперь. Только об этом, сестрица, пока молчок. К тому же вот еще тебе новость: Велья сестра нам, тоже деда Старха внучка.

— Ох, ну удивил так удивил! — покачала головой Вышана, обняла Вельку. — Ну, сестрица, все, что пожелаешь, твое. А отчего же ты... так вот, в стороне? — она показала взглядом на главный терем, куда сама только что увела княжну и старшую боярыню с их челядинками.

— Долгий разговор, захочешь, потом расскажу, — пообещала Велька.

Но, видно, Горибор или сам Мирята в чем-то просветили Вышану, потому что она поселила Вельку и Любицу далеко от остальных, в одном из дальних теремов. Что ж, разницы никакой, и там горницы были светлые. Вот с Чаяной бы хоть словом перекинуться, а не позволяли...

Убраны терема были богато, и столы накрыты, и бани топились. Воевна была довольна — хорошо, когда так встречают, это и им всем уважение, и больше всего их князю. И все же не такого малость ждали...

— Пока моими гостями побудьте, — объяснял ей боярин Мирята, — не положено у нас невесту сразу на двор к жениху везти. Княжья усадьба от гавани с другой стороны. Завтра князь Вереней всех ждет, праздновать, пировать. А покуда у меня отдыхайте, в себя приходите.

— Отчего же нас князь сам не встретил? — недоумевала Воевна.

— Так, опять же, не положено, — разводил руками боярин, — будут вам завтра в его палатах и встреча, и все почести. Обычай у нас такой, матушка. Вас тут вроде и нет пока, а невесту жениху нынче к вечеру отдадите, будто тайком. Волхвы их огнем окрутят, а там все готово, что полагается, так что проснется утром краса ваша кариярской княжной.

Воевна качала головой, не слишком довольная, что обычаи здесь иные,

что пируют здесь не перед тем, как невесту жениху отдать, а уже после, что не волей князя все будет делаться, а как бы само собой — это что же за обычай такой? Разве не отцу полагается и все решать, и ответ держать перед людьми и богами за то, что в его роду, в его доме случилось?

— Как же он, и не благословит?

— Благословит-благословит, матушка. Без его воли тут и птица никому шапку не замарают, ей-ей, не сомневайся. И не вытерпит он, приедет сегодня, повидаетесь, — доверительно обещал боярин, — все путем будет, матушка. А уж как завтра попируем — дома рассказывать станете, да вам не поверят.

— Как же. Не поверят! А то мы пиров не видали, — бурчала боярыня, на что боярин только посмеивался.

Что ж, оставалось со всем согласиться, в чужом доме своих порядков не заведешь.

Вельке Миряты улыбнулся, подмигнул. После, улучив момент, сказал тихонько, вздыхая:

— Эх, княженка, кто же знал, что такая незадача выйдет? И где шалопута этого только носит! Уж я не сомневался, что к свадьбе он явится. Всего и дел, трех волчар за загривок оттаскать. Но ничего, еще подождем малость. Ты не переживай.

Это о Венко боярин говорил. Видно, что и сам беспокоился. И было о чем, в первый раз не Венко «оттаскал» оборотней, а как раз наоборот вышло. Они ведь люди, и оружные, а Венко как раз нет...

— Да они ему на один зуб, Велеславна, — добавил боярин, которому очень хотелось Вельку утешить, — если с умом все делать. А если без ума, как тогда... меня, значит, надо об пень да в омут, за то, что дурака воспитал.

Утешил...

И в баню пришлось идти уже после всех.

— Не понимаю я! — вздыхала Любича, охаживая Вельку свежим, этим же утром нарезанным березовым веником, — как будто Воевна решила тебя вовсе князю не показывать! Так ведь нельзя, нехорошо.

— А что князю до меня за дело? Он меня сватать не посылал. Хотел сестру в невестки — и получил сестру.

— Отвезем тебя к батюшке, это конечно...

— Вряд ли, Любушка.

— Отвезем, и не возражай. Может, уже на будущий год замуж выйдешь.

— Ой ли? Коса вырасти не успеет! — смеялась Велька, запуская

пальцы в короткие волосы.

— Обойдется и без косы! Главное — как объяснить, что людям сказать! А с этим батюшка твой справится, волхвы помогут...

Вельке про это уже и слушать надоело.

После бани жизнь показалась во сто крат краше и приятней.

Невесту тем временем готовили к вечерним обрядам. Только Вельки это опять не касалось, они с Любицей сели вышивать. Вышана, покончив с хозяйскими заботами, пришла посидеть да поговорить, детей привела, их у нее оказалось двое: мальчик лет семи и четырехлетняя дочка, оба на отца, боярина Миряту, похожие. Витула и Олица. Витулка скоро убежал, а дочка с матерью осталась, ей тоже дали холстинку и нитки с иголкой.

Разговорились. Видно было, что хотелось Вышане с Велькой наедине потолковать и расспросить, но, пока Любика тут была, отложили на потом. А посудачить двум боярыням и так было о чем.

— Краем глаза бы на невесту взглянуть, говорят, краше ее мало кто, — говорила Вышана, споро орудуя иголкой, — очень уж нашему князю вашу княжну за старшего сына хотелось, — и глянула искоса на Вельку, — но тут его власти нет.

— Так он не виноват. Это княгиня наша помешала. Погоди, так что же княжны нашей жених, Велемил, который он? Не старший княжич? И как это — у князя власти нет? — удивлялась Любика.

— Нет. Велемил-то старший княжич, да только жених вашей княжны — Иринея. Он князю Веренею братич, сын его старшего брата, прежнего князя. Князь им всем именами поменаться велел, чтобы вы не знали, который кто. Это затем... скажу только, что предсказанье об этом есть. Поэтому князья старших сыновей жениться не принуждают, советуют только — это можно. Но ничего. Вроде очень любя Ирше ваша княжна. Значит, будут они счастливы. Князь Вереней ему город шапочный обещал, который отец его ставил. И самому ставить город придется. Но будет он князем, будет своими городами править. Под старшим князем, конечно.

— Шапочный город — это как?..

— Ну как же?.. Княжью шапку надеть можно, только когда город свой построишь. Тогда ты и князь, пусть и у старшего под рукой. У вас не так?

— Нет. Чтобы обязательно город ставить — нет у нас такого обычая. Значит, он Иринея. Правильно тогда резы говорили, а мы не поняли ничего. И проклятье он на себе испытал, еще когда при отце жил? А потом схлынуло проклятье?

Вышана кивала, Любика удивлялась, Велька торопливо шила — она все это уже знала.

— ...Княжичи наши? Велемил, которого вы Горибором звали, он первой княгини сын, — не спеша рассказывала Вышана, — Ярша, Яробран то есть, — его вы знали как Ириней. Он сын княгини Заледы, рысьего князя дочери, меня потом она и сосватала Миряте Веденичу. А Горыня... Горибор, его мать моей родная сестра. Ее князь Вереней вскоре после Заледы меньшицей взял. И мать княженки вашей, как я понимаю, тоже дочь деда нашего от другой жены...

Любица качала головой, видно, то ли пытаюсь вникнуть, то ли решая, верить ли всему.

— А как у вас свадьбы играют? Что за обычай такой невесту будто тайком увозить?

— Как же тайком, когда родители и отпустили, и благословили? — удивлялась теперь уже Вышана. — Просто все, заберет ее Ирша, их волхва ждет, окрутит, а постель им уже постелили. Я там была, сама видела. В овине, на двенадцати снопах, на мешках с житом, на бочонках с медом, на семи перинах, одеяла там соболю, и на стрелы в стенах соболя повесили, а подушки жемчугом шиты — это к женскому здоровью... У вас иначе?

— Да, почитай, все так же!

— Только у вас, должно быть, знают, кому стелют, а у нас стелили вроде одному, а невеста разувать другого будет! — смеялась Вышана.

Тут как раз Вельку вниз позвали, взглянуть на больную ногу одному то ли кметю, то ли кому еще — корабельщики, должно быть, слух пустили, что есть тут искусная знахарка. Любица тоже работу отложила, пошла с ней.

Внизу, в клети, сидел на лавке мужчина средних лет, плечистый, мощный, как дуб, седой наполовину, одетый в простую, корой крашенную рубаху, но вряд ли простой кметь — десятник, может, или сотник. Не по одежде, по повадкам. Взгляд у него был тяжелый, властный, студеный, морщины исчертили высокий лоб. А пояс вот на нем был простой, из кожаного ремня, сотнику такой точно не полагается. Сапог уже незнакомец снял, штанину закатал. На княженку глянул вскользь, на Любицу — внимательней:

— Ты ведунья? Нога разболелась некстати, старая болячка, поможешь — не пошкуплюсь.

Любица отрицательно качнула головой, показала на Вельку.

Незнакомец поморщился:

— Эта? А не слишком ли молода, чтобы в таких делах смыслить? Другой нету?

Вспыхнула Велька, к такому небрежению она не очень-то привыкла,

особенно за последнее время.

— Может, и найдется, — ответила она спокойно, — велеть поискать?

Незнакомец посмотрел на нее исподлобья, долго, неторопливо. Кивнул:

— Ну, погляди ты, что ли. Хуже ведь не сделаешь?

Велька тронула Любицу за руку, взглядом попросила помалкивать. Подошла, осмотрела ногу. Ничего мудреного в болячке не было. Язва под коленом — это у старых кметей бывает, ноги им то и дело трудить и повреждать приходится. По молодости с рук сходит, а к старости аукается.

— Жила воспалилась, сейчас подлечу, затяну язву, и ходить без боли сможешь, — сказала она. — Наверное, за год раза два, а то и больше болеть начинает?

Незнакомец согласно кивнул.

— Подлечи, если не шутишь. А то вот свадьба на носу, плясать надо, и куда с такой ногой?

— Спляшешь, — пообещала Велька. — А со временем, если захочешь, вовсе тебя вылечу, не будет болеть нога. Но это не за один раз.

Силу позвала, потянула — та прилила, бери не хочу, огонек привычно затеплился между Велькиных пальцев. Кметь аж дернулся, отшатнулся, посмотрел с откровенной опаской.

— Огневуха, что ли? Ох, не люблю твою сестру!

Велька замерла, но огонек гасить не стала.

— Мне ни к чему твоя любовь, добрый человек. И какая тебе печаль, что я огневуха, если вылечу?

Он опять кивнул, дал себя уговорить:

— Ну, лечи. Поглядим.

И чего там глядеть? Велька не спеша рану огнем живительным очистила, прижгла. Не слишком это больно, но поначалу с непривычки люди пугаются, от огня ведь все живое сначала отпрянуть норовит. А этот — нет, как сказал «лечи», так больше и бровью не повел. Той бы мертвой воды теперь капельку, но и без нее неплохо получилось.

Закончила Велька, огонек погасила, пот со лба рукавом вытерла, спросила с улыбкой:

— Ну что, добрый человек? Не болит больше, сможешь плясать?

Тот ногой притопнул, кивнул доброжелательно.

— Не болит. Молодец, огневуха. Спасибо тебе. Ты... вот что: у меня пока поживешь. Как вылечишь, отпущу и награжу. Хотя зачем тебе куда-то уходить, у меня и останешься, не обижу. Будешь жить да радоваться.

Такого княженка не ожидала, выпрямилась, удивленно поглядела.

— Не пойду я к тебе, нельзя мне никак, — сказала, — ты лучше назовись, я попрошу боярина тебе весточку послать, сообщу, куда тебе прийти.

Кметь, кажется, очень удивился.

— Что?.. Ишь ты, выдумала, весточки мне слать. Да я тебя сей же час в погреб и запру, вот и говори потом, куда тебе никак нельзя...

Тут Велька тоже удивилась очень, даже и не сразу нашлась, что ответить. Называться не хотелось. И отчего-то до сих пор не приходилось ей таких неучтивых лечить, даже и слов для них приготовлено не было!

— Ну, разве что у тебя погребов много! — нашлась она. — Да и то, и погреба не будет, и как бы с ним заодно чего еще не сторело. Да и сам ты, сдается мне, на вторую ногу тоже сразу охромеешь. Так что не шути так, добрый человек!

Угроза эта пустой не была. Не пробовала еще Велька такого, чтобы заставить человека обезножить на расстоянии от нее, но бабка Аленья умела...

Кметь устоял на нее так, словно это с ним печной горшок заговорил, насутился — тоже, видно, решал, что сказать. И вдруг, хлопнув себя по коленям, захохотал раскатисто. И тут заскочил в низкую дверь боярин Мирята, так и застыл на мгновение и вдруг поклонился:

— Ну, здравствуй, княже! А мы тебя обыскались, не пойдем, куда ты только деваться мог...

Велька отодвинулась, да так и замерла на месте, ни ушам, ни глазам своим не желая верить. И Любица тоже в изумлении за голову схватилась. Вот этот невежа, что сидит тут без сапога и с засученной штаниной, — кариярский князь Вереней?

Князь, не вставая, обнял подошедшего Миряту, похлопал его по плечу.

— Хорошо, боярин. Не все по мне, да ты не виноват, куда денешься, свою службу сослужил хорошо. Ты скажи мне, эту вот бедовку, где добыл нам на радость? Гостит она у тебя или еще как? Хочу к себе зазвать, да огрызается! — и показал на Вельку.

Вот вроде и бедовкой ни за что обругал, но злости в его голосе не было, напротив, смех и веселье.

Боярин виновато зыркнул на Вельку, нагнулся к уху князя и зашептал ему что-то. Долго шептал.

— Венко? Велья, Велеслава дочь?.. — проговорил князь, и с лица его изумление хоть ложкой можно было грести. — Не шутишь, боярин?.. Да как же ты?.. — Перевел князь дух, затылок пятерней почесал, продолжал:

— И... как же? И где он сам, где его носит-то? Ты, боярин, того... куда смотрел? Ты... ну, боярин... э-э-э... а как же? А почему?.. — и кивнул на Вельку.

Может, Мирята князя и понял, опять что-то ему на ухо прошептал. Князь рукой махнул:

— В холодную паршивца... на две недели... обоих вас туда, бестолковых, — сунул ногу в сапог, глянул на прощание на Вельку и вышел из клетки.

— Ты, княженка, не пугайся, не слушай, про холодную — это шутки все, — пояснил Вельке боярин, — шутит князюшка. Чтобы он позволил кому прохладиться две недели, хоть бы и в холодной, — да отродясь не было такого. Все хорошо будет, Велеславна...

Заглянула Вышана, узнать, все ли у них ладно. Когда ей рассказали, что случилось, она рассмеялась, руками всплеснула.

— Князь приехал? А мне почему не сказали?.. А огневых ведуний он и правда не любит, не обижайся. Но теперь-то к тебе хорошо станет относиться. Он давно ногой мается, никто до сих пор как следует лечить не мог, а у тебя вроде получилось? Видишь, по обычаю князю нельзя сегодня в дом к невесте приезжать, а не удержался он, сам захотел поглядеть, что да как. Пойду, насчет стола расстараться надо... — и убежала.

Велька с Любицей переглянулись в недоумении. Да, у них дома тоже свекор накануне свадьбы в дом к невесте не станет являться, все ведь уже готово, все сговорено, его дело молодых у себя на пороге встретить. То есть дом боярина Миряты сейчас вроде как невестин. Потому он и оделся просто, не по-княжески, и пришел тихо, не назвавшись. Что ж, хоть и не совсем те же у них свадебные обычаи, а суть у них одна.

— Он, должно быть, потому огневух не любит, что их род когда-то огневуха и прокляла, — пояснила Велька, — или даже Огневая Мать то была?.. А не любит их он напрасно. Если проклятье огневой силой сделано, то его только огневой силой и можно отменить. Если какая огневуха вдруг полюбит... — она улыбнулась, свое рысье обручье пальцами погладила.

Она вот полюбила, хоть и не князя. А за это обручье князь теперь, должно быть, никаких преград им с Венко чинить не станет.

— Ты молчи об этом! — замахала руками Любица. — А то вдруг не захочет он тебя обратно с нами отпустить! Думаешь, пригрозила, он и испугался? Управу на тебя не найдет, князь-то? Есть тут огневухи и кроме тебя! И посильнее найдутся.

Конечно, найдутся. Такие, которые силу свою уже до мелочей изучили,

умелые, не то что вериложская княженка. А интересно, есть ли такие, что тоже жар-птицей летали и с другими девками-огневыми в огне танцевали?..

— Не бойся, не скажу, — махнула рукой Велька.

— Пойдем наверх, Велеславна, — потянула ее Любича к лестнице, — отведу тебя, подождешь в горнице, я поспрашиваю, как нам быть, не выйти ли к столу. Не сидеть же нам век тут на задворках! Что за радость, на свадьбу явились по углам прятаться. Невеста-то точно за стол не выйдет, так что тебе и можно бы.

— Ты иди за стол, Любушка, если позовут! Потом мне расскажешь, — засмеялась Велька, — а то и тебя не пустят ни за здешний стол, ни на свадебный пир, потому что ты все со мной!

Могло и так случиться. Воевна, на молоке обжегшись, теперь и на холодную воду дуть станет до самого Верилога... в который, впрочем, Велька вовсе не собиралась возвращаться. Она теперь об Озерске все думала — какой он? Такая уж глушь? А жить они с Венко будут в тереме или в простой избе?

И изба сойдет, на первое время или даже долее, хотя, помнится что-то, Венко ей и терема обещал, потому как он богатый купец...

Только бы сам он скорее появился! Не хочется в плохое верить, а все равно тревожно...

— Неправильно это, — в сердцах воскликнула Любича, — пусть волхву из святилища позовут, она скажет, есть ли что на тебе! Пусть обряды справят. Но чтобы княжескую дочь на сестриной свадьбе к столам не пускать — это неправильно!

Боярыня Любича, сама молодая и по натуре не затворница, тоже, наверное, хотела веселиться на свадьбе, а не отсиживаться в дальнем углу.

— Ты иди, — повторила Велька, — мне потом расскажешь.

Вернулась боярыня не скоро, Велька узор на полотенце успела разметить и вышила чуть не половину.

— Засиделся князь, — объяснила Любича виновато. — Обо всем говорил, спрашивал про дорогу... наше житье-бытье. Про все спрашивал. С моим боярином говорил да с Воевной. Воевна велела только, чтобы о тебе ни слова... А я все ждала, что о тебе он спросит или скажет чего. Он ведь о тебе узнал! Нет, ни словечка. Почему?

Это и Вельке было интересно. Княженка она, и огневая волхва в придачу, и князю с больной ногой вроде помогла — так неужели ему, князю, не стало любопытно хоть что-то про нее узнать?

Это оттого, что она с Венко, и князю это известно? То есть и

неинтересна она князю вовсе, раз она с Венко?..

Почему же так?..

— И еще, Велюшка... ты не огорчайся, — вздохнула Любица. — А решили наши старшие, что не надо тебе на свадьбе быть. Раз неведомо о тебе князю, то и рисковать незачем. Тебя ведь отпустили родители, платок княгинин на тебя надели. Князь Вереней-де, если узнает, права предъявить может, отдаст тебя за кого сам пожелает, пусть уж твой батюшка... Значит, завтра мы с тобой тут останемся. А там будет видно...

— Любушка, так ведь князь уже знает... ты не сказала?..

Любица покачала головой.

— Не сказала. Сдается мне, князь сам о тебе вспомнит, вот и поглядим, что будет, — она улыбнулась.

На том и порешили.

Когда Любица ушла ненадолго, Велька выглянула из горницы, подозвала первую попавшуюся сенную девку, спросила:

— Кто такой Венко, ты знаешь такого? Хоть кого? Скажи мне.

— Не знаю, боярыня, — мотнула девка головой и поторопилась убежать.

Тогда Велька спустилась по лестнице вниз, в клеть. Вон там, на лавке, сидел князь Вереней...

Пожилая челядинка скоблила мокрым песком широкий дощатый стол, старые доски светлели под ее тряпкой. Велька подошла.

— Не знаешь ли ты, случайно, Венко? Кто он таков, бывал ведь здесь?

— Не знаю такого, боярыня! Ничего не знаю, — баба отвернулась, нагнулась за очередной порцией песка, спохватилась, взглянула на княженку, — надобно тебе чего-нибудь, боярыня?

— Ничего. Спасибо тебе за ответ...

— Так не знаю я никакого Венко, боярыня! — поспешно и немного испуганно сказала баба уже ей вслед. — И со двора я ни ногой и никогошеньки не знаю!

Неправда это. И она, и девка соврали. И Вышана правды не говорит, даром что сестра, и челяди, должно быть, строго-настрого запретили. Это что-то да значит.

Как увозили Чаяну, Велька и Любица смотрели потихоньку, из окошка сеней, в которые пришли переходами из своего дальнего терема. Впрочем, не они одни прятались, все наблюдали за действием тайком, кто откуда. Солнце уже почти закатилось, небо полыхало багрянцем и золотом. Одна Воевна вышла с Чаяной, лицо которой было все так же закрыто, на

крыльцо, и вложила ее бледную безжизненную руку в руку княжича Ириней и связала их руки вместе вышитым полотенцем. Что она при этом говорила княжичу и что он отвечал — слышно не было. Ириней посадил невесту в открытый возок, в котором уже сидела седая старуха с непокрытой головой — волхва. Он сам взял вожжи, и тройка чалых тонконогих коней вмиг умчала возок.

— Тут так полагается, — шепнула Вельке Любица.

А Велька впервые подумала, каково сестре приходилось последнее время, после того как Яробран ей обручье вернул. Она ведь воспитана так, чтобы достоинство не ронять, вида не показывать, если плохо, казаться всем гордой княжной, всем довольной. И обручье нелюбимому не сама она отдала, а ее задетая гордость. Да, согласилась она, но ведь никто больше из княжичей и не помышлял просить у нее обручье! Казалось отчего-то Вельке, что не сильно нравилась красавица-сестра остальным княжичам. Вот брату ее, Горибору, поначалу очень нравилась, наперебой с Иринеем за ней ухаживали, а после той истории с заклатьем как отвратило его. Видно, по-настоящему полюбил Чаяну Ириней. И он, казалось Вельке, хороший человек, значит, оценит его со временем Чаяна и будет счастлива...

И еще Вельке выпала радость, что пелену невестину на нее больше надевать не стали. Свободная она, что хочет делает, с кем хочет говорит... не невеста потому что больше. Верно, Горибор сказал Вышане — она Венко жена.

Не невеста...

— Помогите, Матушка Макошь и Лада Пресветлая, пошлите молодым счастье и благоденствие, — затараторила, воздев руки, рядом какая-то старуха, из боярских домашних.

— Помогите, Матушка Макошь... — отозвалась Любица.

Велька согласно наклонила голову, мысленно прося о том же.

А Чаяну ждут теперь последние обряды, благословение волхвы, сапоги Ириней, которые она с него снимет, и должно быть, монетки золотые найдет в них или еще что в подарок, и постель на снопах с жемчугом и соболями...

А завтра уже муж ее как молодую жену введет в княжеский терем, отцу покажет, княгине, всем.

Велька вспомнила хмурый взгляд князя и то, как он потом смеялся. Улыбнулась. Не таков он, этот князь, чтобы ласковые речи напоказ говорить, но Велька подумала, что она бы, пожалуй, поладила с таким свекром. Может быть, и Чаяна поладит, и все будет хорошо.

Наутро, не рано, прискакал посыльный с княжьего двора, прокричал, как по обычаю следовало, что-де просил князь кариярский Вереней Горятыч пожаловать невестину родню молодых встречать, вено требовать — князь-де готов честь-честью заплатить за ту голубку, что его сын-де изловил, не спросившись. И угощенья княжьего отведать, как же без него, — то есть на свадебный пир.

Тут же подали к крыльцу готовые уже, тройками запряженные возки. Воевна, нарядная, в шелках, в повое с цветными камнями, грузно сошла с крыльца. Она уставшей казалась, под глазами легли густые тени, словно с бессонной ночи — может, так оно и было.

Около Вельки боярыня остановилась, улыбнулась ей:

— Не грусти, горлиночка, и не серчай. Попируем мы и на твоей свадьбе. Дай-то Макошь...

— Ничего, матушка, — сказала Велька, — а про воеводу нашего, про Горыныча, не слышно?

Покачала Воевна головой, рукой махнула:

— Ничего... Вот еще забота, где он, окаянный? Его дело вас беречь, с князем рядиться на свадьбе, как старшему, вместо вашего батюшки, а он здешних татей ловить взялся... — и знак Любице сделала, дескать, ушли бы вы с чужих глаз...

Хотя чужих глаз тут и не было почти, и боярин Мирята, и Вышана отбыли на княжий двор раньше.

— Пойдем, — Любица обняла Вельку за плечи, — у нас тоже дела найдутся.

Боярин Городей, муж Любицы, одетый в праздничный зеленый бархатный кафтан поверх шелковой рубахи, всем распоряжался — он-то как раз доволен был, что воевода от дел ушел, дал ему себя показать. Досадливо на жену поглядывал — ему бы с красивой и нарядной женой на пир явиться, а его Любице придется при княженке сидеть. Сундук с невестиными подарками на возок погрузили — всем этим по обычаю Чаяна перед пиром станет новую родню одаривать, и вено за невесту получать боярин будет. Суета, крики, и все же радостно всем было — кто же на свадьбе станет грустить!

Уведя Вельку, Любица ей сказала:

— Тебе наряд приготовить надо. Мой-то готов. Вот хоть чем, Велюшка, поручусь, что князь за нами пришлет... за тобой то есть.

— И с чего ты взяла? — уточнила Велька, хоть и не удивилась особо.

Пришлет за ними князь, не пришлет... так, серединка на половинку. Много о чем накануне передумала Велька, перед тем как уснуть, много

словечек и недомолвок и княжичей, и боярина Миряты, и Вышаны в памяти перебрала, а все что-то не сходилось...

— Пойдем выберем... — потянула ее Любица за собой в клеть, где сундуки с обоза составили.

И, разглядев те сундуки, горестно воскликнула: на всех замки висели. И на тех, что с Велькиным приданым, и на других тоже. А где ключи — то знает только Воевна и, может, муж Любицы... У них не спросишь уже и не потребуешь — уехали.

— Как же быть?.. Ничего! У меня еще есть шелковая верхица, подошьем тебе... и на голову поищем... ничего, мое наденешь, пусть моему боярину будет совестно! — заявила, сверкая глазами, боярыня. — И зачем заперли?

— Не прислал пока за нами князь, — отмахнулась Велька.

Пока Любица суету затеяла, девок за работу посадила, радовалась, что вообще нашлось приличное, праздничное, что можно на княженку подогнать, Велька вышла на гульбище, склонилась над перильцами. Внизу где-то играли дети. Показалось Вельке, что она голос Витулки слышит, боярского сына. Кричали о чем-то дети, спорили...

— А меня князь Ивень обещал к себе в Озерск забрать... — это Витулка кричал.

Вздрогнула Велька, прислушалась.

— А не отпустит тебя батюшка! — отвечал ему звонкий голосок.

— А вот и отпустит!

Князь Ивень, значит. В Озерск...

Велька, подхватив подол, чтобы не мешал, вихрем слетела по лестнице вниз, во двор, обошла терем...

Там колодец был, возле него дети и играли, и Витулка, и Олица, и другие детишки. Велька мимо боярских детей прошла, подхватила на руки какую-то девочку, беленькую, в полотняной рубашонке, со смешно торчащей косичкой, отнесла в сторону.

— А что же за князь такой, Ивень? — спросила.

— Ивень Веренеич, князь озерский, — сразу важно ответила малышка, — а ты, что ли, не знаешь? Он брата моего Пересеня в дружину к себе взял этим летом... А Витулу когда еще возьмет, хоть он и дядьки его сын... Зато Витула на мне жениться обещал.

— Это хорошо, — сказала Велька, опуская девочку на землю, — спасибо тебе. Беги играй...

Медленно пошла она к крыльцу, села на ступени.

Вот оно как. Не Венко, а Ивень Веренеич, князь озерский. А Озерск —

не просто дальний городок в глуши с лешими, а шапочный город старшего княжеского сына. У него город — значит, он не княжич, а князь, пусть и младший под старшим. Он наследник Веренея. А проклятье... это, значит, и есть то самое проклятье, чтобы за границы своих земель в человеческом облике не выйти...

Невеселое проклятье у карьерских князей, неудобное очень. И они его скрывают. Это понятно, ни к чему про такую слабость чужим знать.

И Мирята, значит, дядька, воспитатель княжьего сына, он его на коня в три года посадил, как это по обычаю положено, и потом всему учил, присматривал...

То-то еще волхва Синява веселилась, на Вельку глядя! Про глушь с лешими насмешничала. Она отчего-то все сразу поняла! Знала, выходит! Волхвы многое знают... И другие не врали, говоря, что княжичей четверо. Тот, о ком спрашивалось, в этот счет не входил, он не княжич, он князь...

Но что же это такое, почему? Ладно Вышана, но ведь и Синява тогда не сказала Вельке, в чем дело. А княжичи на причину ссылаются важную...

Тут как раз шум, стук раздался от ворот, и во двор внесся запряженный тройкой открытый возок, мимо переднего терема, остановился неподалеку, из него Вышана выпрыгнула, подбежала к Вельке.

— Да что же ты, сестричка? Что с тобой случилось? Правда неможется тебе? Что болит?

— Со мной все хорошо...

— Да как же? — удивилась Вышана. — А боярыня ваша сказала... Почему ты не приехала? Быстрее собирайся, князь ждет, — схватила Вельку за руку, в терем потащила.

Услыхав про запертые наряды, только руками всплеснула, на приготовленную Любицей одежду и глядеть не стала и тут же побежала по терему, собирая челядь и распоряжаясь. Оглянуться не успели, как кругом уже девки бегали, короба тащили один за другим...

Вышана сама перебирала верхицы, все нарядные, одна другой богаче. Выбрала — из тяжелого шелка, цветом как золотистый жемчуг.

— Вот, погляди, как тебе пойдет... Из моего приданого, и не надевала еще. Дарю тебе, будет память, в чем впервые на княжий пир явилась. Укоротить только... Вы слушайте, что было, — не переставая хлопотать, принялась она рассказывать, — собрались все, ждали-ждали, князь уж послал спросить, не передумали молодые нынче утром вставать? Оказывается, недосмотрели, повой приготовленный молодой не по нраву пришелся. Пока другой сладили...

Пришли наконец молодые. Ирша жену на руки взял, в терем занес... А

тебе и повой ушить надо, сестрица. Веселинка, ушей на палец! — сунула она повой в руки девке. — И кокошник бы такой, чтоб жемчугов поболее... во-от... Гляди, Любица, хорош? Ты не отберешь ли пока рясны под кокошник, чтобы и жемчужная была нить, и стеклянная, и еще из зеленцов мелких, там есть, в ларчике, поищи...

Молодая боярыня, немного растерянная из-за такого напора и суеты, исполняла веленья хозяйки, кивала, оценивая поглядывая на княженку, копалась в ларце, полном украшений с самоцветами, как в сорном горохе, отбирая нужное...

— Слушайте дальше! — продолжала Вышана. — Суть да дело, пока молодых встретили, да все приветные слова сказали — дело небыстрое, вено принесли, сундук с подарками открыли, — и заметил князь, что меньшей сестры нет. Позвал моего боярина... тот к боярыне вашей старшей кинулся, она говорит, что занемогла княженка. Ну, мой Мирята Веденич сразу сказал, что тут лукавство какое-то. Князь уже мне велел отправляться да узнать, что с тобой, а тут такое случилось... Боярин ваш, как оказалось, старший... явился, с ближними своими, да сразу на крыльцо, да в палату, и князю кланяется...

— Горыныч, воевода наш? Надо же! — не удержалась Любица.

— Да... и суда, значит, просит. Дескать, воры тут у нас, татя покрывали, который княженку похитил и честь порушил ее и князя Велеслава. Боярыня ваша сомлела, второй боярин растерялся, и сказать ему нечего — они, видно, такого тоже не ждали. Да и все так идолами и встали, не поймут ничего. А боярин ваш продолжает, что он-де просит суда нашего князя над ворами-кариярцами, а того татя он поймал и просит позволения в Верилог его везти, на суд Велеслава отдать...

Любица тихо ахнула.

— Поймал?.. — Велька повернулась к Вышане, не желая ушам своим верить.

Горыныч поймал Венко?.. Может, все-таки не его, другого кого?..

— Тут только мой боярин что-то и понял, — продолжала Вышана, — нашептал он что-то князю на ухо, тот сразу и спрашивает, не все ли татю ребра переломали? Старший ваш и сказал, что урона татю не было, потому что того сразу заклетыми путами обмотали, у него-де такие есть, тот и проспал все время, пока везли. А взяли его уже неподалеку от Карияра, и он еще сказать успел, что-де княжий человек, чтоб к князю его доставили... Вереней и велел доставить его не медля к нему, и чтобы я тебя привезла сей же час...

Любица только головой качала, она поняла далеко не все.

— Да что же тогда мы тут возимся, зачем? — встрепелась Велька. — Зачем меня наряжать? Едем скорее, это ведь боярин Венко поймал, это его он татем считает! Только его он в лицо видел...

— Тихо, — прикрикнула Вышана, — успеется, куда торопиться? Ничего теперь Венко не сделают. И без нас ничего интересного не случится. А ты должна быть одета как должно.

— А интересного ты ждешь?.. — схватила Велька Вышану за руку. — Чего же?

Она чуть не сказала Вышане, что недавно узнала про Венко, да удержалась. Зачем-то ведь нужна скрытность эта, тайна? Ради чего их столько времени морочили? Вот сейчас она и посмотрит, что будет. А Вышана... что Вышана, она делает, что князь велит и ее муж. Она, может быть, тут же князя предупредит...

— Что-что... — на миг смутилась жена Миряты. — Серьги вот выбери, какие хочешь? — видя, что Вельке не до серег, сама взяла из ларчика подходящие, жемчужные, с капельками искристых камушков, сама Вельке их в уши вдела. — Хороша ты, сестричка. Кому бы ни досталась... А обручье это сняла бы, простое слишком, — показала на обручье с рысьями, — другое возьми...

Велька решительно покачала головой, закрыв ладонью заветное обручье.

— Особое какое, что ли? — верно поняла Вышана. — Ладно, рукавом прикрой. Ты готова ли уже, боярыня?

Любица была готова. Оказывается, успевала она и Вельке помогать, и сама приодеться. Осталось спуститься, ног под собой не чуя, да в возок сесть, а кучер с козел и не слезал, и ворота распахнутые стояли — сразу понеслась тройка.

Приехали на княжий двор, сразу к красному крыльцу. Тут Вышана, Вельке в руку вцепившись, торопиться ей не дала, поднялись они по дубовым ступеням не спеша, лебедушками.

— Ты не тревожься, — шепнула боярыня, — тебе-то все будет, что только пожелаешь...

Зашли они в просторную палату с расписными стенами, с престолом княжеским в дальнем конце, с лавками вдоль стен, бархатом крытыми. Веренея увидели сразу, он лицом к ним стоял. Теперь князь одет был в парадное, в красный шелк и черный бархат, все шитое золотом и шелком. Рядом с ним, по правую руку — его княгиня, должно быть. Заледа, Яробрана матушка. Красивая...

На Вельку князь поначалу взглянул, как тогда, в клетки, тяжело и

студено.

Велька заметалась взглядом по палате... Справа от князя Ириной с Чаяной стояли, там же — Мирята, Воевна, боярин Городей и все княжичи, другие ближние князя — дальше, вдоль стен. Людно было в палате. А левее... там она увидела воеводу Горыныча, десятников его — их Велька в лицо узнала, а меж ними — Венко.

Оглянулся он, и взгляды их встретились, огоньком горячим мелькнула у него в глазах радость... и он отвернулся, больше на Вельку не смотрел. А у нее сердечко застучало — как будто бегом бежала от Мирятиного двора до княжьего.

Вышана ее вперед подтолкнула, шепча что-то — слов было Вельке и не разобрать, только сердце свое слышала. Прошли они через всю палату, перед князем остановились, поклонились. Князь кивнул, рукой махнул:

— Ступайте, боярыни, вы свое дело сделали.

Вышана с Любицей отошли, одна Велька осталась перед князем. Не удержалась, через плечо глянула на Венко опять — он теперь в пол смотрел, на нее глаз не поднял. И тут только заметила княженка, что на нем старая, небеленая рубаха, штаны не лучше, а сапог нет вовсе. И лицо разбито, под глазом синяк. Его, Венко, Горыныч изловил, как татя, сюда привез и доставил к князю. А князь, выходит, решил, что это ничего, не зазорно, чтобы его старший сын в таком виде и без сапог перед его гостями тут стоял?.. Непонятно.

Князюшка в какую-то игру поиграть затеялся? Или на самом деле нехорошее что?..

В плохое верить не хотелось, но поневоле тревожно стало.

Горыныч суда просил, но какой тут суд, за что? Ошибка случилась, и князю это известно. Или?..

Задышала Велька глубже, и сила потянулась, закололо в пальцах. Ненужная сила, но с ней спокойнее стало. А старая волхва, возле престола сидящая на скамеечке и словно спавшая, вдруг глаза открыла и на Вельку посмотрела. Силу почуяла?..

— Ну, здравствуй, Велеславна, — сказал князь, — ты здорова ли? А то дошла до нас весть, что неладно с тобой?

— Все ладно, княже, — ответила Велька.

— Я рад, — князь кивнул, — а теперь надо с тобой решить. Приехала ты сюда, чтобы моему сыну женой быть, а ведь не решено еще, кому из них! Ну, Горибор, как оказалось, в мужья тебе не годится. А двое вот годятся, погляди, — и показал на Велемила и Яробрана, они разом шагнули и стали рядом, против Вельки, — а обручье твоё вот, возьми. Боярин ваш

спас его, мне отдал. Теперь сама решай, кому отдашь, — и протянул ей девичье обручье, ее, то самое.

— Брагодарю, княже... — Велька обручье взяла, надела на руку.

Боярин обручье добыл или все же Венко?

Велемил ей улыбнулся, Яробран в пол уставился. Оглянулась она на Венко — тот вовсе отвернулся.

— Выбирай, душа моя, — сказал князь. — Старший княжич Велемил Веренеич, второй княжич Яробран Веренеич. На кого сейчас укажешь, с тем и будешь.

Чудно...

Опять Велька не спеша огляделась. Воевна стояла, волнуясь, руки к груди прижав. Сестра, Чаяна, губы кусала, и глаза у нее блестели... Обидно ей? Оттого, что ей не сказали: «На кого укажешь, с тем и будешь...»

Вышана... застыла вся, смотрит, ждет, волнуется. Боярин Мирята... аж вперед подался. У княгини Заледы в глазах был интерес... любопытство даже.

— Выбирай, княженка, раз князь велит! — подал голос Горыныч. — Да подумай о своем батюшке, что бы он тебе посоветовал.

— Да-да, и о батюшке подумай, — кивнул князь. — О чести отцовской, о чухах в первый черед думать и надобно.

И показалось, что не по-настоящему он это говорил, не от сердца, а словно байку сказывал.

— Погоди, княже, — сказала Велька, — ты разве не заметил, что я не девкой сюда пришла? — и коснулась рукой своего пояса. — Есть у меня суженый, только один. Ни к чему мне больше выбирать, спасибо за честь.

— Ты о нем, что ли? — князь показал на Венко. — Забудь. Сама погляди, ну какой он тебе суженый? Тебе, дочери Велеслава? Нет, душа моя. Отец тебя мне в невестки отдал, вот и выбирай из моих сыновей, Велемила и Яробрана.

— Какой-такой суженый? — взревел Горыныч. — Этот поганый тать? Я, пока жив, свою княженку так позорить не позволю!

Выискивая в кариарских лесах следы оборотней, выпрашивая что можно и потратив на это немало времени, воевода был горд, что татя, хотя бы одного, все же поймал, но ему пока и в дурном сне не случилось подумать о пленнике как о суженом княженки. Воевна, которая от Вельки знала, что причина к тому есть, не удивилась, лишь прижала руки к груди, словно ей тяжело было дышать.

— Ты погоди, боярин, не шуми зря, — одернул его князь и сделал знак, по которому часть его ближних стала перемещаться к расстроенному

вериложскому воеводе.

— Так вот, — князь, о чудо, улыбнулся Вельке, — от этого тебе надо отказаться и не думать больше, — он пренебрежительно махнул рукой в сторону Венко. — Все, что случилось, Богам Светлым было угодно, вон, волхва подтвердит! А ты, княженка, погляди еще на моих сыновей и скажи, наконец...

А улыбка-то у них с Венко одинаковая.

Да что происходит?..

Или она детские речи не так поняла, и Венко — все же не Ивень? Или — чего хочет князь?

Пожалела уже княженка, что сразу не поговорила с Вышаной, не доверилась...

— А он от меня уже отказался, княже? — спросила она.

— Нет. Я никогда от тебя не откажусь, — сразу негромко ответил Венко.

— Вот и все, значит, — улыбнулась Велька радостно, — только он мне муж, другого не нужно. А княжичам твоим пусть лучше меня жены достанутся...

Опять Горыныч взревел гневно и кулаки могучие сжал, но тут его как раз за руки схватили и на лавку усадили, и людей его оттеснили подальше...

— Княже, княже, батюшка! — закричала вдруг Чаяна. — Не будет такого! Позволь мне с младшей сестрой с глазу на глаз поговорить. Я вразумлю ее, сделает она как должно, будет тебе послушной!

— Тебя, невестушка, кто спрашивал? — недовольно шевельнув бровью, заметил Вереней. — Хотя... ну, ступайте, поговорите.

— Нет, княже! — воскликнула Велька. — Не надо...

Отчего-то разговора с сестрой сейчас она хотела не больше, чем этой странной беседы с князем на виду у всего двора. Хотя почти дословно знала, что готовилась сказать ей Чаяна.

— Княже, не шути больше над нами, — взмолилась Велька, — я ведь знаю про озерского князя Ивеня Веренеича. Случайно... слышала, что дети говорили у колодца...

— Вот как, значит? Знаешь?.. — князь, у которого уже и морщины большей частью разгладились, опять нахмурился.

А Венко... он быстро подошел, позади встал, обнял Вельку за плечи, сжал.

— Все, любя моя, — шепнул. — А громче сказал: — Все, батюшка, довольно. Не судьба, значит. Ничего. Не захотели боги, чтобы на этот раз

предсказанье исполнилось. А жену я себе выбрал, и другую тоже мне не надобно.

Вздохнул князь.

— Что ж. Так и быть. Благословляю вас, дети мои, Ивень Веренеич и Велья Велеславна. Жизни вам долгой и детишек побольше нам на радость.

И княгиня, улыбаясь, то же следом за мужем повторила.

Поклонились они князю с княгиней низко, как полагается. А смотрел он на них по-прежнему сердито.

Хотя... не на них ведь он сердился, тут другая причина какая-то...

Шум поднялся в палате, словно все разом выдохнули и заговорили. Верилотцы вот... те не выдохнули, так и стояли, с мест не двигаясь, будто ни глазам, ни ушам не веря: князь ведь благословил их княженку жить-поживать и детей наживать с каким-то странным босоногим парнем, которого их же воевода поймал как татя и силой сюда доставил, на княжий суд? Если это не бесчестье, то какое же оно, бесчестье, тогда?..

— Позволь, княже, тебя подарком одарить, — сказала Велька, — а то ведь не принесли сюда мои подарки. Хочу тебя хоть малость порадовать, отчего-то ты огорчен... — на княгиню она посмотрела виновато, потому что не по обряду это, но что же делать...

И Вереней, и Венко разом глянули на нее удивленно. Князь шагнул ближе. А Велька сдернула с руки рысье обручье, с поклоном подала.

— Это, княже, видишь ли, обручье особое, — сказала она тихо. — Я ведь огневкой была — может, ты слышал. Жар-птицей полетала немного. И там, в Нави или еще где... волшбу я творила с огневками, и они мне помогали, чтобы проклятье ваше снять. Совсем снять его никак нельзя, но это обручье его отменяет... тому, у кого оно на руке.

Взял Вереней рысье обручье, молчал. Лицо у него стало такое, словно тяжелым чем-то по голове князюшку ударили. Но точно не сердитое, нет. А Венко плечи Велькины сжал крепче, почти до боли.

— Вот так, значит, — пробормотал князь, — исполнилось все же... Спасибо, старшая невестушка, угодила, — и вдруг взгляд его веселым стал, шальным. — А кто сказал тебе, в чем проклятье? Откуда узнала?

— Я не знала. Этого и не нужно было знать для волшбы, княже.

— Вот как? Огневки, говоришь, тебе помогали, — князь улыбнулся, протянул обручье Венко, — на вот, сын, поезжай, проверь, какова обнова.

— Сжался, батюшка, — вздохнул Венко. — Я много дней по лесам шатался. Последнюю ночь связанный в какой-то клети на жухлой соломе провел. По Велюшке моей вот соскучился. Хочу, чтобы и мою свадьбу сегодня пировали. Разве успею обернуться до утра хотя бы, если поеду?

Раньше, позже чуть — какая разница?

— И то верно, — рассмеялся князь, обручье себе на руку надел, — тогда я поношу пока, сам и испытаю. Отдам ему потом, как же, — он хитро взглянул на Вельку, — помню я, что вторую ногу надобно мне беречь. Ты вот что, может, сведешь ему синяки-то с лица? — это он тихо совсем сказал, подмигнув. — Чтобы на пиру побитый не сидел. Наверное, сумеешь? Да, вено где там за княгиню молодую? — крикнул. — Несите!

Внесли большой сундук, поставили перед Воевной и Городеем, рядом с тем сундуком, что за Чаяну дали. Поклонился теперь сам князь. Сказал:

— Вот, боярин и боярыня, передайте от нас вено князю вашему Велеславу за его вторую дочь. Скажите от меня Велеславу: сокрушаюсь я, что мало даю. Если по справедливости платить, чтобы было мне не совестно, так у меня столько и нет. И рубаху последнюю добавлю — все одно будет мало, так что пусть простит.

— За кого же, княже, ты нашу меньшую Велеславну берешь? — спросила слабым голосом Воевна.

— А за старшего моего сына и наследника, озерского князя Ивеня Веренеича.

Это все Велька уже вдогонку услышала, когда Венко, обнимая, выводил ее из палаты.

По узкой лесенке они поднялись в горницу, и тут уж Венко сгреб ее в объятия и поцеловал.

— Ну вот, теперь уж ты моя, — шепнул он, — говорил тебе, что с князем договоримся, перечить мне он не станет, — и глаза его смеялись.

Снова стал было целовать, но Велька его оттолкнула, внезапно рассердившись, даже кулаками по груди ударила.

— Хоть Расскажи мне теперь, что это все было? И зачем?

— Как, не поняла ты? — он удивился. — Предсказанье было прадеду еще, что проклятье может снять княгиня, которую муж будет любить больше жизни, и она выберет его всему вопреки, чтобы он хуже всех казался, а она все равно...

Она услышала: любить больше жизни...

— Как бы ты мне хуже всех показался? — удивилась. — Если ты мне люб?

Венко опять ее к себе прижал.

— Велюшка моя... да я, как впервые тебя увидал... а ты меня все за ухом норовила почесать! — Он рассмеялся, в лицо ей заглянул. — Не сердись на меня? Простила за обман? Видишь, я никак не мог тебе

правду сказать, и клятва не давала, и надежда, опять же, вдруг ты той самой и окажешься. Хоть и смутная надежда.

— Что же, каждую княжескую невесту у вас так испытывали? — недоумевала Велька.

— Почти. И везут их издалека, и выбирают их женихи сами, по своей воле. А уж они их... не всегда. Всякое было. Я ведь боялся, Велюшка, что и ты вдруг старших послушаешь, о чести отцовской вспомнишь, о долге своем.

— А если бы?..

— Тогда ты одному из братьев бы досталась, а что было у нас с тобой, об этом бы и не вспоминал никто. Мне бы отец велел другую искать — вдруг бы с той больше повезло. Только вот... я решил уже, что отца не послушаю. Не отдам тебя никому из братьев. Так что была бы потеха еще хлеще, как стал бы я, босоногий, с отцом пререкаться. Так что спасибо тебе, умница ты моя... А пока дай тебя еще поцелую, пока никто не явился мешать... Сегодня ведь, как назло, день такой, ни на малость нас одних не оставят, до вечера на людях будем... А мне ты какую радость подарила, теперь смогу ходить куда хочу, и человеком оставаться! Мне ведь так хотелось бы просто оборотнем стать, они личину меняют, когда пожелают, а я и того не мог...

Поцелуи его, поначалу ласковые, все более жадными становились и горячими, Велька растворялась в них, вот немного, и закружит ее и понесет...

Ох, и зачем на ней этот убор драгоценный, звенящий, снять его совсем...

Как не с ними все это случилось. Со стороны взглянуть — то ли кощунa, то ли байка. Казалось даже, что дух переведешь — и опять что-то переменится. Страшно стало, а ну как Венко уйдет сейчас, и опять другое случится, им вовсе не нужное...

Боярин Мирята сунулся в горницу, отвернулся, закашлялся. Раньше бы Велька смутилась.

Да она и теперь смутилась, но перед тем с досадой глянула на несносного боярина.

— Прости, княженка... княгинюшка то есть, — вздохнул боярин, — княже мой, не обессудь, а не тем ты занят. В баню ступай, со вчера еще горячая. Оденешься пристойно. Повеселили людей, и будет. Накинь вот пока, — он держал в руках ворох одежды и сапоги.

— Делся бы ты куда ненадолго, Веденич? — попросил Венко. — И впрямь ненадолго, а?

— Да разве я не понимаю? — сказал боярин виновато. — Дело молодое. Но не тот час теперь. Отпусти его, княгиня. Теперь уж никуда не денется, — он кинул принесенное на лавку и, не сдержавшись, сказал с досадой: — Ты как попался-то этому дубинушке вериложскому? Как угораздило?

Горыныч ему давно не нравился.

Венко оправдываться не стал, только рукой махнул, сплеховал, дескать, чего говорить. А Велька представила, что ему на границе пришлось обличье менять, и одежду добывать где-то — красть, наверное. И как он оказался в человеческом обличье без всего, даже без завалящего ножа, а назваться и помощи просить нельзя — мало кто из карьерцев знает, в чем суть княжьего проклятья...

Невеселое проклятье у здешних князей. Она его чуть легче сделала, да не сняла. Останется с ее Венко та напасть. Им обоим теперь жить с этим.

Зато они теперь вместе будут. Хорошо-то как...

— Пойдем уж, Ивень Веренеич, — торопил боярин, — за столы скоро, весь город, почитай, поздравлять вас будет да медами угощаться, до потемок бы управиться...

— погоди, Веденич. А ты сядь, — Велька толкнула Венко к лавке, — синяки уберу.

Собрала силу, привычно уже зажгла меж пальцев огонечек, гладила его по щекам, и таяли, исчезали бордовые пятна и царапины. В глаза Венко смотрела, в ясные, серые с прозеленью, ни у кого раньше таких не видала. Тот улыбался, морщился чуть, как от щекотки.

— Вытерпеть бы этот свадебный пир, княгиня моя. И ведь деться некуда, — шепнул он ей, вставая. — Обручье-то отдай, — вспомнил, — я его заслужил, у Касмета отобрал. То пока батюшке, а девичье твое лишь мне положено.

Мелькнула мысль, что она так и не спросила, как там вышло с Касметом. Может, после. Впрочем, об одном она и так догадалась, в голосе Венко ответ слышала, в его глазах увидела, нет больше на свете ни Касмета, ни его родичей. Только так и могло быть. Никто теперь не помянет, что была жена озерского князя замужем за оборотнем из рода Сараватов...

Сняла Велька обручье, надела на руку мужа.

— Вот, — сказала она, — навсегда. И если какая-нибудь озерница на тебя хоть посмотрит...

— Ты о чем это?.. — уточнил Венко, глянул весело, исподлобья, и поцеловал ее в висок, легонько совсем, незаметно от боярина. — Эх, съел

бы тебя... вкусная ты... — шепнул, улыбаясь.

Боярин смотрел в угол и пыхтел, недовольный задержкой.

— Ничего... — Велька рассмеялась. — Навсегда, говорю.

Вот именно так — случилось что случилось, и навсегда.

ГЛАВА 25

Баннные разговоры

Баня оказалась вчерашняя, не больно горячая, да и не было теперь времени на долгое банное баловство. Это вчера у Иринея и остальных, надо думать, на все времени хватило. Усмехнулся только Венко — сожалений у него ни о чем не было. Да и как тут жалеть? Только вспомнить, что было недавно в отцовской стольной палате, как изумлялись вериложцы, до сих пор небось не все уразумев, да как его Велеславна всю забаву поломала князю-батюшке, обо всем прежде времени догадавшись, — и губы сами в улыбке раздвигались.

— Ты рассказывай, что ли, княже, потешь меня старого да любопытного, — сказал боярин Мирята, перебирая в кучу сваленные у парной веники.

Говорил сурово, да, а в глазах веселье блестело — тоже доволен был донельзя.

Сбрасывая рубаху, вспомнил Венко, как неторопливо раздевался на берегу озерца, тогда, после их ночи, как сложил одежду на мостках — волхва потом заберет...

Рассказать? Ну, не все, а малость можно. Заговорил неторопливо. Вспоминалось больше, чем говорилось.

Уходить ему тогда не хотелось. Так не хотелось, что в груди тянуло почти болью. И ночь еще не совсем минула, первая ночь, после которой у него уже не любимая есть, а жена.

Пусть волхва из святилища пока не творила обряд, не выглядывала перед этим что-то ей одной понятное в чаше с водой, не просила милости к ним у богов, с чурами не говорила. И не снимала Велюшка с него сапоги, и не нашла там горсть светлых золотых монеток — на будущий достаток, на будущее счастье. Он не сомневался, что и так все это будет — и достаток, и счастье. Главное случилось, между ними решено все, и назад пути обоим нет, и незачем больше любе его опасаться слуг Огневой Матери. А ведь у кого-то, в иных семьях, это счастье великое — дочку Огневой Матери отдать...

Вельке от этого не было бы счастья. Потому что счастье ее с ним, и никто бы не убедил его в обратном. Если вот только...

Если только волхва в воде своей увидит, что Велья связана с Касметом

из рода Сараватов, и чурь его, на совет призванные, подтвердят...

Последнее особо плохо.

Это, должно быть, возможно, если Касмет вернется домой и, как положено, пир справит свадебный и поминальный сразу, тогда и узнают родня его и чурь о новой жене, которую он взял не за тем вовсе, зачем обычно берут жен...

Не для жизни.

И будет на его руке Велькино обручье. И пошлет он вено и косу князю Велеславу, себе оставив прядей для колдовских дел — конечно, не может не оставить. Велеслав, наверное, и не сразу поймет, что за вено, за кого, от кого... Если вообще поймет. А может, волосы дочерины признает, или волхвы ему объяснят. Волхвы-то разберутся...

Мало сам Венко понимал в оборотневых свадебных обрядах. Не знал, сильно ли она привязана к оборотню одним обрядом, без свадебного пира и без введения в дом?..

Но ведь Касмет еще и сильный колдун.

Откупать у Сараватов невестку, заключать с ними какой-никакой ряд — не обрадуется этому батюшка Вереней Горятыч. И не сомневался отчего-то Венко, что если убить Касмета и обручье у него отнять, и косу обрезанную, то о прочем можно не печалиться: не посмеют Сараваты помнить о правах на вдову, которую даже не вводили в дом, не говоря уж о брачном ложе.

Значит, он убьет Касмета. И лучше бы теперь не медлить.

Вот сменить бы скорее обличье...

Он всегда завидовал оборотням, которые делали это по своей воле и когда им хотелось. Нет, ему приходилось ждать. Холодная озерная вода манила свежестью, и он, слегка разбежавшись по мосткам, прыгнул, подняв кучу брызг. При обращении, когда мышцы и кости скрутит мгновенной болью, холод боль эту смягчит... впрочем, князь озерский к этой напасти привык, сколько лет уже с ней мириться приходилось. Невмоготу ему было сидеть в своем уделе, все, что за границами чуровых земель, с детства манило его непрестанно. Отец не одобрял, но мирился. Венко ведь и за невестой мог бы сам в путь не пускаться, сидел бы и ждал, пока ему Чаяну привезут из Верилога...

И женился бы рано или поздно по совету отца на Чаяне или еще на ком, свою любовь так и не встретив.

Не сразу понял, как что-то мягко изогнулось в его руках, прильнуло... холодное. Отбросил от себя, растерянно вглядываясь, пытаюсь понять — что?..

Девка-водяница. Озерница — озерная хозяйка. Красивая, полупрозрачная — берег сквозь нее виден. Да они все красивые, видал как-то, но издали. Но знать не знал, каково это — с ними обниматься. Холодные они, упругие, как струи водяные.

— Нравлюсь? — лукаво улыбнулась водяная девка.

— Нравишься, — согласился он, — только не пугай больше.

И тут настал тот самый миг, когда личина сменилась, зубы стиснуть пришлось, тело невольно дугой выгнулось, а когда дух перевел — тело уже оделось мохнатым черным мехом. Поплыл Венко к берегу, выбрался на сушу, отряхнулся, сел у самой воды, не сводя глаз с водяницы, — не скажет ли еще чего?

Водяница на него смотрела с интересом. Подплыла, обняла его, чмокнула в нос.

— Доброго тебе пути, княже.

Он фыркнул, потряс головой, она отплыла и засмеялась.

Да, она про него знала. Вода знает все... волхвы так говорят.

— Жаль, не успел меня поцеловать. За это я бы сказала тебе про оборотня, куда он направляется, — смеясь, продолжала озерница. — Расскажу, только поцелуй мне будешь должен. Не убудет, чай, с твоей огневки. Согласен?

Венко без колебаний кивнул головой.

— По следу не догоняй, не нужно, — сказала озерница. — Они на неведомую тропу идут, которая к степям выводит, да нет больше туда входа. Был вход в дубе большом, а его молнией раскололо. Теперь они пойдут к другой тропе, там их и найдешь. Беги за солнцем, пока речку малую не встретишь, дальше вдоль речки беги, за ней следом, увидишь большой дуб с дуплом на берегу, вот в нем и будет вход. Ты успеешь, оборотням придется крюк сделать большой, да в людском обличье — они поклажу несут...

Это было не слишком хорошо — по следу идти, нюху собачьему следуя, ему всегда проще, но делать нечего. В обмен на обещание озерница не станет врать. Он мотнул головой в знак благодарности и хотел бежать, но девка замахала руками.

— Как с ними драться станешь? Они тебя зарубят, как же ты меня поцелуешь? — она капризно скривила губы.

Венко вовсе не собирался оказаться зарубленным, но как он этого добьется — пока не знал. Надеялся, что по дороге что-нибудь придумает.

— Иди сюда! — позвала девка, и когда он придвинулся к воде, высунулась и надела ему на шею подвеску маленькую на тонком

шнурке. — Это тебя от колдовства оборотневого обережет. Вернешь мне потом! И вот что знай — на неведомой тропе нельзя оборотням оружия своего касаться. Это закон такой есть. Пройдешь за ними на тропу, там им придется личины менять и в волчьем обличье с тобой драться, понял?

— Понял, — мотнул головой Венко. И убежал, а девка ему вслед махала...

Помогла она бесценно, от этого не откажешься. Мирята вон, по крови лис, водил его тропами, но не поминал никогда про закон оружия не трогать. А ведь это и впрямь покуда единственная возможность сразиться с оборотнями, избегнув их мечей и ножей...

Про это все он рассказал, в подробности не вдаваясь. Боярин слушал, кивал.

— Эх, а бока тебе помяли, гляжу. Не оборотни ведь? Свежо слишком. И как горячих не отсыпали, удивляюсь, — хмыкнул он, пройдясь веником по плечам Венко. — То-то теперь неловко было бы воеводе. Пришлось бы за обиду спрашивать.

Венко коротко рассмеялся. Обошлось, и хорошо. Сказал:

— Я тоже успел кое-кому... Навалились, их же много было. Связали.

— Ага. А оборотни там что?

— Встретил их у тропы. Следом скользнул. Успел.

— Ага. Это можно, успеть. А потом? Ты не волк, один на один он с тобой не стал ведь драться?

— Удивились они. Испугались. Считали ведь, что я мертвый давно. Только тогда и поняли, что я не просто пес. Я их вызвал.

— Так, значит. Прикинулся оборотнем, — закивал боярин и аккуратно отложил веник. — Значит, закон тропы, он тебе помог. Нельзя касаться оружия на тропе, иначе оно перестанет служить всему роду. Нельзя не принять вызов, иначе в роду перестанут рождаться мужчины. Такое уже бывало. Касмет не посмел... И что же, они перекинулись? Ты дрался с тремя?

— С двумя. Один без личины... или просто не сумел сменить. Одного волка я убил сразу, повезло. Потом дрался только с Касметом. Убил и его. Он... он был сильный.

У него были шальные глаза — Венко их помнил. И колдовать Касмет пытался, и был изумлен, что не выходит. И так отчаянно он дрался. И когда Венко зубами разодрал ему горло, в глазах у оборотня было столько отчаяния и боли, что Венко отвернулся, не захотел смотреть в эти глаза.

Ему самому, к счастью, досталось немного, царапины, которые скоро затянулись, — на его шкуре вообще быстро все заживало.

Когда Касмет испустил дух, третий лесованец, который остался в человеческом облике и до сих пор не вмешивался, медленно подошел, спросил:

— Ты дух?

Венко тихо рявкнул.

— Ты возьмешь его нож? — спросил лесованец, показывая нож. — Вот он. Перекинься. Я клянусь не быть тебе врагом.

Может, это было хорошее предложение, но Венко не мог перекинуться. Не умел.

Он мотнул головой, подошел к брошенным вещам Касмета и подобрал в траве серебряное обручье. Велькину косу он нашел по запаху в одной из сумок.

— Я понял. Это все из-за той женщины-арьи, да? — сказал лесованец. — Ты был с ней в Верилоге на торгу, я помню. И ты пришел за ней к Каре. Ты не можешь умереть?

Если бы Венко и пожелал поговорить с лесованцем, возможности такой у него не было.

Он вытряхнул из сумки ненужный ему скарб, положил в нее косу и обручье, и найденные тут же сухари в полотняном мешочке, и тонко нарезанное вяленое мясо, тоже в мешочке. Придерживая сумку лапой, он зубами затянул завязки — хорошая сумка, ее нужно было всего лишь затянуть одним движением, а потом, взяв зубами ремень, закинуть за спину, — и рыкнул, предлагая лесованцу идти вперед. Тот потянулся за своим мечом, но Венко рыкнул опять, не позволяя. Потому что ему надо было выйти с тропы в мир Явный, для этого следовало идти за оборотнем, пусть и без личины. Но, выведя его, у лесованца не должно быть искушения схватить меч — дело было сделано, и больше Венко не хотелось рисковать.

Лесованец послушался, вывел его и разговоры вести больше не пытался. Венко сразу скрылся в густом кустарнике, а лесованец, возможно, вернулся обратно, за брошенным оружием и поклажей.

Боярин слушал, кивал одобрительно.

— Так. А колдовать он не мог, да. Хорошо. Колдуя, он, Касмет, с тобой тремя пальцами справился бы. А нож его... Нож взять — его дело на себя взять, за которым он в степи шел. Тебе оно не нужно. Оберег-то не потерял? — боярин нагнулся и, щурясь, присмотрелся, что там висело у Венко на шее, а был это маленький плоский камушек с процарапанным знаком на одной стороне. — Он дорогого стоит. Вернешь?..

— А как же? И поблагодарю.

— Ага. И поцелуешь. Ты, гляди, с женушкой ее не своди, девку озерную. А то, если огневуха с водяницей повздорят, тебе будет мало места...

Венко только засмеялся. Он опасности не видел. К чему его жене с озерной девкой вздорить? Она жена, а озерница ему помогла, жизнь спасла, можно сказать. Поблагодарить ее надо, и поцеловать, раз обещал... хотя как ее целовать-то, она ведь вода водой? Смешно.

Но если придется, он, наверное, Вельке не расскажет, это да. И никто не в убытке.

Тогда, отойдя от заветного дуба, он зализал раны, а потом долго лесами добирался до границы чуровых земель. Иногда охотился — он это хорошо умел и в песьем обличье. Загодя стащил в какой-то веси порты и рубаху. Перекинулся, едва ступил за невидимую глазу границу, в светлом сосновом бору далеко от жилья и дорог, — чтобы успеть, он бежал по безлюдью. Опять скрутило болью, на этот раз так, что сознание ненадолго померкло и он упал на колючую от сосновых игл землю. И все равно, это было счастье — оказаться почти дома...

Почти — оно и есть почти. В человеческом облике, да и без ножа, в лесу куда труднее, чем в песьей шкуре. А назваться кому — многие ли карьерцы на дальней окраине в лицо помнили озерского князя, да еще так, чтобы узнать его в бродяге, в одиночку из леса вышедшем? Тут хорошо, если просто за человека посчитают. Вот на отцовском охотничьем дворе его, не назвавшегося, и не признали — Венко там мальцом еще бывал, кто бы признал, сам он из челяди никого вспомнить не мог. Переночевать в клетке во дворе позволили, накормили. И все бы хорошо, да тут и воевода вериложский с полусотней своей пожаловал...

— Эх... ну ладно, княже. Хоть ты и князь мой, кто бы спорил, и поперек лавки давно тебя не положишь. И Боги Светлые к тебе милостивы. И везет тебе, как только дуракам везет. И женился ты вот очень мной, слугой твоим верным, одобряемо... — Мирята Веденич тем временем выбрал подходящий веник и, примерившись, хлестко опустил его вытянувшегося на лавке и разомлевшему Венко на то место, которое ниже спины.

— Ну, Мирята! — Венко было подскочил, но тут же, захохотав, упал обратно.

Боярин тут же повторил. Рука его, к железу привычная, была тяжелой.

— А не твори таких дел, княже, чтобы без разумения, на одних богов да их милости положившись, живота чудом лишь не потерять! Да без дружины, да без помощи кметей твоих, отроков твоих, твоих людей,

которые жизнь за тебя положить должны и в том тебе клялись! Да разве потребно так князю поступать? Да разве в том твой долг, чтобы на себя одного все брать, с умными не переговорив, одной своей головой рискуя бездумно, словно не князь ты?!

Боярин уже довольно распалился, пылая праведным гневом, когда Венко, продолжая смеяться, подцепил ногой его под колено, и тот свалился на пол, роняя веник.

— Довольно, Веденич, понял я все уже, — заверил его, вставая, Венко, — а то не сидеть мне на пиру, а только плясать придется. И потом, я ведь женился теперь, а от этого, говорят, и умнее становятся, и степеннее, и осторожнее еще. Пошли свадьбу мою пировать, раз ты ее одобряешь. А то еще без нас обойдутся!

Боярин поднялся, кряхтя и потирая ушибленное место.

— Пошли уже... княже... пировать!..

ГЛАВА 26

Свадьба княжеская

Боярин Мирята увел Венко, и сразу в горницу заглянула Вышана.

— Идем, что ли, сестрица, утешим твоих вериложцев. Никак в себя не придут. Тоже мне, беда — княженку за князя замуж отдать. Ну, воеводу вашего князь Вереней велел увести под белые ручки да меду ему налить, а вот боярыни...

Впрочем, некого было утешать — Воевна в себя пришла быстро. Сначала поахала и впрямь всплакнула, потом засуетилась, зараспоряжалась, за Велькиными сундуками послала.

— Что же ты, голубка моя? — всплеснула она руками, когда Вышана привела в палату Вельку. — Пошто сразу не сказала обо всем? Разве ж я бы не поняла? А то... чуть сердце не разорвалось, — она опять расплакалась, — старалась я князю моему дочку сберечь, а вышло все невпопад!

— Не кори себя, Воевна, — сказала Велька, обнимая боярыню, — ты-то не виновата ни в чем, все здешние дела, никто правды не знал. И князь Вереней так делать был вынужден. Ведь предсказанье было, что так проклятье их снимется!

Воевна всхлипывала, кивала, и кто знает, все понимала ли. Да такое сразу и не поймешь!

— Это да! Ради такого чего не сделаешь, — соглашалась она, — и что же, снялось оно, что ли?

— Нет, только на малую часть...

— Ну, хоть на малую. Понятно теперь, отчего князь Вереней мне рубаху последнюю сулил, — она улыбнулась. — Откуда он взялся-то, князь твой суженый? Как с неба упал. Давно вокруг тебя ходит?

— С Верилога еще, с Купалы. Только не назывался он мне.

— Да поняла я про предсказанье. Вот ведь...

Любица — та радовалась. Обняла Вельку:

— Ох, хитра ты, княженка моя! Не хотела а княжичей, только князя тебе подавай!

Чаяна тоже подошла, посмотрела взглядом долгим, укоряющим.

— Как же ты могла, сестрица? Все тайком, все молчком, ни с того ни с сего босяка-тата суженым назвала, будто себя забыла! А может, с самого

начала меня нарочно обмануть хотела? Что батюшка скажет, когда узнает?

Велька и не нашлась, что ответить. Говорить, что она-де не обманывала, оправдываться? Да зачем, разве это и так неясно?

— Конечно, узнает ваш батюшка! — весело сказала, подходя, княгиня Заледа. — Скажет, что не иначе как Лада Светлая вразумила его меньшую дочку, и хвала за это Ладе. Да только ты, милая невестушка, Чаяна свет-Велеславна, переволновалась поди. Что не скажешь, все как-то не к месту. Не пойти ли тебе в садочек прогуляться? — и сделала знак боярыням. — Да воды студеной подайте княжне!

Чаяну окружили и увлекли к выходу из палаты.

— Ничего, — сказала Заледа Вельке, — образуется. Была ты меньшей дочкой, будешь княгиней, старшей невесткой. Привыкай.

Глядела Заледа тепло и с любопытством, и глаза у нее были зеленые, как листья в середине лета, — у матушки, у Зариньи, такие были. И у деда пока незнакомого, у рысьего боярина — тоже такие, наверное.

И впрямь все образуется?..

Потом вернулся Венко, веселый, нетерпеливый, нарядный, и оттого на себя немного не похожий — в алой шелковой рубахе с птицами, шитыми по подолу, в синем бархатном кафтане, в сапогах из красного сафьяна, волосы на непокрытой голове, еще влажные, вились надо лбом кольцами. А бусина в его волосах теперь была, та самая, из Нави, и пояс тот самый, в несколько ремней и с бляхами.

Птицы на его рубахе, крылья раскинувшие, казались вроде тех, с которыми вместе Велька в небе летала...

Не любили огневух кариярские князья. И было за что. А теперь огневуха крылатая в род их входила невесткой.

— Ну что, любя моя, пора нам? Пойдем чурам моим покажемся, да окрутят нас. Не передумала еще? — он враз и улыбался, и хмурился, видно, боялся все же, а ну как что не так пойдет...

Была причина — не мирно и благополучно привел он жену в дом, много чего случилось в дороге. Ну да и у самих чуров случалось всякое в их Явной жизни.

Заледа кивнула, ободряюще улыбнулась, отошла — они с князем молодых уже благословили, от них ничего более не зависело. И Воевна отступила, руки сложив, — видно, мысленно к Ладе взывая. Все, кто в палате был, отходили теперь, отворачивались, ведь то, что этим двоим теперь предстояло, уже не людским было делом.

Венко увел Вельку в дальнюю часть двора, за задние терема, там ждала волхва, и огонь она уже разложила, из клетки главного княжьего

терема принесенный. Поодаль, широким полукругом, кмети из княжьей дружины встали с мечами — чтобы не мешали важному делу ни люди, ни какое другое зло. Поклонились низко молодые волхве и чурову огню. Волхва, к самому пламени нагнувшись, слова положенные проговорила, то к Макоши и Ладе обращаясь, то чуров княжьих по именам называя и прося принять новую невестку. С каждым именем она подкладывала чурбачки в огонь, и пламя, поначалу маленькое совсем, поднялось высоко. Волхва улыбнулась — видно, была довольна. Потом в чашу деревянную с водой заглянула, покачала ее, к чему-то присматриваясь, — и тоже увиденное ей понравилось. Полотенцем она им с Венко руки связала и лицом друг к другу поставила, руки положила обоим на плечи и крутнула их, заставив три раза повернуться посолонь,^[47] а потом вокруг огня обвела.

Вот и все. Хотя не судьба была меньшей Велеславне прийти сюда под невестиной пеленой, и без того все получилось. И еще почудилось Вельке, перед тем как идти им вокруг огня, что мелькнуло в языках пламени смеющееся лицо Зариньи...

Переходами провел ее муж до самой трапезной палаты, руку сжимал, ладонь все украдкой поглаживал, глядел искоса, довольный и веселый. Потом, конечно, свадебный пир был.

Здесь тоже, когда свадьба, ворота распахивали настезь — как дома, в Верилоге. И как и дома, столы начинались в трапезной палате и заканчивались далеко во дворе. Широко гуляла свадьба, не только на княжьем дворе — весь город ее праздновал. До вечерней зари сидели молодые за столами, и Велья с Ивенем, и Чаяна с Иринеем.

Князь Вереней довольным казался, усмехался чему-то, то и дело рысье обручье на руке вертел и на сына, на Ивеня, поглядывал. Княгиня Заледа тоже была весела, и все княжичи. Боярин Городей, на почетном месте восседаая напротив сверкающей ожерельями и дорогим очельем боярыни Любицы, и всех медов отведав, гордо грудь выкатил и держался так, словно без него этой свадьбы могло и не быть. Ломились столы от угощений разных и медов, а перед молодыми кур поставили жареных и чаши серебряные подали с чистой холодной водой, по одной на двоих — по обычаю. Только воду и подливали в эти чаши...

Наскучил Вельке свадебный пир, да и Венко, видно, как радости ждал, когда же можно будет жену увести в дальнюю горницу, оставив гостей пировать до утренней зари.

Уже вот-вот...

Взяла Велька чашу, отпила. И чуть не уронила — увидала она вдруг в чаше отца, князя Велеслава, как он в блюде серебряном что-то

разглядывает, и княгиня Дарица рядом стоит, и волхва Даруна тут же...

— Сестрица, иди сюда скорее, батюшка тут, — позвала Велька, и Чаяна тут же вскочила, подбежала, огибая столы, нагнулась над чашей, и Ириной — за ней.

Видно было хорошо, и горницу знакомую, и князя с княгиней, и волхву.

— Ты видишь? — спросила Велька.

— Да, да, — Чаяна закивала, заулыбалась радостно.

— Должно быть, это Даруна сейчас нас им показывает...

Гости вокруг столпились, да не все и поняли, что случилось, им не видно было ничего в той чаше.

В Верилоге тем вечером и впрямь на княжий двор пришла волхва Даруна. А как привели ее к князю и княгине, спросила она сразу блюдо с водой.

— Свадьба нынче в Карияре, — объявила она, — на дочек взглянуть не хотите ли?

Княгиня ахнула, за грудь схватилась.

— И кому же досталась княжна? — взволнованно спросил, хмурясь, князь.

— Княжичу Иринею, братичу князьему.

— Не сыну, значит? — больше нахмурился князь.

— Вы, княже, Ладе самой и Макоши-Матушке выбор этот поручили, так можно ли теперь на него пенять? — мягко сказала волхва. — Хороший выбор, лучшего не бывает. Только с ним, с Иринею, с одним ей и судьба. Радуйся, княгиня.

И Дарица дух перевела, неуверенно улыбнулась.

— А за кого меньшая моя пошла? — шевельнул бровью князь.

— За князя Ивеня, старшего сына Веренея. Ей княгиней быть сначала в малом Озерске, потом и в самом Карияре.

— Вот как, значит... — погладил бороду Велеслав, — не ожидал. Как же оно так вышло?

И княгиня Дарица губы поджала:

— Как же так? Княженку, выходит, выше княжны посадили — разве так делается? Да кто из них этот Ивень-то был? — повернулась она к мужу. — Знал ты, как первенца Веренеева зовут? Разве был среди княжичей Ивень?

— Не было. Не серчай, княгиня, и не завидуй, не гневи Светлых Богинь! — резко сказала волхва. — Не назывался он, хоть тут был, одну ее

выбрал, и перечить ему не след было. Жене Ивеня дорога трудная напрядена, княжна такую бы не снесла, а княженке как раз по силам. Она ведь Веренею проклятье облегчила, как тому и мечталось. Теперь, княже, он себя твоим должником считает, — она насмешливо взглянула на Велеслава.

Крякнул князь, опять бороду погладил.

— Смотрела я за их дорогой, — продолжала волхва, — княженке твоей несладко пришлось. И беду она развела, что сестра ее по глупости натворила, в Навь ради этого ходила. Ты к Чародею съезди, княже, поклонись да поблагодари, пусть и дальше не оставляет твою дочку, ей небось подмога еще пригодится. Он, Чародей, волcharой седым по Нави скачет...

— Хорошо, — помедлив, кивнул Велеслав. — Да чего такого натворила Чаяна?

— Что было, то уже прошло, значит, и говорить не о чем, — махнула рукой Даруна. — А няньку старую ко мне пришлите. Говорят, век живи — век вразумляйся, вот я и добавлю ей ума.

— Как скажешь, — помедлив, согласился князь.

— Еще вашу княженку оборотни в жертву принесли, на краде живьем сожгли, а выжить ей только материнская кровь помогла. Хотела бы ты чего такого своей дочке, княгиня?

Побледнела Дарица Стояновна.

— Нет...

— Вот и не кори богинь, далеко до них людскому разумению.

Княгиня уж и не рада была, что смела неудовольствие показать. Жива дочка и здорова, в чести да в достатке — и хорошо...

Принесли тут блюдо, и воды в ведерке. Даруна воды в блюдо налила, перстеньки девичьи, у невест взятые, в воду положила. И в самую воду забормотала слова заветные...

— Ну, глядите, — махнула она рукой и отступила.

Про то, что еще накануне разглядела, Даруна говорить не стала: что тяжела уже Ивенева молодая княгиня, и ранней весной срок ей придет родить сына, и ей, стало быть, пошлет Велеслав обещанные жемчуга.

Не все сразу. Придет и для этого час.

Примечания

Весь — деревня, село (Здесь и далее прим. автора).

Купала — славянский праздник.

Холоп — раб, лично не свободный человек, постоянно или временно (в счет отработки долга, например).

Взвар — отвар из фруктов; то, что мы теперь чаще называем компотом.

Понева — распашная юбка из двух-трех (или сколько нужно) полотнищ, надевается поверх рубахи, затягивается пояском (гашником).

Вено — выкуп.

Кметъ — рядовой воин, член боевой дружины.

Лея — богиня весны, дочь богини красоты, любви и плодородия Лады.

Понева надевается после физического взросления девушки.

Вечор — вчера вечером.

Забороло — верхняя часть крепостной стены, где находились защитники; укрытия на верхней части стены, защищающие обороняющихся воинов, площадка в верхней части стены.

Кощуна — сказка, миф, сказание.

Кудес — бубен, отсюда кудесник — волхв, общающийся с духами посредством бубна.

Крада — погребальный костер.

Браная ткань — ткань с вытканым узором, который получается путем отбора нитей основы, а иногда и введением дополнительного челнока с нитью другого цвета. Ручное тканье — вообще процесс небыстрый, а возня с узорами удлинняет его в разы, и, соответственно, стоимость ткани тоже возрастает. Так что браная скатерть — вещь дорогая и является признаком богатства.

Девичий терем — терем, в котором жили взрослые дочери князя со своей прислугой; находился в глубине двора.

Нарочитые горожане, мужи — уважаемые, облеченные доверием, элита города.

Мытник — сборщик мыта (налогов).

Лов — охота.

Почти то же, что и рай в современном понимании.

Имеется в виду: перед идолами богов в святилище.

Резы — славянские руны, ныне вроде бы утраченные, однако Гугл с этим не совсем согласен и выдает множество ссылок с полным славянским руническим набором.

Повой — женский головной убор, плотно закрывающий волосы; поверх него может быть надета кика, кокошник.

Торная дорога — ровная, хорошо наезженная дорога; всем известная, общепринятая.

Взять увозом — украсть.

Укладка — большой сундук.

Чермный — темно-красный, багровый, близкий к бордовому.

Поруб — тюрьма, темница, обычно углубленное в землю помещение.

Лал — как правило, рубин, но возможно, и красная шпинель, и гранат — самоцветы красного цвета.

Скатный жемчуг — круглый, правильной формы, который «катится».

Зеленец — в данном случае самоцвет зеленого цвета, полудрагоценный камень вроде хризолита.

Недоставало мошны — не хватало средств. Мошна — мешок для хранения денег, большой кошель.

Рогожа — ткань из волокон рогоза, дешевая, грубая материя, используемая для мешков и т. п.; одежда совсем бедных, нищих.

Кощун — языческое сказание.

Веред — чирей, гнойный нарыв.

Веселка — деревянная лопатка в виде весла, кухонная принадлежность.

«Пока не разуешь» — имеется в виду «законная» свадебная ночь, когда новобрачная перед постелью должна снять сапоги с мужа.

Очелье — передняя часть женского головного убора.

Науз — оберег или амулет иного содержания, из особым образом завязанных узлов.

Рясны — парные подвески из цепей, бус, бляшек, которые крепились по обеим сторонам женского головного убора. Могли быть не парные, а в виде одной или нескольких цепей; тогда они прикреплялись к головному убору с двух сторон от лица и висели «качелями».

Лихоманка — хворь, болезнь.

Можно найти много версий того, кто такая баба-яга, в том числе: это имя-прозвище есть производное от слова ягать, то есть ругаться (устаревшее). То есть смысл здесь: злая, сварливая, ругающаяся баба. Баба, напомню — просто женщина, не девка, любого возраста, это не синоним слова «старуха». И есть мнение, что мат формировался как спецлексикон для общения с негативными потусторонними сущностями.

Вор — это слово раньше употреблялось не в значении «тот, кто берет тайком чужое», а более широко, в смысле «злодей, преступник». К примеру, государственный изменник — тоже вор.

Водимая жена — взятая со всеми обрядами, законная.

Имеются в виду обрядовые детали первой брачной ночи, когда постель молодым стелили не в горнице, а где-нибудь в сенях, в пристрое, в овине, на снопах, поверх которых клали перины, там же присутствовали мешки с зерном, меха, мед и пр. — символические признаки достатка, который должен прийти в молодую семью.

Утренничать — завтракать, полудничать — обедать, вечерять — ужинать.

Посолонь — в направлении движения солнца.